ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 7, №3 2021

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

18+

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре
Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ
Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.
Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3

Выпуск 7, № 3, 2021

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Морозова Ольга Николаевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)
Бай Лань	доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)
Бурыкин Алексей Алексеевич	д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Викулова Лариса Георгиевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)
Гренобль Ленор	д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюс Манли (США, Чикагский университет)
Гусева Светлана Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)
Лаврилье Александра	д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)
Манёрова Кристина Валерьевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Наумов Владимир Викторович	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)
Поржучек Анджей	д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)
Рянская Эльвира Михайловна	д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный университет)
Селютина Ираида Яковлевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)
Скрелин Павел Анатольевич	д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Становая Лидия Анатольевна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
Старыгина Галина Михайловна	канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)
Тьен Дэвид	доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)
Чой Мун-Джеонг	доцент (Южная Корея)
Чугаева Татьяна Николаевна	д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)
Шамина Елена Анатольевна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)
Шевченко Татьяна Ивановна	д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)
Шуйская Татьяна Викторовна	канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher
Amur State University (AmSU)

18+

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies
Certificate ПИ № ФС77-60424
RSCI
Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from February 12, 2019
Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3

Volume 7, Issue 3, 2021

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova	Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
Olga N. Morozova	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
Bai Lan	PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)
Alexis A. Burykin	Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science, Saint Petersburg, Russian Federation)
Larisa G. Vikulova	Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)
Lenore Grenoble	PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)
Svetlana I. Guseva	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)
Alexandra Lavrillier	PhD (University of Versailles, France)
Kristina V. Manerova	PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Vladimir V. Naumov	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)
Andrzej Porzuczek	PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)
El'vira M. Ryanskaya	Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)
Iraida Ya. Selyutina	Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
Pavel A. Skrelin	Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Lidia A. Stanovaya	Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)
Galina M. Starigina	PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)
David Tien	PhD, (Charles Sturt University, Australia)
Moon-Jeong Choi	PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)
Tatiana N. Chugaeva	Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)
Elena A. Shamina	PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)
Tatiana I. Shevchenko	Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)
Tatiana V. Shuiskaya	PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

УДК 811.111 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_5_17

Бойчук Игорь Васильевич, Ещенко Ирина Олеговна, Лукьянова Елена Викторовна, Бубырева Жанна Анатольевна, Тёрнер Ян Патрик
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
г. Белгород, Российская Федерация
boichuk@bsu.edu.ru, eshchenko@bsu.edu.ru, lukyanova@bsu.edu.ru, bubyreva@bsu.edu.ru, turner@bsu.edu.ru

К вопросу о рационализации преподавания идиом, фразовых глаголов и коллокаций английского языка студентам неязыковых направлений подготовки

Аннотация
Данная статья посвящена проблеме рационализации преподавания идиом, фразовых глаголов и коллокаций английского языка, являющейся одной из актуальнейших в современной лингводидактике. Целью исследования было выявить основные доступные преподавателю приёмы рационализации в этой сфере. В ходе исследования применяли следующие методы: наблюдение, эксперимент, описание данных наблюдения и эксперимента и их анализ. В результате представлена история вопроса в отечественной лингводидактике и лексикографии, проведён обзор теоретической и учебно-методической литературы по исследуемому вопросу. Сделаны выводы о целесообразности комбинирования электронных ресурсов и материалов на бумажных носителях, о необходимости выборочной опоры на родной язык, о тщательном и тонко дифференцированном отборе, а также о концентрической подаче и последовательной консолидации изучаемого материала, тонкого учёта как специализации, так и индивидуальных особенностей студентов и их родного языка с целью дифференциации подхода к решению исследуемой проблемы.

Ключевые слова: идиомы английского языка, фразовые глаголы и коллокации, рационализация преподавания, дифференциация, концентрическая подача, консолидация.

© Бойчук И. В., Ещенко И. О., Лукьянова Е. В., Бубырева Ж. А., Тёрнер Я. П. 2021

Для цитирования: Бойчук И. В., Ещенко И. О., Лукьянова Е. В., Бубырева Ж. А., Тёрнер Я. П. К вопросу о рационализации преподавания идиом, фразовых глаголов и коллокаций английского языка студентам неязыковых направлений подготовки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 5–17. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_5_17.

1. Введение [Introduction]

Идиоматичность английского языка – одна из его ярчайших отличительных черт. Под идиоматичностью английского языка в данной статье понимается его насыщенность разного рода идиомами – от коллокаций (включаемых в эту категорию с долей условности из практических соображений), до пословиц и поговорок. Заметим, что под коллокациями в данной работе, вслед за Т. Б. Назаровой, понимаются «лексико-фразеологические комбинации разной устойчивости и воспроизводимости» [Назарова, 2006, с. 24]. Кроме того, английскому языку присуща, в силу особенностей его исторического развития, интегрированность в лексический состав огромного количества изречений из Библии и произведений некоторых выдающихся английских писателей, прежде всего, Уильяма Шекспира. Идиоматичность английского языка в настоящее время продолжает бурно развиваться, в основном за счёт экспансии фразовых глаголов.

Важность фразовых глаголов на современном этапе преподавания английского языка общепризнана. На этот факт указывается, например, уже в предисловии от издательства к первому изданию на русском языке словаря Р. Кортни «Английские фразовые

глаголы. Англо-русский словарь» (2001): «Английские фразовые глаголы, очень распространённые в устной и письменной речи, вызывают у иностранцев большие трудности для понимания и запоминания. Хорошее знание английского языка немыслимо без усвоения этих глаголов» [Кортни, 2001, с. 3].

В настоящее время можно констатировать массивное проникновение фразовых глаголов и в научный стиль речи, где их употребление ранее не приветствовалось, так как фразовые глаголы считались принадлежностью в основном разговорного стиля речи. Таким образом, фразовые глаголы становятся значимыми и в преподавании такой дисциплины, как Academic Writing. В целом авторы данной статьи опираются на предлагаемое Е. В. Бондаренко и В. А. Мигачёвым определение идиом: идиомы – это устойчивые по составу, лексически неделимые обороты речи, среди которых различают фразеологические сочетания, фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические выражения [Бондаренко, Мигачёв, 1997, с. 107]. Разумеется, предлагаемая классификация не рассматривается нами как ригидная, и в случае необходимости в неё вносятся коррективы, диктуемые практической целесообразностью.

2. Основные проблемы преподавания идиом, фразовых глаголов и коллокаций английского языка студентам неязыковых направлений подготовки [The main issues of teaching English idioms, phrasal verbs and collocations to students of non-linguistic departments]

Не вызывает сомнений, что для успешного овладения английским языком на всех уровнях преподавания от A1 до C2 включительно необходимо повышенное внимание как преподавателя, так и самих учащихся к рассматриваемому аспекту изучения английского языка. Значение идиоматики особенно возрастает на более высоких уровнях владения языком. Так, на уровнях C1 и особенно C2, согласно международным стандартам, необходимо практически безукоризненное владение ею, сопоставимое с таковым носителя языка. Авторы «Англо-русского словаря глагольных словосочетаний» писали ещё в 1986 г.: «Овладение иностранным языком и его идиоматическое использование – идиоматическое в значении «относящийся к словосочетаниям, обнаруживающим в своём синтаксическом и семантическом строении специфические и неповторимые свойства данного языка» – навык передавать свою мысль, говорить на иностранном языке так, как это делают образованные носители данного языка, требует проникновения в «законы» чужого восприятия действительности, овладения формальными способами выражения этого восприятия» [Гинзбург и др., 1986, с. 5]. Эта цитата выражает всю сложность стоящей в данном случае перед преподавателями задачи.

Порой владение идиоматическими выражениями изучаемого языка приобретает чрезвычайно важное, практически судьбоносное значение. В качестве примера можно привести описываемый Э. Фуллер Торри случай из медицинской практики, когда врач-психиатр, недостаточно хорошо владевший английским языком, услышав жалобы своей англоязычной пациентки на «бабочек в животе» (*butterflies in my stomach*, т. е. «мне не по себе, меня мутит»), воспринял это как причудливый шизофренический бред и рекомендовал ей увеличить дозы принимаемого препарата (антипсихотика, небезразличного для соматического здоровья пациента). Э. Фуллер Торри делает вывод о том, что «Оценка слабых, едва заметных расстройств мышления предполагает виртуозное владение идиоматикой языка» [Фуллер Торри, 1996, с. 227]. В свою очередь, мы видим из этого примера, насколько важно для современного, например, врача или психолога владение английским языком, включая фразеологию. Кроме того, можно сделать вывод, что овладение английской идиоматикой несколько более важно для студентов гуманитарных и медицинских специальностей, нежели для студентов, специализирующихся в техниче-

ских, компьютерных и естественных науках, где идиоматичность профессионального языка менее выражена.

Одной из основных задач преподавателя, наряду с достижением беглости речи (fluency) и понимания английской речи (под которой имеется в виду, прежде всего, речь носителей языка) на слух, является овладение учащимися идиомами английского языка в такой степени, чтобы речь учащихся стала более идиоматичной (в понимании Р. С. Гинзбург и соавторов). Кроме того, необходимо добиваться перцептивного владения как можно большим количеством английских идиом. Именно такие качества речи иностранца, говорящего по-английски, высоко ценятся носителями английского языка, о чём свидетельствует пример из Oxford Advanced Learner's Dictionary [Hornby, 2015], приведённый в дефиниции слова idiomatic: "She speaks fluent and idiomatic English". С другой стороны, речь, лишённая идиоматичности, характеризуется носителями языка как "stilted" (букв. «ходульная») "(of a way of speaking or writing) not natural or relaxed, too formal" и снабжается в словаре пометкой *disapproving*. Однако при этом необходимо учитывать ограниченное количество часов, отводимых на преподавание английского языка, что ещё больше ужесточает требования, предъявляемые преподавателю при работе с этим аспектом языка.

Таким образом, одной из основных целей обучения английскому языку на современном этапе, на наш взгляд, является достижение обучаемыми в кратчайшие сроки максимальной идиоматичности их английской речевой продукции путём усвоения оптимального количества английских идиом и их комбинаторики, которая является по возможности идеально подобранной. Однако практика преподавания наглядно демонстрирует, что это чрезвычайно трудоёмкий и отнимающий много времени процесс. Подбор соответствующей идиоматики, безусловно, осуществляемый в рамках действующих программ, должен проводиться преподавателем с учётом специфики не только каждой конкретной группы, но и индивидуальных особенностей каждого студента, от его психологических особенностей до особенностей родного языка, который не всегда является русским.

Отметим, что исключительное значение идиоматики осознаётся и при преподавании других языков, например, иврита. Так, известная израильская преподавательница иврита, Браха Крепх, ведя урок прямо в овощной лавке, вводит в активный словарь обучаемых идиоматическое выражение (המצב בטטה «положение аховое» – И. Б.) [Бойчук, 2017, с. 32 ; Boichuk, 2018].

Разумеется, при этом речь никоим образом не идёт лишь о максимальном усвоении фразеологии в форме пословиц и поговорок. При всей их полезности на рецептивном уровне владения языком, весьма сомнительной представляется целесообразность их чрезмерного и (или) не совсем уместного употребления изучающими язык в своей речи. Другими словами, некоторые идиомы более полезны на перцептивном, нежели на репродуктивном уровне владения языком. Это не относится к коллокациям и фразовым глаголам, польза которых неоспорима на всех уровнях.

Необходимо сделать также оговорку стилистического характера. При отборе идиом для активного усвоения, при всей необходимости учёта их актуальности в современном языке, следует помнить слова академика Л. В. Щербы, которые приводят авторы Словаря разговорной лексики французского языка: «Активно владеть разговорной сниженной лексикой иностранцу не обязательно, памятуя предупреждение академика Л. В. Щербы о том, что употреблять «чересчур французские слова и образные выражения, а тем более арготизмы, надо умеючи и к месту, чтобы не быть смешным» [Гринёва, Громова, 2000, с. 62]. Мы уверены, что эти слова академика Л. В. Щербы вполне современны и справедливы и для английского языка. Вместе с тем авторы вышеупомянутого словаря уверены, что специалист обязан понимать этот слой языка и отдавать себе отчёт

в стилистической соотнесённости той или иной лексемы, а, следовательно, быть осведомлённым об условиях её речевой реализации [Гринёва, Громова, 2000, с. 38].

Как показывает практика, многие учащиеся проявляют интерес к сленгу современного английского языка, чаще в его американском варианте, и стремятся, иногда довольно настойчиво, овладеть соответствующими идиомами. Не вызывает сомнений, что усвоение именно этой части современного английского идиоматического фонда отнюдь не является приоритетным, несмотря на то, что владение им значительно облегчает восприятие текста многих сериалов, комиксов и песен, что главным образом и привлекает некоторых изучающих английский язык. При этом в группах с владением языком на уровне Advanced и Proficiency это вполне допустимо, особенно если речь идёт о языковых курсах.

Однако, как показывает многолетний опыт, накопленный авторами в области преподавания английского языка, именно обучение идиомам вызывает значительные трудности при преподавании их не только учащимся, для которых русский язык является родным, но и студентам, являющимся носителями других языков, например, чеченского, ингушского, аварского, кабардино-балкарского, таджикского, азербайджанского, молдавского, польского, казахского, сербского. Несмотря на то, что многие из этих студентов владеют и русским языком практически на уровне родного, всё же в ряде случаев происходит некоторая интерференция с их родными языками. Разумеется, в каждом из этих случаев трудности, с которыми сталкивается преподаватель, специфичны, однако именно этот аспект преподавания является, несомненно, одним из наиболее трудных. Это объясняется самой природой преподаваемого в данном случае материала – идиомы специфичны для каждого языка и практически не выводимы из предыдущего языкового опыта учащихся. Например, для марокканцев символом родственной любви, как бы её вместилищем, является печень. Впрочем, с подобными трудностями преподаватели, естественно, порой сталкиваются и при преподавании других аспектов языка – например, системы времён английского глагола, его фонетики и орфографии. Однако в силу того, что на изучение этих аспектов традиционно отводится несоизмеримо больше времени, результаты изучения этих аспектов, как правило, более положительные, чем в области овладения идиоматикой. Кроме того, если в случае каких-либо затруднений в усвоении английских идиом русскоязычными учащимися, преподаватель может прибегнуть к объяснениям, базирующимся на общем для него с учащимся родном – русском – языке, то в случае со студентами, родной язык которых не русский, это всё-таки не всегда возможно.

При всём различии английской и русской идиоматики в свете нашего опыта мы приходим к выводу, что при преподавании английской идиоматики следует опираться на теорию, которую обучаемые уже усвоили (или, по крайней мере, должны были усвоить) при обучении русскому языку в средней школе. Так, необходимо напомнить обучаемым, что в русском языке имеются два типа словосочетаний – свободные и несвободные [Калинин, 1978]. Эти словосочетания носят также названия фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний, фразеологических оборотов, фразеологизмов [Калинин, 1978]. Бесспорно, привлечение внимания учащихся к этому ранее изученному в процессе теоретического освоения родного языка материалу, будет ценным подспорьем при овладении английской идиоматикой. От осознания этих теоретических фактов родного языка лишь один шаг до правильного понимания, например, сути английских фразовых глаголов.

Таким образом, учитывая приобретённый опыт, приходим к выводу о целесообразности опоры на фактический и теоретический материал родного языка как в форме личного словарного запаса родного языка учащегося, несомненно, включающего некоторое количество идиом, так и более или менее чёткие теоретические знания, вынесенные из курса предыдущего обучения.

Обратимся вкратце к истории вопроса. Осознание необходимости изучения идиом в отечественной лингводидактике существует давно. Об этом свидетельствует, например, их включение в учебно-методическое пособие “Учебник английского языка для 2-го курса педагогических институтов и факультетов иностранных языков” под ред. проф. И. Р. Гальперина, изданное ещё в 1954 г., в котором находим: “…go and look after my horse and rub him down well, or I’ll rub you down. The first rub down is a phraseological verb-adverb combination meaning – чистить лошадь, in the second case the same combination is used in a transferred sense meaning – вздуть, взгреть. This is a play on words.” [Гальперин, 1961, с. 209]. Примечательно, что в данном случае мы сталкиваемся с ещё не полностью устоявшейся терминологией *a phraseological verb-adverb combination*, которое мы сегодня назвали бы *a phrasal verb*. В целом соответствующая терминология флуктуировала даже в странах английского языка. Об этом свидетельствует, например, пособие по фразовым глаголам, вышедшее в издательстве Macmillan в 1969 под названием Two-Word Verbs. The Key to English.

В советский период уже был издан целый ряд словарей, учебников, справочников и пособий, ничуть не утративших своей актуальности и в настоящее время. Среди этих книг следует назвать в первую очередь фундаментальный Англо-русский фразеологический словарь А. В. Кунина, содержащий около 20000 фразеологических единиц [Кунин, 1956]. Однако, как показал наш опыт преподавания, этот словарь, будучи незаменимым источником фразеологического материала для студентов лингвистических специальностей, всё же является несколько громоздким для студентов неязыковых специальностей, не обладающих достаточным опытом работы с лексикографическими пособиями такого объёма. Кроме того, часть иллюстративного материала является идеологизированной. Заметим, что этот словарь был переиздан в 2004 г. со значительным сокращением объёма словника (до 5000 слов), что сделало его более доступным не только для студентов неязыковых специальностей, но и для учащихся средних учебных заведений. Из того издания, однако, был удалён иллюстративный материал. Тем не менее, словарь А. В. Кунина может быть использован при самостоятельной научной работе студентов.

Составители «Словаря наиболее употребительных слов английского, немецкого и французского языков» под общей редакцией профессора И. В. Рахманова (1960) сообщают в предисловии, что «данный словарь включает и фразеологию – задача, которую не ставили перед собой авторы первого словаря-минимума издания 1948 года» [Рахманов, 1960, с. 9], что свидетельствует о постепенном осознании важности преподавания английской идиоматики. Вместе с тем, изучение теоретической литературы по вопросам методики преподавания английского языка в средней и высшей школе не позволяет утверждать, что проблеме преподавания английских идиом русскоязычным учащимся на этом этапе уделялось достаточное внимание.

Так, например, в пособии И. Е. Аничкова, В. Н. Саакянц “Methods of Teaching English in Secondary Schools” [Аничков, Саакянц, 1966] больше внимания уделяется вопросам письма, в частности рукописному шрифту английского языка, нежели проблемам идиоматики. Хотя трудно предположить, что вопросы каллиграфии приоритетны по отношению к идиоматике. Нельзя сказать, что достаточное внимание фразеологии уделено и в таких пособиях, как “Methods of Teaching English” G. V. Rogova [Rogova, 1975], или «Методика обучения иностранным языкам в средней школе» Г. В. Роговой, Ф. М. Рабинович, Т. Е. Сахаровой [Рогова и др., 1991].

В тот же период большое внимание уделялось публикации советскими издательствами фразеологических изданий, принадлежащих перу англоязычных авторов, например, сравнительно небольшое по объёму, но снабжённое ценными упражнениями учебное пособие “Phrasal Verbs and How to Use Them” [Povey, 1991]. Очень важную роль в этой области сыграло сотрудничество советского издательства «Русский язык» с

британским издательством Longman, результатом которого стало издание на территории нашей страны ряда ценнейших пособий по английской фразеологии, например, “Longman Dictionary of Phrasal Verbs” [Courtney, 1986].

В 1994 г. в России было издано адаптированное для нашей страны пособие “Essential Idioms in English” [Dixson, 1994] под названием «43 урока с английским. Фразеологические сочетания, фразовые глаголы, идиомы». Изданию предпослано предисловие на русском языке, в учебно-методическом аппарате также задействован русский язык. Наш опыт показывает, что для студентов неязыковых специальностей наличие русского языка в подобных изданиях часто является плюсом, так как некоторые семантические нюансы студенты из групп с более низкого уровнем владения языком порой могут понять только при помощи перевода. А такие пособия, как “Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs” [Collins Cobuild…, 1994] (естественно, полностью на английском языке), гораздо больше подходят учащимся, владеющим английским языком как минимум на уровне B2. Но даже у таких студентов пользование подобными пособиями в ряде случаев может вызывать определённые затруднения и требовать обращения к родному языку.

Заметим, что, несмотря на то, что многие современные учебники для средней школы предполагают изучение идиоматического материала (например, учебно-методические комплексы “Happy English”, “Snowball” и др.), на практике, к сожалению, далеко не все студенты, поступающие на неязыковые специальности вузов, помнят хоть какие-то английские идиомы. И даже если они их усвоили, то, как правило, лишь на уровне пассивного словарного запаса. Таким образом, мы видим, что отечественная традиция преподавания английской идиоматики глубока и прочна и зиждется на солидной лексикографической базе, создававшейся в течение десятилетий.

Для настоящего времени характерно всё большее использование различных электронных ресурсов в преподавании иностранных языков, в том числе и такого аспекта, как идиомы английского языка. В интернете имеется огромное количество ресурсов, связанных с обучением английской идиоматике. В данном случае на преподавателя ложится ответственность по рекомендациям студентам относительно выбора оптимальных ресурсов и необходимым консультациям, что, разумеется, требует от преподавателя предварительного тщательного ознакомления с соответствующими вебсайтами. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень навыков работы с интернетом.

Нами были выработаны следующие пути рационализации работы по преподаванию идиом студентам неязыковых специальностей. Вся работа по преподаванию идиом английского языка должна строиться на принципе учебно-методологической целесообразности. Основное внимание при преподавании английской идиоматики, как показывает наш опыт, целесообразно уделять именно фразовым глаголам. Чрезвычайно важны для достижения идиоматичности английской речи учащихся также коллокации.

Необходимо по возможности опираться на знания английской идиоматики, приобретённые студентами в процессе обучения в средней школе. Хотя, как уже упоминалось, это возможно не всегда ввиду недостаточной ознакомленности выпускников средних школ с данным материалом.

Следует минимизировать сленговую идиоматику, даже несмотря на то, что студенты иногда настаивают на ознакомлении с ней, ссылаясь на её актуальность для понимания современной английской разговорной речи, например, речи персонажей различных американских и британских сериалов или комиксов, или текстов популярных песен. Вместе с тем в группах уровня Advanced и Proficiency необходима работа и с этой частью английской идиоматики.

Представляется рациональным преподавать идиомы, опираясь на соответствующие разделы. Это, однако, ни в коем случае не значит, что эти разделы должны быть в

какой-то мере друг от друга изолированы. Принцип концентрической подачи материала и его консолидации требует обращения к ранее пройденным разделам.

В свою очередь, фразовые глаголы также целесообразно делить на группы, что в большинстве случаев облегчает их изучение. Критерии деления на группы могут быть разными, например, тематический, по транзитивности, разделяемости-неразделяемости, по количеству компонентов, и т. д. В частности, можно опираться на классификацию фразовых глаголов, предлагаемую в “Longman Dictionary of Phrasal Verbs” [Courtney, 1986]. Одним из основных критериев отбора должна быть частотность того или иного фразового глагола и его актуальность для основной специальности студента. Так, например, для студентов-медиков, несомненно, полезны такие фразовые глаголы, как *to come around / round, to chuck up, to pass out, to throw up*. Несмотря на то, что некоторые из них считаются сленговыми, эти глаголы могут быть полезны в ургентных ситуациях с участием англоговорящих иностранцев.

Огромную роль в рационализации работы по преподаванию идиом студентам неязыковых направлений подготовки играет обеспеченность процесса соответствующими дидактическими материалами. Для дисциплины «Иностранный язык» мы берём за основу такие учебно-методические комплексы, как “Success”, “Empower”, “Face to Face”. Первое знакомство с фразовыми глаголами в них происходит контекстуально. Например, тема “Off the street” (“Success”, уровень Intermediate) раскрывается авторами учебника в статье, где представлены такие единицы, как *hang around, put up with, fool around, calm down, bump into, get on with* (в тексте они выделены желтым цветом с целью привлечения дополнительного внимания к данным сочетаниям). Дальнейшая работа с ними предполагает выполнение послетекстовых упражнений, направленных на усвоение формы и содержания, тренировку и употребление в речи. Следует отметить эффективность типов заданий *сопоставление фразового глагола и его дефиниции, предложение с пропусками, работа в парах, ответы на вопросы*, способствующих формированию и развитию продуктивного навыка говорения, проработке случаев использования фразовых глаголов в речи в новой языковой ситуации [McKinlay, Hastings, 2007, p. 11].

Другой принцип консолидации фразовых глаголов можно обнаружить, например, в учебно-методическом комплексе “Empower”. Отдельные сочетания включены в общую канву юнита (главы), а другим – отводится особое место, раздел “Wordpower”, в котором изучаемые единицы представлены широким рядом вариантов, например, *look for, look at, look out, look smth up, look + adjective, look after, look around, look forward to* [Doff et al., 2015 a, p. 30]; *get down to, calm down, settle down, look down on, turn smth down, get smb down* [Doff et al., 2015 b, p. 90]. В данном разделе глаголы не только перечисляются, осуществляется их всесторонняя проработка посредством блока методически выверенных упражнений, имеющих целью использование данных единиц в спонтанной речи для достижения коммуникативной задачи.

Нами широко используются, помимо стандартных программных учебников, где, к сожалению, с нашей точки зрения, не всегда присутствует достаточный по объёму идиоматический материал, такие словари и пособия, как «Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь» [Кортни, 2001], «Англо-русский тематический словарь фразовых глаголов для учащихся» [Столяр, 1999], «Большой учебный словарь сочетаемости английского языка» [Кауль, Хидекель, 2012], «Англо-русский словарь сочетаемости» [Фоломкина, 1999], «Словарь американских идиом» [Спиерс, 1991]. Мы также пришли к выводу, что в группах уровня A1 и A2 может принести пользу сборник «Фразовые глаголы английского языка» [Угарова, 2011]. Следует отдельно упомянуть фундаментальный словарь “Russian-English Dictionary of Idioms” [Lubensky, 2013], использование которого в работе со студентами, магистрантами и аспирантами с уровнем владения языком от B2 даёт внушающие оптимизм результаты.

При обучении коллокациям мы используем в качестве базового “Oxford Collocations Dictionary for Students of English” [Oxford Collocations…, 2009]. В данном случае на преподавателей ложится ответственность за подбор соответствующих упражнений для закрепления теоретического материала. Особенно хороших результатов позволяет добиваться использование пособия “Longman Language Activator” [Longman…, 2008]. Однако это пособие эффективно только в группах с достаточно высоким уровнем владения английским языком (минимум B2). Чрезвычайно ценными в плане преподавания английской идиоматики мы нашли также пособия, принадлежащие к серии “English Vocabulary in Use” [McCarthy, O’Dell, 2012].

В области изучения собственно фразеологии, помимо уже упомянутого словаря А. В. Кунина, мы находим полезными для студентов гуманитарных специальностей работы Д. И. Квеселевича, в частности, «Современный русско-английский фразеологический словарь» [Квеселевич, 2005]. Мы также апробировали и нашли весьма полезными «Словарь английских пословиц и фразеологических выражений» [Хазан, 2001], «Словарь употребительных английских пословиц» [Буковская и др., 1985], «Англо-русский словарь идиом» [Винокуров, 2013], «1000 английских изречений и крылатых выражений» [1000 английских…, 2007], «3500 английских фразеологизмов и устойчивых сочетаний» [Литвинов, 2007], «Фразовые глаголы в разговорном английском» [Христовоздвиженская, 2012], «Толковый словарь английских пословиц» [Райдаут, Уиттинг, 1997] и сборник “English Proverbs and Sayings” [Kuskovskaya, 1987]. Для групп с высоким уровнем владения английским языком, особенно на языковых курсах, весьма полезным может быть «Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка Talkin’ American», составленный R. M. Harmon и являющийся переводом на русский язык американского издания [Харин, 1999].

Кроме того, мы использовали не менее 25 различных британских и американских пособий по идиоматике английского языка и в настоящее время ведём работу по сопоставительному изучению эффективности их применения. Окончательные выводы, однако, потребуют дополнительных усилий и времени. Разумеется, в качестве источника дидактического материала мы широко применяем электронные ресурсы. Представляется весьма эффективной комбинация электронных ресурсов и ресурсов на бумажных носителях.

Применение в составе УМКД различных электронных ресурсов делает работу по овладению фразеологизмами увлекательной и продуктивной. Студенты различных направлений, таких как Геология и география, Экология, Экономика, Туризм, Лечебное дело демонстрируют отличные результаты в овладении идиоматической лексикой английского языка после просмотра учебных видео и выполнения тематических интерактивных заданий, предлагаемых на таких платформах, как https://learnenglish.britishcouncil.org/skills, “Learn English With TV Series” (https://www.youtube.com/channel/UCKgpamMlm872zkGDcBJHYDg) или https://www.engvid.com/. С целью оптимизации учебного процесса студентам может быть предложен просмотр учебного видео как часть самостоятельной работы при подготовке домашнего задания. Например, после просмотра урока, посвящённого фильму “Titanic” на платформе https://www.youtube.com/hashtag/learnenglishwithmovies студенты с удовольствием употребляют устойчивое сочетание *hardly any* практически в любом контексте, поскольку в предложенном фрагменте фильма герой Леонардо ди Каприо с помощью этого выражения смог очень достойно ответить на неудобный вопрос: “Jack answers the question about the state of the steerage in the following way: – *The best I’ve ever seen, ma’am, hardly any rats*.” Так, студенты неоднократно убеждаются в ценности владения идиомами английского языка, видя, что только юмор порой может помочь адекватно решить проблему коммуникации в самых сложных ситуациях. В качестве одного из эта-

пов аудиторного занятия студентам предлагается просмотр видео-урока и составление списков фразовых глаголов по различным темам, например: “Phrasal verbs to talk about your daily routine”, “The main uses of the verb *to get* in English”, “Animal idioms in English”, “Bread idioms for Business English” и многие другие. В качестве контроля понимания для студентов уровня A1-A2 используется перевод на русский язык, на уровне B1-B2 это могут быть задания на поиск англо-английских соответствий или верное употребление идиом в новом тексте: Match the phrasal verbs and their definitions; Complete the sentences with the necessary phrasal verb. На заключительном этапе работы с фразеологизмами студенты выполняют творческое задание по составлению своего рассказа на заданную тему с применением фразовых глаголов. Довольно эффективным представляется ведение студентами портфолио, в котором каждый студент самостоятельно фиксирует количество фразеологических единиц, освоенных им в заданный период времени по изучаемой теме.

3. Заключение [Conclusion]

Изучение английской идиоматики является чрезвычайно важным инструментом для решения актуальных дидактических задач, стоящих перед преподавателями на современном этапе. В настоящее время для этого существует мощная практическая и теоретическая база, созданная усилиями как зарубежных, так и отечественных учёных. Эффективна комбинация как электронных ресурсов, так и традиционных учебников, пособий и словарей на бумажных носителях. Мы считаем целесообразной концентрическую подачу идиоматического материала как оптимальную с точки зрения его усвоения. В первую очередь это относится к фразовым глаголам и коллокациям. В связи с тем, что, как показывает опыт, данный материал характеризуется пониженной ретенцией, усвоение как фразовых глаголов, так и коллокаций требует систематического консолидации пройденного материала с применением разнообразных методических приёмов. Феномен пониженной ретенции идиоматического материала можно объяснить отсутствием ассоциаций данного изучаемого материала с родным языком. Как следствие, именно усвоение фразовых глаголов сопряжено с кропотливой работой по объяснению их сущности, выяснению их семантических и грамматических особенностей, выработке навыков по их перцептивному и репродуктивному употреблению. Важна тонкая нюансировка, учитывающая широкий диапазон факторов от индивидуальных особенностей студентов до их специализации.

Список литературы

1000 английских…, 2007 – 1000 английских изречений и крылатых выражений. АСТ, Астрель, Lingua, 2007. 224 с.

Аничков, Саакянц, 1966 – Аничков И. Е., Саакянц В. Н. Методика преподавания английского языка в средней школе. М.: Просвещение, 1966. 248 с.

Бойчук, 2017 – Бойчук И. В. О прогрессивном подходе Брахи Крепх (г. Рамат-Ган, Израиль) к преподаванию языков // Вестник научных конференций. 2017. №9-3 (25). С. 32–34.

Бондаренко, Мигачёв, 1997 – Бондаренко Е. В., Мигачёв В. А. Словарь лингвистических терминов. Белгород : Логия, 1997. 112 с.

Буковская и др., 1985 – Буковская М. В., Вяльцева С. И., Дубянская З. И., Зайцева Л. П., Биренбаум Я. Г. Словарь употребительных английских пословиц. М. : Русский язык, 1985. 229 с.

Винокуров, 2013 – Винокуров А. М. Англо-русский словарь идиом. М. : Мартин, 2013. 352 с.

Гальперин, 1961 – Гальперин И. Р. Учебник английского языка для 2-го курса педагогических институтов и факультетов иностранных языков. М. : Высшая школа, 1961. 376 с.

Гинзбург и др., 1986 – Гинзбург Р. С., Медникова Э. М., Санкин А. А., Хидекель С. С., Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / под ред. Э. М. Медниковой. М. : Русский язык, 1986. 634 с.

Гринёва, Громова, 2000 – Гринёва Е. Ф., Громова Т. Ф. Словарь разговорной лексики французского языка. М. : Русский язык, 2000. 640 с.

Калинин, 1978 – Калинин А. В. Лексика русского языка. М. : Изд-во Московского ун-та, 1978. 232 с.

Кауль, Хидекель, 2012 – Кауль М. Р., Хидекель С. С. Большой учебный словарь сочетаемости английского языка. М. : Астрель, 2012. 1152 с.

Квеселевич, 2005 – Квеселевич Д. И. Современный русско-английский фразеологический словарь. М. : Астрель, 2005. 624 с.

Кортни, 2001 – Кортни Р. Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь. М. : Русский язык, 2001. 768 с.

Кунин, 1956 – Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 1456 с.

Литвинов, 2007 – Литвинов П. П. 3500 английских фразеологизмов и устойчивых сочетаний. АСТ, Астрель, Lingua, 2007. 288 с.

Назарова, 2006 – Назарова Т. Б. Словарный состав современного английского языка на продвинутом этапе обучения. М. : АСТ. Астрель. Транзиткнига, 2006. 352 с.

Райдаут, Уиттинг, 1997 – Райдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц. СПб. : Лань, 1997. 256 с.

Рахманов, 1960 – Рахманов И. В. и др. Словарь наиболее употребительных слов английского, немецкого и французского языков. М. : ГИС, 1960. 582 с.

Рогова и др., 1991 – Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. : Просвещение, 1991. 287 с.

Спиерс, 1991 – Спиерс Р. А. Словарь американских идиом “American Idioms Dictionary”. М. : Русский язык, 1991. 464 с.

Столяр, 1999 – Столяр В. Г. Англо-русский тематический словарь фразовых глаголов для учащихся. М. : Лист-Нью, 1999. 560 с.

Угарова, 2011 – Угарова Е. В. Фразовые глаголы английского языка: краткий справочник. М. : Айрис-Пресс, 2016. 96 с.

Фоломкина, 1999 – Фоломкина С. К. Англо-русский словарь сочетаемости. М. : Русский язык, 1999. 1040 с.

Фуллер Торри, 1996 – Фуллер Торри Э. Шизофрения. СПб. : Питер Пресс, 1996. 448 с.

Хазан, 2001 – Хазан А. А. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. Смоленск : Русич, 2001. 560 с.

Харин, 1999 – Харин Л. А. Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка. Видар-М, 1999. 416 с.

Христовоздвиженская, 2012 – Христовоздвиженская Л. П. Фразовые глаголы в разговорном английском. Минск : ТетраСистемс, 2012. 272 с.

Boichuk, 2018 – Boichuk I. V. A Progressive Approach to Language Teaching. // Danish Scientific Journal. 2018. N 13. P. 39–40.

Collins Cobuild…, 1994 – Collins Cobuild Dictionary of Phrasal Verbs. London : Harper Collins Publishing, 1994. 544 p.

Courtney, 1986 – Courtney R. Longman Dictionary of Phrasal Verbs. Moscow : Russky Yazyk Publishers, Harlow : Longman Group Limited, 1986. 734 p.

Dixson, 1994 – Dixson R. J. Essential Idioms in English. London : Pearson Publishing, 1994. 249 p.

Doff et al., 2015 a – Empower Intermediate Student’s Book / A. Doff, C. Thaine, H. Puchta, J. Stranks, P. Lewis-Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 175 p.

Doff et al., 2015 b – Empower Upper Intermediate Student’s Book / A. Doff, C. Thaine, H. Puchta, J. Stranks, P. Lewis-Jones. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 177 p.

Hornby, 2015 – Hornby A. S. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. Oxford : Oxford University Press, 2015. 1894 p.

Kuskovskaya, 1987 – Kuskovskaya S. F. English Proverbs and Sayings. Minsk : Vyshejshaya shkola, 1987. 256 p.

Longman…, 2008 – Longman Language Activator. Longman, 2008. 1554 p.

Lubensky, 2013 – Lubensky S. Russian-English Dictionary of Idioms. Yale University Press, 2013. 992 p.

McCarthy, O'Dell, 2012 – McCarthy M., O'Dell F. English Vocabulary in Use. Upper-Intermediate. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 280 p.

McKinlay, Hastings, 2007 – McKinlay S., Hastings B. Success Intermediate Student's Book. Pearson Education Limited, 2007. 145 p.

Oxford Collocations…, 2009 – Oxford Collocations Dictionary for Students of English. Oxford University Press, 2009, 976 p.

Povey, 1991 – Povey J. Phrasal Verbs and How to Use Them. Moscow, 1991. 176 p.

Rogova, 1975 – Rogova G. V. Methods of Teaching English. Leningrad, 1975. 310 p.

UDC 811.111 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_5_17

Igor V. Boichuk, Irina O. Eshchenko, Elena V. Lukyanova, Zhanna A. Bubyreva, Ian P. Turner
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation
boichuk@bsu.edu.ru, eshchenko@bsu.edu.ru, lukyanova@bsu.edu.ru, bubyreva@bsu.edu.ru, turner@bsu.edu.ru

Concerning the rationalisation of English idioms, phrasal verbs and collocations teaching to students of non-linguistic departments

Abstract
This article considers the issue of rationalising of the English language idioms, phrasal verbs and collocations teaching, which is one of the most relevant fields in modern linguodidactics. The aim of the study is to identify the main methods of rationalisation available to the teacher in the field. We used the following methods: observation, experiment, data description and their analysis. As a result, we presented the history of the issue in Russian linguodidactics and lexicography, reviewed and analysed both theoretical and educational literature on the issue under study. The conclusions were made about the efficient ways to combine electronic resources with traditional printed materials, selective support in the native language, careful and finely attuned material selection, concentric presentation and consistent consolidation of the studied material based on students' majors as well as their individual character traits and native language. All this will combine to suggest the appropriate approach to the issue we are investigating.

Keywords: English language idioms, phrasal verbs and collocations, rationalization of teaching, differentiation, concentric presentation, consolidation.

© Boichuk I. V., Eshchenko I. O., Lukyanova E. V., Bubyreva Zh. A., Turner I. P. 2021

For citation: Boichuk, I. V., Eshchenko, I. O., Lukyanova, E. V., Bubyreva, Zh. A., Turner, I. P. (2021). K voprosu o ratsionalizatsii prepodavaniya idiom, frasovykh glagolov i kollokatsiy angliyskogo yazyka studentam neyazykovykh napravleniy podgotovki [Concerning the rationalisation of English idioms, phrasal verbs and collocations teaching to students of non-linguistic departments]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 5–17. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_5_17.

References

1000 angliyskikh izrecheniy i krylatykh vyrazheniy [1000 Englische Redensarten]. (2007). AST, Astrel', Lingua Press.

Anitchkov, I. E., Saakyants, V. N. (1966). *Metodika prepodavaniya angliyskogo yazyka v sredney shkole* [Methods of teaching English in secondary schools]. Moscow : Prosveshchenie Press.

Boichuk, I. V. (2017). O progressivnom podkhode Brakhi Krepkh (g. Ramat-Gan, Izrail') k prepodavaniyu yazykov [About the progressive approach of Braha Crepkh (Ramat Gan, Israel) to language teaching]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of Scientific Conferences], 9-3 (25), 32–34.

Bondarenko, E. V., Migachev, V. A. (1997). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Belgorod : Logiya Press.

Bukovskaya, M. V., Vyaltseva, S. I., Dubyanskaya, Z. I., Zaitseva, L. P., Birenbaum, Ya. G. (1985). *Slovar' upotrebitel'nykh angliyskikh poslovits* [Dictionary of common English proverbs]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Vinokurov, A. M. (2013). *Anglo-russkiy slovar' idiom* [English-Russian dictionary of idioms]. Moscow : Martin Press.

Galperin, I. R. (1961). *Uchebnik angliyskogo yazyka dlya 2-go kursa pedagogicheskikh institutov i fakul'tetov inostrannykh yazykov* [English language textbook for the 2nd year students of pedagogical institutes and faculties of foreign languages]. Moscow : Vysshaya shkola Press.

Ginzburg, R. S., Mednikova, E. M., Sankin, A. A., Hidekel, S. S. (1986). *Anglo-russkiy slovar' glagol'nykh slovosochetaniy* [English-Russian dictionary of verbal phrases]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Grineva, E. F., Gromova, T. F. (2000). *Slovar' razgovornoy leksiki frantsuzskogo yazyka* [Dictionary of French colloquial vocabulary]. Moscow: Russkiy yazyk.

Kalinin, A. V. (1978). *Leksika russkogo yazyka* [Vocabulary of the Russian language]. Moscow : Moscow State University Press.

Kaul, M. R., Hidekel, S. S. (2012). *Bol'shoy uchebnyy slovar' sochetaemosti angliyskogo yazyka* [Great English vocabulary training dictionary]. Moscow : Astrel' Press.

Kveselevich, D. I. (2005). *Sovremennyy russko-angliyskiy frazeologicheskiy slovar'* [Modern Russian-English phraseological dictionary]. Moscow : Astrel' Press.

Courtney, R. (2001). *Angliyskie frazovye glagoly. Anglo-russkiy slovar'* [English Phrasal Verbs. English-Russian Dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Kunin, A. V. (1956). *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [English-Russian phraseological dictionary]. Moscow : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.

Litvinov, P. P. (2007). *3500 angliyskikh frazeologizmov i ustoychivykh sochetaniy* [3500 British Phraseologisms and combinations]. AST, Astrel', Lingua Press.

Nazarova, T. B. (2006). *Slovarnyy sostav sovremennogo angliyskogo yazyka na prodvinutom etape obucheniya* [Vocabulary of modern English at an advanced stage of training]. Moscow : AST, Astrel'. Tranzitkniga Press.

Raidaut, R., Whitting, K. (1997). *Tolkovyy slovar' angliyskikh poslovits* [Explanatory Dictionary of English Proverbs]. St. Petersburg: Lan' Press.

Rakhmanov, I.V. (1960). *Slovar' naibolee upotrebitel'nykh slov angliyskogo, nemetskogo i frantsuzskogo yazykov* [Dictionary of the most common words in English, German and French]. Moscow : GIS Press.

Rogova, G. V., Rabinovich, F. M., Sakharova, T. E. (1991). *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole* [Methods of teaching foreign languages in high school]. Moscow : Prosveshchenie Press.

Spears, R. A. (1991). *Slovar' amerikanskikh idiom* [American Idioms Dictionary]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Stolyar, V. G. (1999). *Anglo-russkiy tematicheskiy slovar' frazovykh glagolov dlya uchashchikhsya* [English-Russian thematic dictionary of phrasal verbs for students]. Moscow : List-New.

Ugarova, E. V. (2016). *Frazovye glagoly angliyskogo yazyka: kratkiy spravochnik* [English phrasal verbs: a quick reference book]. Moscow : Airis-Press.

Folomkina, S. K. (1999). *Anglo-russkiy slovar' sochetaemosti* [English-Russian dictionary of compatibility]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Fuller Torrey, E. (1996). *Shizofreniya* [Schizophrenia]. St Petersburg : Piter Press.

Khazan, A. A. (2001). *Slovar' angliyskikh poslovits i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of English proverbs and idiomatic expressions]. Smolensk : Rusich Press.

Kharin, L. A. (1999). *Anglo-russkiy tolkovyy slovar' amerikanskogo razgovornogo yazyka* [English-Russian Explanatory Dictionary of the American Spoken Language]. Vidar-M Press.

Hristovozdvizhenskaya, L. P. (2012). *Frazovye glagoly v razgovornom angliyskom* [Phrasal verbs in spoken English]. Minsk : TetraSistems Press.

Boichuk, I. V. (2018). A progressive approach to language teaching. *Danish Scientific Journal*, 13, 39–40.

Collins Cobuild dictionary of phrasal verbs. (1994). London : Harper Collins Publishing.

Courtney, R. (1986). *Longman dictionary of phrasal verbs.* Moscow : Russky Yazyk Publishers, Harlow : Longman Group Limited.

Dixson, R. J. (1994). *Essential Idioms in English.* London : Pearson Publishing.

Doff, A., Thaine, C., Puchta, H., Stranks, J., Lewis-Jones, P. (2015). *Empower intermediate student's book.* Cambridge : Cambridge University Press.

Doff, A., Thaine, C., Puchta, H., Stranks, J., Lewis-Jones, P. (2015). *Empower upper intermediate student's book.* Cambridge : Cambridge University Press.

Hornby, A. S. (2015). *Oxford advanced learner's dictionary.* Oxford : Oxford University Press.

Kuskovskaya, S. F. (1987). *English proverbs and sayings.* Minsk : Vyshejshaya shkola Press.

Longman language activator. (2008). Longman.

Lubensky, S. (2013). *Russian-English dictionary of idioms.* Yale University Press.

McCarthy, M., O'Dell, F. (2012). *English vocabulary in use. Upper-intermediate.* Cambridge : Cambridge University Press.

McKinlay, S., Hastings B. (2007). *Success intermediate student's book.* Pearson Education Limited.

Oxford collocations dictionary for students of English. (2009). Oxford University Press.

Povey, J. (1991). *Phrasal verbs and how to use them.* Moscow.

Rogova, G. V. (1975). *Methods of teaching English.* Leningrad.

UDC 81'25 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25

Bakitgul E. Borankulova
L. N. Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan
b_bakit@mail.ru

Zoya G. Proshina
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
proshinazoya@yandex.ru

New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation

Abstract
This article aims to collect, group and conduct a linguistic study of coroneologisms – new words and phrases formed during the Covid-19 outbreak, to analyze their translation into Kazakh and determine the potential for their use in the language. The materials for the study were taken from (i) the websites of a national Kazakh newspaper, (ii) an official site of the Ministry of Healthcare of the Republic of Kazakhstan and its instagram, (iii) English-language newspapers, (iv) materials from online Merriam-Webster Dictionary. Continuous sampling was used to select the tokens for the study. Having analyzed new words and expressions related to coronavirus, their usage in English and translation into Kazakh, we can say that some comparatively new words and expressions that describe a specific situation (lockdown, WFH (working from home), social distancing, etc.) belong to particular professional vocabulary and have already been introduced into the dictionaries in many languages. The discourse potential of such phrases as COVID-19, SARS-CoV-2 and coronavirus-related words and word-combinations remains high expanding the range of terms in the field of medicine. The status of the Kazakh versions of the new terms still remains challenging as far as they are not introduced into Kazakh dictionaries and are not approved by the Terminological commission of the country. Despite these facts, they continue their "illegal" functioning in Kazakh newspapers and on the country's Ministry of Healthcare website.

Keywords: coronavirus, coroneologism, online dictionaries, usage potential, medical discourse, ways of translation.

© Borankulova B. E., Proshina Z. G. 2021

For citation: Borankulova, B. E., Proshina, Z. G. (2021). New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 18–25. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25.

1. Introduction

At the end of 2019, an epidemic similar to pneumonia got an outbreak and began to spread around the world. The World Health Organization has determined that the causative agent of the disease is a new type of coronavirus 2019-nCoV and declared it as a pandemic.

The people of the world began to talk about the name of the epidemic, its danger to the body and even to human life. Many new words related to a new Covid-19 virus have appeared in the English-language media and on the Internet. The terms *isolation, self-quarantine, social distance, PPE (personal protective equipment), WFH (work from home), and PCR test (polymerase chain reaction test)* were often mentioned, indicating actions that require the population to take precautions in connection with the pandemic. Among the population, there were people who reacted with distrust to the existence of the virus in the

environment and did not take (perform) precautions or vice versa those who followed preventive measures from being infected with the disease. They were called *covidiot* and *covidient* accordingly. In this regard, some English online dictionaries such as Merriam-Webster Dictionary and others have updated their vocabulary entries.

The purpose of this article is to collect, group, and conduct a linguistic analysis of new words and phrases formed during the Covid-19 outbreak, analyze their translation into Kazakh, and determine the potential of their use in the language.

It is known that any new phenomenon in the world suggests the formation of a new term to name it. Consequently, the new term increases word-stock of languages. But whether this new word becomes active or passive in use, or else it discontinues to be used in languages at all is a matter of situation. Due to the Covid-19 pandemic, medical terminology saw this fact too. As we have stated above, many new words and expressions connected with the Covid-19 appeared in terminology. In 2020, Merriam-Webster Dictionary added to its entry Covid-19-related new specialized medical words and divided them into some semantic groups. For instance, *Covid-19, coronavirus (names of disease), index case, patient zero*, etc. (diagnose) [Coronavirus and the new words…]. Moreover, there are some linguistic units due to any new phenomenon which acquire another meaning, id est secondary nominated terms. According to V. M. Leychik, secondary nomination is the use of already available linguistic units in performing new nominative functions [Leychik, 2009. p. 47]. For instance, *cordon sanitaire, social distance* and *lockdown*. Though these terms have an etymological history in their emerging and usage in different spheres of science, lexicographers expanded or revised definitions according to medical context due to the pandemic and added them to the entries of the online dictionaries.

Global dimension of the disease and, correspondingly, Covid-related and Covid-inspired vocabulary has motivated an increase in investigating the phenomenon. Recent studies have contributed to collecting the emerged units across English and other languages as well as their word building pattern analysis including affixation, abbreviation, compounding, blending etc. (see multiple tokens analyzed by [Al-Salman, Haider, 2021 ; Mweri, 2021]). According to [Thorne, 2020], there are over 1000 neologisms ranging from non-specialized words to technical terms in English. Some linguists focus more on new medical and technical terms, while others pay greater attention to coroneologisms that come from the laity and embrace European languages whose word-stocks share a common Latinate substratum [Roig-Marín, 2020]. Researchers have also attempted to examine slogans as a part of social policy during the pandemic (see e.g. the works of [Dubinina, 2021 ; Li Xin, Starodubtseva, 2021] based on Chinese). All this activity has sparkled the interests of specialists in applied linguistics for designing corpora and performing corpus analysis of covid-19 language [Cameron, 2020 ; Covid-19 language hub ; Hua Tan et al., 2020 ; Butler, Simon-Vandenbergen, 2021; Schweinberger et al., 2021]. They examine terms, collocations, true information manifestation vs fakes about Covid-19 etc.

These studies based on all sorts of discourses (primarily Englishes – American, Australian, British, Malaysian etc.) from government addresses to personal posts clearly show that the lexicon of people, whether they are specialists or ordinary ones, enlarged. The new vocabulary is used by medical specialists, officials, mass media specialists and in the hoi polloi.

One of these sources presented a multilingual project based on 19 languages including European, Asian and African ones [Covid-19 language hub] with no data on the Kazakh language. However, the Kazakh language is no exception to the process of emerging and spread of new words connected with coronavirus, and this fact motivated our study. We aimed to study the ways coroneologisms are used if they are translated, particularly into Kazakh, as well as the ways they are translated into this language.

2. This study

2.1. Material and methods

Several sources were used to collect the material for this study. For the Kazakh part, website of national Kazakh newspaper “Жас Алаш” 'Young Alash' [Жас Алаш], official Instagram page and website of the Ministry of Healthcare of the Republic of Kazakhstan [Қазақстан Республикасы…] and Russian-Kazakh Kazakh-Russian dictionary [Sozdic]. For the English part, newspapers [BBC News; The Guardian] were used as well as Meriam-Webster dictionary [Coronavirus and the new words…].

Continuous sampling was used to select the tokens for analysis. The search terms for Kazakh included *коронавирус, ковид, тәжвирус*, etc. The total of 52 Kazakh tokens and 63 English tokens were analyzed in contexts.

2.2. Results and discussion

The study of Kazakh coroneologisms and comparison with their English donors enabled to identify the following ways of translation that introduced these lexical units into Kazakh vocabulary in use: transliteration, semi-calque, metaphoric translation and word-for-word translation. Below, we will discuss typical examples and the ways of their translation.

The first block of examples comes from “Жас Алаш” newspaper [https://www.zhasalash.kz]. The following examples illustrate different translation patterns: transliteration of the abbreviation *PCR* (1-1), equivalent of *isolation* (1-2), transliteration of the noun *quarantine* (2-1) that had existed before the pandemic and then acquired a new meaning and the noun lockdown (2-2), metaphoric translation of coronavirus (3).

(1) *Індет жұқтырғандарды* ***ПТР***(1-1) ***тест*** *арқылы дер кезінде анықтап,* ***оқшаулауға***(1-2) *мүмкіндік бар* – 'It is possible to identify and ***isolate***(1-2) infected people by ***PCR***(1-1) ***testing*** in due time'.

(2) *Қазақстанда* ***карантин***(2-1) *жеңілдетілді: Бүгіннен бастап бизнес* ***локдауннан***(2-2) *шығады* – '***Quarantine***(2-1) in Kazakhstan has been relaxed: As of today business will come out of a ***lockdown***(2-2)'.

(3) *Құрығы ұзын* ***қытайвирус*** *бейбіт жатқан ауылға жетті* – 'Long-armed ***coronavirus*** has reached the peaceful village'.

The second block of examples is taken from an official Instagram page and website of the Ministry of Healthcare of the Republic of Kazakhstan where parallel texts (English and Kazakh) about Covid-19 were posted. An original English sentence containing coroneologism and its analogue from the Kazakh text are given below [https://www.instagram.com/healthcare.gov.kz/]:

(4) *Symptoms of* ***novel Coronavirus****: fever, cough, shortness of breath* – '***Жаңа коронавирустың*** белгілері: дене қызуының көтерілуі, жөтел, тыныс алудың қиындауы'.

In addition to the existing Kazakh equivalents of English standard (and quite old) medical terms like *symptoms* 'белгілері', *fever* 'дене қызуының көтерілуі', *cough* 'жөтел', *shortness of breath* 'тыныс алудың қиындауы', a “pure”[1] coroneologism is given – *novel Coronavirus* 'жаңа коронавирустың' where *жаңа* is an equivalent to *novel* and *коронавирустың* appeared as a result of transliteration – *коронавирус+тың* where *тың* is the suffix of the possessive case similar to the one in English.

Another example is a title of an instruction.

[1] The one that has not existed in the language before the pandemic.

(5) ***COVID-19 коронавирустық инфекция*** *мәселелері бойынша халыққа арналған ұсыныстар* – '***Coronavirus disease (COVID-19)*** advice for the public' [https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/51537?lang=kk].

The expression from the source text *COVID-19 коронавирустық инфекция* is translated into the target text as 'Coronavirus disease (COVID-19)'. We view example (5) as demonstrating tautology in the Kazakh source text. If in the Kazakh language *коронавирустық инфекция* may be translated into English as coronavirus infection, then it is given as *Coronavirus disease* and *COVID-19* is taken in brackets. Therefore, the very use of the word-combination *коронавирустық инфекция* in the Kazakh sentence is redundant as the term *COVID-19* already means 'coronavirus disease 19, CO-corona,VI-virus, D-disease'.

We will finish examples analysis with an abbreviation [https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/44604?lang=en]:

(6) *Бұл орталық* ***жаңа коронавирусты ПТР****-диагностикалау әдістемесін игерген* – 'Specialists in this center have mastered the technique for ***PCR***-based diagnostics of the ***new coronavirus***'.

In this sentence, one of the coronavirus-related terms is an abbreviation *ПТР* which is a word-for-word translation of English *PCR – polymerase chain reaction test*, and it stands for *полимеразды тізбекті реакция*.

For every Kazakh coroneologism, the way of translation was identified. Table 1 arranges the obtained results.

T a b l e 1. **Translations of English coronavirus-related words and word-combinations into Kazakh**

English	Kazakh variants	Ways of Translation
coronavirus, n	1. коронавирус, n 2. тәжвирус, n 3. тәжтажал, n 4. қытайвирус, n 5. қазақ тұмауы, n. in possessive case	1. transliteration 2. semi-calque 3. metaphoric translations 4. metaphoric translation 5. metaphoric translation
novel coronavirus	жаңа коронавирус	word-for-word translation
Covid-19, n PCR	Ковид-19 ПТР	transliteration word-for-word translation

During the study, we have encountered many coronavirus-related words and word-combinations and associations in English and Kazakh languages in the mass media (printed and audiovisual). The study showed that most of the Kazakh versions can be considered as the translations of those English ones. The lists given below demonstrate that. The list of coroneologisms in Kazakh (List 1) comprises 103 lexical units. It was triggered by 73 corresponding ones found in English mass media (List 2). As we can see, the Kazakh list outnumbers the English one. This discrepancy is explained by a different number of synonymous coroneologisms in the two languages. For instance, the word *coronavirus* has 5 and the word-combination *social distancing* 4 different synonymous translations. However, the majority of them has not been introduced into Kazakh yet.

List 1. Coronavirus related words and word-combinations in Kazakh

Корона / Коронавирус; тәжвирус; тәжтажал / Жаңа коронавирус / 2019-nCoV / COVID-19; Ковид-19; КВИ; Індет; Кесел; Қазақ тұмауы; Қытайвирус / Тұмау тәрізді / Өршу / Вирус / Эпидемиялық / Пандемия / Карантин / Елдегі төтенше жағдай / Өзін-өзі

оқшаулау / Оқшаулау; изоляция / Санитарлық бекініс; блок-пост / Коронавирустың бар екендігіне сенбейтін / Коронавирустың бар екендігіне сенетін / ПТР тест (полимеразды тізбекті реакция) / Клиникалық зерттеу / Алғашқы жұқтырушы / Науқас саны; жұқтыру көрсеткіші / Коронавирустық инфекция белгісі бар / Коронавирустық инфекция белгісі жоқ / Жедел респираторлы стресс синдромы (ЖРСС) / Расталған оң жағдай / Болжалды оң жағдай / Контактіде болмаған; байланыста болмаған / Иммунитет / Ұжымдық иммунитет / Инкубациялық кезең / Таралу / Қоғамға таралу, ортаға таралу / Жұқпалы / Контагиозды; жұқпалы / Аурушаңдық / Өлім-жітім / Тез; жылдам тарағыш / Берілу; жұғу; таралу / Науқаспен контактіде ; байланыста болғанды қадағалау / Үйде болу; үйде отыру / Локдаун / Бетперде; маска; тұмша / Санитайзер / Маңдайға арналған термометр; қызу өлшегіш / Респиратор / Вентилятор; ауа желдеткіш / Әлеуметтік қашықтық; әлеуметтік арақашықтық; әлеуметтік алшақтық; әлеуметтік аралық / Адамнан адамға жұғатын; таралатын; берілетін / Жеке қорғаныш заттары / Үйде жұмыс жасау / Тамшы арқылы берілу; таралу / Науқас көрсеткішінің көбеюі / Коронавирус толқыны / Аурудың алдын алу және қадағалау орталықтары / SARS-CoV-2 / MERS-CoV / Covax вакцинасы/ Вакцина; екпе / Кавасаки синдромы / Кавасаки ауруы / Инфодемия / Провизорлық орталық / Жасыл аймақ / Сары аймақ / Қызыл аймақ / Өкпені жасанды желдету аппараты / Оттегі концентраторы / Маска режимі; бетперде кию тәртібі; бетперде кию ережесі / Клиникалық белгілері жоқ тасымалдаушы / Клиникалық белгілері бар тасымалдаушы / Ковид такси / Корона-дағдарыс.

List 2. Coronavirus related words and word-combinations in English

Corona / Coronavirus / Novel Coronavirus / 2019-nCoV / COVID-19 / Flu-like / Outbreak / Virus / Epidemic / Pandemic / Quarantine / National emergency / Self-quarantine / Isolation / Cordon sanitaire / Covidiot / Covidient / PCR test (Polymerase chain reaction test) / Clinical trial / Index case / Index patient / Patient zero / Symptomatic / Asymptomatic / Acute respiratory stress syndrome (ARDS) / Confirmed positive case / Presumptive positive case / Contactless / Immunity / Herd immunity / Incubation period / Spread / Community Spread / Communicable / Contagious / Morbidity / Mortality / Super-spreader / Transmission / Contact tracing / Stay-at-Home / Lockdown / Facemask / Sanitizer / Forehead thermometer / Respirator / Ventilator / Social distancing / Human-to-human / PPE (personal protective equipment) / WFH (working from home) / Droplet transmission / Flattening the curve / Tsunamis of COVID-19 cases / CDC (Centres for Disease Control and Prevention) / SARS-CoV-2 / MERS-CoV / Covax / Vaccine / Kawasaki syndrome / Kawasaki disease / Infodemy / Provision center / Green zone / Yellow zone / Red zone / Artificial ventilation devices / Oxygen concentrator / Mask regime / Covid Taxi / The corona crisis.

Out of the Kazakh list of 103 coroneologisms and corona-related associations, 12 of them emerged as a result of transliteration, 10 appeared as semi-calques, 3 due to metaphoric translation, 8 are transcriptions, 14 are word-for-word translations, 4 are descriptive translations, and 70 are Kazakh equivalents. Very few if any coroneologisms introduced into Kazakh from English since the outbreak of the pandemic have entered the government-supported Russian-Kazakh / Kazakh-Russian online dictionary.

3. Conclusion

The study of the 103 Kazakh and 73 English coroneologisms and corona-related associations enables to draw several conclusions. First of all, almost 68% of Kazakh units are the equivalents that have existed in the language, around 12% resulted from transliteration, 10% emerged as semi-calques, a little over 20% were various translations (3% metaphoric, around 4% descriptive and 13,6% word-for-word), and around 8% were transcriptions.

As for the English part, the word *Coronavirus* and its variants as *COVID-19, SARS, CoV-2, MERS-CoV, nCoV* are sure to be new medical terms. They have already been introduced into the dictionaries of almost all the languages. As far as the derivatives of the *Covid* such as slangs *covidient*, *covidiot* are concerned, they might disappear from use. Special medical terms as *community spread, herd immunity*, etc. are likely to stay in medical discourse only as soon as the pandemic is over. It should be admitted that the discursive potential of *COVID-19, SARS-CoV-2* and certain coronavirus-related words and word-combinations might be quite high as they have already expanded the range of terms in the field of medicine.

As for the Kazakh translations of the new terms, the issue still remains challenging as almost none of them is included in Kazakh dictionaries except for those that have already existed in the language. However, their new meanings have been neglected so far. Meanwhile, the existing translation variants of a pure coroneologism *Covid-19* as *тәжтажал* (metaphorical translation of a combination of 2 stems: *corona+death*), *қытайвирус* (metaphorical translation of a combination of 2 stems: *China+virus*), *қазақ тұмау* (metaphorical translation of a combination of 2 stems: *Kazakh+flu*), *індет* (general term used to denote epidemic) and *коронавирус* (transliteration) are not approved by the Terminological commission of the country. Therefore, the official status of coroneologisms in Kazakh remains unclear.

Despite this neglect, coroneologisms – single words and word-combinations from the Covid-19 pandemic – have developed the word-stock in Kazakh and being officially misnomers, they continue functioning on official websites. These words definitely have high methodological potential, e.g. in English as L2 studying and teaching as suggested by [Shamina et al., 2020] who successfully exploited different types of discourse including humorous songs that produce various highly emotional reactions. This potential can be realized in any language teaching as L1 or L2, including Kazakh. The Covid-19 pandemic being a current issue of the contemporary world could trigger hot discussions boosting the interest in the language as a part of any curriculum.

References

Al-Salman, S., Haider, A. S. COVID-19 trending neologisms and word formation processes in English (2021). *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 24–42. doi : 10.22363/2687-0088-2021-25-1-24-42.

Butler, C. S., Simon-Vandenbergen, A. M. (2021). Social and Physical Distance/Distancing: A Corpus-Based Analysis of Recent Changes in Usage. *Corpus Pragmatics*. doi : 10.1007/s41701-021-00107-2.

Cameron, J. (2020). Corpus analysis of the language of Covid-19. *ODE. Oxford English Dictionary. The definitive record of the English language*. Retrieved April 15, 2020 from <https://public.oed.com/blog/corpus-analysis-of-the-language-of-covid-19/>.

Covid-19 language hub. OxfordLanguages. Retrieved April 3, 2021 from <https://languages.oup.com/covid-19-language-resources/>.

Dubinina, M. N. (2021). Semanticheskiy analiz lozungov epokhi pandemii v Kitae [Semantic analysis of slogans during the pandemic in China]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (2), 475–483. (In Rus.).

Hua Tan, K., Woods, P., Azman, H., Abdullah, H. I., Hashim, R. S., Rahim, H. A, Idrus, M. M., Said, N. E. M, Lew, R., Kosem, I. (2020). Covid-19 insights and linguistic methods. *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*, 26 (2), 1–23. doi : 10.17576/3L-2020-2602-01.

Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: predmet, metody, structura* [Terminology studies: Focus, methodology, structure]. 4th edition. Moscow : LIBROKOM Press. (In Rus.).

Li Xin, Starodubtseva, N. V. (2021). Lozungi na rabotakh masterov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Kitaya kak sredstvo bor'by s epidemiey koronavirusnoy infektsii (COVID-19) [Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the

epidemic of coronavirus infection (COVID-19)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya linguistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 116–130.

Mweri, J. (2021). Corona Virus Disease (COVID-19) Effects on Language Use: An Analysis of Neologisms. *Linguistics and Literature Studies*, 9 (1), 36–47. doi : 10.13189/lls.2021.090105.

Roig-Marín, A. (2020). English-based coroneologisms: A short survey of our Covid-19-related vocabulary. *English Today*, 1–3. doi :10.1017/S0266078420000255.

Schweinberger, M., Haugh, M., Hames, S. (2021). Analysing discourse around COVID-19 in the Australian Twittersphere: A real-time corpus-based analysis. *Big Data and Society*, 8 (1). doi : 10.1177/20539517211021437.

Shamina, E. A., Besedina, E. I., Kuzmich, I. V. (2020). Sovremennyy angloyazychnyy diskurs v usloviyakh pandemii: metodicheskiy potentsial [Contemporary English language discourse during the pandemic: Methodological potential]. *Teoreticheskaya i prikladnaya linguistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4), 170–181. (In Rus.).

Thorne, T. 2020. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. Retrieved April 30, 2020 from <language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/>.

Sources for the material

BBC News. Retrieved April 5, 2021 from <https://www.bbc.com/news/av/world-asia-india-51962813>.

Coronavirus and the new words we added to the dictionary in March 2020. Meriam-Webster. Retrieved from <https://www.merriam-webster.com/words-at-play/new-dictionary-words-coronavirus-covid-19>.

The Guardian. Retrieved April 5, 2021 from <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/26/covid-19-world-map-countries-coronavirus-cases-death>.

Жас Алаш [Young Alash]. Retrieved from <https://www.zhasalash.kz>.

Instagram Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігі [Instagram of the Ministry of Healthcare of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from <https://www.instagram.com/healthcare.gov.kz/>.

Қазақстан Республикасы Денсаулық сақтау министрлігі [Ministry of Healthcare of the Republic of Kazakhstan]. Retrieved from <https://www.gov.kz/memleket/entities/dsm/press/news/details/51537?lang=kk>.

Sozdik: Russko-kazakhskiy/kazakhsko-russkiy slovar [Russian-Kazakh / Kazakh-Russian dictionary]. Retrieved April 5, 2021 from <https://sozdik.kz/ru/>.

УДК 81'25 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25

Боранкулова Бакитгуль Ержигитовна
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
г. Нур-Султан, Казахстан
b_bakit@mail.ru

Прошина Зоя Григорьевна
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация
proshinazoya@yandex.ru

Новая лексика, относящаяся к коронавирусу: её потенциал в казахском языке и проблема перевода

Аннотация

В данной статье поставлена цель собрать, сгруппировать и провести языковой анализ ковидных неологизмов – новых слов и фраз, образовавшихся во время вспышки Covid-19, проанализировать их перевод на казахский язык и определить потенциал их использования в языке. Материалы для анализа были взя-

ты из нескольких источников: 1) сайта республиканской газеты, 2) официального сайта Министерства здравоохранения Республики Казахстан и публикаций в инстаграме Министерства, 3) англоязычных газет, 4) онлайн-словаря Merriam-Webster Dictionary. Целевая лексика отбиралась методом сплошной выборки. Проанализировав новые слова и выражения, связанные с коронавирусом, их использование в английском языке и перевод на казахский язык, мы можем сказать, что некоторые сравнительно новые слова и выражения, описывающие конкретную ситуацию (lockdown, WFH (working from home), social distancing, etc.), используются исключительно в составе профессиональной лексики и уже введены в онлайн словари многих языков. Дискурсивный потенциал таких фраз, как COVID-19, SARS-CoV-2 и связанных с коронавирусом слов и словосочетаний остаётся высоким, поскольку они расширили спектр терминов в области медицины. Вопрос о статусе казахских вариантов перевода новых терминов до сих пор остаётся открытым, поскольку они не представлены в официальных казахских словарях и не одобрены терминологической комиссией страны. Тем не менее, они продолжают своё «некодифицированное» существование на официальных сайтах газет и Министерства здравоохранения страны.

Ключевые слова: коронавирус, ковидный неологизм, онлайн-словари, потенциал использования, медицинский дискурс, способы перевода.

© Боранкулова Б. Е., Прошина З. Г. 2021

Для цитирования: Borankulova B. E., Proshina Z. G. New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 18–25. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25.

УДК 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34

Борисенко Татьяна Владимировна, Питина Светлана Анатольевна
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
tatiana-tv11@yandex.ru, sap.pitina@rambler.ru

Некоторые особенности организации концептуальной категории (на материале русского языка)

Аннотация
В данной статье рассмотрены и уточнены понятия концептуальной категории, категориального и субкатегориального концепта. Целью работы является обоснование термина «категориальный концепт». Предложена методика определения структуры и элементов концептуальной категории, согласно которой ключевую роль играют признаки категориального концепта. В качестве примера проведён лексикографический анализ категориального концепта СЕМЬЯ по толковым и этимологическим, ассоциативным словарям и словарям синонимов. Исследование позволило показать некоторые особенности, связанные с организацией концептуальной категории. В частности, было обнаружено, что часть признаков субкатегориальных концептов не может быть соотнесена с категориальным концептом, а некоторые элементы категории используются в нескольких субкатегориях. В результате анализа концепта СЕМЬЯ был выявлен ряд признаков концепта. Среди них – «объединение людей», «дом», «общность», «родственность», «размер», «дети», «принадлежность к кому-то», «прочность отношений» и другие. На основе полученных данных были выведены концепты, являющиеся элементами рассматриваемой концептуальной категории: ДОМ, РОДСТВЕННОСТЬ, СОБЫТИЕ, ОТНОШЕНИЯ, РАЗМЕР и другие. К прототипам категории были отнесены концепты РЕБЁНОК И СВОЙ-ЧУЖОЙ. В дальнейшем для построения наиболее полной концептуальной категории необходимо проведение анализа различных видов дискурсов, а также определение признаков субкатегориальных концептов.

Ключевые слова: категория, категориальный концепт, концептуальная категория, концепт СЕМЬЯ, русская лингвокультура, русский язык.

© Борисенко Т. В., Питина С. А. 2021

Для цитирования: Борисенко Т. В., Питина С. А. Некоторые особенности организации концептуальной категории (на материале русского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 26–34. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34.

1. Введение [Introduction]

Категория – это «одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [Кубрякова, 1997, с. 45]. Человек классифицирует объекты окружающего мира, судит об их сходстве и различии. Категоризация для него – это «главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер» [Кубрякова, 2004, с. 96]. Целью статьи является обоснование термина «категориальный концепт». В связи с этим решаются следующие задачи: осуществление краткого обзора подходов к проблеме категоризации и категории; определение особенностей категориального и субкатегориального концептов; выявление основных признаков категориального концепта СЕМЬЯ посредством анализа этимологических, толковых, синонимических и ассоциативных словарей; выявление субкатегориальных концептов концептуальной категории СЕМЬЯ на основе обнаруженных признаков; раскрытие некоторых особенностей элементов рассматриваемого концепта. Актуальность

работы состоит в решении вопросов, связанных со спецификой организации концептуальной категории в сознании человека, а также со своеобразием категориального концепта СЕМЬЯ в русской лингвокультуре. В работе использованы лексикографический, структурный и описательный методы исследования, концептуальный анализ и анализ ассоциативно-вербальных сетей.

2. Категориальный концепт [Categorical concept]

Понятие *категориальный концепт* не раз встречалось в работах исследователей. Так, например, Е. И. Голованова пишет: «содержание концепта определяет его место в сознании, это может быть базовый (или базисный) концепт, суббазисный концепт, макроконцепт, микроконцепт, категориальный концепт, субкатегориальный концепт» [Голованова, 2008, с. 177]. Исследователь указывает, что концепты группируются в категории и не существуют отдельно друг от друга [Голованова, 2010, с. 87]. Н. Н. Болдырев изучает категории модусного типа, особенностью которых является функционально-ориентированный характер их концептуальной основы. Другими словами, такие категории формируются на базе концепта, который ученый называет категориальным [Болдырев, 2011, с. 10–11]. Он также определяет категорию как «концептуальное объединение объектов, т. е. объединение объектов на основе общего концепта». Она представляет собой формат знания класса объектов и общего концепта, на основании которого они объединены [Болдырев, 2009, с. 28].

Таким образом, очевидно, что в сознании человека концепты организуются вокруг категориального концепта в категориальные структуры. Это позволяет нам определить категориальный концепт как концепт, лежащий в основе группировки концептов и организующий структуру ментальной категории. Категорию, образованную на основе категориального концепта, назовём концептуальной категорией, а остальные концепты, принадлежащие концептуальной категории, отнесём к субкатегориальным.

Существует несколько подходов к проблеме категоризации и связи элементов категории между собой. Среди них, в частности, классический подход Аристотеля, который предполагает равноправие всех членов категории и наличия у них общих свойств, подход Л. Витгенштейна, указывающий на «фамильное сходство» у элементов категории, [цит. по: Кравченко, 2015, с. 118 [Wittgenstein, 1969]]. Современный лингвистический подход был озвучен в работах Э. Рош [Rosch, 1978] и Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2004]. В трудах Е. С. Кубряковой указано, что слова являются отражением сущности вещей; соответственно, на связи между словами влияют реальные взаимоотношения между предметами, которые обозначены этими словами; то есть, в языке хранятся черты «естественных» классификаций, классификаций «с образным началом», где нет жесткой логики, есть свои закономерности функционирования и развития. Этот подход предполагает нечёткие границы между классами, «сама категория оказывается объединением или набором единиц с нетождественными свойствами и в то же время группировкой единиц, характеризующихся неким общим свойством – быть представителем чего-то вне знака. Такое «нежёсткое» понимание категории основано на понятии подобия или сходства. Организация объектов одной категории происходит на основе наличия у них общих свойств, с другой стороны, оценка сходства и сопоставление границ объектов может быть нечёткой. В связи с этим возникает и вопрос о количестве элементов в рамках одной категории. Чем больше элементов объединяется, тем сложнее обнаружить в них общие черты [Кубрякова, 2004, с. 99–100].

Практически любой концепт может образовывать концептуальные категории в зависимости от того, по какому основанию объединяются объекты. Количество элементов в таких категориях будет отличаться. Например, те категориальные концепты, кото-

рые являются культурно значимыми для социума, будут содержать больше элементов, чем те, которые содержат в себе менее важные для данного общества признаки. Так, например, концепты ДОБРО, ЗЛО, СЕМЬЯ, ВОЙНА, МИР, ДОМ будут объединять большее количество элементов, чем такие концепты как ВЕТЕР, ВНУК, ДЕНЬ, ЛИЦО, РЕКА. Нередко концепт, образующий категорию, является субкатегориальным в другой, более обширной категории. Один из элементов концептуальной категории, объединенной концептом ДОБРО – ЗДОРОВЬЕ. Эта субкатегория в свою очередь объединяет в категорию такие концепты как СПОРТ, КРАСОТА, СИЛА и другие.

Говоря о концептуальной категории, следует также отметить разнородность и отсутствие тождества между её элементами. В структуру одной категории могут входить концепты разного типа: концепты-схемы, фреймы, сценарии, вербальные, невербальные концепты и т. п. Связи между ними при этом устанавливаются на основе признаков каждого из концептов. Полагаем, что концепты будут теснее связаны между собой и, соответственно, тем ближе друг к другу в категории, чем больше они имеют общих признаков в содержании. При этом если у концептов схожие ядерные признаки, они будут расположены значительно ближе друг к другу в структуре категории, чем те, одинаковые признаки которых находятся на периферии. Так, например, согласно исследованию К. А. Зайцевой, ядерным признаком концептов МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА являются «черты характера» [Зайцева, 2018, с. 22], что позволяет расположить данные элементы категории ЧЕЛОВЕК рядом. Другое дело – студент, который выполняет определенную деятельность, связанную с учебой и работой [Богословская, Новикова, 2019, с. 74]. Таким образом, одним из признаков концепта СТУДЕНТ является «деятельность». Такой же признак наблюдается у концепта МУЖЧИНА, но он является периферийным [Зайцева, 2018, с. 22]. Поэтому в структуре категории ЧЕЛОВЕК концепты МУЖЧИНА И СТУДЕНТ будут расположены дальше друг от друга, чем концепты МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА.

Как отмечал Дж. Лакофф, сходство всех объектов устанавливается человеком и является универсальным свойством, объединяющим их в одну категорию. Другой особенностью категории является то, что характеристики её объектов могут распространяться и на другие классы объектов [Лакофф, 2004, с. 120-130].

В концептуальных категориях немалую роль играют прототипы и прототипический эффект, предложенный Э. Рош. Исследователь обнаружила, что у каждой категории есть «лучший представитель», «прототип». В ходе экспериментов было обнаружено явление асимметрии, или прототипический эффект. Он заключался в том, что некоторые члены категории оценивались носителями языка как наиболее типичные представители категории, тогда как другие считались менее типичными (анализ труда Э. Рош см. [Лакофф, 2004, с. 21–22, 64]). Такой прототипический эффект в категориях может быть одним из ключевых моментов при исследовании различий между схожими концептами разных языковых культур. Так, обладая одинаковыми или близкими по содержанию элементами, концептуальные категории одной лингвокультуры будут отличаться от концептуальных категорий другой лингвокультуры тем, что некоторые её элементы будут более «типичны» для одной, чем для другой.

Обладая прототипической структурой, естественные категории имеют особое внутреннее строение, в основе которого лежит определенная «когнитивная модель знания», отражающая то, «в виде каких вариантов может быть встречен ее идеальный образец (инвариант) и какими сторонами может повернуться к нам отдельный представитель категории [Кубрякова, 2004, с. 103].

Дж. Лакофф, опираясь на данные предыдущих исследователей, в частности на работы Э. Рош, указывал на существование категорий базового уровня и категорий вышестоящих уровней. На базовом уровне целостно воспринимается структура «часть-целое», она соотносится с нашими знаниями о физическом мире, об объекте в целом и

функциях его частей. Категории объектов базового уровня зависят «от специфики взаимодействия людей с объектами», от того, как человек воспринимает, представляет объекты и систематизирует всю информацию. Базовые и вышестоящие уровни категорий различаются по способу восприятия. Объекты базового уровня можно охарактеризовать моторными действиями или образами (напр., стул представляется в определённом виде, человек может совершать с ним определенные действия). Объекты вышестоящего уровня (напр., мебель) невозможно описать таким образом. Вышестоящие категории имеют цель и функцию [Лакофф, 2004, с. 79].

Мы считаем, что для определения структуры концептуальной категории и выявления её элементов необходимо проведение лексикографического анализа по толковым, этимологическим, ассоциативным словарям, словарям синонимов и словарям пословиц и поговорок. Также для полной картины необходимо проанализировать большой объем материала разных видов дискурса (медийный, художественный, бытовой и т. п.) с целью определения всех возможных признаков концепта, организующего категорию. Следующий этап – соотнесение признаков категориального концепта с признаками других концептов. Такая работа позволит определить концепты, входящие в категорию, их значимость и место в общей структуре. После построения структуры концепта необходимо провести ассоциативный эксперимент, результаты которого позволят определить прототипический эффект в категории, выявить те элементы, которые возникают в сознании носителей языка в первую очередь.

3. Категориальный концепт СЕМЬЯ [Categorical concept FAMILY]

Для примера проведём лексикографический анализ слова *семья* и попытаемся установить некоторые элементы категории, образованной одноимённым концептом. В этимологии слова, вербализующего рассматриваемый концепт, выделяется несколько важных аспектов, входящих в его содержание: собирательность, общность и принадлежность к дому. Так, лексема *семья* происходит от старославянского собирательного существительного *съмиꙗ* – «челядь, рабы», которое в свою очередь образовано от слова *съмь* – «работник», «домочадец» [Цыганенко, 1989, с. 374]. Согласно значениям старославянской лексемы, можно сделать вывод о том, что этимологически слово тесно связано с домом и близким окружением. Так как в тот период челядью называли дворовых слуг, тех, кто работал при доме [Там же, с. 477]. Интересно, что само слово *челядь* происходит от индоевропейского корня **kelendi* – «совокупность отпрысков, членов рода», «поколение» [Там же]. Соответственно, лексема *съмиꙗ* применялась по отношению к группе людей, живущих и работающих в одном доме. Таким образом, с точки зрения этимологии признаками концепта можно считать следующие: «объединение людей», «дом».

Такие же признаки обнаруживаются при исследовании значений слова, указанных в толковых словарях. Сравним значения, предложенные в Большом толковом словаре русского языка: 1. Группа людей, состоящая из мужа, жены и детей и других близких родственников, живущих вместе; 2. Группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой; 3. Группа животных, состоящих из самца, самки и детенышей, живущих вместе; 4. Обособленная группа растений одного вида, произрастающих рядом; 5. Группа родственных языков [Кузнецов, 2000, с. 1175]. Здесь мы видим расширение значения слова, и признак «объединение» уже включает в себя не только людей, но и животных, языки, растения. Кроме того, очевидными признаками являются «общность» и «родственность», т. е. наличие общего основания, объединяющего людей, животных и т. п. Общность основана на родственных отношениях в прямом и переносном смыслах. Во втором значении группа людей обладает общими, т. е. родственными интересами, его участники близки друг другу по духу настолько, что их можно назвать родственниками в переносном смысле слова.

Исследование синонимов позволяет определить дополнительные признаки, относящиеся к концепту. Согласно словарям, синонимами слову *семья* являются *семейство, семейные, семейный круг, фамилия, близкие, дом, род, династия, домашний очаг* [Гаврилова, 2014, с. 340 ; Абрамов, 2021]. Интересно, что лексема *фамилия* произошла из латинского слова, изначально обозначающего *дворню, рабов* (ср. лексему *семья*), значения *дом, род, родня* появились позже [Черных, 1999, с. 302]. Синонимический ряд, вербализующий концепт СЕМЬЯ позволяет выделить признаки, указанные нами ранее, что подтверждает их значимость для носителей русского языка: «дом», «родственность».

Рассмотрим результаты ассоциативных экспериментов, отражённые в Русском ассоциативном словаре [Караулов и др., 2002] (далее – РАС) и в Славянском ассоциативном словаре под редакцией [Уфимцева и др., 2004] (далее – САС). Будем считать результаты, представленные в данных словарях равнозначными, поскольку эксперименты, на основе которых были составлены тезаурусы, проводились в один период – в конце 1990-х годов, со схожими по возрасту группами респондентов (со студентами). Кроме того, по нашему мнению, это наиболее обширные ассоциативные тезаурусы русского языка на данный момент.

По первым наиболее частотным реакциям на стимул *семья* мы видим, что важными признаками семьи в сознании русскоязычных носителей являются: «большой размер», «дети», «принадлежащая мне» и «прочность отношений». Эти признаки отражены в следующих реакциях: *большая* (82 РАС, 50 САС), *дружная* (63 РАС, 33 САС), *дети* (37 РАС, 48 САС), *моя* (27 РАС, 57 САС). Группировка ассоциатов для поиска частотных реакций подтверждает и расширяет данные признаки. Так, ядерный признак «прочность отношений» является частью более широкого признака «положительная характеристика», который составляет 7% от всех единичных реакций в РАС и 9% в САС (*счастливая, благополучная, идеальная, веселая* и т.п.). Признак «принадлежащая мне» является частью признака «принадлежащая кому-то», т. е. в русском языковом сознании важно, чья это семья (*наша, друга, соседа, тракториста, депутата* и т.п.). Он выражен в 9% ассоциатов в РАС и всего в 2% в САС. Признак «большой размер» представляет более широкий признак «размер», который составляет чуть меньший процент различных реакций – 5% в РАС и 7% в САС. Признак «наличие детей» проявляется небольшим разнообразием ассоциатов – 4,5% в РАС и 3% в САС. Вероятно, это связано с лексическими возможностями языка, ограниченностью вариантов, которые можно использовать при назывании ребенка (сюда относятся *дети, ребёнок, сын, дочь* и разные формы этих лексем).

Группировка ассоциатов позволила также выявить наиболее частотные реакции, отражающие следующие признаки концептов: «объединение» (10% РАС), «родственность», т. е. члены семьи – *родители, отец, жена* и т.п. (8% РАС, 10% САС), «условия», т. е. то, что может быть в семье – *тепло, любовь, забота, рутина* и т.п. (7% в РАС и 10 % в САС).

Менее частотные реакции представляют также и такие признаки, как «дом» – *очаг, уют, стол* и т. п. (5% в РАС и 8% в САС), «отрицательная характеристика» – *плохая, несчастливая, голодная* и т.п. (3% в РАС и 2% в САС), «официальные отношения» – *ячейка, брак, свадьба* (3% в РАС и 4% в САС), «события» – *развод, празднует, на прогулке* (обнаружено только в РАС – 3%).

Следует отметить, что некоторые ассоциаты были отнесены в две разные группы одновременно, так как могли отражать различные оттенки значения. Так, например *развод*, *брак, свадьба* могут быть вербализаторами как событий, так и официальных отношений. *Дочь, сын* актуализируют как признак «дети», так и «родственность» и т. п.

Таким образом, с помощью лексикографического анализа нам удалось выявить следующие признаки концепта СЕМЬЯ: «объединение людей / представителей растительного или животного мира», «дом», «общность», «родственность», «размер», «дети»,

«принадлежность к кому-то», «прочность отношений», «условия», «отрицательная характеристика», «положительная характеристика», «официальные отношения», «событие». Все признаки отражают значимые ключевые стороны рассматриваемого концепта и позволяют установить на их основе элементы категории, представляющие собой субкатегориальные концепты: ДОМ, РОДСТВЕННОСТЬ, ОТНОШЕНИЯ, СОБЫТИЕ, РАЗМЕР, ЕДИНСТВО, СВОЙ-ЧУЖОЙ. Выделенные концепты представляют собой вышестоящий уровень категории. Их можно разбить на более мелкие концепты, в частности те, которые будут представлять базовый уровень коцептуальной категории. Например, концепт РОДСТВЕННОСТЬ обладает подкатегорией РОДСТВЕННИК, которая, в свою очередь, включает в себя такие концепты, как РЕБЁНОК, РОДИТЕЛИ, БАБУШКА и другие. Субкатегориями концепта РАЗМЕР будут концепты, отражающие количество членов семьи: МНОГОДЕТНОСТЬ, ПОЛНАЯ СЕМЬЯ, НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ. Указанные концепты связаны с концептом СЕМЬЯ в сознании носителей языка, что отражено в результатах ассоциативного эксперимента. Анализ ассоциатов позволяет утверждать, что одними из прототипов категории являются концепты РЕБЁНОК и СВОЙ-ЧУЖОЙ.

Спецификой субкатегориального концепта СОБЫТИЕ можно считать то, что его субкатегориями являются разные типы концептов, в том числе, например, концепт-сценарий СВАДЬБА, концепт-мыслительная картинка ПРАЗДНИК, концепт-фрейм РАЗВОД[1].

При определении элементов категории, объединенной категориальным концептом СЕМЬЯ, были выявлены особенности концептуальной категории. Во-первых, не все признаки субкатегориальных концептов могут описывать категориальный концепт, и этот факт следует учитывать при анализе и при построении структуры категории. Так, например, к признакам концепта РАЗМЕР относятся: «величина», «масштаб», «повторяющаяся комбинация» (признаки определены исходя из лексикографического анализа Большого толкового словаря русского языка под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов, 2000, с. 1072]). Очевидно, что только ядерный признак «величина» может относиться к концепту СЕМЬЯ. Концепт СОБЫТИЕ может включать в себя разнообразные явления и факты жизни [Там же, с. 1225]. К событиям, в том числе, относятся природные явления, общественные и личные события. Не каждое событие будет связано с концептом СЕМЬЯ.

Второй особенностью концептуальной категории является то, что некоторые концепты могут повторяться в двух или нескольких субкатегориях. К примеру, субкатегория РЕБЁНОК может быть отнесена и к концепту РОДСТВЕННИК, и к концепту РАЗМЕР (МНОГОДЕТНОСТЬ). СВАДЬБА может стать субкатегорией концептов СОБЫТИЕ и ЕДИНСТВО.

Заключение [Conclusion]

Итак, для построения концептуальной категории необходимо в первую очередь провести лексикографический анализ лексемы, вербализующей категориальный концепт. Анализ позволит определить признаки концепта, на основе которых можно выявить субкатегориальные концепты данной категории. При этом следует учитывать то, что не все признаки концептов, входящих в категорию, соотносятся с категориальным концептом. Кроме того, некоторые элементы категории могут повторяться в нескольких субкатегориях. Очевидно, что для создания наиболее полной модели категории лексикографического анализа недостаточно. Следует провести анализ различных видов дискурса и невербальных средств реализации категориального концепта для установления всех его возможных признаков. Наконец, необходим анализ как минимум ключевых субкатегориальных концептов, что позволит расширить представление об исследуемом объекте.

[1] Разумеется, развод тоже может быть представлен как концепт-сценарий, а праздник может быть фреймом, но анализ этих случаев выходит за рамки данной статьи и составит перспективу исследования.

Апробация модели концептуальной категории на примере категориального концепта СЕМЬЯ показала следующие результаты. Во-первых, признаками концепта СЕМЬЯ, выявленными при лексикографическом анализе, являются «объединение людей», «дом», «общность», «родственность». Во-вторых, признаками концепта СЕМЬЯ, выявленными при анализе ассоциативно-вербального словаря являются «объединение людей / представителей растительного или животного мира», «дом», «общность», «родственность», «размер», «дети», «принадлежность к кому-то», «прочность отношений», «условия», «отрицательная характеристика», «положительная характеристика», «официальные отношения», «событие». В-третьих, на основе выявленных признаков определены следующие концепты, входящие в рассматриваемую концептуальную категорию: ДОМ, РОДСТВЕННОСТЬ, ОТНОШЕНИЯ, СОБЫТИЕ, РАЗМЕР, ЕДИНСТВО, СВОЙ-ЧУЖОЙ, РОДСТВЕННИК, РЁБЕНОК, РОДИТЕЛИ, БАБУШКА, МНОГОДЕТНОСТЬ, ПОЛНАЯ СЕМЬЯ, НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ. Наконец, прототипами концептуальной категории СЕМЬЯ являются концепты РЕБЁНОК И СВОЙ-ЧУЖОЙ.

Список литературы

Абрамов, 2021 – Словарь синонимов / под ред. Н. Абрамова. URL : https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения : 20.01.2021).

Богословская, Новикова 2019 – Богословская З. М., Новикова В. С. Признаки концепта «СТУДЕНТ», репрезенитрованные в национальном корпусе русского языка // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 9 (206). С. 72–77.

Болдырев, 2009 – Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М. ; Тамбов, 2009. С. 25–77.

Болдырев, 2011 – Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник ТГУ. 2011. Вып 1 (93). С. 9–16.

Гаврилова, 2014 – Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / под ред. А. С. Гавриловой, М. : «Аделант», 800 с.

Голованова, 2008 – Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение. Челяб. гос. ун-т, Челябинск : Энциклопедия. 2008. 180 с.

Голованова, 2010 – Голованова Е. И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестник Удмуртского ун-та. История и филология. 2010. Вып. 2. С. 85–91.

Зайцева, 2018 – Зайцева К. А. Концепты «мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира // Ученые записки Комсомольского-На-Амуре государственного технического университета. 2018. Т. 2, № 3 (35). С. 21–23.

Караулов и др., 2002 – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю. Н .Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к рекции: Ок. 7000 стимулов. М. : АСТ-Астрель, 2002. 784 с. Т. II. От стимула к рекции: Более 100 000 реакций. М. : АСТ-Астрель, 2002. 992 с. URL : http://tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения : 20.01.2021).

Кравченко, 2015 – Кравченко С. Ю. Прототипический подход и процесс категоризации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45), Ч. 1. С. 117–119.

Кубрякова, 1997 – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Кубрякова, 2004 – Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Кузнецов, 2000 – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб : «Норинт», 2000. 1536 с.

Лакофф, 2004 – Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Уфимцева – Уфимцева Н. В. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с. URL : http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html (дата обращения : 20.01.2021).

Цыганенко, 1989 – Этимологический словарь русского яызка / под ред. Г. П. Цыганенко. 2-е изд. Киев : Радянська шк., 1989. 511 с.

Черных, 1999 – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М. : Русский язык, 1999. 560 с.

Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / E. Rosch, B. B. Lloyd (Eds.). Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Wittgenstein, 1969 – Wittgenstein L. The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the "Philosophical Investigations". Oxford : Blackwell, 1969. 208 p.

UDC 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34

Tatiana V. Borisenko, Svetlana A. Pitina
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation
tatiana-tv11@yandex.ru, sap.pitina@rambler.ru

Some specific features of conceptual category organization (Based on Russian)

Abstract
This article describes the notions of conceptual category, categorical and subcategorical concepts. The purpose of the work is to provide the rationale for applying the term “categorical concept”. We also offer the method for designing conceptual category structure and identifying its elements. The key role for the method is assigned to categorical concept features. To exemplify that, we performed lexicographical analysis of the categorical concept FAMILY in Russian linguaculture. We carried out the analysis using etymological, associative, definition dictionaries and dictionaries of synonyms. The study showed some peculiarities of a conceptual category structure. Particularly, it was demonstrated that not all features of subcategorical concepts correspond to the categorical concept, at the same time, some elements of a category can be assigned to different categorical groups. The analysis showed a number of concept FAMILY features: «association of people», «home», «unity», «size», «children», «belonging to someone», «strength of relationship», etc. Concepts that can be accepted as elements of the category are identified on the basis of the features. In the model FAMILY they are HOME, RELATIVE, EVENT, RELATIONSHIPS, SIZE, and others. Prototypical elements for the model are CHILD AND US – THEM. The outlook for further studies would be examining different types of discourse as well as identifying subcategorical features to build a more complete conceptual category.

Keywords: category, categorical concept, conceptual category, concept FAMILY, Russian linguistic culture, the Russian language.

© Borisenko T. V., Pitina S. A. 2021

For citation: Borisenko, T. V., Pitina, S. A. (2021). Nekotorye osobennosti organizatsii kontseptual'noy kategorii (na materiale russkogo yazyka) [Some specific features of conceptual category organization (Based on Russian)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 26–34. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_26_34.

References

Abramov, N. (Ed.). (2021). Slovar' sinonimov [Dictionary of synonyms]. Retrieved January 20, 2021 from <https://gufo.me/dict/synonyms_abramov>.

Bogoslovskaya, Z. M., Novikova V.S. (2019). Priznaki kontsepta «STUDENT», reprezenitrovannye v natsional'nom korpuse russkogo yazyka [Signs of concept “STUDENT” represented in Russian

National Corpus]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 9 (206), 72–77.

Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka [Conceptual basis of language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language]. Issue IV : Kontseptualizatsiya mira v yazyke [Conceptualisation of the world in language] (pp. 25–77). Moscow, Tambov.

Boldyrev, N. N. (2011). Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovanii yazykovykh kategoriy [The Role of the interpretative in linguistic category formation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 1 (93), 9–16.

Gavrilova, A. S. (Ed.). (2014). Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo yazyka [Dictionary of synonyms and antonyms of modern Russian language]. Moscow : Adelant Press.

Golovanova, E. I. (2008). Kognitivnoe terminovedenie [Cognitive terminology science]. Chelyabinsk : Entsiklopediya Press.

Golovanova, E. I. (2010). Bazovye kognitivnye ponyatiya i razvitie terminovedeniya [Basic cognitive categories and terminology science development]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology], 85–91.

Zaytseva K. A. (2018). Kontsepty «muzhchina» i «zhenshchina» v russkoy yazykovoy kartine mira [Concepts «man» and «woman» in Russian linguistic picture of the world]. *Učenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Scholary Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University], 2, 3 (35), 21–23.

Karaulov, Yu. N., Cherkasova, G. A., Ufimtseva, N. V., Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (2002). *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. In 2 volumes. Vol. I : Ot stimula k rektsii: Ok. 7000 stimulov [From stimulus to reaction: Around 7000 stimuli]. Moscow : AST-Astrel' Press. Vol. II. Ot stimula k rektsii: Bolee 100 000 reaktsiy [From stimulus to reaction: Around 100 000 stimuli]. Moscow : AST-Astrel' Press. Retrieved January 20, 2021 from <http://tesaurus.ru/dict/dict.php>.

Kravchenko, S. Yu. (2015). Prototipicheskiy podkhod i protsess kategorizatsii [Prototypical approach and process of categorization]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 3 (45), Part 1, 117–119.

Kubryakova, E. S. (1997). Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow : Moscow State University Press.

Kubryakova, E. S., (2004). Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' v poznanii mira [Language and knowledge. Towards acquiring the knowledge about language: Parts of speech from the cognitive point of view. The role of language in the world cognition]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Big definition dictionary of the Russian language]. St Petersburg : Norint Press.

Lakoff, G. (2004). Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi. Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Ufimtseva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, Yu. N., Tarasov, E. F. (2004). *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar'. Russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavonic associative dictionary. Russian, Belorussian, Bulgarian]. Moscow. Retrieved January 20, 2021 from <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/index.html>.

Tsyganenko, G. P. (Ed.). (1989). Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka [Russian etymological dictionary]. Kyiv : Radyans'ka shk. Press.

Chernykh, P. Ya. (1999). Istoriko-etimologicheskiy slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Historical etymological dictionary of modern Russian language]. Vol. 2, Moscow : Russkiy yazyk Press.

Rosch, E. (1978). Principles of Categorization. In E. Rosch, B. B. Lloyd (Eds.), *Cognition and Categorization* (pp. 27–48). Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.

Wittgenstein, L. (1969). *The Blue and Brown Books: Preliminary Studies for the "Philosophical Investigations"*. Oxford : Blackwell.

УДК 81'282.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51

Борисова Ольга Геннадиевна, Костина Людмила Юрьевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Российская Федерация
leliastom@mail.ru, patriot30@mail.ru

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когниции

Аннотация
В статье рассмотрены когнитивные механизмы возникновения кубанских устойчивых выражений с анималистической лексикой, репрезентирующих значимый фрагмент диалектной картины мира. Языковой базой исследования послужили региональные печатные и рукописные лексикографические источники по кубанским говорам, а также данные многолетних диалектологических экспедиций. Продемонстрировано разнообразие когнитивных механизмов, в основе которых лежат непосредственные наблюдения носителей говора за повадками, особенностями внешности, голоса, запаха животных и за действиями человека по отношению к ним. Количество и разнообразие найденных единиц подтверждают значимость зооморфного кода в мировосприятии жителей Кубани. Выявлены этнокультурные приращения устойчивых выражений, раскрывающие своеобразие картины мира сельского жителя. Проанализированы дискурсивные источники появления фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, что позволило проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний человека. Показано, что в значениях кубанских фразеологизмов как продукте когнитивно-дискурсивной деятельности диалектоносителей интегрируются результаты чувственных впечатлений и деятельностного познания окружающего мира.

Ключевые слова: диалектная картина мира, зооморфный код, кубанские говоры, механизмы когниции, зоонимы, фразеологизмы.

© Борисова О. Г., Костина Л. Ю. 2021

Для цитирования: Борисова О. Г., Костина Л. Ю. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: механизмы когниции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 35–51. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51.

1. Введение [Introduction]

Фразеологический фрагмент диалектной картины мира (далее – ДКМ) транслирует мировосприятие народа в разных аспектах и на разных этапах его существования. Своеобразие воззрений человека на окружающий мир наиболее ёмко и лаконично проявляется на фразеологическом уровне. К одной из наиболее распространённых и древних форм языковой номинации относится анималистическая фразеология, поскольку человеку свойственно постигать окружающий мир и самого себя как часть этого мира через сравнение с животными. В кубанских говорах (далее – КГ) фразеологические единицы (далее – ФЕ) с компонентом-зоонимом образуют многочисленный и колоритный пласт. В диссертационных исследованиях по КГ они рассматривались в структурно-семантическом аспекте (см. [Борисова, 2019 ; Чалов, 1981]). Новизна работы, результаты которой представлены в данной статье, заключается в том, что впервые кубанские ФЕ с анималистической лексикой, репрезентирующие значимый фрагмент ДКМ жителей Кубани, подвергаются когнитивному анализу с целью выявления механизмов когниции.

Фактологической базой исследования послужили диалектные фразеологические единицы (далее – ДФЕ) с зоонимами, представленные в региональных печатных и руко-

писных лексикографических источниках [Русский говор…, 1991 ; Андрющенко и др., 2009 ; Борисова, 2018 ; Лексика и фразеология..., 2019], а также данные полевых экспедиций 2005–2019 гг.

2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ языкового материала демонстрирует разнообразие когнитивных механизмов возникновения ДФЕ с анималистической лексикой, в основе которых лежат непосредственные наблюдения за повадками животных, особенностями их внешности, голоса, запаха и т. д. В процессе этих наблюдений человек опирается на чувственные впечатления и в силу антропоцентричности своего мировидения проводит параллель между собственным миром и миром животных. Полученная благодаря органам чувств (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние) информация, обусловливающая процесс фразеологической номинации, анализируется и интерпретируется головным мозгом, превращаясь в продукт когнитивной деятельности. Выявление образных оснований ДФЕ с компонентом-зоонимом позволяет через обыденные, привычные представления о животных обнаружить этнокультурные приращения устойчивых выражений, раскрывающие своеобразие картины мира сельского жителя.

Подавляющее большинство кубанских ФЕ с анималистической лексикой опирается на зрительное восприятие. Так, воинственность, драчливость, важность при ходьбе *петуха´ / ко´чета* воплотились в следующих устойчивых оборотах: *пету´х драчли´вый* ‘об очень вспыльчивом человеке’, *стоя´ть петуха´ми* ‘стоять в позе, готовой к драке’, *ходи´ть ко´четом / как ко´чет* ‘важничать, хвастаться’. Агрессивность кавказского слепца (*зи´ньский щеня´*), который первым нападает (*кы´дается*) на человека, впиваясь острыми зубами в икры ног, нашла отражение в устойчивом сравнении (далее – УС) *кы´даться як зи´ньске щеня´* ‘агрессивно нападать на кого-л.’. Этот зверёк обладает способностью высоко прыгать (*си´гать*), что стало основанием для появления УС *си´гать як зи´ньске щеня´* ‘высоко подпрыгивать (чаще о детях)’. В УС *прыста´ть як до хли´бу черепа´шка* ‘вести себя излишне назойливо’ актуализируется следующая дискурсивная ситуация: клоп черепашка, являясь опасным вредителем злаковых культур, особенно яровой пшеницы, прилегает к растению и высасывает из него сок.

См. также другие ДФЕ, возникшие как результат зрительных наблюдений над поведением и действиями животных: *би´(е´)гать ~ як вша по га´шныку, як за´санна(я) мы´ша, як бе́шена(я) худо́ба* ‘суетиться без толку’, *бу´читься як тело´к* ‘проявлять упрямство’, *вы´качаться як свыння´* ‘сильно испачкаться’, *гляде´ть / смотре´ть / коси´ться бугаём / я´стребом* ‘глядеть / смотреть злобно’, *забра´ться как волк в коша´ру* ‘нахально войти куда-л.’, *загляда´ть как / як соро´ка в масла´к* ‘1) смотреть с опаской; 2) смотреть с удивлением’, *замёрзнуть як цуценя´, труси´(ы´)ться як цуценя´* ‘сильно замёрзнув, дрожать от холода’, *засыди´ться як кво´чка на гнезди´* ‘не выйти замуж в положенный срок’, *копа´ться / ковыря´ться как жук в наво´зе / говне´* ‘очень долго и медленно выполнять какую-л. работу, делать что-л.’, *нае´сться / напи´ться как бу´зевок* ‘наесться / напиться до отвала’ (*бу´зевок* ‘годовалый телёнок’), *носи´(ы´)ться ~ как кот с са´лом, как / як ку´рка с яйцо´м / с кра´шенкой* ‘уделять излишнее внимание кому- или чему-л.’, *прычепы´ться як жа´ба на пенёк* ‘примоститься на самом краешке’, *россе´сться як кво´чка* ‘1) расположиться надолго на одном месте’; 2) сесть, заняв много места’, *сиде´ть как кво´чка* ‘сидеть неподвижно на одном месте’, *ходи´ть как опоённая ло´шадь* ‘ходить удручённым чем-л.’, *ходы´ть як соба´ка за су´чкой* ‘быть очень сильно к кому-л. привязанным’, *шала´ться як кобе´ль* ‘вести разгульный образ жизни (о мужчине)’, *шкандыба´ть як кля´ча* ‘ковылять, хромать’, *как моль съе´ла* ‘мгновенно исчезло’, *живу´т(ь), як пчёлы в у´лик ле´зут* ‘о людях, живущих в тесноте’. Названные

устойчивые обороты, как правило, номинируют действия и состояния человека, что характерно для глагольных ДФЕ в целом [ср. Фёдоров, 1980, с. 86].

Поведенческие особенности животных лежат в основе ряда номинативных и адъективных ДФЕ. Так, заторможенность и вялость кастрированных баранов или козлов (*ва´лухов*) стала образным основанием УС *як / как ва´лух* ‘о медлительном, нерасторопном человеке’. Появление УС как *спа´совский зык* ‘о злом человеке’ вызвано тем, что *зык* ‘овод’ наиболее активен в сухую, жаркую погоду, которая приходится на Кубани на август, когда отмечается церковный праздник – Спас. См. также: *ко´шка на дыбо´шки* ‘о человеке, резко проявляющем несогласие, отстаивающем кого- или что-л.’, *як ки´шка з(с) кошеня´мы* ‘о женщине, заботливо относящейся к детям’, *боязко´й як за´яц* ‘о трусливом человеке’, *норови´тый як конь* ‘об упрямом, с норовом человеке’, *як пу´жаный ко(и)т* ‘о напуганном человеке, чувствующем свою вину’, *як мы´ша* ‘о юрком, быстром человеке’, *как шурпе´ки* ‘о воинственно настроенных людях, готовых быстро и стремительно напасть на своего противника’ (*шурпе´к* ‘коршун, охотящийся на домашнюю птицу’).

Поведение и физические особенности отдельных животных позволяют сделать выводы об их умственных способностях. Эти характеристики становятся основанием ДФЕ, в которых отсутствие интеллекта и смекалки у человека раскрываются через понятные для членов диалектного сообщества образы домашних животных. Так, с глупостью и несообразительностью в языковом сознании носителей КГ ассоциируются овца и свинья. См., напр.: *овца´ непониму´чая* ‘о бестолковом, плохо соображающем человеке’, *как свинье´ не´ба не вида´ть* ‘чего-то не достигнуть, не добиться из-за отсутствия способностей’, *не дал Бог свинье´ рог* ‘кто-л. не имеет каких-л. способностей или возможностей’. В указанных ДФЕ отсутствие ума и смекалки подчёркивается с помощью отрицательной частицы / приставки НЕ. Принцип недостаточности, неполноты лежит в основе многих русских ФЕ, характеризующих нарушения умственных способностей человека [Ивашко, 1981]. В УС *как сто свине´й дурно´й* ‘об очень глупом человеке’ негативное отношение к недостатку ума усиливается гиперболой. Глупость в языковом сознании носителей КГ может ассоциироваться с неопытностью, являющейся следствием молодого возраста, что находит отражение в двух ДФЕ: *ды́ке курча́* ‘несмышлёный, неопытный человек, обычно ребёнок’ и *дурне´ теля´* ‘о глупом, неопытном, молодом человеке’. В их состав входят наименования детёнышей животных, имеющих в КГ с украинской языковой основой форму среднего рода. В этих древних формах запечатлелось древнерусское восприятие неполновозрастных существ как несамостоятельных и социально-пассивных.

В основании ФЕ, возникших на основе зрительного восприятия животных, лежат не только их повадки, но и внешний вид, который, как правило, проецируется на человека. См., напр.: *кобы´ла стры´жена(я)* ‘о девушке или женщине с короткой стрижкой’, *козёл безборо´дый, цап задри´станный* ‘выражение презрительного отношения к мужчине’, *лупа´та(я) сова´* ‘о человеке с глазами навыкате’, *хоть / хочь саранчу´ топчи´* ‘об очень большом размере ноги’ (*саранча* – одно из самых крупных насекомых, встречающихся на Кубани, в длину составляет 9 см), *мане´нька соба´чка до сме´рти / до ста´рости шарча´* ‘о невысоком, щуплом человеке, который в зрелые годы выглядит моложаво, поэтому его возраст трудно определить’ (*шарча´* ‘щенок’), *як гавыня´та* ‘о голодных детях, ждущих, когда им дадут поесть’ (*гавыня´та* ‘птенцы вороны’), *як горобе´ц(ь)* ‘о маленьком ребёнке’ (*горобе´ц(ь)* ‘воробей’), *як ки´шка сыдя´ча* ‘о худой, щуплой девушке или женщине’, *як королёк* ‘о человеке небольшого роста’ (*королёк* ‘небольшой петушок или курочка’), *как парши´вый курёнок* ‘о слабом, болезненном ребёнке’, *як курча´та* ‘о маленьких детях, сбившихся стайкой’ (*курча´та* ‘цыплята’), *как свинья´ под лопухо´м* ‘о смешном, нелепом внешнем виде человека’, *как ча´пля* ‘об очень худом человеке’ (*ча´пля* ‘цапля’), *кы´рпа як у поросёнка* ‘о носе, напоминающем

круглое рыло поросёнка’, *гла´дкий як буга´й* ‘о толстом, упитанном мужчине’, *дли´нный как гадю´ка* ‘о чём-л. очень длинном’[1], *гря´зный как чушка´*, *забрёханный як порося´* ‘об очень грязном человеке’, *здоро´вый / кру´пный як буга´й* ‘о сильном, физически крепком мужчине’, *краси´(ы´)вый как / як ко(и)нь си´(ы´)вый* ‘*ирон*. о постаревшем, некрасивом человеке’, *рябо´й как ку´рица* ‘о конопатом человеке’, *си´ний як ку´ра´чий пуп* ‘о посиневшем от холода человеке’, *стро´йна(я) як кобылы´ця* ‘о стройной девушке или женщине’, *то´лстоха´рий як хряк* ‘о человеке с крупным, толстым лицом’, *наду´ться як инды´к* ‘о человеке, выражающем своим видом обиду и недовольство’ и др. Среди представленных примеров преобладают компаративные обороты. В отдельных случаях у них фиксируется отсутствие основания сравнения, необязательность которого объясняется тем, что «этот признак оказывается выделенным уже в коллективном сознании говорящих и для его проявления достаточно указания на сам факт сравнения» [Огольцов, 1978, с. 80–81]. Представляется, что образные зрительные ассоциации пламени и яркого оперения петуха легли в основу ДФЕ *пусти´ть кра´сного ко´чета / петуха´* ‘устроить пожар’ (см. также др. версии в [Бирих и др., 2001, с. 443–444]).

К ориентированным на слуховые ассоциации можно отнести следующие кубанские устойчивые выражения: *как гу´си на вы´пасе* ‘о громко говорящих, галдящих людях’, *брехли´вый / балаку´чий як соро´ка* ‘о болтливом человеке’, *выть як су´чка на я´рмарке, реве´ть як буга´й* ‘громко плакать’ (*буга´й* ‘некастрированный бык’), *иржа´ть як / как кобы´ла* ‘о громко смеющейся девушке или женщине’, *мурча´ть как кот над са´лом* ‘испытывать удовольствие, наслаждение’, *регота´ть як лоша´ка, ржать как ме´рин в сто´йле* ‘о громко смеющемся человеке’, *скавча´ть як цуценя´* ‘тихо плакать, ныть’ (*цуценя´* ‘щенок’), *скубты´сь как саба´ки* ‘ругаться, ссориться’, *подхвати´ть се´лезня* ‘простудиться и громко кашлять’ и др.

Наблюдая за петухами, сельские жители замечали, что они поют три раза за ночь: первые петухи – в полночь, вторые – до зари и третьи – на заре. В этой связи закономерно использование зоонима *кочеты´* в ДФЕ *с пе´рвыми кочета´ми*, *до пе´рвых кочето´в* ‘в первом часу ночи’, *со вторы´ми кочета´ми*, *до вторы´х кочето´в* ‘во втором часу ночи’, *с тре´тьими кочета´ми, до тре´тьих кочето´в* ‘в четвертом часу утра, перед рассветом’, в которых актуализируется значение ‘раннее время’. *Тре´тьи кочеты´* будят для утренних доек и выгона скота на пастбища. Таким образом, зооним *кочеты´*, как и его общенародный синоним *петухи´*, является в КГ темпоральным словом, обозначающим определенное время суток. Образным основанием ДФЕ *в свино´й / свыня´чий го´лос* ‘очень поздно’ также являются слуховые ассоциации – хрюканье и визг поздно возвращавшихся с пастбища свиней, которых раньше не держали в хлеву, а выгоняли пастись, как коров.

Наличие в КГ компаративных оборотов *го´лос как у поросёнка в моро´з, го´лос як у козла´ писля´ моро´за, как / як той солове´йко, што куре´й / кур ду´шит*, характеризующих резкий, визгливый голос – признак отсутствия певческих данных, связано с мощными песенными традициями кубанских казаков, для которых неумение петь считалось большим недостатком, – к тем, у кого отсутствовал певческий голос, относились пренебрежительно и иронически.

В состав ДФЕ *в голове´ жуки´ гудя´т(ь)* ‘у кого-л. сильно повысилось давление, появился шум в голове’ и *чмылы´ слу´хать* ‘быть в бессознательном состоянии’ входят инсектонимы, жужжание которых ассоциируется в сознании диалектоносителей с болезненным состоянием – шумом в голове и потерей сознания. Актуализация значения ‘оказаться вдруг в одиночестве, в тишине’ у ДФЕ *шмеле´й (чмеле´й) слу´хать*

[1] В наших материалах данное УС не зафиксировано по отношению к человеку. Приведём один из контекстов: *Там, на Цылине´,* ***го´ны дли´нныи как гадю´ки****: пака´ прае´диш – ужэ´ абе´т* (ст-ца Зассовская), где *гон* ‘участок пахотной земли’.

(слу´шать) обусловлена иной дискурсивной ситуацией: спустя некоторое время после пребывания в одиночестве и тишине нервные клетки, передающие звук, посылают в мозг различные сигналы, и человек начинает улавливать не слышимые в повседневности звуки, вследствие чего от нервного напряжения тишина становится звенящей («жужжащей»).

Слуховые ассоциации являются основанием и для адвербиальных устойчивых выражений: *как жук в но´рке* ‘тихо, незаметно’, *как мышь / мы´ша на ру´шке* ‘очень тихо, неслышно’.

Возникновение значения ‘*выпь*’ у устойчивого номенклатурно-терминологического словосочетания (далее – УНТС) *водяно´й буга´й* можно объяснить сходством крика птицы с рёвом быка-бугая [ср. Шипова, 1976, с. 89]. В КГ данное УНТС номинирует и жука (Hydrophilus piceus), который также издаёт громкие звуки. Полагаем, что в данном случае наблюдается одна из разновидностей семантической деривации – омонимическое притяжение, при котором единая материальная оболочка обретает разные значения благодаря прозрачной и понятной членам диалектного сообщества внутренней форме.

Ряд ДФЕ базируется на осязательных, обонятельных или вкусовых впечатлениях носителей КГ. См., напр.: *ти´кы жаб коло´ть* ‘о тупом ноже’, *злой как осе´нняя му´ха* ‘о злом человеке’, *мо´кри як курча´та* ‘о детях с босыми промокшими ногами’, *мо´крый як мы´ша* ‘о сильно вспотевшем человеке’, *ру´ки / но´ги как у жа´бы* ‘об очень холодных конечностях’, *ско´льзкий как ужа´ка* ‘о хитром, изворотливом человеке’, *как коты´ соса´ли* ‘о слипшихся, давно не расчёсывавшихся волосах’, *по животу´ ко´шки ла´зят* ‘у кого-л. появилось большое желание выпить спиртное’, *ко´шки скубу´т* ‘у кого-л. тоскливо и тревожно на душе’, *не ню´хать ш(с)мале´ного во´л(в)ку(а)* ‘не знать трудностей’, *па´хнет сма´леным во´л(в)ком* ‘назревают какие-то неприятности’, *оце´ в ро´ти на´че гу´си переночува´лы* ‘о неприятном ощущении во рту с похмелья’, *не йисть до´хлого ко´ршуна* ‘не знать трудностей’ и др.

Когнитивную основу некоторых устойчивых оборотов составляют одновременно и слуховые, и зрительные ассоциации. Так, поведение собаки и человека в новолуние нашло отражение в ДФЕ, равной по структуре сложному предложению, – *на молодику´ соба´ки бе´сятся и лю´ди ве´сятся*, номинирующей их нервозное состояние. Общеизвестно влияние Луны на гравитационное поле Земли, изменение которого и приводит к меланхолии и депрессии у человека и перевозбуждению и вою у собак. Ещё один пример – УС *расходи´лась как кво´чка пе´ред бу´рей* ‘о женщине, впавшей в нервозное состояние, бурно выражающей свои эмоции’. УС возникло из наблюдений над курами, которые, предчувствуя приближение грозы, начинают кудахтать и беспокойно себя вести.

Чувственные ассоциации, как показывают приведённые устойчивые обороты, способствуют созданию ярких, запоминающихся образов, вызывающих чёткое представление о сравниваемом объекте, в результате чего рождаются этнически и культурно маркированные ФЕ. Дискурсивные источники появления кубанских ФЕ с компонентом-зоонимом разнообразны. Их выяснение позволяет проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний об окружающем мире.

Ряд ДФЕ обязан хозяйственной и промысловой деятельности кубанских казаков. Так, из охотничьего лексикона в КГ пришёл компаративный оборот *гоня´ть как / як солёного / соло´ного за´йца* ‘ругать, устраивать нагоняй’. Известно, что охотники приманивают зверей, в том числе зайцев, устраивая специальные сооружения для подкормки животных солью (*солонцы´*). Можно привести и другие устойчивые выражения, возникшие в пространстве охотничьего дискурса: *ле(и)зть во´л(в)ку в пасть* ‘подвергать себя опасности’, *хоть / хочь волко´в / соба´к гоня´й* ‘о холодном помещении’, *как вол(в)к в шерсти´* ‘о страшном, обросшем человеке’, *как го´нчая* ‘о том, кто успевает делать много дел, часто в разных местах’, *бе´гать как ку´цый хвост за за´йцем* ‘ухаживать за

девушкой’, *гребану´ть як на взлёт у´тка* ‘побежать, стремительно сорвавшись с места’, *жить как бирю´к в норе´* ‘жить одиноко, замкнуто’.

С рыбацким промыслом, который весьма развит среди кубанских казаков, связаны следующие ДФЕ и УС: *саза´н икря´ный* ‘прозвище толстых мужчин’, *гнать тю´льку по мо´рю, трави´ть тю´льку* ‘врать’, *налови´ть ры´бки* ‘обмочиться (о детях)’, *ры´бку рыба´чить, а ры´бку не ба´чить* ‘страдать недержанием мочи (о детях)’, *шеле´сть ры´ба в во´ду и не бу´лькнула* ‘что-л. бесследно исчезло или кто-л. незаметно ушёл’, *как ры´ба в воде´* ‘о человеке, ведущем замкнутый образ жизни’, *худо´й ~ як треска´, як чехо´ня, как тара´н(ь)ка, юркы´й як лищ* ‘об изворотливом человеке’, *попа´ться как сом в ве´ршу* ‘попасть впросак’, *трепа´ться как ры´ба об лёд / би´ться як ры´ба подо льдо´м* ‘тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения; бедствовать’.

При всём многообразии видов трудовой деятельности приоритетными на Кубани являются земледелие и животноводство. Для сельского человека они залог достатка и благополучия, которые не могут быть достигнуты при занятии другими видами деятельности. Недаром кубанцы шутят: *ры´бка да за´йчики дове[э]ду´т(ь) до ста´рчики / ры´бка та за´йчикы заве[э]ду´т(ь) у ста´рчикы*, т. е., занимаясь охотой и рыбалкой, останешься бедным, много не заработаешь (*ста´рчика* ‘нищета’). С разведением домашнего скота и уходом за ним связаны такие ДФЕ, как *быка´м / вола´м хвосты´ крути´(ы´)ть* ‘работать на волах ездовым, выпасать волов’, *коня´м / коня´кам хвосты´ крути´(ы´)ть* ‘ухаживать за лошадьми’, *коро´вам хвосты´ крути´(ы´)ть* ‘работать дояркой или скотником, пасти коров, числиться работником молочно-товарной фермы (МТФ), быть животноводом’, *теля´там хвосты´ крути´(ы´)ть* ‘работать телятницей’, *сви´ньям хвосты´ верте´ть* ‘работать на свиноферме’. Все приведённые ДФЕ функционируют в КГ в двух значениях: ‘1) выполнять несложную или грязную, не пользующуюся уважением и не требующую особой квалификации и большого ума работу; 2) бездельничать’.

Понятие *бездельничать* в говорах подвергается детализации, концептуализируясь в ДКМ в силу культурной значимости труда в сознании сельского человека. В КГ зарегистрирован ряд пейоративно окрашенных ДФЕ с интегральной семой ‘бездельничать’, в значении которых выделяются дифференциальные семы ‘заниматься заведомо бесполезной работой’. В этих фраземах могут отражаться как правдоподобные, так и воображаемые действия человека над животным. Так, реальные дискурсивные ситуации (чаще с участием мальчишек) выступают прототипом следующих ДФЕ: *лягу´шек бить, глаза´ лягу´шкам выковы´ривать / выши´ривать, горобцо´(и´)в гоня´ть, соба´к дразни´ть / дратува´ть, горобця´м ду´ли круты´ть / дава´ть, гав ловы´(и´)ть, мух ловы´(и´)ть*. Экспрессивность ФЕ *на соба´ках шерсть бить, соба´кам се´но коси´ть, на соба´к га´вкать / бреха´ть* базируется на отсутствии в действиях, выраженных глагольным компонентом, здравого смысла. ДФЕ *води´ть обезья´ну* имеет дифференциальную сему ‘ходить по гостям, шататься’. Наличие в составе выражения экзотичного для Кубани зоонима повышает экспрессивный тонус фразеологизма. Воображаемое действие актуализируется и в ДФЕ *коту´ / ко´(и´)шке хвоста´ не завяза´ть* ‘ничего не делать по дому’. Появление дифференциальной семы ‘по дому’ связано с тем, что коты устойчиво воспринимаются носителями диалекта как животные, в большей степени привязанные к дому, ко двору, чем к хозяину, поэтому ассоциируются с домашним бытом. Реальные действия человека переосмысливаются в обладающих диффузной семантикой ДФЕ *трём сви´ньям то´лку не дать, трём сви´ньям йи´сты не разде´ле*, иронично номинирующих медлительного, ленивого, нерасторопного человека, неспособного что-л. делать или в чём-л. разбираться.

Четыре УС *робы´ть / рабо´тать як / как буга´й, волк, коня´ка, соба´ка* ‘много и тяжело работать’ характеризуют труд как изнурительный процесс, лишающий человека

последних сил и здоровья. Следует заметить, что *буга´й* и *коня´ка* имеют непосредственное отношение к тяжелому физическому труду, в то время как у *собаки* и *волка* иная функция. Эти зоонимы в приведенных УС подвергаются переосмыслению, символизируя в большей степени интенсивность действия, чем тяжесть и изнурительность работы.

Дружно работающих людей номинирует УС *як комашня´*. В русской культурной традиции муравьи ассоциируются с трудолюбием. Использование собирательного существительного подчеркивает ценность и результативность коллективного, сплоченного труда: станичники часто помогали друг другу при строительстве дома, по хозяйству. В целом ДФЕ с положительной характеристикой человека по его отношению к труду немного: положительный идеал воспитывается в сельской культуре через осуждение безделья и праздного времяпрепровождения.

Торгово-денежный дискурс стал источником появления ДФЕ *опозда´ть с куря´ми на база´р* ‘прозевать’, *успе´ть с курьми´ / с ку´рами / ко´зами на база´р(ь)* ‘прийти вовремя’. В рифмованной ДФЕ *променя´ть бы´ка на инды´ка* ‘совершить невыгодный обмен’ эти животные, как ходовой товар на сельском рынке, подвергаются концептуализации и символизируют противоположности по величине: *бык* – что-л. большое и *инды´к* – что-л. малое.

Источником ДФЕ, включающих анималистическую лексику, может быть обрядовый дискурс. Так, со свадебным обрядом связан устойчивый оборот *дары´ть зелёных гуся´т* ‘обещать подарить молодожёнам после свадьбы еще не родившуюся живность’. В данной ФЕ под зоонимом *гуся´та* подразумевается любое домашнее животное или домашняя птица. Прилагательное *зелёный* в соответствии с народной традицией символизирует весну, рождение новой жизни: как правило, в данное время года у животных появляется приплод, обещанный в подарок. На Кубани гости часто дарили еще не родившуюся тёлочку, бычка, козу и т. д. Выражение имеет двойственную коннотацию: нейтральную и ироническую, поскольку, по рассказам информантов, обещания могли остаться невыполненными: *Мне на сва´дьбу падары´ли зилёных гуся´т. Я зимо´й за´муш выхади´ла. Ну от ка´г бы зилёныи, па висне´ гуся´та, ани´ да сих по´р лу´пяцца* (станица Кабардинская).

Обязательными на кубанской свадьбе и в наши дни являются *быки´(ы´) / бугаи´* ‘атрибут свадебного стола: две бутылки с горилкой, водкой или вином, связанные лентой и украшенные цветами’, выступающие символом парности (в некоторых кубанских станицах их называют *па´рочкой)* и плодородия (*быки´(ы´)* украшают колосьями пшеницы). Гости со стороны жениха ночью крадут *быки´(ы´) / бугаи´*, за возвращение которых затем требуют выкуп. Выражение *ворова´ть быки´(ы´) / бугаи´* обязано своим появлением этому шуточному свадебному эпизоду.

К свадебному обряду относятся и зарегистрированные в КГ с южнорусской языковой основой ДФЕ *вести´ / води´(ы´)ть журавля´ / жу´рушку, закру´чивать журавля´, на журавля´* – ‘ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы, много шутить, петь песню «Таки´й, таки´й жураве´ль», а также другие песни и славить молодую после брачной ночи’. В. П. Чалов, ссылаясь на пьесу М. Л. Кропивницкого «Розгордіяш», отмечает, что первоначальное значение этих выражений – ‘исполнять свадебный танец «Журавель»’. Затем танец исполнять перестали, но песня «Журавель» сохранялась как часть свадебного обряда [Чалов, 1981, с. 172]. По нашим наблюдениям, в настоящее время исполнение этой обрядовой песни практически ушло в прошлое, сам обряд редуцировался, а ДФЕ стали использоваться в значении ‘ходить по станице (хутору) ряженым в последний день свадьбы’. Ряженые веселились вместе со всеми, шутили, пили водку и вино. Именно это обстоятельство явилось причиной образования у выражения *вести´ / води´(ы´)ть журавля* второго значения – ‘пьянствовать, забросив все дела’ [ср. Чалов, 1981, с. 172–173].

Последний день традиционной кубанской *свадьбы / сва´йбы* номинирует и словоформа *на куре´[э´]й*, распространённая на всей территории бытования КГ и входящая в активный лексикон диалектоносителей. В этот день принято подавать куриную лапшу, сваренную из птицы, пойманной во дворах гулявших на свадьбе. Кур приносили живыми, гости сообща их *руба´ли, па´трали* (обдавали кипятком), *ску´бли* (щипали), потрошили – делали все обязательно вместе. Курица в народной культуре выступает как символ новой жизни и жертвоприношения: блюда из курицы присутствуют и на свадебном, и на поминальном столе, отсюда бытующая на Кубани поговорка *Ку´рыцы и на сва´йбе, и на похорона´х – го´рэ*, отражающая вечную цепь «жизнь – смерть – жизнь».

В КГ известны и другие устойчивые обороты с зоонимами, связанные с обычаями, играми, забавами и гаданиями: на Масленицу – *води´ть ко´зу*, на Троицу – *води´ть куку´шку*, летом и на Рождество – *води´ть кобы´лу*, на Святки – *гада´ть на петуха´*. Названные обряды были характерны для всей территории Кубани, однако существовали и локальные традиции. Так, в станице Удобной на Троицу девочки восьми лет и старше *води´ли комаря´ с комари´хой, одетых женихом и невестой* [Чурсина, 2003, с. 72]. Зафиксированы также представляющие собой словоформы названия игр с компонентом-зоонимом. См., напр.: *в(у) гусе´й* ‘играть в гуси-лебеди’, *в(у) жеребца´* ‘прыгать на палке, изображая всадника с лошадью’, *в(у) до´лгую козу´* ‘играть в чехарду’ и др. В круг названий предбрачных символических игр с поцелуями входят следующие зоонимы: *го´луб(ь), перепёлушка, у´тка*. Популярным в прошлом среди молодёжи было *(и)гра´ть в(у) го´лубя*. В глагольном фразеологизме существительное реализует традиционную для этой птицы любовно-брачную символику. Орнитоним *перепёлка* в славянской мифологии олицетворяет женский образ, символизируя замужнюю женщину, вынужденную терпеть притеснения мужа. В. И. Чурсина считает, что в прошлом игра в перепёлку была обрядовой ‘веснянкой’, приближающей весну и брачный период [ср. Чурсина, 2005, с. 102]. Другая символическая игра – *в у´тку* – имитировала любящую пару: утка стояла в кругу, а селезень ее ловил, утку пропускали свободно, а селезня задерживали [Чурсина, 2005, с. 103].

Присущая обрядовой сфере зооморфная символика помогает понять этические и эстетические ориентиры, свойственные этническому сознанию.

Ритуальное действие номинирует выражение *души´ть кабана´*. На Кубани до сих пор принято сажать на тушу кабана людей, обычно детей, которые надавливают на неё своим весом, что впоследствии облегчает отделение сала. Привёдем рассказ информанта из станицы Спокойной: *Було´, зарэ´жуть кабана´, пасма´лють сало´май, накро´ють тря´пками, и дитвара´ ляга´ють, шоп патпа´рылася. Душы´лы кабана´, шоп са´ла було´ мя´хка, шку´рка була´*.

Если рассмотренные ДФЕ, связанные с обрядами, ритуалами и забавами, функционируют в рамках «своего» дискурса, то кубанская ФЕ *на сра´ной / ды´кой козе´ не подъе´дешь* ‘о высокомерном, заносчивом человеке’, сближающаяся с просторечным фразеологизмом *на козе´ не подъе´дешь* из речи русских «потешных людей», используется за пределами первоначального игрового дискурса. «Потешные люди» веселили своих покровителей игрой на гуслях и «обряжанием» в козу, журавля, медведя. В их репертуаре была езда на козлах или свиньях. Однако на угрюмых особ даже «коза не действовала»: они не улыбались забавам скоморохов [Бирих и др., 2001, с. 270]. Прилагательные *сра´ная / ды´кая* в составе кубанской ДФЕ придают обороту повышенную эмоциональность. Использование оценочной лексики с определениями, выполняющими усилительную функцию, обусловлено постоянным обновлением экспрессивных средств языка [ср. Ивашко, 1981, с. 28].

Источником ДФЕ выступает и фольклорный дискурс. Часто во фразеологизм превращается четырёхстрочная частушка, которая обычно теряет двустишие. Подобное

усечение может происходить и с песенным куплетом. См., напр., трансформацию в ДФЕ *ру´ки, но´ги как / як у ра´ка, а сам ры´жий / ста´рый как / як соба´ка* строфы из украинской шуточной народной песни «Очерет лугом гуде»: *В тебе стан, як у баби, / В тебе очі, як у жаби, / Руки, ноги, як у рака, / А сам рудий, як собака.* Строфа из свадебной корильной песни: *Не тебе, дружко, дружковать, а тебе, дружко, свыней пасть с длинною ломакай, с чёрною собакою* – трансформировалась в ДФЕ *тебе´, дружко´, не дружко(у)ва´ть, а сви(ы)не´й пасть* ‘шутливый укор дружку на свадьбе, когда он отступает от ритуала’. От частушки иногда может оставаться лишь одна строка или даже один оборот. Так, ДФЕ *сы́ва(я) як вивця´* ‘о седой женщине’ – результат редукции строчки из частушки *Бу´ду сы´ва як вивця´, но не вы´йду за старця´ / вдовця´*. Похожий пример приводит В. П. Чалов: *да´ли в прида´ное кобеля´ була´ного* (ср. частушку *Меня´ сва´тали сваты´, / Проси´ли прида´ного, / Им папа´ша обеща´л / Кобеля´ була´ного* [Чалов, 1981, с. 151]. С записанной в станице Новолабинской дразнилкой *Михаи´л коро´в дои´л – ти´тька оборва´лася, он хоте´л её приши´ть – мама´ша (ма´мка) заруга´лася* сближается ДФЕ *не прише´й кобы´ле хвост* ‘о неумелом, бестолковом работнике’.

К фольклорным текстам относятся и различные шутливые, иронические рифмовки, в основе которых типичные дискурсивные ситуации, знакомые тем, кто причастен к понятийному миру носителя данного диалекта. Отдельные словосочетания из рифмовок благодаря содержащейся в них экспрессивности становятся фразеологизмами. См., напр.: *как пёс гуля´ть* ‘распутничать (о мужчине)’ (*Как пёс гуля´л:* по всем дворам хвостом вилял), *как у соба´ки репьяхо´в* ‘очень много, в избытке’ (Долгов *как у соба´ки репьяхо´в*). Продуктивный путь – рождение ФЕ из пословиц и поговорок в результате их редукции. Так, пословица *На криво´й ло´шади (или кривы´х огло´блях) плу´га не объе´дешь* стала основой для кубанской ДФЕ *на (криво´й) кобы´ле не объе´дешь* ‘о человеке опытном, которого не обманешь’. Появление субститута *на кобы´ле* объясняется синонимическими отношениями лексических единиц *лошадь – кобыла*. См. также: *де´ло теля´чье* ‘не имеет никакого отношения к кому-л.’ (*Твоё / моё де´ло теля´чье*: пососав – и в базок).

Некоторые фольклорные жанры трансформировались в две ФЕ. Напр., на основе докучной сказки «*– Рассказать тебе сказку про белого гуся´? – Расскажи. – Би´ле[э] гуся´, пух – тай уся´*» родилось два устойчивых выражения: *расска´зывать ска´зку про бе´лого гуся* и *ска´зка про бе´лого гуся´*, синонимичные известным и в говорах, и в литературном языке ФЕ аналогичного происхождения *расска´зывать ска´зку про бе´лого бычка´*, *ска´зка про бе´лого бычка´*. В КГ функционируют также глагольный ДФЕ *роска´зувать про рога´ту(ю) соба´ку* ‘рассказывать небылицы’ и именные ДФЕ со значением ‘небылицы’: *ста´рой / бе´лой кобы´лы сон*. Выразительный эффект у всех этих выражений возникает за счёт алогичности компонентов, создающих, по образному определению В. М. Мокиенко, «климат невозможности» [ср. Мокиенко, 2009, с. 317].

Одесскому городскому фольклору обязано своим происхождением устойчивое выражение *хы´мыны ку´ры* ‘выдумки, враньё’, в состав которого входит имя собственное, принадлежащее некой тёте Химе, торговавшей на одесском рынке битой птицей. Появление субститута *гу´си* в кубанской ДФЕ *хы´мыны гу´си* – результат варьирования, возникшего на основе тематической общности слов – домашняя птица.

Некоторые ДФЕ утратили связь с устным народным творчеством по причине забвения фольклорных текстов. Это относится к восходящему к анекдоту выражению *оп(ь)я´ть за ры´бу гро´ши* ‘опять одно и то же говорить, постоянно возвращаться в разговоре к тому, что обсуждать бессмысленно, поскольку данная тема уже была ранее исчерпана’, эквивалентному ФЕ *опя´ть два´дцать пя´ть*.

ФЕ могут быть связаны с христианскими и языческими верованиями носителей КГ. В народном сознании естественные наблюдения над природными сменами сезонов

тесно переплетаются с мифологическими объяснениями календарного поведения животных. Так, в основу выражений с *Га´нниного зача´ття до Хреще´ния во´лки бе´гають* ‘о периоде с 9 декабря (день Святой Анны) до 19 января (Крещение)’, *на зача´тие Га´нны во´лчьи ти´чки бе´гають* ‘о дне 9 декабря’ положены древние языческие верования славян, связанные с народным календарём. Волки наиболее опасны для людей и домашних животных поздней осенью и зимой. В это время они бегают стаями, справляя свои свадьбы – *ти´чки*. И только Святой Георгий Победоносец, по народным представлениям повелитель волков, замыкает им пасть, не позволяя больше вредить людям [ср. Виноградова, 1996, с. 150]. Этот запрет начинает действовать в весенний период (с 23 апреля / 6 мая). В бытующем на Кубани фразеологизме *волк зи´му съел* (буквально пережил зиму, тяжёлое для волка время года) речь идёт об оттепели, предвещающей наступление весны. Представление о зиме как о наиболее голодном для волков времени актуализируется в ДФЕ *не пе´рвая во´лку зима´ зимова´ться* ‘не впервой’, несущей идею преодоления человеком жизненных испытаний, приобретения им опыта выживания в трудных условиях. В приведённых выражениях отражается символическая связь волка с пограничным, переломным периодом – сменой зимы весной.

Общенародный зооним *волк* и его диалектный фонематический вариант *вовк* являются компонентами ДФЕ *во´в(л)ки´(ы´) вы´(о´)ють*, внутренняя форма которой связана с народным поверьем о том, что вой волков предвещает голод [Гура, 1997, с. 156]. Расширенная версия кубанского оборота *в горо´ди во´в(л)ки´(ы´) вы´(о´)ють* находит отражение в его значении ‘о заросшем, запущенном огороде, саде’ и указывает на отсутствие урожая – причину голода. Старожилы, вспоминая тяжелые, голодные 30-ые годы XX в., рассказывают: станицы находились в таком запустении, что волки не боялись подходить близко к жилищу человека. Полагаем, что возникшая реальная ситуация стала основой для переосмысления и формирования образа ДФЕ, основанного на первичных значениях слов в прототипной ситуации.

Лексема *волк* входит и в состав идиорефлекса *волк тебя´ отдуби´*, представляющего собой идиоматизированный вербальный рефлекс на типовую ситуации общения. Его функциональное назначение заключается в выражении частной реакции на поступки или слова собеседника. В этом идиорефлексе глагол в императивной форме направлен не к тому, кого проклинают, а к тому, кто должен осуществить злопожелание. Субъектом действия выступает *волк*, который в мифологической картине мира замещает эталонного персонажа проклятий – нечистую силу. Диалектный глагол *отдуби´ть* в свободном функционировании в КГ не зафиксирован. Внутренняя форма слова позволяет предположить многослойность его семантики: с одной стороны, диалектизм созвучен просторечному глаголу *отдуба´сить*, южнорусским *отдуба´чить, отдубо´рить* ‘избить’ [Словарь русских…, 1955–, вып. 24, с. 169], с другой – корень ДУБ- позволяет провести параллель с просторечной ФЕ *дать ду´ба* ‘умереть’, что поддерживается народными представлениями о связи волка с умершими, обусловленной его хтонической природой [ср. Гура, 1997, с. 122].

Мифологическую основу имеют также ДФЕ *жа´ба цы´цку / ти´тьки / си´ськи дала´ / даст(ь)* (ср. в украинском языке *жа´ба пить (цицки, циці) дасть кому* ‘утопится, пропадёт, сгинет кто-н.’ [ср. Словник…, 1970–1980, Т. 2, с. 499]). Согласно преданию у *лягу´шки / жа´бы* есть женская грудь и она может накормить (напоить) человека. Однако это небезопасно, поскольку яд *жа´бы* сильнее змеиного. В КГ ДФЕ функционирует в двух значениях: ‘1) кто-то умер; 2) что-то испортилось’. Второй, локальный ФСВ возник на основе переосмысления первого в результате метафорического переноса на неодушевленный мир.

Аналогичный семантический перенос наблюдается и в полисемичных ДФЕ *суро´довать / расчаву´чить как Бог черепа´ху* ‘1) избить кого-л.; 2) испортить что-л.’.

Устойчивые выражения соотносятся с мифологическими представлениями, согласно которым черепаха обнаруживает родство с лягушкой и змеёй, что находит подтверждение в многочисленных легендах (см. украинские легенды о происхождении черепахи от гадюки или летающего змея [Гура, 1997, с. 392–393]). Кубанские ДФЕ близки общенародным *наказа´ть / разде´лать / отде´лать как Бог черепа´ху* ‘причинить тяжкие телесные повреждения’. Фразеологизмы содержат аллюзию на библейское проклятие Богом змея: «на чреве твоём ползать будешь». За то, что черепаха приносила человеку много бед (напр., летающая черепаха объедала людям носы и выедала глаза), Бог сделал её уродливой, наградив тяжелым панцирем [Гура, 1997, с. 393]. Образная основа ФЕ связана с физиологическими особенностями и морфологией черепахи, явившимися следствием божественного проклятия: это её медлительность и необходимость прятать голову в панцирь от ударов врагов. Глаголы *суро´довать* ‘изуродовать’ и *расчаву´чить* ‘распластать, размять’ в составе кубанских ФЕ акцентируют внимание на зрительном образе, усиливая в значении ДФЕ признаки уродливости и придавленности к земле.

Устойчивые выражения могут быть связаны с этномедицинскими знаниями кубанских казаков. Так, распространенный способ лечения *кри´ксы* ‘бессонницы’ у детей – *носи´(ы´)ть под / пид куре´[э´]й / кур*. Люди стремились «передать» болезнь животным как при помощи непосредственного контакта, так и посредством заговоров, магических действий. Как правило, заговор от *кри´ксы* был обращен к курам: «Куры белые, куры черные, куры желтые…», «Куры-курицы…», «Куры рябые, куры пестрые, валохатые…», «Курочка ряба, белая, серая…» (подробное описание заговорных текстов см. [Семенцов, 2003]). ДФЕ *на него´ ко´нский прожо´р напа´л*, номинирующую человека, который много ест, но не полнеет, В. П. Чалов связывает с другим кубанским фразеологизмом – *на´до его´ с подла´ покорми´ть*. Основанием для сравнения является вера носителей КГ в то, что худого человека можно вылечить, если он будет следовать за лошадью, которую знахарка, пятясь назад, кормит из подола платья тремя хлебами: пшеницей, овсом и ячменем [Чалов, 1981, с. 168–169]. Можно предположить и сближение ДФЕ *на него´ ко´нский прожо´р напа´л* с общенародной ФЕ *не в коня´ корм* и диалектной *сини´цу хоть в пшени´цу* ‘о худом, неполнеющем человеке’.

Ряд устойчивых выражений с анималистическим компонентом восходит к военному дискурсу. В этих ДФЕ раскрываются субэтнические представления носителей КГ о военном быте казаков. Одна из них – устаревшая ДФЕ *во´лчья со´тня*. Так во времена Гражданской войны называли войсковое соединение из подчинённых генералу А. Г. Шкуро белоказаков, отличавшихся особенной жестокостью. Синонимом указанной ДФЕ выступает устойчивое выражение *чёртова со´тня*. Полагаем, что их синонимичность не случайна, поскольку *волк* связан с нечистой силой: во всех славянских зонах распространена легенда о том, что он был сотворён чертом против Бога [Гура, 1997, с. 122].

Значимое место в воинской службе кубанских казаков занимал *конь*. В зафиксированных кубанских ФЕ зооним реализует прежде всего основное, «казачье» значение – ‘боевой конь’. См., напр.: *на коня´* ‘*устар.* в качестве подарка брату невесты на покупку боевого коня’, *быть на коне´ и под конём* ‘много испытать’, *дать коню´ нага´йку* ‘подстегнуть коня, заставить его ускорить бег’, *конём игра´ть* ‘скакать’, *с коня´ не сла´зить* ‘постоянно участвовать в военных походах, воевать’, *конь во´зит во´ду и воево´ду* ‘конь используется и для хозяйственных, и для военных нужд’, *то и конь, что трено´ги рвёт* ‘о своевольном, свободолюбивом боевом коне’.

Большинство выражений с зоонимом *конь* можно рассматривать как фразы пословично-поговорочного типа, представляющие собой наставления, поучения, своеобразные кавалерийские заповеди, которые употребляются в прямом смысле. В них говорится о кровном родстве и единении казака с конём (*Конёк мой верный – кубанская кровь. Конь – душа казака. Без коня казак кругом сирота. Терпи, казак, атаманом бу-*

дешь, а умрёшь – с коня в рай попадёшь и др.), подчёркивается важное значение коня в жизни казака (*Нету ничего дороже казаку, чем конь. Без коня казак не казак* и др.), даются советы беречь коня как верного друга (*Хороший казак коня своего сам холит. Береги коня как зеницу ока. Не тот хозяин / атаман, кто в стремя ногу вложил, а тот, кто сыто лошадь накормил* и др.), отражается любовь к этому животному (*И спит и коней / лошадей во сне видит* и др.) (см. подробнее [Епатко, 2020]).

В нескольких ДФЕ с компонентом-зоонимом находят отражение межэтнические контакты. Напр., ДФЕ *дурни´й як туре´цький кинь* связана с неприязненным отношением кубанских казаков к туркам, с которыми они вели кровопролитные войны. Отметим, что в КГ широко бытует УС *как ту´рок / ту´рка*, характеризующее глупого человека, не понимающего того, что ему говорят. См. также выражение проклятия *будь оно´ три´жды туре´цкое*, в котором проявляется национальный антагонизм. В основе этих и ряда других ДФЕ лежат исторически сложившиеся этностереотипы, общенациональные и субэтнические. Так, традиционно цыгане считаются коневодами и конокрадами, способными обуздать любого коня, отсюда выражение *кома´ндувать як цыга´н коньмы´* ‘подчинять окружающих своей воле’. Конь – культовое животное и для татар, которые согласно сложившемуся в русской культуре стереотипу также отличаются хитростью, склонностью к обману и конокрадству. Эти устойчивые представления нашли отражение в воровском арго, из которого в КГ пришло выражение *иска´ть у тата´рина кобы´лу* ‘заниматься бесполезным делом’[2].

Тесные торговые отношения складывались у кубанских казаков с соседями-ногайцами. Ценные верховые качества, выносливость, скорость лошадей, поставлявшихся в казачьи войска представителями этого кавказского народа, стали когнитивной основой для следующих устойчивых выражений: *как кобы´ла нога´йская ска´чет / но´ситься / на´сается / бе´гает* ‘о том, кто быстро бегает и скачет’, *как кобы´ла нога´йская* ‘здоровый, гладкий’. Последняя ДФЕ зарегистрирована ещё в двух ФСВ. Один из них – ‘о не в меру резвящемся подростке (чаще – девочке)’, появление которого обусловлено ассоциациями гиперактивности здорового подростка с резвостью кобылы ногайской породы. Семантический компонент ‘не в меру’ придаёт фразеологизму отрицательную коннотацию. Как известно, в диалектном сообществе традиционно осуждаются действия, выходящие за пределы нормы. Большей степенью пейоративности обладает ФСВ ‘развязно ведущая себя женщина’, поскольку такое поведение вызывает резкое неприятие в народной среде. Отнесённость к характеристике лица женского пола обусловлена устойчивым сравнением в КГ женщины с кобылой (ср. *кобы´ла стри´женая, стро´йная як кобылы´ця, иржа´ть як кобы´ла*). Синонимом УС *как кобы´ла нога´йская* является УС *как кобы´ла неме´цкая* ‘здоровый, гладкий’, в котором находят отражение представления кубанских казаков о том, что немцы всегда тщательно ухаживали за лошадьми, в результате чего те отличались упитанностью и физической силой. Таких лошадей казаки могли видеть в немецких колониях, существовавших на территории края с середины XIX века, и на фронте во время Первой мировой войны, когда в немецкой артиллерии в качестве тягловой силы использовались мощные лошади-тяжеловозы.

Специфичными для кубанской фразеологии являются ФЕ, образованные в результате наблюдений местных жителей над речью кавказцев-билингвов, не вполне овладевших русским языком. Такие ДФЕ обладают шутливой или иронической коннотацией, создающейся в результате сознательного отступления от нормы (отсутствие согласования между определением и определяемым словом, подлежащим и сказуемым, нарушение управления – несклонение существительных, отсутствие предлогов), что усиливает коми-

[2] Первоисточник устойчивого выражения – «Словарик воровского и арестантского языка» (Киев, 1912), составленный приставом В. М. Поповым, – приводит В. П. Чалов [Чалов, 1981, с. 79].

ческий эффект. Так, устойчивый оборот *черке´сский бу´йло хоро´ший: Некра´совка ныря´л – Тенги´нка вы´нырнул* представляет собой шутливое выражение сомнения в правдивости чьих-либо слов, построенное на основе гиперболизации. Иронический подтекст заключается в том, что станицы Тенгинская и Некрасовская расположены на правом берегу реки Лабы, по которой проходит граница Краснодарского края с Адыгеей, расположенной на левом берегу. *Черке´сский бу´йло*, находясь на адыгейской стороне, никак не сможет нырнуть около станицы Некрасовской и тем более вынырнуть возле станицы Тенгинской, расстояние между которыми более 20 км. Когнитивной базой эмотивно-оценочной репрезентации этнокультурного знания послужили стереотипизированные представления казаков о черкесах, сформировавшиеся в процессе торгово-рыночных отношений: продавая скот, представители этого народа часто значительно преувеличивали достоинства товара, чтобы повысить цену.

Имитация особенностей русской речи горцев находит отражение и в следующих ДФЕ, приведённых в диссертационном исследовании В. П. Чалова: *оди´н бара´шка – де´сять бума´жка* ‘о бюрократизме и волоките, допускаемых при описи или страховании скота, при определении годности мяса забитых животных’, *гора´ круто´й, ише´к худо´й, курса´к пусто´й, дощ мо´чить, а постола´ йти не хо´четь* ‘необходимо отдохнуть, перекусить, говорится в шутку уставшим и проголодавшимся человеком’ (*курса´к* ‘живот’, *постолы´* ‘обувь из свиной кожи’), *хоро´ший ри´бка, сам киби´тка прискака´л* ‘шутливая похвала рыбному блюду; говорится и при виде лягушки, замеченной вблизи дома’ [Чалов, 1981, с. 85]. В нескольких закубанских станицах зафиксировано присловье, выражающее ироническое отношение к обычаю выгонять коров в стадо на Георгия. В нем карачаевец сетует на запрет выгона скота до дня Святого Георгия: *Яго´рка пришёл, травы´ принёс! А бара´н издо´х – ку´шай сама´* [Зудин, 2013]. Следует отметить, что в приведенных примерах зоонимы *бара´шка* ‘барашек’, *бу´йло* ‘буйвол’, *ише´к* ‘ишак’ зафиксированы только в составе данных ДФЕ и не употребляются как самостоятельные лексические единицы. Рассмотренные ДФЕ высвечивают осознание казаками этнической чуждости народов другой культуры, проявляющейся на речевом уровне.

Следует отметить, что гораздо больше, чем этнические различия, для кубанских казаков значили различия сословные. На Кубани до сих пор существует оппозиция «казак – не казак». Наименования иногородних, как правило, обладают презрительной коннотацией. Одно из них – бранное выражения *чи´га гостропу´зая* (ср. *чи´га, чечу´га* ‘свинья’ [Гринченко, 1958–1959, Т. IV, с. 461]).

3. Выводы [Conclusion]

Проведённое исследование демонстрирует разнообразие когнитивных механизмов возникновения функционирующих в КГ устойчивых выражений с компонентом-зоонимом, обусловленное тем, что человек, основываясь на чувственных впечатлениях, в силу антропоцентричности своего мировидения проводит аналогию между собственным миром и миром животных. Большинство кубанских ФЕ с анималистической лексикой, среди которых преобладают фразеологизмы, номинирующие действия и состояния человека, опирается на зрительное восприятие. На человека проецируются также поведенческие особенности животных, их внешний вид. Когнитивным механизмом при образовании ДФЕ выступают и слуховые ассоциации. В данной группе ДФЕ выделяются устойчивые выражения, указывающие на отсутствие певческих данных. Этноспецифичность этих оборотов обусловлена презрительно-ироническим отношением кубанских казаков к неумению петь. Ряд ДФЕ базируется на осязательных, обонятельных или вкусовых впечатлениях диалектоносителей. Зафиксированы устойчивые выражения, в которых совмещаются разные когнитивные механизмы (слуховые и зрительные).

В целом диалектный материал позволяет заключить, что на основе чувственных ассоциаций рождаются яркие этнически и культурно маркированные ДФЕ. К дискурсивным источникам появления ДФЕ с компонентом-зоонимом относятся: хозяйственная деятельность кубанских казаков (земледелие и животноводство), промысловая сфера (охота, рыбалка), торгово-денежный дискурс. Многие ДФЕ связаны с обычаями, играми, забавами и гаданиями. Присущая обрядовой сфере зооморфная символика помогает понять этические и эстетические ориентиры, свойственные этническому сознанию носителей КГ. Продуктивным источником кубанских ФЕ выступает фольклорный дискурс (пословицы, поговорки, частушки, песни, докучные сказки, анекдоты). ДФЕ могут быть связаны с христианскими и языческими верованиями, этномедицинскими знаниями кубанских казаков. Колоритный пласт образуют устойчивые выражения с анималистическим компонентом, восходящие к военному дискурсу. В них раскрываются субэтнические представления диалектоносителей о военном быте казаков, об особенном отношении казака к коню, с которым он чувствует кровное родство и единение. В нескольких ДФЕ с компонентом-зоонимом находят отражение этностереотипы, сформированные в результате межэтнических контактов кубанских казаков с черкесами, ногайцами, татарами, турками, немцами и др., а также наблюдения местных жителей над речью кавказцев-билингвов, не вполне овладевших русским языком.

Установленные дискурсивные источники появления ДФЕ позволяют проследить рождение новой когнитивной структуры как результата концептуализации знаний носителей КГ. Проанализированный языковой материал подтверждает значимость зооморфного кода в ДКМ жителей Кубани и демонстрирует, что в значении рассмотренных ДФЕ как продукте когнитивно-дискурсивной деятельности человека интегрируются результаты чувственных впечатлений, деятельностного познания мира и его концептуализации.

Список литературы

Андрющенко и др., 2009 – Словарь кубанских говоров. Краснодарский край: восточный регион Кубани / В. И. Андрющенко, Р. И. Иванова, Т. Г. Иванова, В. М. Пелих. Армавир : Изд-во АГПУ, 2009. 264 с.

Бирих и др., 1998 – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. Ю. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

Борисова, 2019 – Борисова О. Г. Лексика и фразеология кубанских говоров как макросистема: модель и её реализация: дис. … докт. филол. наук : 10. 02. 01 / Борисова Ольга Геннадиевна ; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2019. 612 с.

Борисова, 2018 – Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.

Виноградова, 1996 – Виноградова Л. Н. Мифология календарного времени в фольклоре и верованиях славян // Славянский альманах. 1996. С. 143–155.

Гринченко, 1958–1959 – Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Киев : Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1958–1959.

Гура, 1997 – Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. 912 с.

Епатко, 2020 – Епатко Т. А. Особенности лексической репрезентации концепта КОНЬ в кубанском фразеологическом фонде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 19–24.

Зудин, 2013 – Зудин А. И. Животноводческий обрядовый комплекс в традиционной культуре восточнославянского населения Кубани: опыт субрегионального исследования // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.) : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / науч. ред. Н. И. Бондарь, А. И. Зудин. Краснодар : Традиция, 2013. С. 366–385.

Ивашко, 1981 – Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. 111 с.

Лексика и фразеология..., 2019 – Лексика и фразеология говоров кубанского линейного казачества: материалы к словарю-справочнику / отв. ред. В. М. Пелих. Армавир : Изд-во АГПУ, 2019. 224 с.

Мокиенко, 2009 – Мокиенко В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии. М. : Флинта, 2009. 464 с.

Огольцов, 1978 – Огольцов В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. 160 с.

Русский говор…, 1991 – Русский говор Кубани: словарь / под ред. Е. П. Шейниной и Е. Ф. Тарасенковой. Краснодар, 1991. 414 с. Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 12. 11. 1992, № 47266.

Семенцов, 2003 – Семенцов М. В. Использование средств и продуктов животного происхождения в народной медицине кубанских казаков XIX–XX веков // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2002 год. Дикаревские чтения (9) : материалы Региональной науч. конф. / науч. ред. М. В. Семенцов. Краснодар : Крайбибколлектор, 2003. С. 75–90.

Словарь русских…, 1965 – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–.

Фёдоров, 1980 – Фёдоров А. И. Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск : Наука ; Сиб. отд-ние, 1980. 192 с.

Чалов, 1981 – Чалов В. П. Историко-лингвистический очерк фразеологии кубанского казачества, отражающий его историю, военный быт и духовную культуру: дис. … канд. филол. наук; 10. 02. 01 / Чалов Валерий Павлович; Московский ордена Трудового Красного Знамени областной пед. ин-т им. Н. К. Крупской. М., 1981. 292 с.

Чурсина, 2003 – Чурсина В. И. Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ. Краснодар : Кубанькино, 2003. 262 с.

Чурсина, 2005 – Чурсина В. И. Народная культура славян Кубани (конец XVIII–XX вв.). Краснодар : Кубанькино, 2005. 260 с.

Шипова, 1976 – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 392 с.

Словник…, 1970–1980 – Словник українськоі мови: в 11 т. Київ : Наукова думка, 1970–1980.

UDC 81’282.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51

Olga G. Borisova, Lyudmila Yu. Kostina
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
leliastom@mail.ru, patriot30@mail.ru

Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: cognition mechanisms

Abstract

The article examines cognitive mechanisms of Kuban region set expressions origin, which include animalistic vocabulary and which represent a significant part of dialect picture of the world. The material for the research was taken from regional printed and handwritten lexicographical sources on a subject of Kuban sub-dialects, as well data was collected during long-term dialect expeditions. The results demonstrate the variety of these mechanisms, which are based on actual observations by the sub-dialect speakers on behavior, peculiar appearance, voice, smell of animals and human actions in regard thereto. The amount and variety of selected tokens prove the significance of zoomorphic code in the Kuban region inhabitants’ world view. Ethnocultural conjoinings of set expressions were found, which provide insight into the unique nature of the villager’s world view. The analysis of discursive sources of origin of phraseological units with a zoonym component enabled to trace the birth of a new cognitive structure as a result of conceptualisation of human knowledge. It was

demonstrated, that meanings of Kuban phraseological units, being the product of cognitive and discursive activity of sub-dialect speakers, unite the results of sensuous impressions and pragmatist perception of the world around us.

Keywords: dialect world view, zoomorphic code, Kuban dialects, cognition mechanisms, zoonyms, phraseologisms.

© Borisova O. G., Kostina L. Yu. 2021

For citation: Borisova, O. G., Kostina, L. Yu. (2021). Frazeologizmy s komponentom-zoonimom v dialektnoy kartine mira zhiteley Kubani: Mekhanizmy kognitsii [Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: Cognition mechanisms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 35–51. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_35_51.

References

Andryushchenko, V. I., Ivanova, R. I., Ivanova, T. G., Pelikh, V. M. (2009). *Slovar' kubanskikh govorov. Krasnodarskiy kray: vostochnyy region Kubani* [Dictionary of Kuban dialects. Krasnodar region: Eastern region of Kuban]. Armavir : ASPU Press.

Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. YU. (1998). *Slovar' russkoy frazeologii. Istoriko-etimologicheskiy spravochnik* [Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference]. Saint-Petersburg : Folio-Press.

Borisova, O. G. (2019). Leksika i frazeologiya kubanskikh govorov kak makrosistema: model' i ee realizatsiya [Vocabulary and phraseology of Kuban dialects as a macro system: a model and implementation]. PhD in Philological sci. diss. Krasnodar : Kuban State University.

Borisova, O. G. (2018). *Opyt slovarya kubanskikh govorov* [Experience of the Kuban dialect dictionary]. Krasnodar : Kuban State University Press.

Vinogradova, L. N. (1996). Mifologiya kalendarnogo vremeni v fol'klore i verovaniyakh slavyan [Mythology of calendar time in the folklore and beliefs of the Slavs]. *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic Almanac], 143–155.

Grinchenko, B. D. (1958–1959). *Slovar' ukrainskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Ukrainian: In 4 volumes]. Kiev : National Academy of Sciences of Ukraine Press.

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow : Indrik Press.

Epatko, T. A. (2020). Osobennosti leksicheskoy reprezentatsii kontsepta KON' v kubanskom frazeologicheskom fonde [Features of lexical representation of the concept HORSE in the Kuban phraseological fund]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 13 (4), 19–24.

Zudin, A. I. (2013). Zhivotnovodcheskiy obryadovyy kompleks v traditsion-noy kul'ture vostochnoslavyanskogo naseleniya Kubani: opyt subregional'nogo issledovaniya [Livestock ritual complex in the traditional culture of the East Slavic population of Kuban: experience of a sub-regional study]. In N. I. Bondar, A. I. Zudin (Ed.), *Etnokul'turnoe prostranstvo YUga Rossii* (XVIII–XXI vv.) [Ethnocultural space of the South of Russia (XVIII–XXI centuries)]: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference (pp. 366–385). Krasnodar : Traditsiya Press.

Ivashko, L. A. (1981). *Ocherki russkoy dialektnoy frazeologii* [Essays on Russian dialect phraseology]. Leningrad : Leningrad State University Perss.

Pelikh, V. M. (Ed.). (2019). *Leksika i frazeologiya govorov kubanskogo lineynogo kazachestva: materialy k slovaryu-spravochniku* [Vocabulary and phraseology of dialects of the Kuban linear Cossacks: Materials for the dictionary-reference]. Armavir : ASPU Press.

Mokienko, V. M. (2009). *Obrazy russkoy rechi: istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii* [Images of Russian speech: Historical and etymological essays on phraseology]. Moscow : Flinta Press.

Ogol'tsov, V. M. (1998). *Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii* [Stable comparisons in the system of Russian phraseology]. Leningrad : Leningrad State University Press.

Russkiy govor Kubani (1991). *Russkiy govor Kubani: slovar'* [Russian dialect of Kuban: dictionary]. In E. P. Sheynina, E. F. Tarasenkova (Eds). Krasnodar. Dep. in INION Russian Academy of Sciences 12. 11. 1992, № 47266.

Sementsov, M. V. (2003). Ispol'zovanie sredstv i produktov zhivotnogo proiskhozhdeniya v narodnoy meditsine kubanskikh kazakov XIX–XX vekov [Use of means and products of animal origin in folk medicine of the Kuban Cossacks of the XIX–XX centuries]. In M. V. Sementsov (Ed.), I*togi fol'klorno-etnograficheskikh issledovaniy etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2002 god. Dikarevskie chteniya (9)* [Results of folklore and ethnographic research of ethnic cultures of the North Caucasus in 2002. Dikarev readings (9)]: Proc. of the Regional Scientific Conference] (pp. 75–90). Krasnodar : Kraybibkollektor Press.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds). (1965–). *Slovar' russkih narodnyh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, St. Petersburg : Nauka Press.

Fedorov, A. I. (1980). *Sibirskaya dialektnaya frazeologiya* [Siberian dialect phraseology]. Novosibirsk : Nauka Press.

Chalov, V. P. (1981). Istoriko-lingvisticheskiy ocherk frazeologii kubanskogo kazachestva, otrazhayushchiy ego istoriyu, voennyy byt i dukhovnuyu kul'turu [Historical and linguistic essay on the phraseology of the Kuban Cossacks: History, military life and spiritual culture]. PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Regional Pedagogical University named after N. K. Krupskaya.

Chursina, V. I. (2003). *Fol'klore slavyan Kubani: istoriko-kul'turologicheskiy analiz* [Folklor of the Kuban Slavs: Historical and cultural analysis]. Krasnodar : Kuban'kino Press.

Chursina, V. I. (2005). *Narodnaya kul'tura slavyan Kubani* (konets XVIII–XX vv.) [Folk culture of the Kuban Slavs (late XVIII-XX centuries)]. Krasnodar : Kuban'kino Press.

Shipova, E. N. (1976). *Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke* [Dictionary of turkisms in Russian]. Alma-Ata : Nauka Press.

Slovnik ukrains'koi movi (1970–1980). *Slovnik ukrains'koi movi: v 11 t.* [Dictionary of Ukrainian: In 11 v.]. Kiiv : Naukova dumka Press.

УДК 811.512.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68

Бурыкин Алексей Алексеевич
Институт лингвистических исследований РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Шарина Сардана Ивановна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
г. Якутск, Российская Федерация
sarshar@mail.ru

Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках

Аннотация
В статье рассматривается реконструкция архетипа количественных числительных, словообразование разрядов числительных в тунгусо-маньчжурских языках. На основе имеющихся данных по языкам анализируются 15 разрядов: количественные, порядковые, кратные, разделительные, распределительные, ограничительные, собирательные, числительные для счета дней, числительные для счёта животных, числительные для счёта хозяйств, числительные для счёта пальцев, числительные для счёта пар предметов, числительные для счёта мест и направлений, числительные для счёта разных предметов, числительные для счёта лет животного. Исследование показало, что определённые формы являются древними, но большая часть представляет собой более поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка. Словообразование числительных соотносится с формообразованием, хотя в ряде случаев меняются синтаксические функции производных, а иногда наблюдаются формы со сложной морфологической структурой, образующиеся не только от количественных числительных, но и от числительных других разрядов.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, словообразование, числительные, реконструкция архетипа, разряды числительных.

© Бурыкин А. А., Шарина С. И. 2021

Для цитирования: Бурыкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 52–68. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68.

1. Введение [Introduction]

В тунгусо-маньчжурских (далее – т.-ма.) языках представлена десятичная система числительных. Опыты сопоставления количественных числительных в т.-ма. языках представлены в работах В. Котвича [Котвич, 1962, с. 137–138], В. И. Цинциус [Цинциус, 1949, с. 274–275] и И. Бенцинга [Benzing, 1955, с. 101–107], тем не менее открывается возможность ещё раз рассмотреть системы количественных числительных по отдельным языкам и диалектам с привлечением некоторых новых материалов. Результаты реконструкции количественных числительных в целом дискуссионными не представляются. Можно ограничиться здесь лишь отдельными уточнениями частного характера.

Мы, предлагая свои сближения т.-ма. числительных с числительными монгольских и тюркских языков, не обсуждаем возможные расхождения с трактовкой алтайских числительных в фундаментальной работе В. Блажека [Blażek, 1999] с единственной целью – избежать конфронтации между сторонниками алтайской теории: в конце концов

разные этимологии каких-то лексических единиц обогащают исследовательскую практику, а не свидетельствуют о недостатках теории.

2. Числительных в тунгусо-маньчжурских языках [Numerals in Tungus-Manchu languages]

2.1. Количественные числительные [Cardinal numerals]

Архетип числительного “один” в виде *эмун ~етӥп* [ССТМЯ, 1977, с. 270–272] предпочтительнее реконструкции праформы с лабиализованным гласным в анлауте (эвенские факты могли бы указывать на праформу *өмун ~ етӥп*), однако возникает предположение, что лабиализация начального гласного в этом и ряде подобных случаев – результат воздействия гласного у второго слога (в эвенском делабиализация закономерна и представляет собой очень позднее, характерное лишь для данного языка явление) [Дыбо, https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf.]. Ср. корейск. ŏмчжи «большой палец» (первый палец).

Реконструкция праформы числительного «два» в виде *ʒ̄өр* [ССТМЯ, 1975, с. 276–277] вполне приемлема, но должна считаться условной, так как долгие гласные в т.-ма.х языках, видимо, вторичны и восходят к каким-то дифтонгическим сочетаниям. Во всяком случае алтаисты и тунгусо-маньчжуроведы (А. В. Дыбо и А. А. Бурыкин) пока в этом вопросе не смогли прийти к консенсусу. Вероятно, корень этого числительного присутствует в монг. *ʒiгүиγan* 'шесть' (2x3) и предположительно в тюркском *jegirme* 'двадцать'.

Реконструкция праформы числительного «три» в виде *илан* [ССТМЯ, 1975, с. 305–306] не имеет явных параллелей в других алтайских языках. Можно допустить, что корень числительного *ил-* с заднерядным гласным связан с глаголом *ил=* 'вставать' поскольку конструкция из трёх жердей играет важную роль среди деталей жилища (ср. чешск. *stavit* 'строить'). Сближение этого числительного с юкагирским *йалон* 'три' не поддаётся надёжному объяснению.

В реконструкции архетипа числительного «четыре» в виде *дугин ~ ду(й)гин* [ССТМЯ, 1975, с. 204–205] остаётся неясной огласовка: соответствие северно-тунгусского и южно-тунгусского *у* указывает на исходное дифтонгическое сочетание (*у*^{и}*~у* [Цинциус, 1949, с. 89–92]), однако в южнотунгусских языках гласные *у* и *ө* совпали в рефлексе *у*. Внешние данные указывают на огласовку *ö*. Важно отметить, что в т.-ма.х языках сохранилась наиболее архаичная форма этого числительного, поскольку монг. *dö-rben* 'четыре' точно соответствует морфологически эвенк. *дыги-нмэн* 'состоящий из четырёх частей', а тюркское *tö-rt* 'четыре' точно соответствует эвенкийскому *дыгэ-рэгдэ*, эвенскому *дыгэ-рдэ* 'четвёрка' [Бурыкин, 2015]. Внимание к морфологии алтайских языков позволило разобраться в этой головоломке. Налицо смешение разных разрядов числительных в становлении систем количественных числительных по отдельным группам алтайских языков.

Реконструкция архетипа числительного «пять» в виде *тунӈан* [ССТМЯ, 1977, с. 214–215] показывает назакономерное соответствие северно-тунгусского *т* и маньчжурского с ср. ма. *сунʒа* 'пять', отмечаемое в единичных случаях [Цинциус, 1949, с. 184]. Восстановление в таких случаях особой прафонемы пока не находит поддержки, но и объяснения подобные факты пока тоже не находят. Это числительное правдоподобно сопоставляется с монг. *tabun* 'пять' с той же корреспонденцией в вокализме, что и т.-ма *бу* 'мы', *су* 'вы' и монг. *ba* 'мы' и *ta* 'вы'.

Реконструкция праформы числительного «шесть» в виде *н’уӈун* [ССТМЯ, 1977, с. 647–648] осложняется не вполне закономерным варьированием гласных первого слога. Вероятно, архаическая огласовка сохранена в севернотунгусских языках, в южнотунгусских языках же переход *у<и* вызван положением после среднеязычного

н' (аналогичный переход гласных в *i* после архаического *n'*, изменившегося в *n*, предполагает Н. Н. Поппе для монгольских языков [Poppe, 1960, с. 70]).

Реконструкция числительного «семь» в виде *надан* [ССТМЯ, 1975, с. 576–577] не является сложной. Явные параллели к этой форме в других алтайских языках не усматриваются. Было высказано предположение, что при дивергенции форм числительных при счёте на пальцах эта форма может быть тождественной монг. *naiman* 'восемь' [Бурыкин, 1986]. Тюркский корень числительного «семь» *je-ti*, возможно, соотносится с т.-ма. формами.

Реконструкция числительного «восемь» в виде *запкун* [ССТМЯ, 1975, с. 251–252] довольно очевидна. Сближение этой формы с монг. *dolugan* 'семь' при *dalin* 'семьдесят' не вполне надёжно, а привлечение сюда тюрк *sekiz* 'восемь' при решаемости морфологических проблем оставляет вопрос о причинах перегласовки в какой-то группе языков.

Дискуссионными в отношении исходного лексического состава количественных числительных в т.-ма. языках являются два вопроса – числительные «девять» и «десять». Трудно решить вопрос о том, основательно ли объединение под одним архетипом форм типа эвенк. *jэγин* и эвен. *уjун*. Фонетические соответствия этих форм в таких близкородственных языках, как эвенский и эвенкийский, в данном случае незакономерны. Тем не менее И. Бенцинг предполагает единство происхождения этих форм из одной праформы *xüjegün* [Benzing, 1955, с. 101]. Однако как несоответствие указанных форм друг другу, так и внешние корреспонденции говорят о том, что скорее всего перед нами разные лексические единицы.

В отношении числительного «десять» В. Котвичем высказано мнение о том, что в т.-ма. языках представлены две разные лексемы – общее для всех языков *зāн~зиап* и эвенское *миан*, из которых первое сам В. Котвич считал монгольским заимствованием, а второе – исконным древним т.-ма. названием числительного «десять» [Kotwicz, 1931, с. 180]. Имеются серьёзные основания полагать, что эвен. *миан* 'десять' является позднейшим фонетическим вариантом общетунгусо-маньчжурского *зāн* 'десять'. Во-первых, имеется ещё по крайней мере один пример на соответствие эвенк. *j~з* эвен. м: эвенк. *jōн=~зōн=* 'удивляться' – эвен. *миан=* 'удивляться' (в [ССТМЯ] даны различными статьями без перекрёстных отсылок). Во-вторых, названия десятков в эвенском языке включают в себя компонент *миар* 'десятки' – форму множественного числа от *миан* 'десять' – как вторую часть сложных слов, в то время как в других т.-ма. языках названия десятков представляют собой словосочетания, компоненты которых по крайней мере фонетически независимы друг от друга (грамматическая цельность этих словосочетаний требует специальной проверки). Фонетический переход *зāн>миан* мог иметь в качестве исходной точки позицию в словосочетаниях типа *илан мяр* 'тридцать', *дыгэн мер* 'сорок' (ср. эвенк. *илан зāр* 'тридцать', эвенк. *дигин зāр* 'сорок').

С точки зрения морфологической структуры все т.-ма. количественные числительные, кроме числительного «два», являются непроизводными. Относительно числительного «два» В. И. Цинциус совершенно справедливо утверждала, что данная форма является старой формой множественного числа с суффиксом *-р* (закономерной архаической формой множественного числа для именных основ с конечным -н) [Цинциус, 1949, с. 305]. Во всех т.-ма. языках числительное «два» склоняется по тому же типу, по которому склоняются имена в форме множественного числа.

Конечное *-н*, отмечающееся во всех числительных, кроме числительного *два*, вероятно, представляет собой суффиксальный элемент, вычленяемый при сопоставлении количественных числительных с числительными других разрядов. Собственно говоря, в современной т.-ма. морфологии это показатель количественных числительных. Можно полагать, что исторически суффикс *-н* в количественных числительных тождественен суффиксу *-н*, с помощью которого во всех т.-ма. языках образуются производные имена

существительные от глаголов и других частей речи. Функционирование отнумеративных существительных в качестве количественных числительных представляется возможным допустить исходя из наблюдений над некоторыми разрядами числительных (см. ниже).

2.2. Порядковые числительные [Ordinal numerals]

Порядковые числительные в т.-ма. языках оказываются весьма интересными в отношении состава форм по отдельным языкам и их истории. Едва ли не в каждом языке существует более чем одна форма для выражения порядковых числительных. Единый для т.-ма. языков показатель порядковых числительных – это суффикс *-ги / -и* в сочетании с притяжательными суффиксами (или без них, что, однако, встречается редко). Примеры: числительное «третий» – эвенк. *ил-и*, эвен. *и-ли-тан*, нег. *и-ли*, ороч. *илаjи~илэди*, уд. *илиæ-ти*, ульч. *илиj*, орок. *илле~илли*, нан. *илиачиа*, *илача* К-У, *илачи* БК, ма. *ила-чи*. Насколько можно судить, формы чжурчженьских порядковых числительных не отличались от форм количественных числительных.

В этих числительных реализуется та же модель, что и в порядковых числительных тюркских языков, где перед показателем числительного стоит притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. типа *bir-in-ci* 'первый'.

Помимо рассмотренных форм с суффиксом *-ги / -и* в отдельных языках имеются также и другие формы порядковых числительных. Например, числительное «третий» в эвенкийском: *или-вукта* ТК, Члм, *или-пти* П-Т, Е, И (западные говоры), *или-тку* В-Л, *илат-тку* Тмт. Первые две формы из приведённого списка, возможно, представляют собой диалектные фонетические варианты одной и той же формы. В составе суффикса *-вугда / -вукта* можно, видимо, выделить две части: *-в(у) и -гда / -кта*, первая из которых соотносима с суффиксом *-в*, образующим глаголы от числительных, вторая – как суффикс прилагательных (ср. эвен. *ясалагда* 'большеглазый', *илив*= 'делать что-либо в третий раз').

Видимо, адъективной по происхождению является и форма *ила-пти* 'третий'. Суффикс *-пти* выделяется и в эвенском *зӯпти* 'двойной, повторный', стоящем уже вне системы числительных. Формы *илитку* и *илатку* представляют собой морфологические варианты, различающиеся тем, что первая образована с помощью суффикса *-тку* от основы порядкового числительного, уже встречавшейся нам, а форма *илат-тку* – от основы количественного числительного.

Бросается в глаза резкое отличие солонских порядковых числительных от севернотунгусских. Н. Н. Поппе отмечает: «Своих форм порядковых наблюдать не приходилось» [Поппе, 1931, с. 108], однако новые словари солонского языка дают формы *иласки, илас* 'третий', *дегиски, дегиси* 'четвёртый' и им подобные. Однако у Н. Н. Поппе образования типа *зutci, илачі* переводятся как 'двухлетний, трёхлетний', хотя материальная их общность с маньчжурскими суффиксом порядковых числительных *-чи* отмечена [Поппе, 1931, с. 108]. Возможно, Поппе прав, говоря о том, что в солонском эти формы заимствованы из маньчжурского.

В эвенских диалектах отмечена форма порядковых числительных с суффиксом *-ис*: *илис* 'третий', *дыгис* 'четвёртый' и т. п [Роббек, 1989, с. 100]. Распространена она в говорах эвенов, живущих на территории Якутии вне зависимости от принадлежности говора к той или иной группе. Так, она отмечена в говоре эвенов Березовки, относящемся к восточному наречию, в улахан-чистайском говоре, относящемся к среднему наречию и во всех описанных говорах западного наречия.

Относительно её происхождения могут быть выдвинуты две гипотезы:

1. Суффикс *-ис* представляет собой якутское заимствование и точно соответствует общетюркскому *-nčy*, как это показано в специальной работе [Сравнительно-историческая грамматика…, 1988, с. 186].

2. Суффикс *-ис* оказывается омертвевшей формой притяжательного суффикса 2 л. ед. ч. *-с* в сочетании с суффиксом порядковых числительных *-и/-ги*. Аналогичную тенденцию к омертвлению обнаруживает в эвенских порядковых числительных притяжательный суффикс 3 л. мн. ч. *-тан / -тэн*, поскольку в устной речи формы 1 и 2 л. встречаются намного реже, нежели форма 3 л. ед. ч. Здесь же отметим, что в эвенском языке формы типа *или-в(у)* 'третий мой', *или-сан* 'третий ваш' и т. п. употребляются только в случае эллипсиса существительного, в противном случае используется конструкция типа *мин хурэлбу илитан* 'третий из моих детей'.

Формы, соотносительные с ороч. *илæги-*, уд. *илеæ-ти* 'третий', орок. *хуjеӈчи* 'девятый', нан. *илиачиа, илача, илачи* 'третий', ма. *илачи* 'третий', вероятно, представляют собой лексикализованную форму 3 л. мн. ч., поскольку в большинстве языков она точно соответствует форме притяжательного суффикса 3 л. мн. ч. Сохранение основы порядковых числительных с суффиксом *-и* можно видеть в нанайских формах с дифтонгоидным гласным.

Любопытное новообразование в области порядковых числительных появилось в орочском языке. Для обозначения статей обычного права орочей используются не общеупотребительные формы порядковых числительных, а формы *илāма* 'третья статья обычного права', *надама* 'седьмая статья обычного права'. Инновации среди порядковых числительных отмечаются также в ульчском, нанайском, маньчжурском языках. В ульчском и нанайском языках это осложнение основ порядковых числительных суффиксами с уточняющим значением: ульч. *дуидумэ* 'четвёртый', употребительное параллельно с *дуцj* 'четвёртый', в нанайском формы типа *илиадима* 'третий' (с утратой производящей основы). В маньчжурском языке параллельно с формой типа *илачи* 'третий' употребляется форма *илачиӈгэ* 'третий', осложнённая адъективным суффиксом. В сибинском диалекте (во всяком случае в его современной форме) подобные образования не отмечены, в нём порядковые числительные образуются только посредством суффикса *-чи*: *эмучи* 'первый', *ʒучи* 'второй', *илачи* 'третий'. Формы порядковых числительных, зафиксированные в нанайских диалектах, видимо, различаются по происхождению. Кур-урмийские формы *-чан / -чэн, -чіан / чиэн* [Суник 1958 а, с. 83] едва ли выводимы из формы 3 л. мн. ч. *-чи* (в самом кур-урмийском диалекте *-ти* вместо *-чи* [Суник, 1958 а, с. 66]). В языке зарубежных нанайцев-хэчжэ порядковые числительные оформлены суффиксом *-тин*: *ʒутин* 'второй', *сунʒатин* 'пятый', *ʒуатин* 'десятый' [Суник, 1958 б, с. 43], что также не имеет общего с притяжательным суффиксом 3 л. мн. ч. в самом языке хэчжэ. Для обоих чисел 3 л. притяжательный суффикс имеет форму *-ни* [Суник, 1958 б, с. 37]. Суффикс *-тин* появился, очевидно, под влиянием эвенкийского языка, которое испытали на себе верхнеамурские нанайцы, живущие на территории России.

Таким образом, если верна гипотеза относительно того, что все варианты суффикса *-чи* в т.-ма. порядковых числительных являются омертвевшими посессивными показателями 3 л. мн. ч., то отпадают внешние сопоставления этого суффикса, предполагавшиеся ранее.

2.3. Кратные числительные [Multiple numerals]

Кратные числительные, обычно обозначающие количество единичных актов совершения какого-либо действия, в т.-ма. языках являются наиболее широко употребительными по сравнению с числительными других разрядов, и, хотя последние сохраняли субстантивность, в то время как данный разряд числительных примыкает к наречиям, их представляется более удобным поставить сразу же после порядковых числительных. Немаловажно и то, что данный разряд числительных имеет почти единооб-

разное оформление во многих языках. Примеры: эвенк. *иларā* 'три раза', *дигрэ* 'четыре раза'; сол. *иларā* 'три раза', *дыгирэ* 'четыре раза'; эвен. *илракан* 'три раза', *дыгрэкэн* 'четыре раза'; нег. *илаја, илајахāн* 'три раза', *диүијэ~диүјэ, диүјэхэн* 'четыре раза'; ороч. *заппуја* 'восемь раз', *хујуја* 'девять раз'; ульч. *закпура* 'восемь раз', *хујурэ* 'девять раз'; орок. *закпулта~заппулта, закпура* 'восемь раз', *хујултэ, хујурэ* 'девять раз'.

В эвенском языке исходная форма кратных числительных имеет морфологические варианты *-ракая* и *-ракан*, различающиеся части идентифицируются соответственно с увеличительным и уменьшительным суффиксами [Цинциус, 1947, с. 126], хотя это противопоставление по смыслу у данных числительных не усматривается. Аналогичный вариант с уменьшительным суффиксом без дополнительных оттенков значения отмечен в негидальском языке: *илајахāн* 'три раза'. Соответствующая эвенкийская форма имеет дополнительный оттенок иларакāн 'только три раза' и может в принципе квалифицироваться как особый разряд ограничительно-кратных числительных.

Другие формы кратных числительных, например, сол. *тоӈа дахи* 'пять раз', не обнаруживают близких параллелей в т.-ма. языках. Ближайшим материально параллельно является монгольский и бурятский суффикс *дахь~дахи* (п.мо. *-daki*), оформляющий порядковые числительные. Возможно, развитие протекало следующим путём: порядковые числительные, например, «пятый» > числительные, обозначающие порядковый номер многократного действия, «в пятый раз» > кратные числительные, «пять раз». В солонском языке имеется ещё одна форма кратных числительных с суффиксом *-сујэ*: *јэгисујэ* 'девять раз'. Н. Н. Поппе отмечает, что этот же суффикс в солонском языке служит для оформления имён уподобления: *илгисујэ* 'словно угольный жар' [Поппе, 1931, с. 108]. Возможно, что кратные числительные с этим суффиксом первоначально имели значение приблизительного счёта – 'примерно столько-то раз'. Негидальские кратные числительные с суффиксом *-ла* типа *диүилэ* 'четыре раза', *запкула* 'восемь раз' сходны с числительными для счёта дней, которые в данном языке имеют такой же показатель *-ла / -лэ*. Ср. также орокский *ила-лта* 'три раза, три дня'. В других т.-ма. языках данные формы не зафиксированы.

Удэгейские кратные числительные с показателем *-леʰ æ* типа *илалеʰ æ* 'три раза' могут подводиться под общетунгусский показатель *-ра*.

Вторая разновидность общетунгусских кратных числительных, но имеющая явно более позднее происхождение, представлена в орочском *иламда*, *ила муда* 'три раза', *надамда*, *нада муда* 'семь раз', ульчском *илан мудан*, нанайском *илā модā* 'три раза', где показатель *мудан* восходит к самостоятельному слову. Любопытно отметить, что в орочском, где представлен аналогичный тип, существуют параллельные варианты этих числительных – суффиксальные и аналитические.

В маньчжурском языке кратные числительные также образуются посредством суффикса *-ӈгэри*: *илаӈгэри* 'три раза', *сунзаӈгэри* 'пять раз'. Явное новообразование: компонент *-ӈгэри* не изменяет огласовки. В сибинском диалекте маньчжурского языка кратные числительные оказываются составными – представляют собой сочетания количественных числительных с компонентом *uv*: *ilan uv* 'три раза', *dijin uv* 'четыре раза', *sunza uv* 'пять раз'.

Завершая обзор кратных числительных в т.-ма. языках, необходимо отметить, что наиболее архаическим средством их образования является суффикс *-ра*. Суффикс *-ла~-лта* < *-лтэ*, отмеченный в негидальском и орокском языках, можно также считать архаическим, если допустить, что он является тождественным одному из суффиксов собирательности *-лта*, отмеченному в специальной работе В. И. Цинциус [Цинциус, 1946], однако такое предположение было бы менее вероятным и потребовало бы более сложных обоснований.

2.4. Разделительные числительные [Dividing numerals]

Разделительными числительными в настоящей работе называются числительные, обозначающие на сколько частей делится тот или иной предмет при совершении действия. Наиболее общим способом образования числительных этого разряда является суффикс *-рман* в его соответствиях по отдельным языкам. Примеры: эвенкийский – *иланман ~ иларман, иланмар*, эвенский – *иларман*, негидальский – *иланман, иланманзи* 'на три части', орокский – *хуjурмэн* 'на девять частей', эвенкийский – *зурмэнзи* 'на две части'. Единичные формы с компонентом *-зи*, осложняющим суффиксальные формы, очевидно, по происхождению являются застывшими формами творительного падежа от образований на *-рман*. То же самое можно сказать о форме эвенкийского *зурмэт* Урм. 'на две части' (*-т* – обычная для эвенкийского языка форма творительного падежа < общей на *-зи*). Этот разряд не отмечен в языке эвенков-орочонов в КНР и в солонском языке. Негидальская форма *зулнэккэн* 'на две части', видимо, может квалифицироваться как ограничительная форма.

Иной тип разделительных числительных представлен в южнотунгусских языках: ороч. *зудакти* 'на две части, ряда, слоя', ульч. *иландакти* 'на три части, ряда, слоя'. Относительно недавнее образование, видимо, сохраняющее связь с ульч., орок., нан. *дакан=* 'покрыть'.

В орокском, нанайском и маньчжурском языках разделительные числительные представлены ещё одной разновидностью: орок. *иласу* 'трёхрядный, трёхслойный', *зӣсу* 'четырёхрядный, четырёхслойный', нан. *зуэрсу* 'двойной, двухслойный', ма. *зурсу* 'двойной, двухрядный'. Как совершенно справедливо отмечают авторы ССТМЯ [ССТМЯ, 1975, с. 277], эти формы образованы посредством сочетания количественных числительных с полнозначным словом *урсу* 'слой, ряд'.

Иной тип разделительных числительных представлен в ма. *дуjӈгэ* 'четвёртый, четверной', оформленном тем же суффиксом, который встречался в ма. порядковых числительных. Данный разряд числительных в т.-ма. языках представляет интерес и требует дополнительных комментариев как в отношении значения, так и в отношении синтаксических свойств. Эвенские числительные с суффиксом *-рман / -рмэн* определяются В. И. Цинциус как умножительные [Цинциус, 1947, с. 127] и квалифицируются как обозначающие на сколько частей, рядов разделяется предмет. Частично соответствуют также русским прилагательным одинарный двойной, тройной и т. д. Требуемое уточнение касается того, что данные числительные имеют более общее значение, чем это предполагалось. По полевым данным, формы на *-рман / -рмэн* могут употребляться при обозначении деления предмета и на неравные по величине части (напр., куска мяса на неравные части) или большого количества единичных предметов (гвоздей, патронов, спичек и т. п.) на группы с неравным количеством предметов. С грамматической точки зрения эти числительные представляют собой разряд адъективно употребляемых форм числительных наряду с порядковыми числительными. Отмеченные выше формы с суффиксом творительного падежа *-зи* образованы так же, как образовано от прилагательных большое количество наречий в т.-ма. языках.

2.5. Распределительные числительные [Distributive numerals]

Распределительными числительными мы будем называть разряд числительных, обозначающих количество предметов в группах, на которые подразделяется множество считаемых предметов. При употреблении подобных числительных число групп предметов обычно не обозначается. Форма выражения распределительных числительных достаточно единообразна, например: эвенк. *илатал* 'по три', сол. *илатал, илатар* 'по три', эвен. *илатал, илатар* 'по три', нег. *зӯтэл* 'по два', *тонӈатал* 'по пять', ороч. *зӯтэ* 'по

два', уд. *зӯтэ* 'по два', *илата* 'по три', ульч. *зуэтэ* 'по два', орок. *илатал* 'по три', ма. *илата* 'по три', *дуjтэ* 'по четыре, каждому по четыре'.

Суффикс распределительных числительных *-тал / -тэл*, очевидно, является составным. Один из его компонентов *-та / -тэ* является субстантивным или адъективным суффиксом (ср. бурят. *табата* 'пятёрка'). Суффикс *-л* может рассматриваться как показатель множественного числа. В пользу говорят два факта: 1) образование падежных форм от распределительных числительных в эвенском языке осуществляется по тому же образцу, что и от форм множественного числа именных форм, ср. эвен. *өмэтэлбу* (вин. п.) 'по одному', *зөтэлзу* (вин. п.) 'по два'; 2) в южнотунгусских языках, где формы мн. ч. имён образуются преимущественно при помощи суффикса *-сал / -сэл*, показатель *-л* в рассматриваемых формах отсутствует (за исключением орокского языка).

Другие формы образования распределительных числительных в т.-ма. языках таковы: нег. *тонӈанзи* 'по пять', *наданзи* 'по семь', ороч. *зӯзи* 'по два', *иланзи* 'по три', уд. *зузу* 'по два', ульч. *зуэлзи* 'по два' – не что иное, как формы творительного падежа от форм количественных числительных.

В орокском языке распределительные числительные с суффиксом *-тал* образуются не только от количественных числительных, но и от форм разделительных числительных: *иласутал* 'по три ряда', *зӣсутэл* 'по четыре ряда', *хуjусутэл* 'по девять рядов' и т. п.

Ещё один тип распределительных числительных, представленный не только в т.-ма., но и других алтайских языках – это повторение количественных числительных (редупликация): уд. *ила-ила* 'по три', ма. *илан-илан* 'по три'.

2.6. Ограничительные числительные [Restrictive numerals]

Ограничительные числительные представляют собой особую разновидность количественных числительных. В описательных грамматиках они обычно не выделяются как самостоятельный разряд числительных. Тем не менее имеются основания рассматривать данные формы отдельно от количественных числительных. В т.-ма. языках ограничительные числительные со значением 'только столько-то, не более чем столько-то' представлены следующими формами: эвенк. (орочоны) *илакӣн* 'только три', *диjикэн* 'только четыре', сол. *эмухэхэн* 'только один', *зуххэн* 'только два', эвен. *өмэккэн, өмкэкэн* 'только один', *зөкэкэр* 'только два', *илкакар* 'только три', нег. *зуjиккэн, зуккэн* 'только два', ороч. *зуккэ* 'только двое', орок. *дурукэ* 'только два', нан. *зуэрукэ* 'только два', *иларака* 'только три'. В негидальском языке отмечена иная разновидность ограничительных числительных – формы типа *запкукзал* 'только восемь'.

Нет особых сомнений в том, что в формировании ограничительных числительных используются суффиксы уменьшительности *-кан / -кэн, -какан / -кэкэн* или *-чан / -чэн* с тем же значением.

Удэгейские формы типа *зӯ-т'э* 'только два', *ила-т'а* 'только три' образованы посредством слияния количественных числительных с частицей *-ткан / -ткэн*, *-такан / -тэкэн*, имеющей ограничительное значение.

Особая разновидность ограничительных числительных отмечена в орочском: *зӯ н'ӣққа* 'только два человека'. В других языках аналогичных форм не зафиксировано, хотя собирательные числительные для счёта людей, служащие производящей основой для числительных данного разряда, широко представлены по отдельным языкам.

Другой тип форм ограничительных числительных представлен эвенкийскими формами: *надагда* 'только семь', *jеүигдэ* 'только девять'. Суффикс *-гда / -гдэ* в эвенкийском языке отмечается в составе некоторых прилагательных, а также в виде части суффикса *-рагда*, образующего отдельный разряд числительных (см. далее).

В отдельных языках отмечены наряду с рассмотренными выше и ограничительные числительные с иным значением – 'не менее чем столько-то целых'. Это эвен.

зөкэјэн 'целых два', *тунӈакајан* 'целых пять'. В эвенском языке противопоставление двух форм ограничительных числительных со значением 'только пять' и 'целых пять' реализуется также путём наличия у них дополнительных значений – 'столько-то больших предметов' и 'столько-то маленьких предметов': *зөкэјэл нөкэчэр* 'два лося', *зөкэкэр өликил* 'две белки', *тунӈакајал бэйил* 'пять человек', *тунӈакар нярикар* 'пять мальчиков' (при возможном и *зөкэкэр бэйил* 'только два человека').

Аналогичные формы существуют по крайней мере в диалектах эвенкийского языка: Брг *илахāјāн* 'три больших предмета, целых три', *иланмијал* 'три больших предмета, целых три'. Суффикс *-хаја* тождественен эвенскому суффиксу с аналогичным значением, суффикс *-мијал* не имеет параллелей в известном материале, его конечный элемент можно идентифицировать с суффиксом множественного числа. Если суффиксы ограничительных числительных первого рода образовались с использованием уменьшительных суффиксов, то суффиксы ограничительных числительных второго рода находят очевидные аналогии в увеличительных суффиксах: ср. эвен. *зӯкајā* 'домище', *оркајā* 'оленище'. Этот же суффикс может иметь также выделительную функцию.

Судя по всему, ограничительные числительные обоих родов представляют собой позднейшие образования, их морфологическая структура ещё достаточно прозрачна. Вместе с тем надо отметить, что изученные формы не могут рассматриваться как обычные увеличительные и уменьшительные формы количественных числительных, поскольку в других разрядах числительных для обозначения аналогичной оппозиции представлены иные суффиксы увеличительности и уменьшительности.

2.7. Собирательные числительные [Collective numerals]

Собирательные числительные в т.-ма. языках не представляют собой однородного разряда и включают в себя несколько различных форм, сосуществующих одновременно в одном и том же языке. Примеры собирательных числительных, используемых для счёта людей: эвенк. *јэгинӣ* 'девять человек, девятеро, вдевятером', ороч. *зӯри* 'двое', *илани* 'трое', *надани* 'семеро', сол. *зури* 'вдвоём', *илани* 'трое, втроём', эвен. *илнизур* 'втроём', *дыӈнизур* 'вчетвером', нег. *илани, иланиӈасал~иланӈасал* 'трое, втроём', ороч. *илан'ǣ* 'трое, три человека', уд. *илани, иланиӈа ʰ а* 'втроём, все трое', ульч. *иланни* 'втроём', орок. *иланне* 'трое', нан. *илани* 'три человека, втроём'.

Нет особых причин сомневаться в том, что в основе компонента собирательных числительных лежит полнозначный в прошлом корень *ни-/не-* со значением 'человек', который сохранился с тем же значением в орочском, удэгейском, ульчском языках. Его соответствия: эвенк. *ниравӣ* 'молодой мужчина', эвен. *н'ǣри* 'молодой парень, юноша', нан. *най* 'человек' являются, вероятно, морфологическими вариантами того же слова, имеющими единый корень, но различное суффиксальное оформление.

Вероятно, гомогенны с рассмотренными выше следующие формы собирательных числительных: ульч. *иланзири* 'трое', орок. *иланзēри* 'трое', нан. *иланзиари* 'трое'. Можно предполагать, что эти формы тождественны застывшим формам творительного падежа в безлично-притяжательной форме типа эвен. *илнизур* 'втроём'.

Как словообразовательные связи, так и грамматические характеристики рассмотренных выше числительных могут быть уточнены. В. И. Цинциус пишет, что собирательные числительные в эвенском языке «образуются с помощью суффикса *-ни*, причём последний обычно сопровождается суффиксом творительного падежа *-ди* (*-зи*) с возвратным суффиксом множественного числа *-ур*» [Цинциус, 1947, с. 127]. В публикации памятников эвенского фольклора отмечается, что «В эпосе охотских эвенов собирательные числительные могут употребляться без аффикса творительного падежа *-зур*, например, *диӈни* 'четверо'. Формант *-зур* может также расчленяться вставкой уточнительных, усилительных и ограничительных аффиксов, придающих числительному дополнитель-

ные смысловые оттенки, как например, *диуникэнзур* 'вчетвером'» [Эпос, 1982, с. 292]. В этом примечании сразу несколько неточностей. Во-первых, формант типа *дигни* – формы именительного падежа собирательных числительных без притяжательного оформления – отсутствует во всех известных эвенских говорах и теми материалами, к которым относится данный комментарий, не подтверждается. Во-вторых, форма собирательных числительных с суффиксом *-кан / -кэн* для эвенского языка нетипична. В-третьих, сам по себе формант *-зур* не расчленяется, а лишь отделяется от основы числительного.

В эвенском языке собирательные числительные с основой типа *илни=*, *дигни=* имеют все падежные формы, кроме именительного (формы, типа приведённой в вышецитированном комментарии, не опознаются информантами). От этих числительных образуются увеличительные формы с суффиксом *-нза / -нзэ* и уменьшительные формы с суффиксом *-чан / -чэн*: *илнинзэзур* 'все втроём, трое – о ком-либо большом', *илничэнзур* 'только втроём, трое – о ком-либо маленьком, имеющем небольшие размеры'. Падежная парадигма у всех форм собирательных числительных является практически полной, но склоняются данные числительные в сочетании с притяжательными суффиксами единственного (а не множественного) числа. Примеры: *илинивэн, илнинзэвэн, илничэмэн* 'всех троих', *илнидун, илнинзэдун, илничэндун* 'всем троим', *илниткин, илнинзаткин, илничантакин* 'ко всем троим', *илнилан, илнинзалан, илничандулан* 'у всех троих', *илнигāн, илнинзāγāн, илничаŋган* 'для всех четверых' [Шарина, 1999, с. 40].

Как нетрудно заметить, ограничительные формы собирательных числительных образуются при помощи иных увеличительных и уменьшительных суффиксов, нежели ограничительные количественные числительные, что и даёт основание не признавать образование этих форм формообразованием внутри известных разрядов числительных, а выделять их в самостоятельные разряды числительных.

Из других форм собирательных числительных необходимо привести следующие: эвенк. *зӯкрэ, зӯксэ* Н, *зӯкчэ* Е, *чӯкту* И 'двое, вдвоём', нег. *иланиŋасал* 'трое, втроём', *уд. иланиŋа ʰа* 'втроём', ульч. илан *туŋасар* 'трое, втроём', *тун'затуŋасарзири* 'впятером', орок. *илатуŋа, илатуŋаса* 'трое, втроём'. Компонент *-ŋаса / -ŋасар / -ŋа* может быть тождественным этимологически слову *гэсэ* 'вместе', на полиморфность которого указывает эвен. *гэли* 'вместе' (частица, в ряде говоров превратившаяся в падежный суффикс). Конечное *-р* в ульчском, возможно, аналогично суффиксу множественного числа (соответствие сонантов в целом по южнотунгусским языкам неупорядоченное – ср. ульч. *зуэл* 'два' вместо формы на *-р*).

В орочском языке представлена разновидность ограничительных форм собирательных числительных: *иламиса* 'все трое', *дӣмде, дӣмисэ* 'все четверо'. В южнотунгусских языках представлены формы ограничительных собирательных числительных: ульч. *иланту*, нан. *иланто/у* 'все трое'. В орокском языке аналогичная форма послужила производящей основой для форм типа *илатуŋа, илатуŋаса* 'все трое'. В маньчжурском языке сосуществуют варианты форм собирательных числительных *зунафи* 'два человека', где *нофи* 'особа, человек'. Формы *сунзанофи* 'пять человек', *иланофи* 'три человека' отмеченные и в сибинском диалекте [Захаров, 1875, с. 63] – явное позднее новообразование.

Формы собирательных числительных с суффиксом *-нту* могут быть гомогенными с севернотунгусскими числительными для счёта хозяйств (эвенк. *-нну*, эвен. *-нру*), в других языках параллели отсутствуют. Перенос значений в принципе возможен: три человека > «все три человека», «три человека > три хозяйства, семьи».

2.8. Числительные для счёта дней [Numerals for counting days]

Числительные для счёта дней или суток имеют единообразное оформление во всех языках, где они встречаются, однако фиксируются они далеко не во всех языках

(их нет в солонском, эвенском и маньчжурском языках). Примеры: эвенк. *илама~илалда~илалра* 'три дня', нег. *илала* 'три дня', *зулэ* 'два дня', ороч. *илакта* 'три дня', ульч. *зуэлтэ* 'два дня', орок. *зӣлтэ* 'четыре дня', нан. *дуилтэ* 'четыре дня, четырёхдневка'. Само собой напрашивается сопоставление архетипа этого суффикса *-лта* с одним из собирательных суффиксов т.-ма. языков – *-лта*. Однако дистрибуция этого суффикса в именах существительных не совсем ясна для того, чтобы данное сопоставление было достаточно надёжным. Возможно, впрочем, думать об имевшем место сужении значения у этого суффикса в сочетании с основами-числительными.

Другие формы числительных для счёта дней в т.-ма. языках таковы: нег. *тонҥаниҥасал* 'пять дней, пятидневка', ороч. *зӯба* 'двое суток' (здесь неясен статус второго компонента), *дӣмэ* 'четыре дня', *туҥама* 'пять дней', *хуjумэ* 'девять дней', уд. *н'ҥурэгдэ нэҥинни* 'шесть дней, шестидневка' (сочетание имени на *-рэгдэ* со словом «день»). Суффикс *-ма / -мэ* сходен с т.-ма. суффиксом прилагательных, однако это сходство может быть и случайным.

2.9. Числительные для счёта животных [Numerals for counting animals]

Числительные для счёта крупных копытных животных (оленей, горных баранов, лосей) зафиксированы только в языках северной ветви тунгусской группы, причём не всех: их нет в солонском. Примеры: эвенк. *илаҥда, илаҥра* 'три оленя, лося', эвен. *илаҥра* 'три оленя, лося', нег. *илаҥна* 'три оленя, лося', *дӣҥнэ* 'четыре оленя, лося'. С этими формами может сравниваться также орок. *тундарак* 'только пять животных', где суффикс *-нда*, видимо, аналогичен рассматриваемому севернотунгусскому. Однако другие формы не отмечены, параллелей в южнотунгусских языках тоже нет. Видимо, этот разряд числительных объединял гетерогенные формы, так как для эвенского языка наряду с отмеченными выше присущи формы *тунҥад* 'пятёрка (животных)', *нюҥэр* 'шесть животных' и *дяҥра* 'десятка' – форма, содержащая архаическую эвенкийского типа основу числительного «десять» [Цинциус, 1947, с. 128]. Второй компонент, очевидно, первоначально составного суффикса *-ҥда* идентифицируется с составной частью собирательных суффиксов *-нда/-лда*, рассматривавшихся в работах В. И. Цинциус и позднее О. П. Суника [Цинциус, 1946 ; Суник, 1982].

2.10. Числительные для счета хозяйств [Numerals for counting households]

Числительные для счёта юрт, хозяйств, находящихся в одном месте, известны только в двух языках – эвенкийском и эвенском. Примеры: эвенк. *иланну, иланду, иларну* (явная метатеза) 'три юрты, три хозяйства', эвен. *илаҥру, иланду* 'три юрты, три хозяйства в одном месте', *зӯрпу* 'два хозяйства'. Как отмечает В. И. Цинциус, употребляются эти числительные крайне редко и известны далеко не всем эвенам [Цинциус, 1947, с. 128]. Можно добавить, что в ольском говоре эвенского языка нами отмечено употребления словосочетания *заҥра зӯ* 'десять домов' – с той формой числительных, которая соответствует числительным для счёта животных. С некоторой гипотетичностью можно полагать, что суффикс этого разряда числительных восходит к слову *зӯ* 'дом'. Однако ещё не совсем ясно, в какой форме должен восстанавливаться общетунгусоманьчжурский или общесевернотунгусский архетип этого слова.

2.11. Числительные для счета пальцев [Numerals for counting fingures]

Числительные для счёта пальцев как единиц измерения величины предмета зафиксированы только в южнотунгусских языках. Примеры: ульч. *иларгу(н)* 'три пальца', *дуиргу(н)* 'четыре пальца', орок. *дӯниҥги* 'два пальца', *зӣниҥги, зӣниҥгилэ* 'четыре паль-

ца', нан. *иларго/у* 'три пальца', *хуjургу* 'девять пальцев'. Этимология форманта *-ргу* достаточно прозрачна: он восходит к полнозначному слову со значением 'палец' (ср. эвен. *хөрэгэн* 'большой палец'), хотя неясны причины изменения гласного в суффиксе.

Появление этого разряда связано со специфическими новообразованиями аналогичного типа, характерными для южнотунгусских языков, контактирующих с языками, имеющими системы нумеративов или суффиксов-классификаторов.

2.12. Числительные для счета пар предметов [Numerals for counting pairs of objects]

Числительные для счёта пар предметов отмечены только в нанайском языке (при этом их нет в отдельных говорах, в кур-урмийском и языке хэчжэ (китайских нанайцев) они не отмечены). Примеры: *илазурсу* 'три пары', *тојӈгāзуэрсу* 'пять пар', *надазурсу* 'семь пар'. Вероятнее всего, формант *-зурсу* состоит из числительного *зуэр* 'два' и показателя разделительных числительных *-рсу*.

2.13. Числительные для счёта мест и направлений [Numerals for counting places and directions]

Числительные для счёта мест и направлений отмечены лишь в эвенкийском языке: *иланмуса* 'три места, три направления', *дигинмусэ* 'четыре места, четыре направления'. Можно только высказать предположение, что суффикс данного разряда восходит к какому-то полнозначному слову, подобно тому, как это имеет место в других случаях.

2.14. Числительные для счёта совокупностей разных предметов [Numerals for counting sets different objects]

Числительные для счёта разных предметов, обозначающие некие совокупности считаемых предметов с более или менее единообразным морфологическим оформлением, отмечены в большинстве языков – нет их только в солонском, ульчском, нанайском и маньчжурском языках. Однако имеющихся данных вполне достаточно для того, чтобы признать данный разряд числительных общетунгусским по крайней мере по древности. Примеры: эвенк. *иларагда* 'три предмета', *запкурагда* 'восемь предметов', эвен. *иларда* 'три предмета', *н'уӈэрдэ* 'шесть предметов', нег. *тоӈӈарагда* 'пять предметов', *н'уӈэрэгдэ* 'шесть предметов', ороч. *иларагда* 'три предмета', уд. *зӯрэгдэ* 'два предмета', орок. *зӣрэгдэ* 'четвёрка (об оленьей упряжке)', *н'уӈэрэгдэ* 'шестеро (о животных)', *надарагда* 'семь предметов'.

В орокском языке наряду с вышеприведенными формами встречаются также формы *дӯрэк* 'пара (оленей)', *зӣрэк* 'вчетвером (об оленях)', *н'уӈурэк* 'вшестером', надарак 'всемером'. Одно из таких образований с суффиксом *-рак* уже было отмечено при характеристике числительных для счёта животных. Суффикс *-рак* фонетически сходен с эвенским суффиксом *-нраг / -нрэг*, имеющим значение 'только названный предмет, только предмет, обладающий определённым признаком' [Цинциус, 1947, с. 235]. Вполне возможно, что исходным значением этого суффикса было значение ограничительности, тогда, при отождествлении форм с *-рак* и *-рагда* (правда, остаётся открытым вопрос об истории эвенского суффикса *-нраг*) второй компонент *-да* мог бы идентифицироваться с показателем собирательности и множественности. Возможно и членение форманта *-рагда* на *-ра* и *-гда* (формант *-ра* не может отождествляться с суффиксом кратных числительных, так как в последнем наличествует долгий гласный, а в рассматриваемом – краткий, подвергшийся синкопе в эвенском). Суффиксальный элемент *-гда* может отождествляться с именным суффиксом *-гда*, уже упоминавшимся выше.

Значение форм с суффиксом *-рагда* и их место среди разрядов числительных требует уточнений. Например, аналогичный разряд числительных в эвенском языке определён как «числительные собирательные для счёта копыльев нарт, патронов, названий игральных карт, числа очков в игре и т. д.» [Цинциус, 1947, с. 128]. При этом они переводятся так: *зөрдэ* 'двойка, двойчатка', *иларда* 'тройка, тройчатка'.

Данные числительные по своему значению не обнаруживают общего инварианта, объединяющего обозначаемые ими предметы по разряду, форме и т. п. Перед нами обычные существительные типа русских *двойка, тройка* (кальками с чего является употребление соответствующих эвенских форм для названия игральных карт). Следует иметь в виду также и то, что при употреблении в отношении к копыльям нарт данные формы числительных имеют весьма специфичные оттенки значения. Во-первых, подобные формы характеризуют не столько количество копыльев, сколько нарту в целом. Во-вторых, в разных говорах значения рассматриваемых форм могут оказаться различными. Например, в говоре эвенов пос. Иня Охотского района Хабаровского края формы *иларда, илардака* имеют значение 'нарта с шестью копыльями, тремя парами копыльев – оленья', *дигэрдэ, дигэрдэкэ* 'нарта с восемью копыльями, четырьмя парами копыльев – собачья', *тунӈардака* 'нарта с десятью копыльями, пятью парами копыльев – лошадиная', в то время как в говорах пос. Гижига Северо-Эвенского района и пос. Омолон Билибинского района Магаданской области аналогичные значения передаются соответственно формами *н'уӈэрдэ, запкарда* и *мя-рда*. Получается, что в инском говоре формы на *-рда* обозначают пары копыльев, а не единичные копылья нарты. Этнографическое объяснение этого довольно просто: счёт вёлся на детали дугокопыльной нарты, наименования разновидностей которой были перенесены на прямокопыльные нарты, при этом перенос наименований был уже чисто лингвистическим явлением, не имевшим под собой реальности в чисто количественном отношении, существование дугокопыльной нарты с тремя парами копыльев, видимо, невозможно.

В заключение данного раздела отметим, что формы на *-рагда* следует рассматривать как отнумеративные имена существительные. Едва ли их можно считать особым разрядом числительных.

2.15. Числительные для счёта лет животного [Numerals for counting animal age in years]

Числительные для счёта лет животного, употребляемые атрибутивно и субстантивно, отмечены только в эвенкийских диалектах и солонском языке: эвенк. *диучӣ* 'четырёхлетний', *н'уӈучӣ* 'шестилетний', сол. *илати* 'трёхлетний'. Подобные формы мы уже рассматривали в связи с порядковыми числительными. В эвенкийских диалектах наряду с вышеприведенными формами отмечаются также формы с суффиксом прилагательных обладания *-лкан*: *н'уӈулкэн* 'шестилетний' М, Сх, Тт, представляющие собой неологизм на уровне продуктивного словообразования (правда, применительно к классу имён числительных придётся говорить скорее о формообразовании, нежели о словообразовании).

В эвенкийских диалектах, испытавших на себе влияние монгольских языков, встречаются и другие обозначения возраста животных, типа *гунан* 'трёхлетний самец', *гуназин* 'трёхлетняя самка', однако они заимствованы из монгольских языков старой формации и не мотивированы собственно т.-ма. числительными. В лексической системе тех говоров, в которых они встречаются, они должны быть отнесены к прилагательным, так как собственно монгольские количественные числительные в этих говорах не заимствованы. То же относится и к эвенк. *эһип* 'олень-бык шести лет и старше' давно уже сравниваемому с корейским *йэсэт, йэт* 'шесть' *йэсып* 'шестилетний – о животных' [ССТМЯ, 1977, с. 471].

3. Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, что разряды числительных т.-ма. языков представляют собой совокупность групп форм, различающихся как по распределению в отдельных языках, так и по способу выражения одних и тех же значений в отдельных языках. Ряд форм являются древними, однако большая часть представляет собой довольно поздние образования, характерные лишь для какой-то группы, подгруппы или одного языка в целом.

Ввиду ограниченности репертуара корней числительных и наличия многочисленных «пустых мест» в парадигмах словообразования разрядов числительных словообразование становится рядом с формообразованием, хотя в ряде случаев меняются синтаксические функции производных, и иногда наблюдаются формы со сложной морфологической структурой, образующиеся не только от количественных числительных, но и от числительных других разрядов. Собственно значение форм отдельных разрядов исключает их трактовку и как единой категории у числительных (в отличие от категории класса) и как совокупности частных категорий, противопоставляющихся исходной форме.

Можно сетовать, даже при получении новых результатов в описании отдельных форм, на недостаточность описаний отдельных языков и степень их подробности и детализованности. Так, орок. *дундатчи* 'лодка на четырёх гребцов' представляет собой единичную форму, которую можно рассматривать как прилагательное на *-чи* от какого-то собирательного числительного с суффиксом *-нда* от исходного *дуин* 'четыре'. Однако аналогичные формы, дававшие бы основания для сопоставления, отсутствуют и в орокском материале, и в материале других т.-ма. языков.

Список сокращений и условных обозначений

ма. – маньчжурский; монг. – монгольский; нан. – нанайский; нег. – негидальский; орок. – орокский, ороч. – орочский; п-мо – письменно-монгольский; сол. – солонский; т.-ма. – тунгуссо-маньжурский; уд. – удыгейский; ульч. – ульчский; эвен. – эвенский; эвенк. – эвенкийский;

Бк – бикинский говор нанайского языка, Брг – баргузинский диалект эвенкийского языка; В-Л – верхоленский говор эвенкийского языка; Е – ербогачёнский диалект эвенкийского языка; И – илимпийский диалект эвенкийского языка; К-У – кур-урмийский говор нанайского языка; Н – непский диалект эвенкийского языка; П-Т – подкаменно-тунгусский диалект эвенкийского языка; Тк – токкинский говор эвенкийского языка; Тмт – томмотский говор эвенкийского языка; Урм – урмийский говор эвенкийского языка; Члм – чульманский говор эвенкийского языка.

Список литературы

Бурыкин, 1986 – Бурыкин А. А. К изучению имен числительных в алтайских языках // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: тез. докладов XXIX сессии постоянной Междунар. Алтаистической конф. (PIAC). Ташкент, сентябрь 1986 г. Ч. II : Лингвистика. М., 1986. С. 29–31.

Бурыкин, 2015 – Бурыкин А. А. Монгольские числительные в перспективе алтаистики (новый опыт интерпретации) // Монголоведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 100-летию Б. Х. Тодаевой (г. Элиста, 23–26 апреля 2015 г.). Ч. I. Элиста : КИГИ РАН, 2015. С. 113–120.

Дыбо, https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf – Дыбо А. В. Ассимиляция и аккомодация гласных в сингармонистических потомках досингармонистического языка: рефлексация одной вокалической структуры в тунгусо-маньчжурском URL : https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf.

Захаров, 1875 – Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб., 1875. 1232 с.

Котвич, 1962 – Котвич В. Исследование по алтайским языкам. = Studia nad językami ałtajskimi / ред. Н. А. Баскаков, пер. с пол. А. И. Толкачева. М. : Изд-во иностр. литературы, 1962. 351 с.

Поппе, 1931 – Поппе Н. Н. Материалы по солонскому языку. Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1931. 148 с.

Сравнительно-историческая грамматика…, 1988 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука, 1988. 560 с.

Суник, 1958 а – Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нананйскому языку. Л. : Учпедгиз, 1958. 208 с.

Суник, 1958 б – Суник О. П. О языке зарубежных нанайцев // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. XI. М., 1958. С. 157–185.

Суник, 1982 – Суник О. П. Существительное в тунгусо- маньчжурских языках: в сравнении с другими алтайскими языками. Л. : Наука, 1982. 242 с.

Цинциус, 1946 – Цинциус В. И. Множественное число имен в тунгусо-маньчжурских языках // Уч. Зап. ЛГУ. Сер. филологических наук. 1946. Вып. 10, № 69. С. 73–119.

Цинциус, 1947 – Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л. : Учпедгиз, 1947. 270 с.

Цинциус, 1949 – Цинциус В. И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л. : Учпедгиз, 1949. 342 с.

Шарина, 1999 – Шарина С. И. Категория количественности в эвенском языке. СПб. : Изд-во С-Петерб. ун-та, 1999. 144 с.

Benzing, 1955 – Benzing J. Lamutische Grammatik. Wiesbaden, 1955. VIII + 254 S.

Blazek, 1999 – Blazek W. Altaic numerals. For Karl H. Menges to his 90th birthday (April 22, 1998). Numerals: Comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages / Ed. by V. Blazek. Brno : Masarykova Univerzita. P. 102–140.

Poppe, 1960 – Poppe N. N. Vergleichende Grammatik der Alnaiachen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 S.

Kotwicz, 1931 – Kotwicz W. Les Contributions aux études altaïques. II (Les noms de nombre). RO, VII. Krakow, 1931.

UDC 811.512.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68

Alexis A. Burykin
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences
St-Petersburg, Russian Federation

Sardana I. Sharina
Institute for Hunanities Reseach and Indigenous Studies of the North
Russian Academy of Sciences, Siberian Branch
Yakutsk, Russian Federation
sarshar@mail.ru

Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages

Abstract
The article discusses the reconstruction of the archetype of cardinal numbers, word formation of the categories of numbers in the Tungus-Manchu languages. Based on the available data on languages, 15 categories are analyzed: cardinal, ordinal, multiples, dividing, distributive, restrictive, collective, numerals for counting days, numerals for counting animals, numerals for counting households, numerals for counting fingers, numerals for counting pairs of objects, numerals for counting places and directions, numerals for counting various objects, numerals for counting the years of an animal. It turns out that certain forms are ancient, but most of them were

formed later and were characteristic only for a certain group, subgroup or one language. Word-building patterns of numerals are connected with form-changing patterns, although in a number of cases syntactic functions of derivatives change, and sometimes we can observe forms with complex morphological structure, derived not only from cardinal numerals but also from numerals of other categories.

Keywords: Tungus-Manchu languages, word formation, numerals, archetype reconstruction, numeral categories.

© Burykin A. A., Sharina S. I. 2021

For citation: Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021). Slovoobrazovanie imen chislitel'nykh v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 52–68. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68.

References

Burykin, A. A. (1986). K izucheniyu imen chislitel'nykh v altayskikh yazykakh [To the study of the names of numerals in the Altai languages]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altayskoy yazykovoy obshchnosti: tez. dokladov XXIX cessii postoyannoy Mezhdunar. Altaisticheskoy konf. (PIAC). Tashkent, sentyabr' 1986 g. Ch. II : Lingvistika* [Historical and cultural contacts of the peoples of the Altai linguistic community: Abstracts of the XXIX session of the permanent Intern. Altaistic Conf. (PIAC), Tashkent, September 1986. Part II. Linguistics] (pp. 29–31). Moscow.

Burykin, A. A. (2015). [Mongolian numerals in the perspective of Altaistics (new interpretation experience)] // [Mongolian studies at the beginning of the XXI century: current state and development prospects]: Proc. of the International Scientific Conf. dedicated to the 100th anniversary of B. Kh. Todaeva (Elista, April 23–26, 2015.). (Part I, pp. 113-120). Elista : KIGI RAN Press. P..

Dybo, A. V. *Assimilyatsiya i akkomodatsiya glasnykh v singarmonisticheskikh potomkakh dosingarmonisticheskogo yazyka: refleksatsiya odnoy vokalicheskoy struktury v tunguso-man'chzhurskom* [Assimilation and accommodation of vowels in the syngharmonic descendants of the dosingharmonic language: reflexion of one vocal structure in the Tungus-Manchu language]. Retrieved from <https://altaica.ru /LIBRARY/tmanvowels.pdf>.

Zakharov, I. I. (1875). *Polnyy man'chzhursko-russkiy slovar'* [Complete Manchu-Russian Dictionary]. St Petersburg.

Kotwicz, W. (1962). *Issledovanie po altayskim yazykam* [Studia nad językami ałtajskimi]. Ed. by O. N. Baskakov, translated from Polish by A. I. Tolkacheva. Moscow : Inostrannaya literatura Press.

Poppe, N. N. (1931). *Materialy po solonskomu yazyku* [Materials on the Solon language]. Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.

Tenishev, E. R. (Ed.). (1988). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Morphology]. Moscow : Nauka Press.

Sunik, O. P. (1958 a). *Kur-urmiyskiy dialekt. Issledovaniya i materialy po nananyskomu yazyku* [Kur-Urmian dialect. Research and materials on the Nanai language]. Leningrad : Uchpedgiz Press.

Sunik, O. P. (1958 b). O yazyke zarubezhnykh nanaytsev [On the language of foreign Nanai]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznaniya AN SSSR* [Reports of the Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences] (Vol. XI, pp. 157–185). Moscow.

Sunik, O. P. (1982). *Sushchestvitel'noe v tunguso- man'chzhurskikh yazykakh: v sravnenii s drugimi altayskimi yazykami* [Noun in Tungus-Manchu languages: Compared with other Altaic languages]. Leningrad : Nauka Press.

Tsintsius, V. I. (1946). Mnozhestvennoe chislo imen v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh [The plural of names in the Tungus-Manchu languages]. *Uch. Zap. LGU. Ser. filologicheskikh nauk* [Scientific Notes of Leningrad State University. Series of Philological Sciences], 10 (69), 73–119.

Tsintsius, V. I. (1947). *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even (Lamut) language]. Leningrad : Uchpedgiz Press.

Tsintsius, V. I. (1949). *Sravnitel'naya fonetika tunguso-man'chzhurskikh yazykov* [Comparative phonetics of the Tungus-Manchu languages]. Leningrad : Uchpedgiz Press.

Sharina, S. I. (1999). *Kategoriya kolichestvennosti v evenskom yazyke* [The category of quantity in the Even language]. St Petersburg : St Petersbur University Press.

Benzing, J. (1955). *Lamutische Grammatik.* Wiesbaden.

Blazek, W. (1999). Altaic numerals. For Karl H. Menges to his 90th birthday (April 22, 1998). In V. Blazek (Ed.), *Numerals: Comparative-etymological analyses of numeral systems and their implications: Saharan, Nubian, Egyptian, Berber, Kartvelian, Uralic, Altaic and Indo-European languages* (pp. 102–140). Brno : Masarykova Univerzita.

Poppe, N. N. (1960). Vergleichende Grammatik der Alnaiachen Sprachen. Wiesbaden, 1960. 188 S.

Kotwicz, W. (1931). Les Contributions aux études altaïques. *Rocznik Orientalistyczny*, (Vol. VII (1929–1930), pp. 152–221).

УДК 81'246.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_69_78

Гунько Людмила Андреевна
Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Российская Федерация
gunkolyuda@mail.ru

Структурно-прагматические особенности переключений кодов в речи персонажей произведения «Марсельская авантюра» Питера Мейла

Аннотация
Статья посвящена выявлению взаимосвязи структуры переключений кодов (ПК) с их прагматическими функциями в речи героев современного англоязычного произведения «Марсельская Авантюра» Питера Мейла. Матричным языком в произведении является английский, а гостевым – французский. Анализируются наиболее часто встречающиеся структуры переключений кодов и реализующие их функции. В результате исследования выявлено, что автор произведения использует разные типы переключений: межфразовые (44 единицы), внутрифразовые внутри простых предложений (вкрапления – 25 единиц, острова гостевого языка – 36 единиц), так и внутрифразовые в обособленных компонентах предложений (20 единиц). Результаты количественного анализа показывают, что наиболее частотным типом является внутрифразовый (81 единица), с преобладанием ПК в пределах простого предложения, внутри которого наличие островов гостевого языка превалирует над вкраплениями. Кроме того, самой распространённой в данном романе является предметно-тематическая функция, которая чаще всего представлена островными ПК. Выявлено, что ПК в романе выполняют в основном предметно-тематическую (62 единицы), эмоциональную (18 единиц) и эмфатическую (18 единиц) функции. Такой подтип внутрифразового типа как переключение между обособленными компонентами предложений представлен наибольшим разнообразием функций (7).

Ключевые слова: переключение кодов, языковые контакты, матричный язык, гостевой язык, художественный билингвизм, прагматические функции.

© Гунько Л. А. 2021

Для цитирования: Гунько Л. А. Структурно-прагматические особенности переключений кодов в речи персонажей произведения «Марсельская авантюра» Питера Мейла // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 69–78. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_69_78.

1. Введение [Introduction]

В современном мире многие учёные отмечают, что переключение кода является результатом различных видов языковых контактов.

Переключение кода возникает в билингвальной или многоязычной ситуации, когда люди общаются на более чем одном языке или диалекте, что обуславливается их происхождением [Ahmed, 2016, p. 207].

В 60-е гг. увеличивается количество исследований, посвящённых языковым контактам и переключению кода, рассматривается влияние условий, темы, участников коммуникации и экстралингвистических факторов на выбор языка. К концу XX в. наряду с изучением интерференции в билингвальной речи, начинают рассматривать и социальные предпосылки, коммуникативные цели и функции, присущие языковым кодам. Переключение кодов становится самостоятельной областью лингвистических исследований в 80-е гг. 20 века [Зурабова, 2020, с. 54-57].

По мнению К. Б. Мюллер, переключение кодов в литературных произведениях, как и в жизни, происходит в результате языковых контактов, в основном под влиянием индивидуального опыта, контактов языков национальных меньшинств с языками большинства или благодаря миграционным процессам, усилившимся в эпоху глобализации [Müller, 2015, p. 249]. Особенностью устной спонтанной речи, например, на эвенкийском языке является соединение различных по объему единиц двух типологически разных, но тесно контактирующих между собой эвенкийского и русского языков. В результате происходит частое переключение с этнического языка эвенков, проживающих на территории Амурской области, на доминирующий русский язык [Процукович и др., 2018, с. 59].

Если переключение кода в устной речи демонстрирует, как билингвы используют языковые средства, то в литературе проясняет внутреннюю структуру и интенции, менее очевидные в моноязычном тексте. Общим между устными и письменными ПК является контраст, установленный при помощи чередования языков [Gardner, 2015, p. 189].

Согласно С. Монтес-Алкала, проблема переключения кодов в художественных произведениях не получала должного освещения до 2000-х годов. Она пишет, что переключения кодов в литературе выполняют социально-прагматическую и стилистическую функции, характерные также для билингвальной речи. Переключения кодов в произведениях также способствуют созданию бикультуральной среды [Montes-Alcalá, 2015, p. 269].

По определению К. Майерс-Скоттон, переключение кодов (далее – ПК) – это использование форм гостевого языка / языков в высказываниях на матричном языке в пределах одной беседы [Myers-Scotton, 1997, p. 3], [Чиршева, 2012, с. 296]. В рассматриваемом произведении матричным языком является английский, а гостевым – французский.

Ц е л ь исследования – рассмотреть структурно-прагматические особенности переключений кодов в речи персонажей англоязычного произведения «Марсельская Авантюра» Питера Мейла. Согласно г и п о т е з е исследования, существует некоторая взаимосвязь между структурой переключений кодов и прагматическими функциями, выполняемыми ими в англоязычном художественном произведении «Марсельская авантюра».

2. Исследовательская часть [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м исследования послужили 125 случаев употребления переключений кодов, извлечённых методом сплошной выборки из диалогов героев романа «Марсельская авантюра», написанного Питером Мейлом в 2012 году. Главные герои произведения – Сэм и Элена отправляются на юг Франции, в Марсель, чтобы помочь своему другу Ребулю, настроенному решительно, помешать застройке бухты Грешников многоэтажными домами. Они убеждены, что постройка отелей на берегу бесповоротно испортит вид и репутацию Марселя, признанного культурной столицей Европы 2013 года. Произведение наполнено реалиями марсельской действительности, описанием мест, французской лексикой, которые позволяют прочувствовать жизнь местных жителей.

«Марсельская авантюра» является одним из образцовых произведений Питера Мейла, которое буквально пропитано всем тем, чем наполнена Франция – вином, изысканными блюдами и солнцем. Роман написан на английском языке, однако благодаря множественным переключениям на французский и живым описаниям природы, яств, читатель настолько погружается в него, что может забыть, на каком же языке он читает произведение. Чтобы напомнить о месте событий и отразить местный колорит, автор прибегает к переключениям кодов, создающим образность произведения.

В романе ПК встречаются как в диалогической речи персонажей, так и в самом авторском тексте, однако, в настоящей статье мы ограничимся изучением речи персонажей произведения.

При рассмотрении структуры и прагматических функции ПК, мы опирались на классификацию Г. Н. Чиршевой [Чиршева, 2004, с. 48–69], согласно которой можно выделить два структурных типа: межфразовый[1] и внутрифразовый[2] (с двумя подтипами: ПК между обособленными компонентами предложения и ПК внутри словосочетания или простого предложения, среди которых выделяются острова гостевого языка и вкрапления).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Межфразовый тип [Intersentential type]

На рисунке 1 представлены типы ПК и прагматические функции.

Р и с у н о к 1. **Структурно-прагматическая наполняемость произведения ПК**
Figure 1. Structural and pragmatic patterns of CS

М е ж ф р а з о в ы й тип представлен шестью прагматическими функциями. Приведём наиболее репрезентативные примеры:

1. Эмоциональная функция (13 единиц) служит для выражения эмоции говорящего:

As he left the bar to greet them, Miss Perkins let out a cry of recognition. "Jim, c'est toi! ***Quelle bonne surprise!****" Jim beamed, whipped off his sunglasses, and kissed Miss Perkins loudly on each cheek* [Mayle, 2012, p. 102] – 'Когда он вышел из-за стойки, чтобы приветствовать их, мисс Перкинс радостно взвизгнула: – Jim, c'est toi? Quelle bonne surprise! Джим просиял, сдёрнул с лица очки и громко расцеловал мисс Перкинс в обе щеки [Мейл, 2013, с. 171].

В данном примере при восклицании *Quelle bonne surprise!* 'Какой приятный сюрприз!', говорящий передаёт свою радость при встрече.

[1] В данном типе переключение происходит между предложениями в пределах одного высказывания [Чиршева, 2004, с. 48–69].

[2] В данном типе переключение наблюдается внутри одного предложения [Чиршева, 2004, с. 48–69].

2. Эмфатическая функция (10 единиц) позволяет привлечь внимание к важной для говорящего информации. В предложенном случае подчёркивается серьёзность ситуации при помощи французского ПК *Très sérieux* 'очень серьёзно':

The Figatellis murmured their appreciation. "See that?" said Jo to his brother. "The helicopter parked on the stern? That is some piece of equipment. ***Très sérieux."*** [Mayle, 2012, p. 131] – 'Даже Фигателли были впечатлены. – Посмотри на корму, – подтолкнул Джо брата. – Видишь вертолет? Да, ничего себе яхточка. Tr`es serieux!' [Мейл, 2013, с. 221].

3. Функция воздействия (7 единиц) часто используется для побуждения кого-либо к действию. В нашем примере Филипп переходит на родной ему язык, пытаясь получить его согласие, уговорить Сэма успокоиться *D'accord?* 'хорошо?':

He put his arm around Sam's shoulder, wincing as his cracked ribs complained. "I know it's hard, but let's try to be logical about this. ***D'accord?"*** *Sam sighed and nodded* [Mayle, 2012, p. 117] – 'Филипп сел рядом с Сэмом, обнял его за плечи и поморщился, когда от этого движения у него хрустнули сломанные ребра. – Знаю, тебе сейчас тяжело, но давай попробуем рассуждать логически. D'accord? Сэм тяжело вздохнул и кивнул' [Мейл, 2013, с. 197].

4. Предметно-тематическая (8 единиц) реализуется при наименовании предметов или реалий на языке их происхождения. ПК *Soupe au pistou* 'суп с базиликом' используется для обозначения названия французского блюда:

*Elena patted his arm. "Leave it to me." She studied the menu for a few moments. "****Soupe au pistou?*** *Maybe not – I guess you get plenty of that at home. The seafood is very good here, so you could start with crab cakes and a purée of avocado …"* [Mayle, 2012, p. 13] – 'Элена погладила его по рукаву и на пару минут углубилась в изучение меню. – Soupe au pistou? Неплохо, но, наверное, вы едите такой и дома. Здесь отлично готовят морепродукты, поэтому давайте начнём с крабовых котлеток и пюре из авокадо… ' [Мейл, 2013, с. 20].

5. Адресатная функция (3 единицы) используется для обращения к кому-либо, например, с помощью ПК *Mon pauvre garçon* 'мой бедный мальчик' Мими обращается к Филиппу, утешая его после аварии на мотоцикле:

*"****Mon pauvre garçon****," said Mimi, kissing the tip of Philippe's nose. "Whatever happened? Were you …?"* [Mayle, 2012, p. 86] – 'Mon pauvre garçon, – прошептала Мими, целуя Филиппа в кончик носа. – Как это произошло? Ты был…' [Мейл, 2013, с. 146].

6. Фатическая функция (3 единицы) служит для установления контакта. В рассматриваемом примере Ребуль при знакомстве с Эленой восклицает *"Ravissante, ravissante"* 'очаровательно, очаровательно'. Переключение состоит из одной фразы персонажа, вписанной в авторский тест:

*At the sight of Elena he leaped to his feet and took her hand, confining himself this time to a single kiss and a murmured "****Ravissante, ravissante.****"* [Mayle, 2012, p. 12] – 'Увидев Элену, он вскочил и припал к её руке, на этот раз ограничившись одним, но долгим поцелуем – Ravissante, ravissante, – промурлыкал он' [Мейл, 2013, с. 18].

2.2.2. Внутрифразовый тип [Intrasententional type]

Вторым типом ПК является в н у т р и ф р а з о в ы й. В первом его подтипе – переключения между обособленными компонентами предложений. В обособленных оборотах – происходит обособление слова или словосочетания внутри единого предложения. Данный тип представлен семью прагматическими функциями:

1. Функция воздействия (5 единиц) реализуется через ПК *Alors* 'итак' для получения ответной реакции от собеседника:

*Sam could hear a few moments of Mozart in the background before Reboul's voice cut in. "****Alors****, Sam. How was your day in Cassis?" "Good, Francis. We had a great time. Elena*

loved it" [Mayle, 2012, p. 33] – 'Пару минут из трубки доносилась музыка Моцарта, а потом Сэм услышал голос Ребуля: – Ну как, Сэм? Хорошо провели время в Кассисе? – Отлично, Франсис. Элене очень понравилось' [Мейл, 2013, с. 55].

2. Эмоциональная функция (4 единицы) представлена при помощи обособленной единицы *paf* (бац) и восклицательного знака:

Philippe shook his head gingerly. "I hadn't touched a drop, honestly – not even a glass of rosé. Two bikes boxed me in, one in front, one behind. And then, ***paf****!, a kick in the knee knocked me off the scooter. I'm sure it was a professional job, but God knows why they did it. I don't think they stole anything –there was nothing to steal – so perhaps it was just for a bit of fun"* [Mayle, 2012, p. 86] – 'Филипп осторожно потряс головой: – Ни капли не пил. Даже стаканчика розового. Меня взяли в «коробочку» два мотоциклиста – один спереди, другой сзади. А потом один ударил меня ногой в колено, и я слетел со скутера. Уверен, парни – профессионалы, но понятия не имею, зачем им это понадобилось. У меня вроде ничего не украли, да и красть было нечего. Может, просто развлекались?' Мейл, 2013, с. 146].

3. Предметно-тематическая функция (4 единицы). ПК *Foie gras* 'фуа гра' реализуется при использовании названия французского блюда, переключение обособляется внутри предложения:

"There is smoked salmon. ***Foie gras****, of course. The last of the asparagus". Mathilde paused here to kiss her fingertips* [Mayle, 2012, p. 21] – 'Копчёная лососина. Фуа-гра, разумеется. Последняя в этом сезоне спаржа. – Матильда сделала паузу и поцеловала кончики пальцев' [Мейл, 2013, с. 34].

4. ПК *En plus* 'также' выполнят эмфатическую функцию (3 единицы), так как акцентируется важная информация:

Before Elena could pursue this interesting distinction, the waiter came with menus and two flutes of champagne. "Compliments of Monsieur Philippe," he said, "and we have his favorites on the menu today. ***En plus****, he has told us to send the bill to him"* [Mayle, 2012, p. 48] – 'Элена уже собралась поподробнее расспросить об этом тонком различии, но к ним подошёл официант с меню и двумя бокалами шампанского. – Это от месье Филиппа, – объявил он. – И сегодня в меню его любимые блюда. En plus, он просил отправить счёт ему' [Мейл, 2013, с. 81].

5. Цитатная функция (2 единицы) используется при передаче идиом, цитат или фразы, произнесённой кем-то другим. Ребуль цитирует слова одного винодела в своём повествовании – *Comme le petit Jésus en pantalon de velours* 'подобно маленькому Иисусу в бархатных штанишках', которое затем переводит на английский для своего собеседника.

*Reboul shook his head and laughed. "I once heard a winemaker describe his wine as '****Comme le petit Jésus en pantalon de velours****' – like Jesus in velvet trousers". He shrugged* [Mayle, 2012, p. 15] – 'Ребуль рассмеялся и покачал головой. – Однажды я слышал, как винодел говорил о свём вине, что оно «comme le petit Jésus en pantalon de velours» – «подобно маленькому Иисусу в бархатных штанишках». – Он пожал плечами' [Мейл, 2013, с. 24].

6. Адресатная функция (1 единица) реализуется в обращении *chère madame* 'дорогая мадам' и выделяется запятыми.

*While Mimi was getting the glasses, Daphne asked Jo what was in the bottle. "****Myrte, chère madame, myrte****, the Corsican liqueur. Very good. I made it myself. We have a custom in the Figatelli family to drink a toast before we go out on a job. We have found it brings luck"* [Mayle, 2012, p. 128] – 'Мими отправилась за рюмками, а Дафна осторожно спросила у Джо, что там, в тёмной бутылке. – Миртовый ликер, chére madame, знаменитый корсиканский напиток. Очень хороший. Я делал его сам. В семье Фигателли есть обычай выпивать по рюмке каждый раз, когда берёмся за важную работу. Он и правда приносит удачу' [Мейл, 2013, с. 218].

7. Фатическая функция (1 единица) реализуется при установлении знакомства при помощи клише *enchanté* 'Приятно познакомиться':

*Patrimonio advanced with hand outstretched. "**Enchanté**, Monsieur Levitt, **enchanté**"* [Mayle, 2012, p. 52] – 'Enchanté, месье Левитт, enchanté. – Председатель протянул ему руку' [Мейл, 2013, с. 88].

Вторым подтипом внутрифразового типа являются переключения в пределах словосочетания или простого предложения. Последний подтип в свою очередь подразделяется на два подвида: островные переключения и вкрапления. Под островом подразумевается сочетание единицы или нескольких единиц гостевого языка с системными морфемами того же языка, например, существительное с артиклем или с предлогом. Данный подвид реализуется пятью прагматическими функциями:

1. Предметно-тематическая функция (29 единиц). Островное ПК гостевого языка представлено названием журнала *La Provence* 'Прованс', состоит из содержательной морфемы – существительного *Provence* и системной морфемы – артикля единственного числа, женского рода *la*:

*"Good, Francis. We had a great time. Elena loved it." Sam looked down at the notes he'd made on the back of Nino's lunch bill. "I wanted to go over a couple of points with you before we go out this evening. We're having dinner with a friend, Philippe Davin. He's a journalist with **La Provence**, and I'm hoping he can give me some background on Patrimonio and the distinguished members of the selection committee"* [Mayle, 2012, p. 33] – 'Отлично, Франсис. Элене очень понравилось. Сэм взглянул на записи, которые сделал на обратной стороне счёта из ресторана «У Нино». – Я хотел обсудить с вами пару моментов, до того как мы выйдем из дома. Сегодня мы обедаем с моим приятелем Филиппом Давеном. Он профессиональный журналист, работает в «Ла Прованс». Надеюсь выудить у него побольше информации о Патримонио и других членах тендерного комитета' [Мейл, 2013, с. 55].

2. Эмфатическая функция (3 единицы). ПК *gardians* 'ковбои' используется для введения важной информации и представлена существительным во множественном числе, т. е. островом гостевого языка:

*"Not a lot – about a hundred acres. We grow a little rice, but the land is mainly for the horses, and it keeps Luc happy. You know, his father was one of the old-style **gardians**, and he taught Luc to ride when he was four. By the time he was ten, he was working." Reboul took a look at his watch. "Now then. We'd better start"* [Mayle, 2012, p. 70] – 'Немного, покачал головой Ребуль, – около сотни акров. Мы выращиваем на ней рис, но главным образом она предназначена для лошадей, и Люк всегда при деле. Знаете, его отец был одним из gardians старой закалки. Люк ездил верхом уже в четыре года, а когда исполнилось десять, начал работать. – Ребуль взглянул на часы. – Ну, теперь, наверное, пора перейти к делу' [Мейл, 2013, с. 120].

3. Цитатная функция переключения кодов используется для цитирования (2 единицы). Филипп приводит распространённое французское выражение *joie de vivre* 'радость жизни, жизнерадостность', которое является островом гостевого языка, образованным из двух существительных и предлога родительного падежа *de*:

*Philippe smiled and shrugged. "Some would say **joie de vivre**, but I have another theory"* [Mayle, 2012, p. 37]. – 'Кто-то говорит, что все дело в joie de vivre, – пожал плечами Филипп, – но у меня есть другая версия' [Мейл, 2013, с. 63].

4. Фатическая функция (1 единица) заключается в использовании этикетной формы прощания *au revoir* 'до свидания'. Остров образован из слияния предлога с артиклем *au* (à + le), существительного *revoir*, и существительного *mademoiselle*:

*"And now, although it breaks my heart to say **au revoir** to **mademoiselle**, I must leave you. I have a lunch appointment with my friend the mayor"* [Mayle, 2012, p. 90] – 'А сейчас,

хоть разлука с мадемуазель и разбивает моё сердце, я вынужден вас оставить. Мой друг мэр ждёт меня на ланч' [Мейл, 2013, с. 152].

5. Функция воздействия (1 единица) используется для того, чтобы вызвать у собеседника реакцию. В рассматриваемом примере у Сэма спрашивают в порядке ли он – *en forme*. Вопрос нацелен на побуждение его к действию – ему нужно поторопиться:

"*You **en forme**, Sam? Ready to go? We've been down in the Vieux Port, checking the boat. Everything's fine, and we're lucky with the weather. The sea is like this." Jo passed a flat hand, palm down, in front of his body, as if stroking a straight line* [Mayle, 2012, p. 126] – 'Вы уже переоделись, Сэм? Готовы ехать? Мы сейчас из Старого порта, смотрели, что за катер. С ним всё в порядке, и с погодой нам повезло. Море вот такое… – Джо провёл ладонью в воздухе, словно рисуя прямую линию' [Мейл, 2013, с. 214].

Второй подвид внутрифразового ПК в пределах простого предложения – вкрапления – также выделяются в пределах простого предложения и представляют собой одиночную лексическую единицу гостевого языка, которая не оформлена с помощью системных морфем. Вкрапления представлены четырьмя прагматическими функциями в рассматриваемом произведении:

1. Предметно-тематическая функция (21 единица) в уже приведённом ранее примере представлена вкраплением *rosé* 'розовое вино', так как не содержит системных морфем гостевого языка:

*Philippe shook his head gingerly. "I hadn't touched a drop, honestly—not even a glass of **rosé**..."* [Mayle, 2012, p. 86] – 'Филипп осторожно потряс головой: – Ни капли не пил. Даже стаканчика розового…' [Мейл, 2013, с. 146].

2. Эмфатическая функция (2 единицы) реализуется ПК *dynamique* 'динамичный': поскольку говорящему важно обратить внимание на образ города, вкрапление состоит из прилагательного.

"*Oh, that." Gaston waved a dismissive hand. "Pas de soucis. The mayor is an intelligent man. He will realize that this will be good for Marseille's image as a **dynamique** city, getting ready for 2013*" [Mayle, 2012, p. 75] – 'А, это, – махнул рукой Гастон. – Pas de soucis. Мэр – очень неглупый человек. Он поймёт, что такая презентация в преддверии две тысячи тринадцатого года пойдёт на пользу Марселю, создаст имидж динамичного города' [Мейл, 2013, с. 128].

3. Фатическая функция ПК, служащая для установления и поддержания контакта, выполняется, например, при помощи клише приветствия (1 единица) – *bonjour* 'добрый день'. Переключение состоит из содержательной морфемы гостевого языка – существительного и не содержит системных морфем гостевого языка:

"*Perhaps I should have given you some warning," said Reboul, with a shrug, "but I only flew into Los Angeles last night – there's some business I need to attend to here – and I thought I would take the opportunity to come and say **bonjour**." He took a card from his top pocket and pushed it across the table* [Mayle, 2012, p. 7] – 'Возможно, следовало предупредить вас заранее, – пожал плечами Ребуль, – но я прилетел только вчера вечером, а сегодня утром решил не упускать возможности и поприветствовать вас. – Он достал из кармана пиджака карточку и подтолкнул её к Сэму' [Мейл, 2013, с. 8].

4. Эмоциональная функция (1 единица) представлена содержательной морфемы – прилагательным *fabulous* 'потрясающе', которое несёт оценочную коннотацию в восклицательном предложении:

"*Darling!" "Sweetie!" "It's been ages!" "You look **fabulous**! The Botox really worked!" "Divine!" "Mmmm!" And so it went on – the sound track of summer in Saint-Trop* [Mayle, 2012, p. 105] – '«Дорогуша!», «Милочка!», «Сто лет не виделись!», «Выглядишь потрясающе! Этот ботокс и правда помог!», «Божественно!», «Ааа-ах!» – неслось со всех сторон – привычный саундтрек лета на Лазурном Берегу…' [Мейл, 2013, с. 177].

Таким образом, количественные данные показывают, что ПК в романе выполняют в основном предметно-тематическую (62 единицы), эмоциональную (18 единиц) и эмфатическую (18 единиц) функции. Межфразовый тип и обособленный подтип внутрифразового типа ПК представлены максимальным количеством прагматических функций (шестью и семью).

В рамках второго подтипа внутрифразового типа – переключения в пределах простого предложения – острова гостевого языка и вкрапления выполняют меньше функций (пять и четыре соответственно).

По структуре внутрифразовый тип ПК (81 единица) преобладает над межфразовым (44 единицы) типом в речи билингвальных персонажей (125 единиц). Внутрифразовые ПК в пределах простого предложения – 61 единица (островов – 36 единиц, вкраплений – 25) превалируют над внутрифразовыми ПК в обособленных компонентах предложения – 20 единиц. Среди внутрифразовых ПК в пределах простого предложения большинство островов и вкраплений выполняют предметно-тематическую функцию (см. рис. 1).

3. Заключение [Conclusion]

Проанализировав переключение кодов на материале англоязычного художественного произведения «Марсельская авантюра», можно сделать вывод, что существует определённая взаимосвязь между структурой переключений кодов и прагматическими функциями, ими выполняемыми. В рассматриваемом романе Питер Мейл чаще всего использует ПК, выполняющие предметно-тематическую функцию, так как она позволяет передать имена собственные, географические места с помощью языка, на котором они и существуют.

По структуре в романе «Марсельская авантюра» в речи билингвальных персонажей преобладают внутрифразовые ПК, представленные двумя подтипами – переключением между обособленными компонентами предложений и переключением в пределах словосочетания или простого предложения. Последний подтип в свою очередь подразделяется на два подвида: островные ПК и вкрапления. Для передачи большинства ПК внутрифразового типа автор использует островную структуру, которая отличается разнообразием форм и может быть представлена словосочетанием, существительным с артиклем, существительным во множественном числе, что позволяет передать больше французских названий, географических мест, часто состоящих из нескольких единиц. Можно заметить, что вкрапления и острова в основном выполняют предметно-тематическую функцию, с помощью которой легко передать оригинальные французские наименования.

Такой подтип внутрифразового типа, как переключение между обособленными компонентами предложений, представлен наибольшим разнообразием функций (семью) и чаще реализует эмоциональную, предметно-тематическую и функцию воздействия. Межфразовый тип также представлен большим количеством функций (шестью) и наиболее свойственен для передачи эмоциональной, эмфатической, предметно-тематической и функции воздействия. Такие функции, как эмоциональная и воздействия, чаще соответствуют межфразовому типу или внутрифразовому типу ПК в обособленных компонентах предложения, поскольку с их помощью говорящий выражает эмоции, воздействует на своего собеседника.

Анализ структурно-прагматических особенностей переключений кодов в современном англоязычном художественном произведении позволяет установить взаимосвязь структуры ПК и прагматических функций, выполняемых ими в диалогической речи персонажей. Для выявления более полной картины необходимо проведение допол-

нительных изысканий на материале других произведений как в рамках исследуемого языка, так и на других языках, что составит перспективу настоящего исследования.

Список литературы

Зурабова, 2020 – Зурабова Л. Р. Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 48–61.

Мейл, 2013 – Мейл П. Марсельская авантюр: Пер с англ. И. Пандер. СПБ. : Азбука-Аттикус. 2013. 256 с.

Процукович и др., 2018 – Процукович Е. А., Иванашко Ю. П., Морозова О. Н. Переключение кодов в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 1. С. 58–68.

Чиршева, 2004 – Чиршева Г. Н. Двуязычная коммуникация. Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2004. 193 с.

Чиршева, 2012 – Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб. : Златоуст, 2012. 488 с.

Ahmed, 2016 – Ahmed M. Arabic codes in Hebrew texts: on the typology of literary code-switching // Journal of Jewish Languages. 2016. N 4. P. 203–230.

Gardner-Chloros, 2015 – Gardner-Chloros P. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. 2015. Vol. 24 (3). P. 182–193.

Müller, 2015 – Müller K. B. Code-switching in Italo-Brazilian literature from Rio Grande do Sul and São Paulo: A sociolinguistic analysis of the forms and functions of literary code-switching // Language and Literature. 2015. Vol. 24 (3). P. 249–263.

Myers-Scotton, 1997 – Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. New York : Clarendon Press, 1997. 285 p.

Mayle, 2012 – Mayle P. The Marseille Caper. New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd, 2012. 152 p.

Montes-Alcalá, 2015 – Montes-Alcalá C. Code-switching in US Latino literature: The role of biculturalism // Language and Literature. 2015. Vol. 24 (3). P. 264–281.

UDC 81'246.2 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_69_78

Lyudmila A. Gunko
Cherepovets State University
Cherepovets, Russian Federation
gunkolyuda@mail.ru

The structural and pragmatic features of code-switches in the dialogues of the novel “The Marseille Caper” by Peter Mayle

Abstract
This article studies the interdependence between structural and pragmatic aspects of code-switches (CS) observed in the dialogic speech of the novel «Marseille Caper» by Peter Mayle. The matrix language of bilingual utterances is English and the embedded language is French. The article provides a detailed description of the classification of code-switches according to types and the functions they perform. Different types of code-switches have been identified: intersentential (44 units), intrasentential – within a phrase (insertions – 25 units, embedded language islands – 36 units), parenthetical switches – 20 units. The study has shown that the intrasentential type (81 units) is the most frequently used code-switch type in the bilingual characters’ speech.

Besides, intrasentential type occurring within a simple sentence is more popular in comparison with parenthetical switches with the embedded language islands being predominant. It is argued that the most common pragmatic function in the bilingual characters' speech is the subject-thematical one represented by the embedded language islands. It is revealed that the code-switches in the novel perform mainly subject-thematic (62 units), emotional (18 units) and emphatic (18 units) functions. The subtype of intrasentential type – parathentical switches – is represented by the greatest variety of functions (7).

Keywords: code-switches, language contacts, matrix language, embedded language, fiction bilingualism, pragmatic functions.

© Gunko A. L. 2021

For citation: Gunko, A. L. Strukturno-pragmaticheskie osobennosti pereklyucheniy kodov v rechi personazhey proizvedeniya «Marsel'skaya avantyura» Pitera Meyla [The structural and pragmatic features of code-switches in the dialogues of the novel "The Marseille Caper" by Peter Mayle]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 69–78. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_69_78.

References

Zurabova, L. R. (2020). Pereklyuchenie kodov v usloviyakh dvuyazychiya: stanovlenie oblasti lingvisticheskikh issledovaniy [Code switching and bilingualism: Origin of the field of linguistic research]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 48–61.

Mayle, P. (2013). *Marsel'skaya avantyur* [The Marseille Caper]. Translated from English by I. Pander. St Petersburg : Azbuka-Attikus Press.

Protsukovich, E. A., Ivanashko, Yu. P., Morozova O. N. (2018). Pereklyucheniye kodov v evenkiyskom yazyke [Code switching in the Evenki language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (1), 58–68.

Chirsheva, G. N. (2004). *Dvuyazychnaya kommunikatsiya* [Bilingual communication]. Cherepovets : Cherepovets State University Press.

Chirsheva, G. N. (2012). *Detskiy bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov* [Childhood bilingualism: The simultaneous acquisition of two languages]. St Petersburg : Zlatoust Press.

Ahmed, M. (2016). Arabic codes in Hebrew texts: on the typology of literary code-switching. *Journal of Jewish Languages*, 4, 203–230.

Gardner-Chloros, P. (2015). Code-switching and multilingualism in literature. *Language and Literature*, 24 (3), 182–193.

Müller, K. B. (2015). Code-switching in Italo-Brazilian literature from Rio Grande do Sul and São Paulo: A sociolinguistic analysis of the forms and functions of literary code-switching. *Language and Literature*, 24 (3), 249–263.

Myers-Scotton, C. (1997). *Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching.* New York : Clarendon Press.

Mayle, P. (2012). *The Marseille Caper.* New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd.

Montes-Alcalá, C. (2015). Code-switching in US Latino literature: The role of biculturalism. *Language and Literature*, 24 (3), 264–281.

УДК 81'42, 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_79_89

Ищенко Ирина Геннадьевна, Конопацкая Елена Вячеславовна
Амурский государственный университет,
г. Благовещенск, Российская Федерация
iirinagen@mail.ru, lena312312312@gmail.com

Эксплицитные и имплицитные средства репрезентации оценки в публикациях сайта cnn.com о проблемах миграции

Аннотация
Статья посвящена категории оценки в лингвистике и средствам её репрезентации. Как антропоцентрическая категория оценка является важным элементом когнитивной деятельности человека и основывается на его ценностных установках. Цель статьи – выявить и проанализировать эксплицитные и имплицитные средства выражения оценки в статьях сайта CNN.com, посвящённых вопросам миграции в страны Евросоюза и Северной Америки. В ходе исследования с использованием контент-анализа, дефиниционного и компонентного анализа было изучено 84 публикации за 2019–2021 годы и выявлено 617 примеров оценочности, из них 367 примеров эксплицитной оценки и 250 – имплицитной. Оценка в анализируемом материале имеет преимущественно эксплицитный характер и актуализируется лексическими единицами с оценочной семантикой. Имплицитная оценка формируется с опорой на лингвистический и экстралингвистический контекст и репрезентируется различными языковыми приемами: цитированием, метафорой, фразеологизмами, антитезой, эвфемизмами. Как показал анализ, аксиологическая характеристика создаётся использованием комплекса эксплицитных и имплицитных оценочных средств с целью реализации основной функции СМИ – информирования аудитории и формирования общественного мнения.

Ключевые слова: категория оценочности, имплицитная оценка, эксплицитная оценка, структура лексического значения, метафора, цитирование, антитеза, эвфемизм.

© Ищенко И. Г., Конопацкая Е. В. 2021

Для цитирования: Ищенко И. Г., Конопацкая Е. В. Эксплицитные и имплицитные средства репрезентации оценки в публикациях сайта cnn.com о проблемах миграции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 79–89. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_79_89.

1. Введение [Introduction]

Категория оценки, являясь объектом изучения целого ряда научных дисциплин, сохраняет свою актуальность и в современной лингвистике. Способность оценивать всё происходящее в окружающем нас мире – одна из важных особенностей человеческого сознания. Процесс познания мира и реализация различных видов деятельности человеком сопровождаются оцениванием, выражением собственного отношения на основе своих ценностных интересов, взглядов, опыта. В своём поведении мы руководствуемся как когнитивными, так и прагматическими мотивами и установками, которые отражаются в сознании в оценочных противопоставлениях типа «хорошо – плохо», «приятно – безразлично – неприятно», «красиво – некрасиво», «добро – зло» и т. д. «Исходными являются прагматические установки сознания, отвечающие за субъективную оценку всего наблюдаемого и переживаемого человеком с точки зрения его интересов и ценностных ориентаций в мире» [Никитин, 1988, с. 20]. Поэтому есть общее в понимании оценки в различных областях знаний – это выражение значимости характеризуемых объектов или явлений на основе определённой шкалы ценностей.

Оценка как лингвистическая категория, её специфика, средства её выражения нашли отражение в многочисленных работах [Вольф, 1985 ; Степанов 1985 ; Телия 1986 ;

Арутюнова, 1988 ; Hare, 1991 ; Ретунская 1996 ; Маркелова, 2013 ; Ивин, 2016]. В самом широком смысле под оценкой в лингвистике принято понимать выражение ценностного отношения носителей языка к объектам действительности, поскольку оценка отражает не только свойства объекта, но и позицию и намерение субъекта оценки. Оценка предполагает наличие определённой нормы, эталона, признанных в данном языковом сообществе. «Оценка может даваться по самым разным признакам: истинность / неистинность, важность / неважность и т. п., однако основная сфера значений, которые обычно относятся к оценочным, связана с признаком «хорошо – плохо» [Вольф, 1985, с. 8]. Существенным фактом для данной работы представляется признание того, что оценка в полной мере актуализируется именно в речи, в высказывании. Г. Я. Солганик, подчёркивая значимость принципа антропоцентризма в языке, отмечает, что в акте номинации в скрытой форме уже содержится оценка [Солганик, 2007, с. 23], т. е. человек, именуя предметы, одновременно закрепляет в названии своё отношение к ним. Эту же мысль ранее подчёркивал и М. М. Бахтин, говоря, что всякое слово обладает оценкой, «все предметные содержания даются в живой речи, сказаны и написаны в соединении с определённым ценностным акцентом» [Бахтин, 1993, с. 114]. Это свидетельствует о тесной связи семантики и прагматики в языке, так как все языковые единицы выбираются и оцениваются адресантом с позиций его коммуникативного намерения при построении высказывания. В этом смысле можно говорить о присущем языковым единицам оценочном потенциале, который может быть реализован в коммуникативно-речевой ситуации. Таким образом, оценка – «объективно-субъективное или субъективное отношение человека к объекту, выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно» [Кунин, 2005, с. 212].

Цель настоящей статьи – выявить и описать средства выражения эксплицитных и имплицитных оценок в публикациях сайта CNN.com о проблемах миграции за период 2019–1021 годов.

Тема миграции сохраняет свою актуальность уже на протяжении нескольких лет и затрагивает практически все сферы человеческой деятельности: политическую, экономическую, правовую, географическую, демографическую, социальную, культурную [Зубарева, 2018, с. 28]. В связи с определёнными жизненными сложностями граждане из менее благополучных стран стремятся переселиться в другие регионы, чаще в страны Европы и Северной Америки, вызывая при этом неоднозначную оценку со стороны правительств и жителей этих государств. Средства массовой информации обладают способностью оказывать воздействие на читателя и способствовать формированию оценочного отношения к представленным событиям.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

В данной работе было проанализировано 84 публикаций сайта [CNN.com], в которых затрагиваются вопросы миграционного кризиса. Средний объём каждой статьи – около 3000 печатных знаков.

В проанализированных статьях за указанный период времени описывается переселение граждан из стран Африки, Ближнего Востока, Центральной и Латинской Америки, приводятся обстоятельства и причины, по которым они вынуждены покинуть свои дома, трудности, с которыми они столкнулись во время переселения и уже в период проживания в других странах. Большое внимание в статьях уделяется описанию условий жизни мигрантов в лагерях беженцев, сложностей с поисками работы и сопутствующих трудностей интегрирования в новое общество. Для многих мигрантов эти проблемы усугубляются их нелегальным статусом, однако, несмотря на это, они не намерены возвращаться домой и продолжают надеяться на лучшую жизнь. С другой сто-

роны, приток иммигрантов приводит к разногласиям с местными жителями и представителями власти, которые не всегда готовы справиться с возникающими конфликтными ситуациями на этнической, культурной, социально-экономической, религиозной почве. Более того, миграционные потоки способны вызывать динамические языковые процессы как в принимающем обществе, так и в языковой среде мигрантов [Зубарева, 2019, с. 36].

Данные публикации сайта CNN.com относятся к информационно-аналитическому типу статей. Т. Г. Добросклонская выделяет следующие языковые особенности таких материалов: использование эксплицитных и имплицитных способов выражения оценки; распространённость аллюзий; употребление модальной лексики и др. [Добросклонская, 2007, с. 201]. Основная задача новостных и информационно-аналитических статей – информирование, сообщение о происходящих событиях с возможным разъяснением и комментарием. Оценочная интерпретация представленного материала зачастую предоставляется самому адресату сообщения – она далеко не всегда эксплицирована и однозначна в тексте статьи.

Анализ дихотомии «имплицитность / эксплицитность» как способа представления информации в лингвистике показывает, что имплицитность в качестве маркированного члена данной оппозиции вызывает больше интереса у исследователей. В отличие от прямого эксплицирования оценочного смысла, имплицитная оценка требует выяснения причин такого способа выражения мнения, а также самого механизма выведения той или иной оценки с опорой на лингвистические и экстралингвистические параметры контекста. Соответственно, основными методами исследования являются контент-анализ статей, контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций [Cambridge dictionary ; Collins online dictionary], компонентный анализ, а также общенаучные методы (анализ, синтез, обобщение). С помощью указанных методов была проанализирована выборка из 617 примеров.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Способы реализации эксплицитной оценки [Means of representing explicit evaluation]

Оценка может считаться эксплицитной, если оценочные смыслы выводятся непосредственно из языковых единиц текста [Пантеева, 2020, с. 127]. Оценка может быть выражена на разных языковых уровнях, каждый из которых имеет свои специфические средства выражения аксиологических отношений [Семина, 2017, с. 15]. Однако эксплицитный тип оценки главным образом актуализируется единицами лексического уровня, в структуре значения слова, в виде оценочного компонента, в котором закрепляется ценностная характеристика. В лексических единицах с эксплицитной оценкой отношение к описываемым фактам и событиям выражается открыто, поэтому читатель однозначно интерпретирует их как отрицательно или положительно отмеченные. Эта аксиологическая информация реализуется благодаря соответствующим оценочным семам в структуре лексического значения: либо в его денотативном компоненте, либо в коннотативном.

Как показал проведённый анализ, именно этот способ выражения оценки является доминирующим в рассмотренном материале – 367 из 617 примеров. Если взять в качестве примера одну из статей – “41 migrants found in back of truck in Greece”, – то выяснится, что в подавляющем большинстве оценочные характеристики вербализованы лексическими единицами с оценочным компонентом в их семантике (15 единиц). Среди них в двух лексемах оценка локализована в ядре значения, т. е. в денотативном компоненте значения.

(1) *There is a **desperate** lack of medical care and sanitation in the vastly crowded camps* – 'В перенаселённых лагерях ***остро*** стоит проблема нехватки медицинского обслуживания и плохого санитарного состояния' (Здесь и далее перевод наш – И. И., Е. К.).

Компонентный анализ прилагательного *desperate* 'very serious or bad' выявляет отрицательно оценочный семантический признак 'bad', что свидетельствует о прямолинейной критике условий временного проживания мигрантов.

(2) *The vast majority of them are trapped in asylum limbo and living in conditions that Europe's human rights watchdog last week described as* ***'abysmal'*** – 'Подавляющее большинство из них (беженцев) не имеют возможности покинуть пункты временного пребывания, условия в которых охарактеризованы как ***«ужасные»*** наблюдателем за соблюдением прав человека в Европе'.

В Прилагательном *abysmal* 'very bad' эксплицитная отрицательная оценка выявляется в денотативном компоненте значения. В обоих случаях сема отрицательной оценки 'bad' интенсифицируется компонентом 'very', усиливая негативный эффект. Следует отметить, что данные примеры выражения эксплицитной оценки посредством актуализации ядерных сем значений прилагательных являются очень выразительной критикой описываемой ситуации с беженцами в лагерях временного пребывания.

Другая группа эксплицитно-оценочных слов с оценочной характеристикой в коннотативном компоненте лексического значения представлена 13 единицами. В денотативном значении этих слов описывается сам объект, его признак, или действие, но эти семантические признаки обладают такими ценностными характеристиками, что непременно сопряжены с оценочностью:

(3) *Greece has just passed a* ***controversial*** *law that shortens the asylum process by cutting out some options for appeal* – 'Греция только что приняла ***противоречивый*** закон, который сокращает сроки предоставления убежища за счёт исключения ряда возможностей для подачи таких запросов'.

Значение прилагательного *controversial* 'causing intense public argument, disagreement, or disapproval' не содержит собственно оценочных сем, но ключевые семантические признаки *disagreement, disapproval, argument* актуализируют негативную оценочную коннотацию. Контекст обосновывает и подтверждает уязвимость и недостаток этого закона – с одной стороны, он направлен на сокращение срока рассмотрения обращений для выезжающих в страны Евросоюза, а с другой стороны, это достигается более жёсткими требованиями и ограничениями для подачи этих обращений и, соответственно, расширяет возможности отклонить их приём. Другими примерами эксплицитной оценки с коннотативно-оценочной семантикой лексических единиц являются:

(4) *… described the situation as* ***explosive*** – '… описал ситуацию как ***взрывоопасную***';

(5) *migrants being* ***smuggled*** – '***незаконно ввозимые*** мигранты';

(6) *Greek newspapers drew parallels between Monday's incident and a more* ***grisly*** *one in England* – 'Греческие газеты проводят параллели между инцидентом, произошедшим в понедельник, и ещё более ***ужасным*** случаем в Англии'.

Подавляющее большинство слов с эксплицитным оценочным значением передаёт отрицательное отношение к описываемым фактам. И только два слова *cohesive* 'united and working together effectively' и *equitable* 'fair and reasonable in a way that gives equal treatment to everyone' характеризуются положительно-оценочной коннотацией:

(7) *Prime Minister Kyriakos Mitsotakis has repeatedly asked for a* ***cohesive*** *policy from its European Union partners and an* ***equitable*** *distribution* – 'Премьер-министр Кириакос Мицотакис неоднократно обращался к своим партнёрам по Европейскому союзу с призывом ведения согласованной политики и ***справедливого*** распределения'.

В этом предложении с опорой на содержательный контекст данные прилагательные реализуют идею эффективного решения проблемы и позитивного исхода.

Всего в материале соотношение примеров с отрицательным и положительным отношением составляет 495 vs 122.

Таким образом, на примере одной публикации представлен анализ средств выражения эксплицитной оценки. Такая же тенденция прослеживается и в большинстве других статей. Эксплицитный тип оценки преобладает, она актуализируется на лексико-семантическом уровне, в значении слов. Приведём в качестве иллюстрации ряд оценочно-маркированных лексических единиц: *egregious, illegal, immoral, denounce (asylum policies), horrendous (living conditions), migration has become politically toxic, shocking (images), devastating (consequences), violent and degrading (treatment), inhumane immigration system)* и др. Соотношение оценочно-маркированных лексических единиц в зависимости от выявления оценочной семы в денотативном компоненте значения или в коннотативном соответствует представленному выше анализу на примере одной из статей. Доминируют лексемы с аксиологическим потенциалом в коннотативном компоненте семантики.

2.2.2. Способы реализации имплицитной оценки [Means of representing implicit evaluation]

Имплицитная оценка выражена не прямолинейно, самой семантикой языковой единицы, а косвенным образом и выводится адресатом на основе интерпретации текста с учётом лингвистических и экстралингвистических факторов. Таких примеров зафиксировано 250 из 617.

Часто имплицитная оценка реализуется в контексте комплексом языковых средств, поэтому содержательный и языковой контексты играют главную роль в создании и выявлении оценочности. Иногда текст всей статьи служит таким контекстом, который способствует раскрытию имплицируемой оценки. Например, заголовок статьи “A volunteer worker who aided migrants in Arizona was acquitted of harboring charges” выдержан в нейтральном стиле, не осуждая и не одобряя это решение суда. В такой же беспристрастной и нейтральной тональности изложены основные факты данной статьи. По делу Скотта Уоррена, оказывавшего гуманитарную помощь и укрывавшего двух нелегальных иммигрантов, состоялось два заседания суда. По предъявленному обвинению ему грозило до десяти лет тюремного заключения. Первое заседание суда не закончилось единогласным решением судей, а второе завершилось оправдательным приговором. Вся информация представлена свойственной публицистике манере безоценочного изложения последовательности фактов и событий. И только в завершающей части статьи приводятся комментарии, которые позволяют выявить отношение к этому факту, т. е. оценка события представлена в имплицитной форме посредством цитирования других лиц, а именно Эрики Гевара-Росас, одного из руководителей организации Amnesty International и которая активно поддерживала это решение. Её одобрение передаётся таким имплицитным способом, как метафора:

(8) *Erika Guevara-Rosas, Americas director at Amnesty International,* ***applauded*** *Wednesday's verdict* – 'Эрика Гевара-Росас, директор Amnesty International по Северной и Южной Америке, ***с радостью одобрила*** приговор, вынесенный в среду'.

Словарная дефиниция глагола *applaud* – 'to show enjoyment or approval of something such as performance or speech by clapping the hands'. Авторы статьи используют этот глагол в переносном смысле, при этом в метафорическом значении сохраняется и актуализируется семантический признак 'to show enjoyment or approval', а семы 'performance', 'clap the hands' нейтрализуются. Таким выразительным средством передаётся положительная оценка оправдательному приговору. Всего в материале зафиксировано 56 примеров метафоры.

Далее одобрительная оценка подкрепляется ещё одним имплицитным средством – непосредственным цитированием Эрики, а именно тех её слов, в которых она

поддерживает оказание гуманитарной помощи беженцам и осуждает политику Д. Трампа, являвшегося в тот период президентом США:

(9) *Sense has prevailed today with the jury exonerating Dr. Scott Warren for a simple reason: humanitarian aid is never a crime* – 'Сегодня здравый смысл возобладал, присяжные оправдали доктора Скотта Уоррена по простой причине: гуманитарная помощь никогда не является преступлением'.

(10) *The Trump administration is wrong to try to prosecute people who are only trying to save lives. By threatening Dr. Warren with a decade in prison, the US government sought to criminalize compassion and weaponize the deadly desert against people who make the perilous journey to the United States in search of safety* – 'Администрация Трампа совершает ошибку, преследуя людей, которые просто пытаются спасти жизни людей. Угрожая доктору Уоррену десятилетним тюремным заключением, правительство США стремилось криминализировать сострадание и заполнить безжизненную пустыню оружием для борьбы против людей, которые совершают опасное путешествие в США в поисках безопасности'.

Можно утверждать, что в статье намеренно используется это цитирование в качестве средства выражения имплицитной оценки с использованием таких выразительных негативно-оценочных лексем и метафор, как *crime, criminalize, weaponize.* Таким опосредованным образом, с использованием лексико-семантических приёмов метафоризации и цитирования фрагментов высказываний других лиц в статье имплицируется оценочное отношение к описываемым событиям.

Следует отметить, что цитирование является одним из самых популярных способов имплицитной оценочности – 105 из общего количества примеров. Поскольку СМИ часто воздерживаются от прямолинейной оценки каких-то фактов, то часто прибегают к цитатам, в которых содержится более эксплицитное оценочное суждение или мнение. Так, в одной из статей цитирование наблюдается в заголовке:

(11) *Head of union for asylum officers calls Trump asylum policies 'egregious'* – 'Руководитель организации по вопросам предоставления убежища называет политику Трампа в отношении беженцев «вопиющей»'.

Семантика цитируемого прилагательного *egregious* 'extremely bad in a way that is very noticeable' эксплицирует оценку и, соответственно, посредством заимствования этого слова из речи другого лица имплицитно задаёт аксиологическую тональность всей статьи. Чтобы сохранить и поддержать модальность осуждения, авторы статьи и далее обращаются к цитированию:

(12) *Michael Knowles, president of local union that represents US asylum officers, denounced the Trump administration's asylum policies, calling them* ***egregious*** *and* ***illegal*** – 'Майкл Ноулз, президент местной организации по вопросам предоставления убежища в США, осудил политику администрации Трампа в этой сфере, назвав её ***вопиющей*** и ***незаконной***'.

(13) *These policies are* ***blatantly illegal****, they are* ***immoral****, and indeed are the basis for some* ***egregious human rights violations*** *by our own country* – 'Эти действия являются ***откровенно незаконными, аморальными***, и они ведут к ***вопиющим нарушениям прав человека*** в нашей собственной стране'.

Использование высказываний других лиц в виде цитирований наблюдается в каждой из проанализированных статей, многие из них служат имплицитным средством той или иной оценки. Таким образом, авторы статьи в какой-то степени дистанцируются от столь прямолинейного обличения ссылкой на другие субъекты оценки.

К имплицитным средствам оценки относятся и фразеологизмы (32 примера), чаще для выражения критики и неодобрения:

(14) *The Pandemic* ***has taken a toll*** *on Latin America* – 'Пандемия ***нанесла серьёзный удар*** по Латинской Америке'.

В данной статье с помощью идиомы *take a toll* 'cause sufferings, death or damage' создаётся обеспокоенность по поводу драматичной ситуации в ряде стран Латинской Америки, в том числе и на Кубе, где не удаётся справиться с распространением инфекции, и это является одной из причин миграции населения в более благополучные США. В другом примере Берни Сандерс, соперник бывшего президента США Дональда Трампа, критикует его решение расширить полномочия Министерства внутренней безопасности (DHS), передав ему, в частности, ряд функций Министерства юстиции:

(15) ***Putting everything in one basket*** *under DHS has not just worked out* – '***Попытка «уместить всё в одной корзине»*** силами Министерства Внутренней Безопасности не удалась'.

Неэффективность и отрицательная оценка этого шага выражается трансформированным фразеологизмом *put all eggs in one basket*.

Примером обращения к эвфемизации как имплицитной форме реализации оценки (всего 9 примеров) является фраза *undocumented migrants*, в которой *undocumented* 'not having any documents to prove that you are living or working in a country legally' воспринимается не так осуждающе и категорично, как его более эксплицитный синоним *illegal* 'someone who lives or works in another country when they do not have the legal right to do this', за которым в общественном сознании закреплена устойчивая негативная оценка. Сравнение дефиниций этих двух прилагательных выявляет практически полное денотативное сходство, тем не менее *undocumented (migrants/people)* имеет более мелиоративную оценку.

Контекст играет ключевую роль в выявлении имплицитной оценки, которая может быть актуализирована таким стилистическим приёмом, как ирония (всего 28 примеров):

(16) *Someday, when we're* ***lucky*** *enough to enter a post-Trumpian era, we're going to have to confront what government officials, working in the name of the American people, have visited on the most vulnerable* – 'Когда-нибудь, когда нам ***посчастливится*** вступить в пост-Трамповскую эпоху, нам придётся признать, что от рук правительственных чиновников, действовавших от имени американского народа, пострадали наиболее уязвимые слои населения'.

Критический тон данного контекста очевиден. Более того, этот эффект неодобрения деятельности администрации Трампа усиливается словом с положительной семантикой *lucky*, придавая высказыванию иронический оттенок и выражая тем самым надежду на смену власти и появлением шанса на изменения в жизни общества. Другой пример имплицирования критической оценки при помощи иронии:

(17) *The facilities in which they're detained could not be better designed for the spread of influenza* – 'Помещения, в которых они находятся, как нельзя лучше приспособлены для распространения гриппа'.

Буквальный смысл предложения и подразумеваемая реальная ситуация создают противоречие – условия содержания иммигрантов представлены как «идеальные» для распространения гриппа. Использование таких стилистических приёмов, как ирония и цитирование в качестве ведущих средств имплицитной оценки, отмечается и другими авторами в исследованиях подобного рода [Gabrielova, Maksimenko, 2021, с. 116].

Ещё одним стилистико-синтаксическим приёмом как средством выражения имплицитной оценки служит антитеза (всего 20 примеров):

(18) *The "public charge" rule change which took effect Monday to block poor or disabled immigrants from seeking better lives in the United States is quintessentially Trumpian – and quintessentially un-American* – 'Изменение правила «государственной по-

шлины», которое вступило в силу в понедельник, чтобы помешать иммигрантам из бедных слоев населения и инвалидам искать лучшей жизни в Соединенных Штатах, является типично Трамповским – и типично неамериканским'.

Объектом оценки является новое правило, ограничивающее для иммигрантов возможности легального въезда в США, и это решение, по мнению авторов статьи, которые отождествляют себя со всем населением страны, подрывает сами идеалы свободы и лишает их права на успех в стране, которая была основана иммигрантами.

В рамках соответствующего контекста лексическая единица даже с совершенно нейтральной семантикой может способствовать передаче оценочного содержания, акцентируя противоречие намерений и реальности:

(19) *The officer was referring to the* ***so-called*** *Migrant Protection Protocols program, which requires some migrants to stay in Mexico for the duration of their immigration proceedings* – 'Сотрудник ссылался на так-называемую программу протоколов защиты мигрантов, согласно которой некоторые мигранты должны оставаться в Мексике на период иммиграционной процедуры'.

Использование прилагательного *so-called* в предложении способствует критической интерпретации его содержания.

Завершим анализ примеров следующим заголовком статьи:

(20) *Trump administration proposes charging for asylum applications, joining* ***only*** *3 countries* – 'Администрация Трампа предлагает взимать плату за заявления о предоставлении убежища, как это принято только в трёх странах'.

В данном заголовке благодаря оценочно-нейтральному наречию only также актуализируется негативная оценка, подчёркивая непопулярность данного предложения по взиманию дополнительного денежного взноса с беженцев при подаче заявлений.

3. Заключение [Conclusion]

В проанализированных статьях сайта CNN.com затрагивается широкий круг вопросов, связанных с мигрантами и беженцами. Безусловно, эта тема очень чувствительна для всех, вовлечённых в эту ситуацию и вызывает различные оценочные интерпретации. Роль современных СМИ – не только предоставлять своевременную и полную информацию, но и оказывать определённое воздействие на аудиторию, способствуя формированию ценностных ориентиров. Поэтому оценочные характеристики присущи языку современных публикаций, однако способы их проявления достаточно разнообразны. Различные языковые средства и приёмы в рамках соответствующего контекста способны актуализировать оценочный потенциал.

Количественный анализ используемых средств оценки выявил преобладание средств эксплицитной оценки (59,5%), т. е. авторы статей предпочитают выражать своё мнение откровенно. Они стремятся показать, как всё обстоит на самом деле, какие трудности приходится переживать мигрантам не только у себя на родине, но и находясь в других странах, так как всё оказывается не настолько хорошо, насколько они ожидали. Эксплицитная оценка, как правило, реализуется семантикой лексических единиц.

Имплицитная оценка уступает в общем количественном соотношении (40,5%), но она более разнообразна в средствах реализации. Более широкий диапазон языковых средств и приёмов задействован для актуализации этого типа оценки. Наиболее распространённым приёмом имплицирования оценки оказалось цитирование (17% от общего количества средств оценки). Авторы статей приводят мнения представителей власти разных стран по отношению к наплыву мигрантов и их предложения по урегулированию сложившейся ситуации, позицию самих граждан и представителей разнообразных гуманитарных и правозащитных организаций. Многие из приводимых высказываний

являются достаточно прямолинейными, поэтому авторы статей таким образом опосредованно обозначают свою позицию.

Другие средства и приёмы имплицитной оценки оказались менее частотными: метафора (9%), фразеологизмы (около 5,2%), приёмы иронии (4,5%), антитеза (3,2%), а эвфемизация характеризовалась наименьшей частотностью (около 1,5%).

Из всех выявленных примеров с эксплицитной и имплицитной оценкой отрицательный тип оценки (80,2%) преобладал над положительной оценкой (19,8%). Этот результат можно считать закономерным, так как главным образом публикации охватывают самые острые аспекты проблемы миграции с целью изменения ситуации и решения существующих проблем. Субъектом оценки в проанализированных статьях в основном являются их авторы, в некоторых случаях оценка исходила от представителей оппозиционных правительству партий. Объект оценки представлен намного шире. Положительная оценка направлена на описание ситуаций, описывающих предоставление помощи и защиты детям мигрантов. Объектами отрицательной оценки являются описания условий проживания мигрантов, бедность, нищета, безработица, преступность, которые усугубляются в период пандемии. Критика направлена на руководство стран Евросоюза по причине неспособности справиться с миграционным кризисом. Правительство США также является объектом отрицательной оценки за жёсткую миграционную политику, которая привела к неблагоприятным экономическим последствиям для страны.

Поскольку данная проблема остаётся актуальной и по-прежнему нерешённой для многих регионов мира, СМИ, вероятно, будут стремиться к более эффективным способам формулирования ценностной позиции и оказания воздействия при помощи совокупности разнообразных языковых единиц и стилистических приёмов.

Список литературы

Арутюнова, 1988 – Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

Бахтин, 1993 – Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. М. : Лабиринт, 1993. 189 с.

Вольф, 1985 – Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.

Добросклонская, 2007 – Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык современной публицистики. М. : Наука, Флинта, 2007. С. 179–211.

Зубарева, 2018 – Зубарева Е. О. Оценочный компонент концепта «мигрант» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 27–35.

Зубарева, 2019 – Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 35–45.

Ивин, 2016 – Ивин А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М. : Проспект, 2016. 318 с.

Кунин, 2005 – Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие. Дубна : Феникс+, 2005. 488 с.

Маркелова, 2013 – Маркелова Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке. М. : МГУП, 2013. 300 с.

Никитин, 1988 – Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М. : Высшая школа, 1988. 168 с.

Пантеева, 2020 – Пантеева К. В. Понятия эксплицитности и имплицитности в контексте категории оценочности (на материале британского спортивного дискурса) // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2020. № 26 (1). С. 125–133.

Ретунская, 1996 – Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика. Н. Новгород : Нижегородский гос. ун-т, 1996. 272 с.

Семина, 2017 – Семина О. Ю. Оценочная лексика в материалах СМИ как средство политического манипулирования // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 15–19.

Солганик, 2007 – Солганик Г. Я. О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ) // Язык современной публицистики. М. : Флинта ; Наука, 2007. С. 13–30.
Степанов, 1985 – Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М. : Наука, 1985. 335 с.
Телия, 1986 – Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
Hare, 1991 – Hare R. M. The Language of Morals. New York, 1991. 202 p.
Cambridge dictionary – Cambridge dictionary : офиц. сайт. URL : https://dictionary.cambridge.org/.
Collins online dictionary – Collins online dictionary : офиц. сайт. URL : https://www.collinsdictionary.com/.
CNN. Com – CNN. Com : офиц. сайт. URL : https://edition.cnn.com/.
Gabrielova, Maksimenko, 2021 – Gabrielova E. V., Maksimenko O. I. Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25 (1). С. 105–124.

UDC 81'42, 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_79_89

Irina G. Ishchenko, Elena V. Konopatskaya
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
iirinagen@mail.ru, lena312312312@gmail.com

Explicit and implicit means of representing evaluation in cnn.com publications about migration issues

Abstract
The article considers the category of evaluation in linguistics and the means of its representation. As an anthropocentric category, evaluation is an important element of a person's cognitive activity and is based on their value attitudes. The purpose of the article is to identify and analyze explicit and implicit means of expressing evaluation in the articles on CNN.com dedicated to the issues of migration to the countries of the European Union and North America. In the experiment, content, definition and component analysis were used to study 84 publications for the period of 2019–2021. As a result, 617 examples of evaluation were identified. Among them, 367 examples were of explicit evaluation and 250 examples were of implicit evaluation. It was found that the evaluation in the analyzed material is mainly explicit in nature and it is expressed by lexical units with evaluative semantics. The implicit evaluation is based on the linguistic and extralinguistic context and is represented by various linguistic means: quotation, metaphor, phraseological units, antithesis, euphemisms. As the analysis has shown, the axiological characteristic is created with a complex of explicit and implicit evaluative means to implement the main function of the media to inform the audience and shape public opinion.

Keywords: category of evaluation, implicit evaluation, explicit evaluation, structure of lexical meaning, metaphor, quotation, antithesis, euphemism.

© Ishchenko I. G., Konopatskaya E. V.

For citation: Ishchenko, I. G., Konopatskaya, E. V. Eksplitsitnye i implitsitnye sredstva reprezentatsii otsenki v publikatsiyakh sayta cnn.com o problemakh migratsii [Explicit and implicit means of representing evaluation in cnn.com publications about migration issues]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 79–89. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_79_89.

References

Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings. Evaluation, event, fact]. Moscow : Nauka Press.

Bakhtin, M. M. (1993). *Marksizm i filosofiya yazyka* [Marxism and philosophy of language]. Moscow : Labirint Press.

Volf, E. M. (1985). *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow : Nauka Press.

Dobrosklonskaya, T. G. (2007). Yazyk britanskoy kachestvennoy pressy: novosti, kommentariy, publitsistika [Language of British quality press: news, commentary, journalism]. In G. Ya. Solganik (Ed.), *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The language of modern journalism] (pp. 179–211). Moscow : Nauka Press, Flinta Press.

Zubareva, E. O. (2018). Otsenochnyy komponent kontsepta «migrant» [The evaluation component of the "migrant" concept]. *Theoretical and Applied Linguistics*, 4 (4), 27–35.

Zubareva, E. O. (2019). Model' migratsionnogo diskursa [The model of migration discourse]. *Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 35–45.

Ivin, A. A. (2016). *Logika otsenok i norm. Filosofskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty* [Logics of evaluation and norm. Philosopical, methodological and applied aspects]. Moscow : Prespekt Press.

Kunin, A. V. (2005). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [English Phraseology]. Dubna : Fenix+ Press.

Markelova, T. V. (2013). *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke* [Pragmatics and semantics of means of evaluation representation in the Russian language]. Moscow : Moscow State University of Printing Arts.

Nikitin, M. V. (1988). *Osnovy lingvisticheskoy teorii znacheniya* [Fundamentals of the linguistic theory of meaning]. Moscow : Vysshaya shkola Press.

Panteeva, K. V. (2020). Ponyatiya eksplitsitnosti i implitsitnosti v kontekste kategorii otsenochnosti (na materiale britanskogo sportivnogo diskursa) [Explicity and implicity in the context of the category of evaluativeness (Based on British sports discourse)]. *Vestnik Samarskogo universiteta* [Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology], 26 (1), 125–133.

Retunskaya, M. S. (1996). *Angliyskaya aksiologicheskaya leksika* [English axiological vocabulary]. N. Novgorod : Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press.

Semina, O. Yu. (2017). Otsenochnaya leksika v materialakh SMI kak sredstvo politicheskogo manipulirovaniya [Evaluative lexis in mass media texts as a means of political manipulation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. Film Humanities], 1, 15–19.

Solganik, G. Ya. (2007). O strukture i vazhneyshikh parametrakh publitsisticheskoy rechi (yazyka SMI) [About the structure and the most important parameters of publicistic speech (The language of the media)]. In G. Ya. Solganik (Ed.), *Yazyk sovremennoy publitsistiki* [The language of modern journalism] (pp. 13–30). Moscow: Flinta Press, Nauka Press.

Stepanov, Yu. S. (1985). *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the three-dimensional space of the language]. Moscow : Nauka Press.

Telia, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow : Nauka Press.

Hare, R. M. (1991). *The language of morals*. New York.

Cambridge Dictionary. Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/>.

Collins Online Dictionary. Retrieved from <https://www.collinsdictionary.com/>.

CNN. Com. Retrieved from <https://edition.cnn.com/>.

Gabrielova, E. V., Maksimenko, O. I. (2021). Implicit vs explicit evaluation: How English-speaking Twitter users discuss migration problems. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (1), 105–124.

УДК 81-119 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102

Калинин Олег Игоревич
Военный университет Министерства Обороны,
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
okalinin.lingua@gmail.com

Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии

Аннотация
В данной статье рассмотрена проблема зависимости речевого воздействия метафоры от содержания метафоры, изучены методы количественного подсчёта метафор в тексте. Предложен и апробирован метод анализа имплицитных характеристик текста посредством подсчёта индекса функциональной типологии метафоры. В основе данного индекса лежит разделение метафор на ориентационные, онтологические и структурные, которые выполняют описательную, идентификационную и реструктрирующую функции соответственно. Математическая логика подсчёта индекса предполагает, что по итоговому числовому значению можно делать вывод о преимущественной функции, которую играет система метафорических моделей в тексте или дискурсе, и, как следствие, анализировать уровень её речевого воздействия. Данный метод был апробирован на практике для решения двух исследовательских задач: описательный анализ метафоричности целого текста и сопоставительный анализ метафорических моделей с разными источниками и одной целью. Были проанализированы метафоричность текстов новогодних обращений политических лидеров РФ, КНР и Великобритании, публичные выступления В. В. Путина и Си Цзиньпина и тексты военных доктрин России и Китая. Анализ показал, что функции метафор в текстах не коррелируют с их количеством и типом, однако соотносятся с экстралингвистическими факторами порождения текстов. Были также изучены разные метафорические модели ВИРУСА в китайских СМИ и на основании показателя индекса функциональной типологии, близком к максимальному, был сделан вывод о доминирующем переструктурирующем характере метафор ВИРУСа в текстах китайских масс медиа.

Ключевые слова: метафора, функция метафоры, речевое воздействие, концептуальная метафора, персуазивность, типология метафоры

© Калинин О. И. 2021

Для цитирования: Калинин О. И. Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 90–102. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102.

1. Введение [Introduction]

Метафора в современном языкознании понимается как способность человека структурировать, преобразовывать и создавать новые знания, а также вызывать у пользователя языком эмоции и оценки влияния. Особая роль, которую играет метафора при восприятии речевого сообщения, продемонстрирована многочисленными нейролингвистическими исследованиями и подтверждена последующими экспериментами с использованием современных методов, таких как ERP (Event-related brain potentials), фМРТ и др. [Anaki et al., 1998 ; Coulson et al., 2002 ; Mashal et al., 2005].

Кроме того, немало исследователей метафоры указывают на особую роль метафоры в создании или усилении персуазивности речевого высказывания. Например, П. Тибодо и Л. Бородицкая изучили влияние метафоры на то, как мы рассуждаем о сложных социальных вопросах и добываем информацию о явлениях общественного ха-

рактера. Авторы обнаружили, что даже минимальная метафоричность, выраженная одним словом, может оказать влияние на то, как люди пытаются решать социальные проблемы, такие как преступность, и как они собирают информацию для принятия хорошо обоснованных решений [Thibodeau, Boroditsky, 2011 ; Thibodeau, Boroditsky, 2013].

В исследованиях, посвящённых мета-анализу персуазивности метафоры [Sopory, 2006 ; Stee Van, 2018], количественно показана персуазивность метафорических переносов в коммуникации. Например, С. Ван Стее вычислила размер персуазивного эффекта по сравнению с буквальными выражениями, он составил $r = 0.09$ при $p < .001$, что свидетельствует о высокой точности полученных данных. При этом в данном направлении исследований по-прежнему нерешённым остается вопрос о том, что именно в употреблении метафоры формирует её персуазивный эффект: тип метафоры (конвенциональная или авторская), её позиция в тексте, лингвистическая форма (прямая или непрямая), плотность метафор на объём текста (их частотность в тексте).

Ещё одним важным аспектом, который не может не быть связанным с формируемым метафорическим переносом персуазивным эффектом, является содержание самой метафоры, то есть принадлежность сферы-источника к той или иной смысловой категории. Данное направление исследований речевого воздействия метафоры является наименее разработанным на данный момент. В приведённых выше исследованиях П. Сопори и С. Ван Стее проверяется ряд гипотез о взаимосвязи разных аспектов метафорического переноса и персуазивности. Одной из частично подтверждённых гипотез является взаимосвязь между известностью сферы-источника и коммуникативным эффектом метафоры [Sopory, 2006, p. 390]. Однако известность сферы-источника реципиенту речевого сообщения является лишь частным случаем взаимосвязи между содержанием метафоры и её персуазивностью.

Изучение содержания метафоры породило ряд классификаций метафор, которые можно разделить на два типа: семантические и функциональные. Семантические классификации берут за основу конкретное содержание источника и цели (популярны в отечественном языкознании [Москвин, 2000 ; Скляревская, 1987] и др.). В частности, в практических исследованиях метафоры широкую популярность получила классификация А. П. Чудинова, который разделил метафоры на антропоморфные, природоморфные, социоморфные и артефактные [Чудинов, 2001].

Классификация метафор по содержанию позволяет обобщить разрозненные метафорические модели для более полного представления тех концептов, которые структурируются и отражаются посредством метафор. Однако построение подобных систем метафор относительно конкретного текста или дискурса будут носить скорее описательный характер, демонстрируя нам, какие семантические области доминируют при построении метафорических моделей. В каждом случае исследователь должен проводить интерпретацию полученных результатов применительно к тому или иному дискурсу. Таким образом, использование семантической типологии для анализа речевого воздействия метафоры не отличается универсальностью и будет во многом зависимым от субъективных особенностей исследователя-интерпретатора.

Функциональная классификация метафор базируется на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 2004], где авторы на основе содержания метафорического переноса выделяют ориентационные, онтологические и структурные метафоры. Согласно данной классификации, ориентационные метафоры, отражая базовые пространственные представления в сознании человека, придают концепту пространственную ориентацию и выполняют описательную функцию. Онтологические метафоры отражают перенос свойств конкретных предметов на абстракции, они служат для идентификации и понимания природы событий, в частности, для реагирования на проблемные ситуации. Структурные метафоры дают «возмож-

ность использовать одно высоко структурированное понятие для структурирования другого» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 98].

Стоит отметить, что взаимосвязь между тем, к какому семантическому полю относится сфера-источник и тем, насколько персуазивна метафора остаётся практически неизученной, хотя, разумеется, выделение содержания сферы-источника и сферы-цели происходит во всех исследованиях метафоры – критических, дескриптивных, – а факт персуазивности метафоры давно доказан.

В свете вышесказанного проблема исследования взаимосвязи содержания метафорического переноса и эффекта речевого воздействия по-прежнему остаётся нерешённой. На наш взгляд, её решению может способствовать исследование имеющихся методов вычисления силы речевого воздействия, а также рассмотрение существующих семантических классификаций метафоры, то есть таких классификаций, в основе которых лежит содержание метафорического переноса. Соединение разработанных количественных методов изучения и обоснованной классификации метафор могут стать действенным способом анализа как функций систем метафорических переносов в тексте или дискурсе, так и теоретического осмысления проблемы персуазивности метафоры.

П р е д м е т о м данного исследования является взаимосвязь между уровнем речевого воздействия метафоры и содержанием метафорического переноса, представленного в виде семантической классификации.

Ц е л ь ю исследования является разработка метода количественного анализа типологии системы метафорических переносов в тексте или дискурсе и его апробация.

Для достижения данной цели будут последовательно решены следующие задачи:

1) описать имеющиеся подходы к количественному анализу систем метафорических моделей;

2) предложить индекс функциональной типологии метафоры и рассмотреть возможность его применения в лингвистических исследованиях.

2. Количественный анализ метафорических моделей [Quantitative analysis of metaphor models]

Построение систем метафорических моделей довольно распространенный метод в области критических и дескриптивных исследований метафоры.

Например, Дж. Чартериса-Блэка на базе практического исследования создал специфический метод, названный критическим анализом метафоры (Critical Metaphor Analysis) [Charteris-Black, 2004]. Процедура применения этого метода интегрирует в себе критический дискурс-анализ, корпусную лингвистику, прагматику и когнитивную лингвистику. Критический анализ метафоры направлен на выявление имплицитных интенций автора, скрытых за системами метафорических проекций в дискурсе. Данный метод оказался весьма подходящим для проведения практических исследований разных дискурсов на разных языках и получила дальнейшее развитие как в прикладном, так и теоретическом ключах [Li, 2016 ; Simpson et al., 2018].

Также стоит упомянуть разработанную А. Н. Барановым дескрипторную теорию метафоры, которая базируется на возможности количественной оценки метафорической «нагруженности» того или иного дискурса [Баранов, 2014]. На базе этой теории исследователь может вычислить сколько денотатов в данном дискурсе соответствует тому или иному дескриптору, вычленяя различные М-модели и входящие в них деревья сигнификативных дескрипторов. А. Н. Баранов рассматривает М-модели в качестве инструмента «мониторинга общественного сознания по данным политического дискурса» [Баранов, 2014, с. 15].

Однако в данных количественных методах невозможно проследить взаимосвязь между содержанием метафоры и её речевым воздействием. Подобный подход реализо-

ван в методе подсчета индекса силы метафоры (MPI), разработанном К. Де Ландтсхеер [Landtsheer De, 2009]. Индекс силы метафоры состоит из трех параметров: индекса частотности (MFI), индекса интенсивности (MII) и индекса содержания (MCI), при этом индекс содержания метафоры рассчитывается исходя из семантики сферы-источника: «повседневная материальная реальность жизни» (популярные метафоры, P), «природа» (метафоры природы, N), «политика, интеллект, технологии» (технологические метафоры, T), «насилие и катастрофы» (метафоры, относящиеся к смерти и стихийным бедствиям, D), «спорт, игры и театр» (спортивные и игровые метафоры, Sp), а так- же «смерть, тело и заболевания» (медицинские метафоры и метафоры болезни, M).

Индекс содержания метафоры (MCI) высчитывается по следующей формуле, где (me) отражает общее количество метафор:

$$MCI = (1P+2N+3T+4D+5Sp+6M)/me$$

К. де Ландтсхеер утверждает, что чем выше итоговый индекс силы метафоры, тем более метафоричным и, как следствие, воздействующим является текст [Landtsheer De, 2009, p. 75].

Данная методика вполне обоснована и может использоваться для анализа текстов публичного политического дискурса, так как семантическая классификация основана на модели «кризисного поведения» Х. Гауса [Gauss, 1981], и именно для анализа кризисного дискурса с высоким уровнем риторики К. де Ландтсхеер использовала эту модель [Landtsheer De, 2007]. Тем не менее, кажется, что подобное распределение коэффициентов не всегда очевидно для анализа других дискурсов. Наше исследование [Калинин, 2020], в котором был посчитан индекс силы метафоры для текстов с заведомо известной авторской позицией, продемонстрировало, что нет прямой корреляции между числовыми показателями индекса и реальной и воспринимаемой авторской позицией.

3. Индекс функциональной типологии метафоры (MfTI) [Metaphor functional typology index (MfTI)]

Теоретическое осмысление и практическая проверка описанных методов показали, что существующие на данный момент методы позволяют проводить лишь описательные исследования, а индекс силы метафоры К. де Ландтсхеер не является универсальным. Для преодоления указанных ограничений на базе функциональной классификации метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона был разработан индекс функциональной типологии метафоры. Функция метафорического переноса, основанная на значении сферы-источника и сферы-цели, в целом, свидетельствует о прагматических особенностях коммуникативного использования метафоры, в частности, анализ функции метафор говорит об интенции автора речевого сообщения.

Итак, для математического анализа предлагается использовать подсчёт онтологических и структурных метафор, а количество ориентационных метафор использовать в качестве корректирующего показателя. Предлагаемый нами индекс функциональной типологии (функционального содержания) метафоры рассчитывается по следующей формуле:

$$MTI = 1*Or+2*O+3*St/nme,$$

где Or – количество ориентационных метафор, O – количество онтологических метафор, St – количество структурных метафор, nme – количество всех метафор в тексте.

Математическая логика индекса такова, что его минимальное значение 1 (когда все метафоры ориентационные), а максимальное значение 3 (когда все метафоры структурные). Большее значение индекса, приближенное к значению 3, будет означать, что использование метафор в тексте больше ориентировано на изменение отношения к определённой проблеме. В то время как меньшее значение индекса, близкое к 1, будет означать, что использование метафор в тексте скорее отражает имеющиеся когнитив-

ные ориентиры. Среднее значение индекса в районе 2 будет показывать преимущественно онтологическую сущность используемых метафор, свидетельствуя о том, что основная цель использования метафорических переносов состоит в идентификации и объяснении проблемы.

Важно отметить, что использовать данный индекс удобно для решения двух з а д а ч: 1) описательный анализ всего текста или дискурса; 2) сравнительный анализ отдельных, тематически объединённых по сфере-цели или источнику, метафорических проекций. Первый расчёт позволяет выявить функциональную ориентацию метафоричности текста или дискурса в целом, сделать вывод о том, какова интенция использования метафор в тексте, даже имплицитная. Анализируя таким образом метафоричность дискурса, исследователь, хоть и в усреднённом, приблизительном ключе может делать выводы о том, что данный текст или дискурс преимущественно информирующий, то есть в нём просто отражается окружающая действительность, или преимущественно воздействующий, то есть в нём формируется новое мнение о проблеме, формируется новое отношение к действительности. Во втором случае можно определить функции той или иной метафорической модели в тексте или дискурсе. Вычисляя индекс для конкретной метафорической модели или даже для систем метафорических моделей, исследователь может делать выводы о том, для чего в тексте или дискурсе используется именно этот метафорический перенос. Предложенный индекс был апробирован для решения обеих вышеуказанных задач.

4. Апробация индекса функциональной типологии метафоры [Metaphor functional typology index testing]

4.1. Расчёт MfTI для всего текста (дискурса) [Calculating MfTI for the whole text (discourse)]

Для расчёта индекса функциональной типологии метафоры для всего текста (дискурса) в качестве материала было взято несколько текстов на русском, китайском и английском языках, относящихся к общественно-политическому дискурсу, но имеющих разные прагматические установки.

Первая группа текстов была представлена публичными новогодними поздравлениями лидеров разных стран, и именно: новогодние обращения Президента России В. В. Путина (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 968 слов, рождественские поздравления Королевы Великобритании Елизаветы II (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 1848 слов, новогодние обращения Председателя КНР Си Цзиньпина (2016, 2017, 2018 гг.) общим объёмом 3034 слова. На данном материале ранее было проведено исследования взаимосвязи языковой типологии и индекса силы метафоры [Калинин, Селезнёва, 2019], поэтому были использованы полученные данные по вычислению MPI и его составляющих: индексов частотности, интенсивности и содержания метафоры.

М а т е р и а л исследования состоит из речевых сообщений, идентичных по типу и времени – публичные выступления за одинаковый период времени, идентичных по адресату сообщения – народ страны. Кроме того, одинаковыми являются исходные прагматические характеристики авторов сообщений: подведение итогов за год, поздравление, планы на будущее, мотивация народа.

Всего в новогодних обращениях на русском языке было выявлено 11 метафор, среди которых 9 были онтологическими и 2 – структурными, ориентационных метафор выявлено не было. В текстах на английском языке было выявлено 15 метафор: 10 онтологических, 3 структурных и 2 ориентационных, а в текстах на китайском языке – 52 метафоры, из них 33 онтологические, 15 структурных и 4 ориентационные. Как мы видим, в целом распределение разных типов метафор примерно одинаковое.

Приведём ряд примеров:

(1) 中国人历来主张“世界大同，天下一家[1]” – 'Китай испокон веков считал, что мир един и является семьёй'.

МИР – это СЕМЬЯ, структурная метафора, которая заставляет смотреть на мироустройство, систему международных отношений как на отношения внутри семьи. Здесь мы сталкиваемся с тем, что в тексте новогоднего обращения использована структурная метафора с прямой отсылкой к конфуцианским ценностям.

(2) 人民是共和国的坚实根基 – 'Народ является прочным фундаментом республики'.

Перед нами онтологическая метафора ГОСУДАРСТВО – это ДОМ и её импликация НАРОД – это ФУНДАМЕНТ. В данном случае, абстрактное (НАРОД) объясняется конкретное (ФУНДАМЕНТ), что отражает базовые онтологические установки правящей в КНР Компартии.

(3) When people face a challenge they sometimes talk about taking a deep breath to find courage or strength. – 'Когда люди сталкиваются с трудностями, они иногда говорят о том, что нужно сделать глубокий вдох, чтобы обрести мужество или силу'.

Ориентационная метафора ТРУДНОСТИ – ВПЕРЕДИ демонстрирует готовность преодолеть тяжёлые времена, решить предстоящие проблемы.

(4) We expect our homes to be a place of safety–'sanctuary' even–which makes it all the more shocking when the comfort they provide is shattered. – 'Наши дома представляются нам безопасным местом, даже так называемой святыней, и всегда повергает в шок, когда комфорт собственного дома поддаётся разрушению'.

Структурная метафора ДОМ – СВЯТЫНЯ заставляет переосмыслить отношение к своей семье и своему дому, выводя собственное жилище из разряда бытового в разряд сакрального.

(5) Сейчас мы с волнением ждём боя курантов Московского Кремля и как никогда отчётливо слышим ход времени, чувствуем, как приближается будущее.

Онтологическая метафора ВРЕМЯ как что-то ДВИЖУЩЕЕСЯ отражает отношение ко времени как к процессу.

В таблице 1 представлены результаты анализа индекса силы метафоры (MPI) и предложенного в исследовании индекса типологии метафоры для всех языков.

Таблица 1. **MPI и MfTI для текстов новогодних поздравлений**
[Table 1. **MPI and MfTI for the New Year addresses**]

Страна	**MFI**	**MII**	**MCI**	**MPI**	**MTI**
Россия	2,68	1,23	2,42	**8,01**	**2,18**
Англия	2,04	1,52	2,65	**8,3**	**2**
Китай	2,3	1,95	2,5	**11,27**	**2,21**

В текстах на всех трёх языках доминировали метафоры онтологические, структурных было значительно меньше, а ориентационных – крайне мало. Мы видим, что в среднем типологический индекс содержания метафоры примерно одинаков для всех трёх языков, однако для китайского языка значение данного индекса чуть выше, чем для английского и выше, чем для русского.

Кроме подсчёта индекса типологии метафоры в текстах новогодних выступлений, был также проведён анализ текстов военных доктрин России и Китая, общим

[1] Здесь и далее подчёркивание используется для выделения метафоры в предложении.

объёмом 17401 и 6502 слова соответственно, и два программных выступления на Церемонии открытия Международного форума «Один пояс – один путь» от 14 мая 2017 года Председателя КНР Си Цзиньпина и Президента Российской Федерации В. В. Путина общим объёмом 3735 и 1237 слов соответственно. В предыдущих исследованиях метафоричность данных текстов уже была проанализирована с использованием метода подсчёта индекса силы метафоры К. Де Ландтсхеер [Калинин, Мавлеев, 2019].

Приведём примеры разных типов метафор из текстов военных доктрин и публичных выступлений лидеров стран:

(1) 但国际战略竞争，和矛盾也在发展，全球性挑战更加突出 – 'Одновременно с этим международное стратегическое соперничество и противоречия также нарастают, глобальные вызовы становятся все более актуальными'.

Международное соперничество метафоризируется через термин «конкуренция», что переструктурирует понимание взаимодействия между странами в терминах соперничества.

(2) 有效应对国际金融危机冲击 – 'Китай эффективно противодействует международному финансовому кризису'.

Финансовый кризис описывается через структурную метафору войны, использование военной лексики (冲击 – удар, штурм) свидетельствует о стремлении продемонстрировать тот факт, что экономическое соперничество подобно войне.

(3) 中国高举和平、发展、合作的旗帜 – 'Китай высоко держит знамя мира, развития и сотрудничества'.

Здесь мы имеем дело с онтологической метафорой, когда абстрактные концепции поддержки идеалов мира и развития передаётся через конкретные термины.

(4) 努力成为现役部队的得力助手和国防后备力量的拳头 – 'Всеми силами стремится к тому, чтобы подразделения запаса стали сильным помощником войск на действительной службе и ударным отрядом (досл. кулаком) в резервах национальной обороны.

Указанная онтологическая метафора описывает потенциальную мощь войск запаса через сравнение с кулаком.

Ниже представлены результаты вычисления индекса типологии метафоры в сравнении с индексом силы метафоры.

Таблица 2. **MPI и MfTI для текстов военно-политического дискурса**
[Table 2. **MPI and MfTI for military and political discourse**]

Страна	**MFI**	**MII**	**MCI**	**MPI**	**MTI**
Россия (доктрина)	0,28	1,64	2,82	**1,3**	**2,23**
Россия (публичное выступление)	1,61	2,25	2,45	**8,87**	**2,14**
Китай (доктрина)	1,18	1,84	2,7	**5,92**	**2,11**
Китай (публичное выступление)	2,59	2,06	2,24	**11,95**	**2,39**

Полученные результаты свидетельствуют, что в публичных выступлениях на китайском языке структурные метафоры играют бóльшую роль, чем в военной доктрине, а для текстов на русском языке, наоборот. Данные в целом коррелируют с экстралингвистическими характеристиками исследованных текстов. Военная доктрина в РФ – значимый документ, своего рода заявление миру об угрозах и вызовах, и она отражает некоторую степень готовности всеми силами и средствами отражать внешние угрозы. При этом выступление В. В. Путина на саммите «Один пояс – один путь» не имело ре-

шающего значения для внешней политики России, так как это китайская инициатива, в которой Россия является лишь одной из участниц. В то же самое время, доктринальные документы в Китае не играют решающей роли, и Китай всегда стремится демонстрировать миролюбивую внешнюю политику, и текст доктрины не нацелен на изменение представления о проводимой политике, он более ориентирован на закрепление существующей политики. Одновременно с этим, выступление Си Цзиньпина на саммите было крайне важным, так как в тот период времени политика «Один пояс – один путь» только набирала обороты, и важно было сформировать правильное отношение мирового сообщества относительно планов Китая.

Таким образом, мы видим, что индекс типологии метафоры не связан с разработанными де Ландтсхеер индексами частотности, интенсивности и содержания метафоры. Конкретные значения корреляции представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. **Корреляция между MPI и MfTI**
[T a b l e 3. **Correlation between MPI and MfTI**]

	MFI	**MII**	**MCI**	**MPI**
MTI	0,182	0,323	-0,55	0,253

Значимая корреляция отсутствует, поэтому можно сделать вывод о том, что коэффициент типологии метафоры может использоваться как отдельный инструмент анализа метафоричности текста или дискурса в целом.

4.2. Расчёт MfTI для отдельных метафорических проекций [MfTI calculation for particular metaphoric patterns]

Для анализа типологии метафорических проекций, объединённых одной общей сферой-целью, было проанализировано 750 новостных заголовков и лидов новостных сообщений на тему коронавируса на китайском языке. Под лидом понимается 1–2 предложения в начале новостной статьи, которые обычно в полной мере отражают содержание все статьи. Было исследовано по 15 новостей ежедневно в течение 50 дней с 21 января по 10 марта 2020 года, то есть в период, когда распространение вируса в Китае было наиболее масштабным.

В результате исследования всего было выявлено 611 метафор, которые были разделены на четыре наиболее характерные метафорические модели для концептуализации нового коронавируса в дискурсе масс-медиа Китая: ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, ВИРУС – причина СТРАХА. Количественное распределение выявленных моделей по сферам-источникам представлено на рисунке 1.

Наиболее распространённой стала метафорическая модель со сферой-источником ВОЙНА, она составила 60,7% всех метафор. Второй по частотности метафорической моделью стала модель ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ, где болезнь описывается через сферу-источник стихийного бедствия. Это тоже вполне объяснимо, так как вирус по своему происхождению природный, и от него также нет спасения. Весьма характерной была метафоризация вируса через сферу-источник «живое существо». В отдельную метафорическую модель была выделена проекция «ВИРУС – причина СТРАХА», так как в данном случае основой для переноса было только следствие «появление страха», при этом источник страха не упоминался никак.

В полученных метафорических проекциях мы видим, что метафоры ВИРУС – ВРАГ (БОРЬБА с вирусом – это ВОЙНА), ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ это

структурные метафоры, а ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО и ВИРУС – причина СТРАХА это онтологические метафоры.

Когда вирус и борьба с ним представляется в форме войны, то происходит реструктуризация содержания сущности вируса и, в особенности борьбы с ним. Война – социоморфное явление, она, безусловно, разрушительна и может привести к человеческим жертвам, однако ход войны можно контролировать. Война требует мобилизации и усилий всего народа, поэтому структурная метафора войны очень эффективна в концептуализации вируса и выстраивании политики по борьбе с эпидемией. В частности, использование образа войны в качестве основы для концептуализации пандемии весьма популярно. Военные метафоры всегда концептуализируют болезни: рак [Camus, 2009], СПИД [Sandahl, 2001], свиной грипп [Larson et al., 2005], Эбола [Trčková, 2015], атипичная пневмония [Washer, 2004] и другие.

Метафора ВИРУС – СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ это тоже структурная метафора, она представляет вирус как некое неконтролируемое природное явление, подобно цунами, урагану или извержению вулкана. Таким образом, формируется представление о чём-то устрашающем, приносящем жертвы, но при этом не поддающемся контролю. Когда вирус – это стихийное бедствие, то трудно прогнозировать его распространение и организовывать борьбу с ним. Такая репрезентация не очень помогает выстроить правильную стратегию борьбы с вирусом, этим объясняется тот факт, что данная метафора была намного менее популярна, чем метафора войны.

Метафора ВИРУС – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО является онтологической, в эту общую проекцию были включены антропоморфная проекция ВИРУС – ЧЕЛОВЕК и природоморфная метафорическая проекция ВИРУС – ЖИВОТНОЕ. В такой метафорической проекции мы видим объяснение сущности вируса, его репрезентацию как живого, не в биологическом, а чаще в социальном плане, существа.

Метафора ВИРУС – причина СТРАХА также является онтологической, так как описывает вирус как нечто, вызывающее страх. В данном случае нет конкретного указания на источник страха, однако на онтологическом уровне вирус концептуализируется как нечто ужасное, тревожащее и беспокоящее. На наш взгляд, метафора живого существа и метафора страха были наиболее естественными для журналистских текстов в том плане, что они не отражали ответ на социальный запрос по борьбе с вирусом.

Р и с у н о к 1. **Частотность метафорических моделей вируса в СМИ КНР**
[F i g u r e 1. **Virus metaphoric models frequency in Chinese media**]

Исходя из описанного выше количественного распределения метафорических проекций со сферой-целью ВИРУС и их классификации на онтологические и структурные, мы можем посчитать индекс типологии метафоры ВИРУСА в китайских СМИ.

$$MTI = (1*0 + 2*(27+98) + 3*(371+115) / 611 = 2,795$$

Значение индекса достаточно высокое, что свидетельствует о преимущественно структурном характере метафоризации вируса, то есть о стремлении коллективного автора журналистского дискурса перестроить в сознании адресата представление о вирусе как о военном враге.

5. Заключение [Conclusion]

В данном исследовании был изучен вопрос коммуникативного воздействия метафоры, в частности выявлена взаимосвязь между уровнем речевого воздействия метафоры и содержанием метафорического переноса.

Были изучены разработанные на данный момент типологии метафор, рассмотрены возможности их использования в эмпирических исследованиях и имеющиеся подходы к количественному анализу систем метафорических моделей.

На базе классификаций метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и индекса силы метафоры был разработан индекс функциональной типологии систем метафорических переносов в тексте или дискурсе и его апробация. В основе индекса лежит распределение всех метафор на три типа: ориентационные, онтологические и структурные. Посредством вычисления индекса, исследователь может делать вывод относительно функций, которые выполняют метафоры как система в тексте или дискурсе.

Математическая формула, предложенная в настоящей работе, была апробирована на практике и показала себя как действенный инструмент выявления функции метафорических моделей как для всего текста или дискурса, так и для отдельных, тематически объединённых по сфере-цели или источнику, метафорических проекций.

На примере разных по прагматическим характеристикам текстов (новогодних обращений к населению лидерами России, Англии и Китая, а также текстов военных доктрин России и Китая и публичных выступлений лидеров РФ и КНР) было выяснено, что индекс функциональной типологии не коррелирует с уже апробированным индексом силы метафоры, который разработала К. Де Ландтсхеер. При этом полученные нами данные соотносятся с экстралингвистическими факторами порождения исследованных текстов, что позволяет использовать его как отдельный метод исследования функционального предназначения метафор в тексте или дискурсе.

Кроме того, был проведён подсчёт значения индекса для системы метафорических проекций, имеющих одну общую сферу-цель – ВИРУС. Анализ выявленных в медиа дискурсе метафор с помощью индекса функциональной типологии продемонстрировал высокий воздействующий потенциал метафоры вируса в китайских СМИ, которые были направлены на изменение представления о коронавирусе в сознании массового адресата.

Перспективами данного исследования является дальнейшая апробация разработанного метода и распространение его на другие типы дискурса и другие языки.

Список литературы

Баранов, 2014 – Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.

Калинин, 2020 – Калинин О. И. Зависимость персуазивности речевого сообщения от содержания метафорического переноса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. Т. 4. С. 82–92.

Калинин, Мавлеев, 2019 – Калинин О. И., Мавлеев Р. Р. Сопоставительный анализ метафоричности военно-политических дискурсов языков разной типологии (на примере русского и китайского языков) // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 38. С. 546–553.

Калинин О.И., Селезнёва, 2019 – Калинин О. И., Селезнёва Д. В. Метафоричность и типология: опыт сопоставительного анализа // Филология: научные исследования. 2019. Т. 4. № 4. С. 72–80. doi: 10.7256/2454-0749.2019.4.30695.

Лаккофф, Джонсон, 2004 – Лаккофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Москвин, 2000 – Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. Т. 2. С. 66–74.

Скляревская, 1987 – Скляревская Г. Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. Т. 2. С. 58–65.

Чудинов, 2001 – Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Anaki, et al., 1998 – Anaki D., Faust M., Kravetz S. Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors // Neuropsychologia. 1998. Vol. 36, N 7. P. 691–700. doi: 10.1016/s0028-3932(97)00110-3.

Camus, 2009 – Camus J. Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press // Discourse Stud. 2009. Vol. 11, N 4. P. 465–495.

Charteris-Black, 2004 – Charteris-Black J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Hampshire : Palgrave Macmillan Book Company, 2004. 263 p.

Coulson, Petten, 2002 – Coulson S., Petten C. Van. Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study // Mem. Cognit. 2002. Vol. 30, N 6. P. 958–968.

Landtsheer, 2007 – Landtsheer C. De. Crisis style or radical rhetoric? The speech by Dyab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League // Cognitive linguistics in critical discourse analysis: Application and theory / Ed. by C. Hart, D. Lukes. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 57–81.

Landtsheer, 2009 – Landtsheer C. De. Collecting political meaning from the count of metaphor // Metaphor and discourse. London : Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 59–78.

Larson et al., 2005 – Larson B., Nerlich B., Wallis P. Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species // Sci. Commun. 2005. Vol. 26, N 3. P. 243–268.

Li, 2016 – Li W. Rethinking Critical Metaphor Analysis // Int. J. English Linguist. 2016. Vol. 6, N 2. P. 92–98.

Mashal, et al., 2005 – Mashal N., Faust M., Hendler T. The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data // Neuropsychologia. 2005. Vol. 43, N 14. P. 2084–2100.

Sandahl, 2001 – Sandahl C. Performing metaphors: AIDS, disability, and technology // Contemp. Theatr. Rev. Perform. Disabil. Spec. Issue. 2001. N. 11. C. 49–60.

Sopory, 2006 – Sopory P. Metaphor and attitude accessibility // South. Commun. J. 2006. Vol. 71, N 3. P. 251–272.

Stee, 2018 – Stee S. K. Van. Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages // Commun. Stud. 2018. Vol. 69, N 5. P. 545–566.

Thibodeau, Boroditsky, 2011 – Thibodeau P. H., Boroditsky L. Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning // PLoS One. 2011. Vol. 6, N 2. P. e16782. doi: 10.1371/journal.pone.0016782.

Thibodeau, Boroditsky, 2013 – Thibodeau P. H., Boroditsky L. Natural language metaphors covertly influence reasoning // PLoS One. 2013. Vol. 8, N 1. P. e52961. doi: 10.1371/journal.pone.0052961/.

Trčková, 2015 – Trčková D. Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers // Top. Linguist. 2015. Vol. 16, N 1. P. 29–41.

Washer, 2004 – Washer P. Representations of SARS in the British newspapers // Soc. Sci. Med. 2004. Vol. 59, N 12. P. 2561–2571.

UDC 81-119 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102

Oleg I. Kalinin
Military University of the Ministry of Defense,
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
okalinin.lingua@gmail.com

Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index

Abstract
This article examines the dependence of the metaphor power in communication and patterns of the metaphorical mapping as well as methods for quantitative analysis of metaphors in the text. Metaphor functional typology index (MfTI) is proposed and tested. This index is based on the division of metaphors into orientational, ontological and structural, which perform descriptive, identification and restructuring functions. The mathematical logic of calculating the index assumes that, based on the final numerical value, one can draw a conclusion about the predominant function played by the system of metaphorical models in the text or discourse, and, as a result, analyze the level of its speech impact. This method was tested in practice to solve two research problems: a descriptive analysis of the whole text's metaphor power and a comparative analysis of metaphorical models with different source domains and one target domain. We analyzed the metaphorical nature of the texts of the New Year addresses of the political leaders of the Russian Federation, China and Great Britain, the public speeches of V.V. Putin and Xi Jinping and the texts of the military doctrines of Russia and China. The analysis showed that the functions of metaphors in texts do not correlate with their number and type, however, they correlate with extralinguistic factors. We also studied different metaphorical models of VIRUS in the Chinese media and, based on the index of functional typology close to the maximum value, concluded the VIRUS metaphors dominantly have restructuring nature in the texts of the Chinese mass media.

Keywords: metaphor, metaphor function, speech impact, conceptual metaphor theory, persuasiveness, typology of metaphor

© Kalinin O. I. 2021

For citation: Kalinin, O. I. Rechevoe vozdeystvie i soderzhanie metafory: k voprosu ob indekse funktsional'noy tipologii [Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 90–102. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_90_102.

References

Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Kalinin, O. I. (2020). Zavisimost' persuazivnosti rechevogo soobshcheniya ot soderzhaniya metaforicheskogo perenosa [The correlation between metaphor content and the message persuasive power]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 4, 82–92.

Kalinin, O. I., Mavleev, R. R. (2019). Sopostavitel'nyy analiz metaforichnosti voenno-politicheskikh diskursov yazykov raznoy tipologii (na primere russkogo i kitayskogo yazykov) [Comparative analysis of military-political discourse metaphorical power in languages of different typology (Chinese and Russian). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], 38, 546–553.

Kalinin, O. I., Selezneva, D. V. (2019). Metaforichnost' i tipologiya: opyt sopostavitel'nogo analiza [Metaphoricity and classification: Experience of comparative analysis]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Researches]. 4 (4), 72–80. doi: 10.7256/2454-0749.2019.4.30695.

Lakoff, J., Johnson M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow : Editorial URSS.

Moskvin, V.P. (2000). Russian metaphor: classification parameters [Russkaya metafora: parametry klassifikacii]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], 2, 66–74.

Skljarevskaja, G. N. (1987). Yazykovaya metafora v slovare. Opyt sistemnogo opisaniya [Language metaphor in the dictionary. An essay of systemic description]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 58–65.

Chudinov, A. P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: A cognitive study of political metaphor (1991–2000)]. Ekaterunburg.

Anaki, D., Faust M., Kravetz, S. (1998). Cerebral hemispheric asymmetries in processing lexical metaphors. *Neuropsychologia*. 36 (7), 691–700. doi: 10.1016/s0028-3932(97)00110-3.

Camus, J. (2009). Metaphors of cancer in scientific popularization articles in the British press. *Discourse Studies,* 11 (4), 465–495.

Charteris-Black, J. (2004). *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Hampshire : Palgrave Macmillan Book Company.

Coulson, S., Petten, C. Van. (2002). Conceptual integration and metaphor: An event-related potential study. *Memory and Cognition*. 30 (6), 958–968.

Landtsheer, C. De. (2007). Crisis style or radical rhetoric? The speech by Dyab Abou Jahjah, Leader of the Arab European League. *Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory* (pp. 57–81). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing.

Landtsheer, C. De. (2009). Collecting Political Meaning from the Count of Metaphor. *Metaphor and Discourse* (pp. 59–78). London : Palgrave Macmillan UK.

Larson, B., Nerlich, B., Wallis, P. (2005). Metaphors and biorisks: The war on infectious diseases and invasive species. *Science Communication*, 26 (3), 243–268.

Li, W. (2016). Rethinking critical metaphor analysis. *International Journal of English Linguistics*, 6 (2), 92–98.

Mashal, N., Faust, M., Hendler, T. (2005). The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data. *Neuropsychologia*, 43 (14), 2084–2100.

Sandahl, C. (2001). Performing metaphors: AIDS, disability, and technology. *Contemporary Theatre Review: The Performance of Disability Special Issue*, 11, 49–60.

Simpson, P., Mayr, A., Statham, S. (2018). *Critical Metaphor Analysis. Language and Power. Second edition.* New York : Routledge.

Sopory, P. (2006). Metaphor and Attitude Accessibility. *Southern Communication Journal*, 71 (3), 251–272.

Stee, S. Van. (2018). Meta-analysis of the persuasive effects of metaphorical vs. literal messages. *Communication Studies*. 69 (5), 545–566.

Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. (2011). Metaphors we think with: The role of metaphor in reasoning. *PLoS One*, 6 (2), e16782. doi: 10.1371/journal.pone.0016782.

Thibodeau, P. H., Boroditsky, L. (2013). Natural Language Metaphors Covertly Influence Reasoning. *PLoS One*, 8 (1), e52961. doi: 10.1371/journal.pone.0052961/.

Trčková, D. (2015). Representations of Ebola and its victims in liberal American newspapers. *Topics in Linguistics*, 16 (1), 29–41.

Washer, P. (2004). Representations of SARS in the British newspapers. *Social Science & Medicine*, 59 (12), 2561–2571.

УДК 811.51, 81'342.4 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_103_115

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
okaracheva@rambler.ru

Восприятие интонации вопросительности vs незавершенности в интерферированной русской речи эвенков

Аннотация
Восприятие устной речи можно без сомнения отнести к одному из самых сложных процессов, исследуемых в языке, так как наблюдателю доступны не непосредственно услышанные им звуки, а лишь реакции, связанные с ними. В каждом языке существует перцептивная база, позволяющая человеку не просто воспринимать речь на слух, но и проводить целый ряд процедур, направленных на опознание и познание услышанного путём сличения с существующими в его сознании эталонами, представляющими комбинацию значимых признаков фонетических единиц. В то же время исследователь наблюдает за восприятием аудиторов, пытаясь систематизировать эти признаки и механизмы их восприятия и интерпретации. Настоящее исследование посвящено особенностям восприятия носителями русского языка интерферированной русской речи эвенков на примере утвердительных предложений с интонацией незавершенности и общих вопросов. Результаты аудиторского анализа показали, что интерферированная русская речь эвенков положительно воспринимается носителями русского языка. Даже при наличии акцента не возникает трудностей при восприятии информации. Лучше всего воспринимаются универсальные характеристики, такие как противопоставление повышения / понижения тона в различных коммуникативных типах. Монотонность и речитативность речи являются основными признаками интерферированности, вызванными такими мелодическими особенностями, как небольшой диапазон, ступенчатый характер интонационной кривой на всех отрезках высказывания. И чем ярче проявление этих признаков, тем больше сложностей возникает в процессе опознания высказываний.

Ключевые слова: перцептивная база, значимые признаки, общий вопрос, незавершенность, интерферированная русская речь, эвенкийский язык.

© Карачева О. Б. 2021

Для цитирования: Карачева О. Б. Восприятие интонации вопросительности vs незавершенности в интерферированной русской речи эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 103–115. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_103_115.

1. Введение [Introduction]

Последние десятилетия характеризуются ростом числа научных работ, касающихся изучения интонации, в том числе восприятия речи на материале разных языков. Практически каждое экспериментально-фонетическое исследование включает в себя этап (или этапы) аудиторского анализа. Основная причина возрастающего интереса к проблемам восприятия речи кроется в накопленной к настоящему времени огромной лингвистической базе [Рогозная, 2014, с. 49]. Результаты аудиторского анализа перестают играть чисто вспомогательную роль способа отбора экспериментального материала, а дают важные сведения относительно функционирования звуковой системы [Бондарко, 2004, с. 101].

В фонетике анализ речевого сигнала при слуховом восприятии отождествляется с субъективным приёмом информации и дальнейшим её научным познанием [Цеплитис, 1974, с. 32]. Одним из первых вопрос о субъективности восприятия речи ставил

Л. В. Щерба; учёный рассматривал субъективный метод как «единственный фонетический» [Щерба, 1974, с. 138]. О допустимости применения субъективного метода с общеметодологической точки зрения писал Л. Р. Зиндер [Зиндер, 1960, с. 32]. Л. К. Цеплитис убеждён, что субъективный метод предоставляет неограниченные возможности вести наблюдение над интонацией, так как основа субъективного приёма – это повседневная практика языкового общения, дополненная как навыком исследования в осознанном восприятии интонации, так и системой понятий для фиксации итогов восприятия [Цеплитис, 1974, с. 33].

Деятельность слушающего в процессе звуковой коммуникации состоит из нескольких этапов. С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова выделяют следующие этапы звукового восприятия речи: 1) приём акустического сигнала; 2) первичный слуховой анализ; 3) выделение акустических событий и признаков; 4) лингвистическая интерпретация звуковой стороны речевого сообщения [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 196].

На первых двух этапах происходит преобразование речевого сигнала в так называемую «динамическую спектрограмму речи», которая в дальнейшем подвергается обработке: специализированные нейроны в мозгу, или детекторы, реагируют на определённые акустические признаки, выделяя при этом только необходимые и полезные, так называемые «акустические ключи» к звуковому восприятию речи [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 230]. У. Викельгрен считает наиболее часто встречающиеся значимые конфигурации слуховых признаков фонем «прототипами» [Wickelgren, 1969, p. 1–15]. З. Н. Джапаридзе называет значимые средства восприятия звучания речи «перцептивными эталонами», а общую систему в памяти человека, в которой хранятся эталоны таких фонетических единиц, как фонемы и слоги, перцептивной базой языка [Джапаридзе, 1985, с. 23]. В качестве языковых единиц рассматриваются также и морфемы, слова, синтагмы, предложения, семантические категории [Касевич, 2010, с. 28]. Возможность расширения границ перцептивной базы вплоть до включения текстов поддерживают такие учёные, как А. С. Штерн [Штерн, 1990, с. 11], Н. Е. Евчик [Евчик, 2001, с. 13], Т. Н. Чугаева [Чугаева, 2009, с. 39].

Значимые или «полезные» признаки (термин Л. В. Бондарко) [Бондарко, 1979, с. 20] на интонационном уровне – это прежде всего аудитивные параметры мелодики. Они не накладываются на её физические свойства. Воспринимая интонацию на слух, нельзя получить результатов, выраженных в физических единицах измерения, им можно присвоить лишь обиходные характеристики [Цеплитис, 1974, с. 4]. При этом отпадает большая часть незначительных звуковых модуляций (изменения ЧОТ, имеющие мелкие интервалы, незначительные колебания) [Цеплитис, 1974, с. 34]. Выявлено, что в речи полутон является наименьшим воспринимаемым частотным интервалом, а меньшие изменения слушающими не воспринимаются [Златоустова и др., 1997, с. 122]. Остаются только значимые параметры, такие как направление движения тона (ровное, восходящее, нисходящее), характер движения тона (постепенный, плавный, резкий), диапазон движения тона (обычный, расширенный, суженный) [Давыдов, 1965, с. 6], причём различительными признаками являются именно вторичные свойства интонации [Джапаридзе, 1985, с. 105].

Прежде всего, легко воспринимаются и опознаются понижение или повышение мелодики как на протяженности всего отрезка, так и в ядре. Как и в акустической базе, в перцептивной базе выделяют универсальные и специфические характеристики [Бондарко, 2004, с. 97]. Терминальное изменение тона путём инклинации или деклинации носит универсальный характер и позволяет слушающему различать коммуникативные типы прослушанных предложений в большинстве языков.

Следующий параметр – высота, которая является перцептивным эквивалентом частоты тона. Оценка высоты тональных сигналов в зависимости от их частоты имеет

свои особенности [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 222]. Прежде всего речь идёт о диапазонной высоте, или высоте тона по отношению к диапазону голоса. [Цеплитис, 1974, с. 123]. Исследователи чаще всего выделяют три полосы в диапазоне: высокую, среднюю, низкую (см., напр., [Essen, 1956, p. 35]). Использование той или иной полосы диапазона может указывать на определённую семантическую особенность высказывания: эмоциональная окрашенность (напр., понижение голоса при страхе), определённую модальность (напр., повышение голоса при неуверенности) [Цеплитис, 1974, с. 125]. А. А. Гарнцева считает диапазонную высоту одним из показателей синтаксических отношений [Гарнцева, 1963, с. 7]. А. Н. Рапанович отмечает важность высоты диапазона при определении коммуникативного типа предложения: «вопросительное предложение характеризуется более высоким тоном, чем повествовательное» [Рапанович, 1969, с. 40].

Сужение мелодического диапазона зачастую воспринимается как монотонность или речитативность речи говорящего. При этом монотонность не подразумевает отсутствие интонации; речь идёт о монотонности, которая отражает особенности интонационного оформления высказывания [Пиотровская, 2015, с. 64].

Таким образом, основными «значимыми» признаками при восприятии интонации являются значительные (большой протяжённости, чаще на шкале) и значимые (терминальные) изменения мелодики, мелодический диапазон высказывания и высота, на которой происходит развёртывание мелодики (параметры указаны по мере уменьшения их значимости).

Слушающий сравнивает признаки с эталонными, имеющимися в его перцептивной базе. Совпадение образа воспринимаемого предмета с кодовым эталоном фиксируется в сознании как узнавание [Берман, 1976, с. 102]. На основе узнавания слушающий строит лингвистическое описание звуковой стороны речевого сообщения – определяет состав образующих его единиц и просодических показателей, т. е. происходит собственно лингвистическая интерпретация услышанного [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 254]. Однако в рамках аудиторского анализа экспериментатор идёт дальше, так как объектом его наблюдений становится не непосредственно воспринятое звучание, а восприятие других лиц, о котором мы можем судит по их реакциям [Джапаридзе, 1985, с. 21].

Ц е л ь ю проведённого нами эксперимента являлось исследование лингвистических реакций носителей языка на речевые сигналы: их способности опознавать акцент в интерферированной речи, оценивать степень влияния акцента на восприятие, а также опознавать и различать интонацию вопросительности и незавершённости. Основной корпус для перцептивного анализа составили образцы русской спонтанной речи в произнесении семи женщин – носителей эвенкийского языка в возрасте 60–74 года (разных профессий: учитель, метеоролог, зоотехник, охотник), с материнским эвенкийским языком и вторым русским (владение обоими языками – свободное). Предметом исследования являлись реакции носителей русского языка на интерферированную речь эвенков. Была выдвинута г и п о т е з а о том, что акцент будет определяться носителями языка, однако степень его незначительна в силу схожих черт в интонационном оформлении в русском и эвенкийском языках, в том числе вопросительности и незавершенности [Карачева, 2020, с. 202].

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and Methods]

Организационная сторона исследования восприятия речи включала выбор материала, способ его получения, подбор участников эксперимента.

Тип экспериментального материала выбирался в соответствии с задачами исследования. Общая длительность исследуемого материала составила 4 час 35 минут. Нами

были отобраны 30 предложений на русском языке, в которые вошли наиболее интерферированные реализации общих вопросов и утвердительных предложений с интонацией незавершенности в речи эвенков в качестве стимулов для аудиторского анализа: 14 вопросов, 11 предложений с незавершенностью. Типичное обращение к предложению как к минимальному акустическому сегменту в рамках исследования восприятия речи В. Б. Касевич объясняет следующим образом: при активном восприятии речи в силу психофизиологических ограничений человек не может оперировать крупными единицами, превышающими объём оперативной памяти, такими как текст; с другой стороны, для человека не характерно декодирование по минимальных единицам, меньшим чем предложение [Касевич, 2006, с. 22]. Следовательно, предложение может выступать в качестве единицы восприятия. К эксперименту также привлекались 5 утвердительных предложений, которые послужили «отвлекающими речевыми образцами», суть которых состоит в том, чтобы избежать влияния экспериментальной процедуры на перцептивные реакции испытуемых [Венцов, 1994, с. 208]. В общей сложности было взято 30 фраз-стимулов. Стимулы предъявлялись в случайном порядке, не больше трёх раз.

В качестве аудиторов выступили носители русского языка: 7 магистрантов, получавших на момент проведения эксперимента лингвистическое образование, и преподаватели-лингвисты Амурского государственного университета (все с опытом фонетического анализа). Аудиторам предлагалось прослушать отобранные аудиозаписи и оценить их содержание и восприятие по определённым параметрам. Ответы на задание участники эксперимента заносили в матрицы при помощи знаков (рис. 1). В задании на определение коммуникативного типа было необходимо поставить любой знак только в одной из трёх колонок: УТВ – утвердительное предложение с законченной интонацией, НЗ – утвердительное предложение с интонацией незаконченности, Вопрос – общий вопрос.

	1 этап		2 этап		
	Задание 1 (Зд. 1)	Задание 2 (Зд. 2)	Задание 3 (Зд. 3)		
Стимул, №	**Есть ли акцент?** «+» - есть «--» - нет	**Мешает ли акцент восприятию?** «+» - да «--» - нет	**Определите коммуникативный тип**		
			УТВ	**НЗ**	**Вопрос**
1					

Р и с у н о к 1. **Матрица ответов для аудиторов**
[F i g u r e 1. **Response matrix for auditors**]

Отдельно аудиторам было предложено отметить, что, по их мнению, определяло акцент. Для облегчения задачи был предложен список, содержащий перечень наиболее распространённых характеристик (монотонность, речитативность, неправильное движение тона в конце, неправильное фразовое ударение и т. д.). Кроме того, в задании специально оговаривалось, что аудиторы могут использовать и своё определение.

Всего было исследовано 210 реакций. Ответы аудиторов А1–А7 были обобщены (табл. 1). В третьем задании (Зд.3) ответ при выборе аудитором общего вопроса в таблицу заносился в виде знака вопроса. Кроме того, все ответы по каждому стимулу были статистически усреднены и занесены в соответствующие колонки по каждому заданию (Зд.1, Зд.2, Зд.3).

Полученные данные аудиторского анализа обрабатывались с помощью различных статистических методов, каждый из которых применялся к анализу материала в соответствии с конкретной задачей исследования.

Т а б л и ц а 1. **Ответы аудиторов и усредненные значения по трем заданиям**
[T a b l e 1. **The auditors ' responses and the average values for the three tasks**]

№	A_1	A_2	A_3	A_4	A_5	A_6	A_7	Усредненные значения		
								Зд.1	Зд.2	Зд.3
1	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/НЗ	+/+/НЗ	-/-/НЗ	+/+/У	+/-/НЗ	4	2	6
2	+/-/?	+/+/У	-/-/НЗ	+/-/У	+/-/НЗ	+/+/У	+/-/НЗ	6	2	3
3	+/-/?	+/-/?	+/-/У	+/-/?	+/-/У	+/-/У	+/-/У	7	0	3
4	+/-/У	-/-/?	-/-/?	+/-/?	+/-/НЗ	+/-/?	-/-/?	4	0	5
5	+/-/?	-/-/?	-/-?	-/-/У	+/-/У	+/-/?	-/-/?	3	0	5
6	+/-/У	+/-/У	+/-/У	-/-/У	-/-/У	-/-/НЗ	+/-/У	4	0	6
7	-/-/НЗ	-/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/НЗ	2	0	7
8	+/-/НЗ	+/-/У	+/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/У	+/-/НЗ	+/-/У	6	0	4
9	+/-/У	+/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/НЗ	+/-/НЗ	+/-/?	-/-/У	5	0	4
10	+/-/У	+/-/У	-/-/У	+/-/НЗ	-/-/У	+/-/?	-/-/НЗ	4	0	4
11	+/+/?	-/-/?	-/-/У	-/-/?	+/+/У	+/-/У	-/-/?	3	1	4
12	+/-/?	-/-/?	-/-/НЗ	-/-?	+/-/У	+/-/У	-/-/?	3	0	4
13	-/-/У	-/-/У	+/-/У	-/-/У	-/-/У	+/-/НЗ	-/-/У	2	0	6
14	-/-/У	-/-/У	+/-/У	-/-/У	-/-/У	-/-/У	+/-/У	2	0	7
15	-/-/У	+/+/У	+/-/У	+/-/У	-/-/У	+/+/У	+/-/У	5	2	0
16	+/-/У	-/-/НЗ	-/-/У	-/-/У	-/-/У	-/-/У	+/-/У	2	0	6
17	+/-/У	-/-/У	-/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/У	+/-/НЗ	-/-/?	3	0	3
18	+/-/?	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/НЗ	+/-/?	-/-/НЗ	4	0	3
19	+/-/У	-/-/У	+/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/НЗ	+/-/У	-/-/НЗ	4	0	4
20	+/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-/У	+/-/?	-/-/?	2	0	6
21	+/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-/У	-/-/?	+/+/?	-/-/?	2	1	6
22	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/?	+/-/НЗ	-/-/НЗ	4	0	3
23	+/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-?	-/-/НЗ	+/-/?	+/-/?	3	0	6
24	+/+/НЗ	+/-/У	+/+/НЗ	-/-/НЗ	+/-/НЗ	+/+/НЗ	-/-/НЗ	5	3	1
25	+/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-/?	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/?	2	0	2
26	+/-/У	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/НЗ	-/-/У	+/-/НЗ	-/-/НЗ	3	0	5
27	-/-/НЗ	-/-/НЗ	-/-/НЗ	+/-/У	-/-/У	+/-/НЗ	+/-/У	3	0	4
28	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/У	+/-/?	-/-/?	4	0	4
29	-/-/?	-/-/?	-/-/НЗ	+/-/НЗ	-/-/?	+/-/НЗ	+/-/НЗ	3	0	3
30	+/-/У	-/-/У	+/+/У	-/-/У	+/-/НЗ	+/-/НЗ	+/+/НЗ	5	2	0

2.2. Обсуждение результатов [Results and Discussion]

На первом этапе аудиторы должны были определить наличие акцента в прослушанных стимулах, и мешает ли акцент восприятию в случае его определения. В 52% случаев речь дикторов была признана маркированной, то есть с акцентом. Однако, как видно из таблицы 1, в большинстве случаев мнения аудиторов разделились. По нашему мнению, это свидетельствует о том, что даже наличие иноязычного акцента в предложении в целом не противоречит акту коммуникации, и, следовательно, не мешает восприятию. Это подтверждается данными по заданию 2, представленными в виде диаграммы на рисунке 2.

Р и с у н о к 2. **Восприятие акцента носителями языка в интерферированной русской речи эвенков**
[F i g u r e 2. **Perception of accent by native speakers in the interfered Russian speech of Evenks**]

Обращает на себя внимание стимул 3, в котором аудиторы практически единогласно определили акцент. На рисунке 3 представлены спектрограмма и интонограмма данного стимула.

Как видно из рисунка, интонационный контур утвердительного предложения с интонацией незавершённости «Да наверно есть» представлен общей деклинацией на предшкале и шкале, реализованной сменой уровня тона на гласных 161 Гц–143 Гц–143 Гц–125 Гц, что соответствует типичному интонационному рисунку эвенкийской речи. Особый интерес представляет интонационная кривая ядерного тона, которая в данном высказывании представлена комбинацией двух тонов: в начале ядра наблюдается небольшая инклинация с 124 Гц до 129 Гц на протяжении 102 мс, с последующим резким возрастанием до 247 Гц, при этом скорость инклинации составила 1,18 Гц/мс (скорость изменения ЧОТ ненулевого интервала при условии его относительной прямолинейности и равномерности высчитывалась по формуле: , где v – скорость в Гц/мс, i – интервал между двумя частотами в Гц, t – длительность отрезка сигнала в мс. По нашим данным, такая конфигурация тонов на ядре не характерна для обоих языков, что и привело к опознанию акцента всеми аудиторами.

Результаты второго этапа аудиторского теста, а именно определения коммуникативного типа высказывания каждого стимула, представлены на рисунке 4. Данные, отражённые в диаграмме, свидетельствуют о том, что аудиторам не составило труда опознать утвердительные предложения с интонацией законченности. Основным дифференциальным признаком при различении законченности и незавершенности / вопросительности является движение тона на ядре. Противопоставление деклинации и инклинации носит для двух языков универсальный характер [Карачева, 2018, с. 56 ; Карачева, 2019, с. 118 ; Карачева, 2020, с. 202 ; Морозова, 2019, с. 87], что обеспечило 83% правильности восприятия завершённости без дополнительного контекста.

Р и с у н о к 3. **Спектрограмма и интонограмма утвердительного предложения «Да наверно есть»**
[F i g u r e 3. **Spectrogram and intonogram of the affirmative sentence «Да наверно есть»**]

Р и с у н о к 4. **Показатели успешности узнавания различных коммуникативных типов в интерферированной речи эвенков**
[F i g u r e 4. **Successful identification of communicative sentence type in the interfered speech of Evenks**]

Несколько иная картина сложилась при разграничении вопросительности и незавершенности, так как мнение аудиторов было различным, и процент узнаваемости снизился до 61% и 59% соответственно. Основными критериями для различения этих двух типов служат уровень тона на протяжении отрезка, движение тона на заядерной части, которые достаточно сложно определить на слух. Кроме того, различению стимулов с вопросительностью и незавершенностью препятствует отсутствие контекста. Поэтому реакция аудиторов была ожидаемой.

Особенности опознавания отдельных предложений объясняются своеобразием их интонационного оформления. Так, 86% аудиторов не опознали стимул 24 (утвердительное предложение «Кроме черемши»), приняв его за утвердительное предложение с незавершенностью (рис. 5).

Р и с у н о к 5. **Интонограмма утвердительного предложения «Кроме черемши»**
[F i g u r e 5. **Intonogram of the affirmative sentence «Кроме черемши»**]

Стимул 15 (утвердительное предложение с интонацией незавершенности «Конечно») был ошибочно оценен всеми аудиторами как законченное утвердительное предложение (рис. 6).

Р и с у н о к 6. **Интонограмма утвердительного предложения «Конечно»**
[F i g u r e 6. **Intonogram of the affirmative sentence «Конечно»**]

Интонационный тип стимула 30 (общий вопрос «Это кровь») был неверно опознан 100% аудиторов, которые приняли его за утвердительное предложение (3 аудитора) или предложение с незавершенностью (4 аудитора) (рис. 7).

Р и с у н о к 7. **Интонограмма общего вопроса «Это кровь?»**
[F i g u r e 7. **Intonogram of the general question «Это кровь?»**]

Как видно из приведённых выше интонограмм на рисунках 5, 6 и 7, все реализации обладают следующими схожими чертами:

1) небольшой мелодический диапазон шкалы в пределах 5 полутонов;

2) ступенчатый характер мелодики на протяжении всего отрезка;

3) ядерный тон с изменением уровня ЧОТ при нулевом интервале на ядре.

Данные мелодические характеристики сходны с интонационным оформлением в эвенкийской речи [Карачева, 2018, с. 56], что говорит о высоком уровне интерферированности этих отрезков, которая привела к затруднениям в их восприятии. Неслучайно большинство аудиторов в качестве основного критерия определения акцента назвали монотонность, речитативность и сложность при определении направления движения тона на конечном ударном гласном. Исходя из того, что основной причиной монотонности называют малые интервалы, реализующиеся в относительно длительном промежутке времени [Суренский, 1941, с. 116], можно сказать, что одной из главных причин акцента в русской речи эвенков является именно способ реализации значимых мелодических изменений и меньший мелодический диапазон. Было выдвинуто предположение, что чем очевиднее акцент, тем меньше дикторов справляются с заданием по определению коммуникативного типа. Данное предположение было проверено методом корреляционного анализа. Для этого была построена диаграмма рассеивания (разброса), которая демонстрирует прямую связь между успешностью опознавания коммуникативных типов предложений и наличием акцента (рис. 8).

Р и с у н о к 8. **Корреляция между успешностью опознавания коммуникативных типов предложений и наличием акцента**
[F i g u r e 8. **Correlation between the successful identification of communicative sentence type and an accent**]

Однако на основании только графического метода сделать однозначный вывод сложно, поэтому был проведён дальнейший анализ с помощью критерия корреляции Пирсона, позволяющий определить тесноту (силу) корреляционной связи между двумя количественными показателями. В результате было получено значение: rэмп. = -0.55228. Так как коэффициент имеет знак минус, значит, существует отрицательная значимая взаимосвязь частотности опознания акцента и успешности определения коммуникативного типа. Используя упрощённую шкалу Челдока, в которой выделяется 3 градации силы корреляционной связи, можно утверждать, что корреляционная связь между двумя показателями средняя (показатели ±0,3–±0,699). Поскольку оценка коэффициента корреляции вычислена на конечной выборке, и поэтому может отклоняться от своего генерального значения, необходимо было проверить значимость коэффициента корреляции. Проверка производилась с помощью t-критерия Стьюдента. Вычисленное по формуле t = -3.50546 по модулю больше чем tкр. 2.048, следовательно, экспериментальные данные, с вероятностью 0.95, не противоречат гипотезе о зависимости случайных величин X и Y.

3. Заключение [Conclusion]

Аудиторский анализ реакций носителей русского языка на интерферированную русскую речь эвенков, представленную утвердительными и вопросительными предложениями, позволил сделать следующие выводы. Во-первых, полностью подтвердилась гипотеза о том, что в интерферированной русской речи эвенков акцент не всегда заметен, так как большинство значимых признаков интонационного оформления высказывания имеют схожие черты в русском и эвенкийском языках. Во-вторых, универсальным для обоих языков является противонаправленное движение ядерного тона в утвердительных и вопросительных предложениях (деклинация и инклинация соответственно), что обеспечивает высокий процент успешности узнавания и различения вопросов и утверждений. В-третьих, в общих вопросах и утвердительных предложениях с интонацией незавершённости терминальный тон реализуется инклинацией. Дифференциальным признаком является уровень тона, на котором развёртывается высказывание (в вопросах уровень тона выше). Перцептивным эквивалентом является диапазонная высота, которая воспринимается слушающими с трудом, что приводит к большому количеству ошибок при различении этих двух типов высказывания. В-четвёртых, влияние эвенкийской интонационной системы на русскую интонацию эвенков проявляется прежде всего в сужении мелодического диапазона и характере развёртывания мелодики: повышения и понижения реализуются изменениями уровня высоты тона ударных гласных, в том числе главноударенного шкалы и ударного гласного ядра, что воспринимается носителями языка как монотонность речи. Наконец, данные исследования показали, что успешность различения различных коммуникативных типов во многом зависит от степени интерферированности речи. Чем более интерферированным является стимул по мнению аудиторов, тем чаще аудиторы ошибаются в идентификации коммуникативного типа.

Список литературы

Берман, 1976 – Берман И. М. Переработка грамматической информации при восприятии текста на уровне одиночного высказывания // Смысловое восприятие речевого сообщения. М. : Наука, 1976. С. 96–107.

Бондарко и др., 2004 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. М. : Академия, 2004. 160 с.

Бондарко, 1979 – Бондарко Л. В. Полезные признаки и иерархическая организация фонемной классификации // Звуковой строй языка / отв. ред. Р. И. Аванесов. М. : Наука, 1979. 268 с.

Венцов, Касевич, 1994 – Венцов А. В., Касевич В. Б. Проблемы восприятия речи. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 232 с.

Гарнцева, 1963 – Гарнцева А. А. Первичные и вторичные показатели речевой интонации // Ученые записки Московского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина : Исследования по фонетике английского языка. 1963. № 201. С. 5–18.

Давыдов, 1965 – Давыдов М. В. Паралигвистические функции сверхсегментных средств английского языка в сопоставлении с русским : автореф. дис. … канд. филол. наук / Давыдов Михаил Владимирович ; Московский гос. лингв. ун-т. М., 1965. 18 с.

Джапаридзе, 1985 – Джапаридзе З. Н. Перцептивная фонетика: основные вопросы. Тбилиси : Мецниереба, 1985. 118 с.

Евчик, 2001 – Евчик Н. Е. Перцептивная база языка: теоретические и прикладные аспекты формирования (в норме и патологии) : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19; 10.02.21 / Евчик Надежда Семёновна ; Минский гос. лингв. ун-т. Минск, 2001. 35 с.

Зиндер, 1960 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 335 с.

Златоустова и др., 1997 – Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова, Р. К. Потапова, В. В. Потапов, В. Н. Трунин-Донской. М. : Изд. Московского ун-та, 1997. 414 с.

Карачева, Морозова, 2018 – Карачева О. Б., Морозова О. Н. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 39–58.

Карачева, 2020 – Карачева О. Б. Сравнение интонационных контуров общих вопросов в русском и эвенкийском языках // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич / отв. ред. Л. И. Миссонова. Якутск, 2020. С. 203–207.

Карачева, 2019 – Карачева О. Б. Сравнение интонационных контуров повествовательных предложений в русском и эвенкийском языках // Труды третьей международной междисциплинарной тунгусской конференции «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, орочоны и другие группы)» / отв. ред. С. В. Андросова. Благовещенск : Одеон, 2019. С. 110– 119.

Касевич, 2010 – Касевич В. Б. Восприятие речи // Философия языка. Лингвистика. Лингводидактика. Пермь : УрО РАН, 2010. С. 28–33.

Касевич, Ягунова, 2006 – Касевич В. Б., Ягунова Е. В. Корпус письменных текстов и моделирование восприятия речи // Вестник СПбГУ. 2006. Сер. 9. Вып. 3. С. 20–32.

Кодзасов, Кривнова, 2001 – Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : Рос.гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.

Пиотровская, 2015 – Пиотровская, Л. А. Монотонная vs выразительная устная речь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, №4. С. 64–75.

Рогозная, Заманстанчук, 2014 – Рогозная Н. Н., Заманстанчук Д. Э. Интонация как объект лингвистической интерференции // Вестник Бурятского гос. ун-та. Филология. 2014. № 10. Ч. 4. С. 49–56.

Суренский, 1941 – Суренский В. В. Художественное чтение. М. : Просвещение, 1941. 176 с.

Цеплитис, 1974 – Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига : Зинатне, 1974. 270 с.

Чугаева, 2009 – Чугаева Т. Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте : дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Чугаева Татьяна Николаевна ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2009. 346 с.

Штерн, 1990 – Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Штерн Алла Соломоновна ; Ленинградский гос. ун-т. Л., 1990. 28 с.

Щерба, 1974 – Щерба Л. В. Субъективный и объективный метод в фонетике // Языковая система и речевая деятельность. М. : Наука, 1974. С. 136–140.

Essen, 1956 – Essen O. v. Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation. Düsseldorf : Schwann, 1956. 114 S.

Wickelgren, 1969 – Wickelgren W. A. Context-sensitive coding, associative memory, and serial order in speech behavior // Psychological Review. 1969. Vol. 76. P. 1–15.

UDC 811.51, 81’342.4 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_103_115

Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
okaracheva@rambler.ru

Perception of the intonation of interrogativeness vs incompleteness in the interfered Russian speech of the Evenks

Abstract

The perception of oral speech can undoubtedly be attributed to one of the most complex processes in language, since the observer does not have direct access to the sounds, but only to the reactions associated with them. Every language has a perceptual base that allows a person not only to hear but also to carry out a number of procedures aimed at identifying and cognizing what he / she has heard by comparing it with the patterns in the mind representing a combination of significant phonetic features. Meanwhile, the researcher observes listeners’

reactions trying to systematize these features and the mechanisms of their perception and interpretation. This paper reports the results of Russian speakers ' perception analysis of the interfered Russian speech of the Evenks on the example of affirmative sentences with the intonation of incompleteness and general questions. The results show that Russian interfered speech of the Evenks is positively perceived by Russian native speakers. Even if the accent is identified, it results in no difficulties in perceiving information. Universal patterns are best perceived, such as the opposition of raising / lowering the tone in various communicative types. Monotony and recitativeness of speech are the main signs of interference caused by such melodic features as a small dynamic range, the step-like pitch contour on all segments of the utterance. The brighter the manifestation of these signs, the more difficulties arise in the process of identification.

Keywords: perceptual base, significant features, general question, incompleteness, interfered Russian speech, the Evenki language.

© Karacheva O. B. 2021

For citation: Karacheva O. B. Vospriyatie intonatsii voprositel'nosti vs nezavershennosti v interferirovannoy russkoy rechi evenkov [Perception of the intonation of interrogativeness vs incompleteness in the interfered Russian speech of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 103–115. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_103_115.

References

Berman, I. M. (1976). Pererabotka grammaticheskoy informatsii pri vospriyatii teksta na urovne odinochnogo vyskazyvaniya [Processing grammatical information while perceiving text at the level of a single utterance]. *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya* [Semantic perception of a speech message] (pp. 96–107). Moscow : Nauka Press.

Bondarko, L. V., Verbitskaya L. A., Gordina M. V. (2004). *Osnovy obshchey fonetiki* [Basics of general phonetics]. Moscow : Academia Press.

Bondarko, L. V. (1979). Poleznye priznaki i ierarkhicheskaya organizatsiya fonemnoy klassifikatsii [Useful features and hierarchical organization of phonemic classification]. In R. I. Avanesov (Ed.), *Zvukovoy stroy yazyka* [The phonetic system of a language]. Moscow : Nauka Press.

Ventsov, A. V., Kasevich V. B. (1994). *Problemy vospriyatiya rechi* [Issues of speech perception]. St Petersburg : St Petersburg University Press.

Garntseva, A. A. (1963). Pervichnye i vtorichnye pokazateli rechevoy intonatsii [Primary and secondary indicators of speech intonation]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gos. ped. in-ta im. V. I. Lenina: Issledovaniya po fonetike angliyskogo yazyka* [Phonetic research in the English language] (Vol. 201, pp. 5–18). Moscow : Moscow City Pedagogical Institute.

Davydov, M. V. (1965). Paraligvisticheskie funktsii sverkhsegmentnykh sredstv angliyskogo yazyka v sopostavlenii s russkim [Paralinguistic functions of super-segmental means of English in comparison with Russian]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.

Dzhaparidze, Z. N. (1985). *Pertseptivnaya fonetika: osnovnye voprosy* [Perceptual phonetics: Basic issues]. Tbilisi : Mecniereba Press.

Evchik, N. E. (2001). Pertseptivnaya baza yazyka: teoreticheskie i prikladnye aspekty formirovaniya (v norme i patologii) [Perceptual base of language: Theoretical and applied aspects of formation (In norm and pathology)]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Minsk : Minsk State Linguistic University.

Zinder, L. R. (1960). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Leningrad : Leningrad University Press.

Zlatoustova, L. V., Potapova R. K., Potapov V. V., Trunin-Donskoy V. N. (1997). *Obshchaya i prikladnaya fonetika* [General and applied phonetics]. Moscow : Moscow University Press.

Karacheva, O. B., Morozova, O. N. (2018). Intonatsiya utverditel'nogo predlozheniya v russkom i evenkiyskom yazykakh [Intonation of statements in Russian and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 39–58.

Karacheva, O. B. (2020). Sravnenie intonatsionnykh konturov obshchikh voprosov v russkom i evenkiyskom yazykakh [Comparison of intonation contour characteristics of general questions in Russian and Evenki]. In L I. Missonova (Ed.), *Narody i kul'tury Severnoy Azii v kontekste nauchnogo naslediya G M. Vasilevich* [Peoples and cultures of North Asia in the context of scientific heritage G. M. Vasilevich] ; *I*nstitute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. Yakutsk.

Karacheva, O. B. (2019). Sravnenie intonatsionnykh konturov povestvovatel'nykh predlozheniy v russkom i evenkiyskom yazykakh [Comparison of intonation contours of affirmative sentences in Russian and Evenki]. In S. V. Androsova (Ed.), *Trudy tret'ey mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy tungusskoy konferentsii «Sotsial'nye vzaimodeystviya, yazyki i landshafty v Sibiri i Kitae (evenki, eveny, orochony i drugie gruppy)»* [Proc. of the 3rd International Tungus Conference "Social interactions, languages, landscapes (Evenks, Evens, Orochen and other ethnoses"] (pp. 110–119). Blagoveshchensk : Odeon Press.

Kasevich, V. B. (2010). Vospriyatie rechi [Perception of speech]. *Filosofiya yazyka. Lingvistika. Lingvodidaktika* [Philosophy of language. Linguistics. Linguodidactics] (pp. 28–33). Perm : Ural Branch of the Russian Academy of Science.

Kasevich, V. B., Yagunova, E. V. (2006). Korpus pis'mennykh tekstov i modelirovanie vospriyatiya rechi [Written text corpora and speech perception models]. *Vestnik SPbGU* [Vestnik of Saint Petersburg University], Series 9 (3), 20–32.

Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow : Russian State University for the Humanities Press.

Piotrovskaya, L. A. (2015). Monotonnaya vs vyrazitel'naya ustnaya rech' [Monotonous vs expressive oral speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 1 (4), 64–75.

Rogoznaya, N. N., Zamanstanchuk, D. E. (2014). Intonatsiya kak ob"ekt lingvisticheskoy interferentsii [Intonation as an object of linguistic interference]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Buryat State University. Philology], 10 (4), 49–56.

Surenskiy, V. V. (1941). *Khudozhestvennoe chtenie* [Dramatic reading]. Moscow : Prosvyashchenie Press.

Tseplitis, L. K. (1974). *Analiz rechevoy intonatsii* [Analysis of speech intonation]. Riga : Zinatne Press.

Chugaeva, T. N. (2009). Zvukovoy stroy yazyka v pertseptivnom aspekte [Phonetic structure of the language in the perceptual aspect]. Doctoral in Philological sci. diss. St-Petersburg : St-Petersburg State University.

Shtern, A. S. (1990). Pertseptivnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti: eksperimental'noe issledovanie [Perceptual aspect of speech activity: An experimental study]. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Leningrad : Pushkin Leningrad State University.

Shcherba, L. V. (1974). Sub"ektivnyy i ob"ektivnyy metod v fonetike [Subjective and objective method in phonetics]. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity] (pp. 136–140). Moscow : Nauka Press.

Essen, O. von (1956). *Grundzüge der hochdeutschen Satzintonation.* Düsseldorf : Schwann.

Wickelgren, W. A. (1969). Context-sensitive coding, associative memory, and serial order in speech behavior. *Psychological Review,* 76, 1–15.

УДК 811. 58 (39) doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130

Ли Синь
Хэйхэский институт
г. Хэйхэ, КНР
ilia9980@mail.ru

Стародубцева Наталья Сергеевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
nstarodubceva@yandex.ru

Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID-19)

Аннотация
Цель исследования состоит в выявлении особенностей содержания и лексического наполнения лозунгов на работах мастеров нематериального культурного наследия по одной из актуальнейших в настоящее время тем – «Борьба с эпидемией» (COVID-19). Методом сплошной выборки для анализа было отобрано 538 лозунгов, содержащих различные призывы. Дальнейший анализ проводился с помощью описательного метода и метода анализа с использованием приёмов классификации и систематизации. Проведённое исследование дало возможность составить представление о частотности способов поднятия духа народа Китая в эпидемиологической ситуации и конкретных способах борьбы с эпидемией. Наибольшей частотностью характеризовались лозунги о профилактике и контроле, конкретных мерах личной гигиены и особенностях социальной активности в период пандемии. Лозунги с призывами к объединению усилий в борьбе против эпидемии оказались чуть менее частотными. Наименьшей частотностью обладали политическая, эмоциональная и ценностно-культурная составляющие. Об этом наглядно свидетельствуют использованные глаголы (чаще всего в форме императива), существительные, прилагательные и словосочетания.

Ключевые слова: COVID-19, лозунг, призыв, частотность, императивная конструкция, лексические особенности.

© Ли Синь, Стародубцева Н. С. 2021

Для цитирования: Ли Синь, Стародубцева Н. С. Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 116–130. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130.

1. Введение [Introduction]

Эпидемия пневмонии, вызванной новым типом коронавируса, вспыхнула в Китае в конце 2019 г., став весной 2020 г. международной чрезвычайной ситуацией. В начале февраля 2020 г. Управление по делам культуры и туризма призвало Центры по охране нематериального культурного наследия (далее – НКН)[1] в полной мере использо-

[1] Нематериальное культурное наследие является важным носителем и выражением традиционной культуры. Под объектами нематериального культурного наследия понимается совокупность форм культурной деятельности этноса, групп, в некоторых случаях отдельных лиц, основанной на традициях, обычаях, верованиях, представлениях о вселенной, природе и человеке. Согласно международной Конвенции об охране нематериального культурного наследия, НКН проявляется, в частности, в следующих областях: устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами.

вать информационно-просветительскую роль объектов НКН для укрепления морального духа и сплочённости в процессе реализации компании по борьбе с эпидемией. Мастера НКН создали свои работы с целью поднять дух населения в эпидемиологической ситуации. На многих работах нанесены лозунги, содержащие вербальные и невербальные призывы объединить усилия в борьбе с эпидемией. Настоящее исследование своей ц е л ь ю ставит изучение содержательной и количественной сторон данных лозунгов, что поможет составить представление о лингвистическом выражении частотных способов поднятия духа народа Китая в данной ситуации и конкретных способов борьбы с эпидемией.

Политические и социальные лозунги, а также рекламные слоганы привлекают внимание большого количества исследователей. Функция политического лозунга состоит в том, что он «является важнейшим элементом политической коммуникации и непосредственно связан с политическими PR-технологиями. Обеспечивая политику, программе или партии узнаваемость широкой аудиторией, лозунг является символом определённых исторических событий, своеобразным документом эпохи. Являясь прямым отражением исторических событий, лозунги фиксируют происходящее, находятся в соответствии с реализуемыми в государстве программами, проектами, компаниями» [Тортунова, 2015]. Исследователи в своих работах представляют базовые лингвостилистические классификации современных лозунгов; подробно останавливаются на описании этапов формирования современного лозунга; его характеристиках, структурно-функциональных особенностях (см., напр., [Тортунова, 2015]); перечисляют современные направления изучения политического лозунга («констатирующее», историко-фактуальное, нормативное, эстетическое, переводческое, интертекстуальное, лингвосемиотическое, аксиологическое, хронологическое, лингвистическое и др.) [Дзюба, и др., 2017].

«Сам термин «лозунг» демонстрирует функционально-семантическое отличие от других разрядов устойчивых фраз. Краткий экскурс в историю термина «лозунг» обнаруживает его семантическую и функциональную специфику в современном нам публицистическом дискурсе» [Вальтер, 2016]. Основные содержательные характеристики лозунга: тематическая однофокусность; максимальная эксплицитность в выражении идеи; злободневность содержания; аксиологическая маркированность, которая проявляется как идеологическая заданность; эмоциональность; при этом наблюдается некоторая относительность, взаимопереходность признаков, положенных в основу классификации [Там же]. Относительность «порождена общей функциональной «призывностью» лозунга, которая, тем не менее, не стирает их дифференцированности, ставшей основой классификации)»: лозунги-призывы; лозунги-пожелания; лозунги-констатации; лозунги-патетизмы. Согласно классификации Е. И. Шейгал, в иллокутивном аспекте выделяются три основные группы лозунгов: рекламные (предвыборные), представляющие собой речевые акты призыва; протестные, в основе которых лежат требования, нередко выраженные в форме вербальной агрессии; декларативные лозунги, содержащие речевые акты-ассертивы и экспрессивы [Шейгал, 2000]. Декларативные лозунги функционируют в рамках как рекламных, так и протестных акций; кроме того, они используются вне конкретных акций в целях долговременной пропаганды [Там же].

Наряду с лозунгом существуют и иные близкие по значению публицистические жанры: девиз, призыв, слоган, политический слоган. Х. Вальтер, В. М. Мокиенко [Вальтер, Мокиенко, 2015] рассматривают разные дефиниции термина «лозунг». Авторы анализируют 133 крылатых выражения лозунгового типа, описанных в «Большом словаре крылатых слов русского языка» [Берков и др., 2000] и предлагают детализированную классификацию этих лозунгов по их ориентации на адресата.

В связи с темой настоящего исследования, интерес представляет работа М. Н. Дубининой [Дубинина, 2021] на материале китайского языка, в которой предпринимается попытка раскрыть потенциал лозунгов, появившихся в Китае во время борьбы

с коронавирусом, как источников системы ценностей и языковой картины мира китайцев в период пандемии. Источниками языкового материала послужили интернет-платформы КНР: 人民网, 新华网, 搜狐, 微博. Автором подчёркивается важность лозунга как элемента китайской лингвокультуры – «лозунги, являясь привычной и понятной формой донесения до населения политики партии и стратегии развития страны и общества, обладают необходимыми функциями информирования, убеждения, мобилизации»; даётся определение семантических и стилистических особенностей китайских лозунгов в период пандемии; определяются тематические группы (мобилизации, лечения, профилактики, социального дистанцирования и т. д.) и функции лозунгов (функция информирования; мобилизующая; предупредительная; убеждения; эмоциональная; манипулирующая); рассматриваются лингвистические средства воздействия лозунгов на население – показан воздействующий потенциал лозунгов за счёт использования языковых средств (метафоры, аллюзии, идиомы, прецедентные феномены), отмечается, что «совокупность вербального текста и визуальных образов способствовала особому осмыслению действительности китайцами».

Настоящее исследование также рассматривает лозунги периода пандемии, но на принципиально ином материале с учётом частотности. Гипотеза нашего исследования состояла в том, что содержательный, лексико-грамматический и частотный анализ лозунгов, нанесённых на работы мастеров НКН по теме «Борьба с эпидемией», даёт возможность составить представление о более или менее типичных способах поднятия духа народа Китая в эпидемиологической ситуации и конкретных способах борьбы с эпидемией благодаря известным основным содержательным характеристикам лозунга (тематической однофокусности; максимальной эксплицитности в выражении идеи; злободневности содержания; аксиологической маркированности, которая проявляется как идеологическая заданность; эмоциональности [Вальтер, 2016]).

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and Methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили произведения мастеров НКН под общим названием «Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии», взятые на страницах веб-сайта «Нематериальное культурное наследие Китая» [Нематериальное…, 2020]. О б ъ е к т о м исследования выступают лозунги, нанесённые на эти произведения, которые рассматриваются нами с точки зрения содержания и особенностей лексического наполнения призывов в них.

В работе над исследованием был задействован комплекс методов: сплошная выборка языкового материала из вышеуказанных источников, описательный метод, метод анализа с использованием приёмов классификации и систематизации.

Произведения мастеров нематериального культурного наследия – 20 подборок[2] под общим названием «Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии», размещённые на страницах веб-сайта «Нематериальное культурное наследие Китая» – были рассмотрены на предмет наличия на них лозунгов. В каждой подборке собрано по 10–20 работ (серий работ), представляющих собой такие виды объектов НКН, как знания и навыки, связанные с традиционными ремёслами – 358 работ (вырезание из бумаги; новогодние картинки на деревянных дощечках (няньхуа); искусство нанесения рисунка изнутри стеклянного сосуда; гравировка на агате; резьба по нефриту (микроминиатюра); резьба по дереву и по фруктовым косточкам; резьба по яичной скорлупе; лепка [человеческих фигурок] из теста; искусство изготовления фигурок для театра теней; гравюра на керамической плитке; искусство изготовления тушечниц (камен-

[2] Данные на 20.07.2020.

ных, для растирания туши); предметы, с росписью-гравировкой на тыкве-горлянке и проч.) и устные традиции, формы выражения и исполнительские искусства[3] – 37 работ (устные рассказы; пьесы-диалоги; песенные сказы и песни, под аккомпанемент народных инструментов; различные виды музыкальных драм; кукольный театр (деревянных, перчаточных кукол), теневой театр и проч.). Всего в данных подборках мы можем ознакомиться с 395 работами. Основная масса работ содержит надписи, представляющие собой призывы к активной борьбе против эпидемии, или информацию на тему «Меры профилактики пневмонии, вызванной новым типом коронавируса». Всего нами было проанализировано 538 лозунгов. По большей части их можно классифицировать как социальные, а не политические, поскольку они не направлены на борьбу за власть, пожалуй, за исключением тех немногих на общем фоне, в которых упоминаются политика и Коммунистическая партия Китая, хотя и они скорее могут быть названы социально-политическими.

2.2. Обсуждение результатов исследования [Results and discussion]

Содержательный и лексико-грамматический анализ лозунгов показывает, что почти все они содержат призывы, выраженные императивом. Противодействие эпидемии позиционируется как борьба – призывы, содержащиеся в лозунгах, построены с использованием 1) глаголов: «давать отпор» (抗击 и 抵抗), «вести войну» (战), «уничтожить» (消灭), «героически сражаться (英勇征战); «победить» (战胜, 胜利), «возвращаться с победой!» (凯旋), «стоять на наблюдательном посту (в карауле)» (守望), «стойко обороняться» (坚守); 2) существительных: «новая война» (新战场), «приказ» (命令), «доброволец» (志愿者), «борцы / сопротивленцы» (逆行者), «передовой отряд сопротивления» (逆行先锋); 3) прилагательных: «непобедимый» (无敌), «героический» (英雄); 4) словосочетаний: «решительно выиграть бой» (坚决打赢击战), уничтожим скрытую угрозу» (除隐患), «уничтожить эпидемию» (灭瘟疫), «вести ожесточённую борьбу на передовой» (奋战在一线), «дать клятву защитить» (誓死捍卫), «выступать в поход» (военный) (出征) и др. Продемонстрируем на нескольких примерах (всего выделено 33 примера данного типа): «Дадим отпор эпидемии» (抗击疫情 – 16; 战疫情怀 – 1; 战疫情 – 1; 疫战 – 1; 战疫 – 6; 抵抗疫情 – 1; «Дадим отпор COVID-19» (抗击 2019-nCoV[4]) – 1); «Уничтожить эпидемию» (消灭疫情) – 1; «Героически сражаться с эпидемиологической ситуацией (英勇征战抗疫情 – 1; «Бороться с пневмонией, вызванной новым типом коронавируса» (抗击新冠) – 1; «Борьба с вирусом» (抗病毒) –1; «Бороться с воспалением лёгких» (抗击肺炎) – 1; «Решительно выиграть бой по профилактике и контролю за эпидемией» (坚决打赢疫情防控阻击战) – 1.

Призывы в объединении усилий в борьбе с эпидемией – всего 82 лозунга. Лозунги, содержащие призыв 众志成城 – «В единстве – сила! / «Объединимся!», что в буквальном переводе звучит как «воля масс – крепостная стена» – на таких работах изображается Великая китайская стена[5]: «В единстве – сила!» (众志成城) – 37 [Тэн, Хао, 2020]; «Объединимся в борьбе с эпидемией» (众志成城抗温疫；众志成城抗疫情；众志成城阻病疫，众志成城抗疫灾) – 5; «Повсюду сердца бьются в унисон, объединимся в борьбе с эпидемией» (四面八方心连心，众志成城抗病毒) – 1; «Сплотимся и победим эпидемию» 团结一心抗击疫情) – 1; «Сплотиться перед опасностью» (букв. плыть в одной лодке) (同舟共济) – 6; «Сплотиться перед опасностью и плечом к плечу вести

[3] Лозунг может быть не только нанесен на работу, но и содержаться в названии песни, пьесы и проч., тем самым реализуя тот призыв, который он несёт в себе. В настоящей работе содержание песен и народных сказов не анализировалось, анализировалось лишь их название.

[4] В работах встречается и международное название штамма коронавируса – 2019-nCoV. Китайское название данного штамма – 2019 冠状病毒病. Дословный перевод «Болезнь вируса, коронарного вида (венцеобразного)».

[5] Великая китайская стена упоминается и в лозунге «Великая китайская стена. Железом и кровью» (铁血长城) – 1 лозунг.

бой» (同舟共济并肩战斗) – 1; «Все, как один» (万众一心) – 11; «Сплотимся в борьбе против эпидемии!» (防疫病万众一心) – 1; «Единодушно, со всем усердием бороться с эпидемией» (一心抗击疫情) – 1; «Совместно бороться с эпидемией» (共抗疫情 – 4; 共同战“疫” – 1) – 5 примеров; «Совместно бороться с вирусом» (共击病毒) – 1; «Повсюду совместными усилиями уничтожим скрытую угрозу» (四海协力除隐患) – 1; «Мы вместе боремся с эпидемией и защитим город» (我们一起战疫守城) – 1; «Множество людей объединят усилия – им не будет равных в мире» (万夫一力，天下无敌) – 1; «Мы вместе приложим усилия» (我们，一起努力) –1; «Мы вместе от начала и до конца» (我们始终在一起) – 1; «Если в одной стороне случится беда, то поддержат со всех сторон» (一方有难八方支援) – 2; «Рука об руку преодолеть трудности» (携手克艰难) – 1; «Совместное преодоление временных трудностей» (共克时艰) – 2; «Совместными усилиями» (齐心协力) – 1; «Сплочение человеческих сердец» (人心齐) – 1.

Эпидемия вспыхнула в г. Ухань, поэтому весь Китай направил свои усилия на помощь жителям этого города. Призывы, содержащие название г. Ухань (武汉) – 50 лозунгов: Ухань (武汉) – 3; «Ухань, давай!» (武汉加油 – 33; 武汉雄起 – 1) – 34; «Весна в г. Ухань» (武汉的春天) – 1; «Ухань – город-герой. Непременно преодолеет трудности!» (武汉是一个英雄的城市，肯定能过关) – 1; «Ухань – город-герой! Давай-давай! (武汉英雄城市) – 2; «Ухань – город-герой. При поддержке всей страны непременно преодолеет трудности!» (武汉是一个英雄的城市，有全国有大家支持武汉肯定能过关) – 1; «Ухань, держись!» (武汉挺住) – 1; «Ухань борется с эпидемией (武汉战疫) –1; «Спешим на помощь г. Ухань» (驰援武汉) – 1; «Связаны сердцем с Ухань» (心系武汉) – 2; «Небо, помоги Ухань» (天佑武汉) – 1; «Коронавирус г. Ухань» (武汉冠状) – 1.

Названия работ и лозунги на них призывают к вере в положительный исход этой борьбы – 20 лозунгов: «Ухань победит!» (武汉战胜) – 1; «Ухань непременно победит!» (武汉必胜) – 3; «Китай обязательно победит!» (中国必胜) – 6; «Обязательно победим!» (一定会胜利；我们一定能赢) – 2; «Победим эпидемию» (战胜疫情– 3; 战疫必胜 – 1; 打赢防疫战 –1) – 5; «Ждём вашего возвращения с победой!» (等你凯旋) – 1; «Ждём вашего возвращения домой!» (等你回家) – 1; «У государства есть прекрасный план действий, битва с вирусом будет выиграна» (国有良策 疫战必赢) – 1.

Призывы к борьбе содержат и конкретные пути достижения победы над эпидемией, условия успеха в борьбе: – 19 лозунгов: «Целенаправленно осуществлять политику» (精准施策) – 2; «Действие побеждает пустые разговоры» (行动胜空谈) – 1; «Новая война – новые действия» (新战场新作为) – 1; «Взаимодействие и контроль» (配合检查) – 2; «Активное взаимодействие (积极配合) – 1; «С полной отдачей (изо всех сил)» (全力以赴) – 1; «Неотложная помощь» (紧急救援) – 1; «Провинция Чжэцзян откликнулась первой, городской округ Вэньчжоу тут же в действии!» (浙江一级响应 温州迅速行动) – 1; «Стоять на наблюдательном посту (в карауле)» (守望) – 1; «Стойко обороняться» (坚守) – 2; «Откажись от своей (малой) семьи ради всех (大家 – «все» – дословный перевод «большая семья») (舍小家 为大家) – 1; «Лечебно-профилактические меры, отвечающие требованиям науки» (科学防治) – 2; «Активно предотвращать новую коронавирусную инфекцию» (积极防范新型冠状病毒) – 1. В названии работы Лю Хунляна (刘洪亮), выполненной с помощью резьбы по агату, содержится условие всеобщего благоденствия – уничтожение эпидемии: «Уничтожим эпидемию, и государство будет спокойно, а народ – наслаждаться миром» (灭瘟疫 国泰民安) – 1 [Лю, 2020]; «Государство будет спокойно, а народ – наслаждаться миром» (国泰民安) – 1.

Важным действием в борьбе с эпидемией стало строительство больниц. 4 лозунга рассказывают нам об этом трудовом подвиге китайских строителей: «Строим больницу, дорожа каждой минутой» (争分夺秒建医院) – 1. Интерес представляет картина Мао Минюэ (毛明月), выполненная в технике вырезания из бумаги «Профилактика и контроль COVID-19» (防控新型冠状病) [Мао, 2020]. Картину, на которой изображено

здание в несколько этажей, строительная техника и образ строителя, дополняют надписи следующего содержания: «Скорость по-китайски» (中国速度) – 1, «Хошэньшань» (火神山) – 1 и «Ухань, давай!» (武汉加油). Эта картина восхваляет труд рабочих-строителей. Больница «Хошэньшань» (火神山医院) была специально построена для лечения пневмонии, вызванной новым типом коронавируса, за десять с лишним дней! На работе Оуян Миня (欧阳敏) «Китай, давай! Ухань, давай!» (中国加油 武汉加油) изображено большое количество тяжёлой строительной техники, строящей больницу «Хошэньшань» в г. Ухань. Эту информацию сообщает нам лозунг на строительной площадке: «Строительство больницы «Хошэньшань» в г. Ухань» (承建武汉市火神山医院) – 1 [Оуян, 2020].

Работы мастеров нематериального культурного наследия призывают к ответственному отношению к ситуации, выполнению своего долга – 4 примера: «Долг тяжелее, чем гора Тайшань (обр. о значительности, о важности значения) (责任重于泰山) – 1; «Железные плечи несут тяжёлую ответственность (铁肩担重任) – 1; «Смелость взять на себя ответственность» (勇于担当) – 1; «Быть смелым взять на себя ответственность и с честью выполнить свою миссию» (勇于担当不辱使命) – 1.

Работы подчеркивают руководящую роль Коммунистической партии в деле борьбы с эпидемией и активную позицию её членов (на работах изображены лозунги на красных полотнищах с партийной символикой) – 10 примеров: «Члены партии ведут ожесточённую борьбу на передовой» (党员奋战在一线) – 1; «Получить приказ в минуту опасности» (临危受命) – 1; «Эпидемическая ситуация – это приказ» (疫情就是命令) – 3; «Оставайтесь верны первоначальной цели» (不忘初心) – 1; «Ни на минуту не забывая о миссии» (牢记使命) – 1; «Смелость ставь в авангарде» (勇当先锋) – 1; «Сойти в низы» (下基层) – 1; «Выйти в общины» (административная единица низового уровня в городских районах) (走社区) – 1.

На борьбу с эпидемией призывают подняться весь Китай. Лозунг, содержащий призыв, используемый в речи болельщиков спортивных соревнований «Давай-давай!» (加油) встречается 25 раз[6]: 加油 – 1; «Китай, давай!» (中国加油) – 23. Часто вышеуказанную надпись дублируют надписи, с указанием городов и уездов, где проживают авторы работ: «Цяньань, давай!» (迁安加油) – 1; «Чжучжоу, давай!» (株洲加油) – 1. Эти районы отправили большое количество врачей-добровольцев на помощь г. Ухань.

Лозунги, призывающие добровольцев к активным действиям и демонстрирующие благодарность населения героям борьбы представлены 18 примерами: «Я – доброволец!» (我是志愿者) – 1; «Дать клятву защитить мой Китай» (誓死捍卫我中华) – 1; «Клятва» (誓言) – 1; «Прошение» (о направлении на борьбу с эпидемией) (请愿书; 请战书) – 2; «(Взять на себя) обязательство» (承诺) – 1. Добровольцы оказывают сопротивление эпидемии «Противодействовать и подниматься» (обр. – смело двигаться вперед) (逆行而上) – 1; «Сопротивление» (逆行) – 1; «Борцы / Сопротивленцы» (逆行者) – 1; «Передовой отряд сопротивления» (逆行先锋) – 1; «Выступать в поход» (военный) (出征) – 3; «Проводы» (送别) – 1, а население выражает им свою благодарность: «Выражаем уважение борцам / сопротивленцам!» (致敬逆行者) – 1; «Самая красивая борьба» (最美逆行) – 1; «Ждём вашего возвращения домой!» (等你回家) – 1; «Ждём вас с победой!» (等你凯旋) – 1.

Призывают к эмоциональной вовлеченности в борьбу – 7 примеров: «Со всей страстью ликвидировать вирус» (热血扫病毒) – 1; «Повсеместно, вложив всю душу, бороться с заразой (буквально – «злым духом») (八方倾情战瘟神) – 1; «Любящее сердце, неподдельные чувства» (爱心真情) – 1; «В холодное время детский голос согревает, искренними чувствами связаны с Ухань» (天寒童声暖 真情系武汉) – 1; «Быть по-настоящему близкими (быть искренними [во взаимоотношениях])» (肝胆相照) – 1. Показателем неравнодушного отношения к беде, в которой оказались другие, является

6 В это число мы не включили надпись «Ухань, давай!» (武汉加油 – 33 раза).

надпись на одной из работ: «Нет изолированных городов, есть только любовь, при которой невозможно расстаться» (没有被禁锢的城 只有离不开的爱) – 1; «Идём вместе с Ухань!» (与武汉共进退) – 1.

Основной вклад в борьбу с эпидемией вносят медицинские работники. Найдено 23 лозунга, посвящённых героям борьбы: «Уважаемые герои» (致敬英雄) – 1; «Герои борьбы с эпидемией» (抗疫英雄) – 1; «Герои времени» (时代英雄) – 1; «Защитники» (卫士) – 1; «Защитники человечества» (人民卫士) – 1; «Милые защитники» (可爱的护卫) – 1; 白衣天使 «Ангелы в белых одеждах» (образно о младшем медперсонале) – 1; «Самые красивые ангелы» (最美天使) – 1; «Самые красивые волонтеры» (最美志愿者); «Сестрички» (姐妹) – 1; «Жизнь без отдыха, работа без остановки» (生命不息工作不止) – 1; «Спасать от смерти (о благородной работе медицинских работников) (救死扶伤) – 1; «Защищают жизнь» (守护生命) – 1; «Оберегают во имя любви» (为爱守护) – 1; Придавать большое значение врачебной этике (讲医德) – 1; «Гуманность врачей» (医者仁心) – 3; «Гуманный человек любит людей» (仁者爱人) – 1. На работе 《杏林春暖图》Цзян Чэньхуа (蒋谌华), выполненной в технике выжигания на доске, размещено несколько надписей. Все они дополняют название работы, которое также помещено на картину – «Весна будет тёплой благодаря мастерству милосердных врачей» (杏林春暖) – 1. Дословный перевод названия 《杏林春暖图》 – «Роща абрикосов, тёплая весна»: 杏林 – «роща абрикосов» (обр. о преуспевающем враче: врач 董奉 III в. брал гонорар за излечение саженцами абрикосов и оставил после себя рощу в 100 тыс. деревьев). В словаре данному выражению дается следующий комментарий: «Только имея милосердие можно обладать искусством, которое может принести пользу людям (слова, восхваляющие искусство врачей)» [Цзян, 2020]. Встречаются надписи, содержащие благодарности и слова ободрения медицинскому персоналу и больным: «Благодарим ангелов в белых одеждах за их труд! (白衣天使辛苦了) – 1; «Быть благодарным» (感恩) – 1; «Воодушевлять (ободрять)» (鼓励) – 1; «Желаем счастья больным!» (祝福患者朋友们) – 1.

Анализируя работы мастеров нематериального культурного наследия, мы встречаем конкретные имена и фамилии героев борьбы с эпидемией – 13 примеров. Изображение академика Чжун Наньшаня (钟南山) встречается достаточно часто. В данном исследовании мы учли только те работы, в которых упоминается имя академика: «Чжун Наньшан» (钟南山) – 1; «Академик Чжун Наньшан» (钟南山院士) – 4; «Герой борьбы с эпидемией Чжун Наньшань» (抗疫英雄钟南山) – 1; «Истинно великий врач Чжун Наньшань» (大医精诚，钟南山院士) – 1; «17 лет назад академик Чжун Наньшань руководил борьбой с атипичной пневмонией. 17 лет спустя он устремился на передовую борьбы с эпидемией. Чжун Наньшань – имя, которое запомнят жители всей страны» (钟南山院士 十七年前，是他，领军战“非典”；十七年后，又是他，冲到抗击新疫情第一线。钟南山，一个让全国老百姓记住的名字) – 1; «Осмелиться взять на себя ответственность лечить и говорить правду» (使命担当 敢医敢言) – 1; «В дар самому красивому китайцу – академику Чжун Наньшаню» (献给最美的中国人钟南山院士) – 1; «Печать в форме льва с оттиском портрета уважаемого академика Чжун Наньшаня» (致敬钟南山院士狮钮肖像印) – 1 [Цянь, 2020]; «Высоко возвышающийся Чжун Наньшань» (巍巍钟南山) – о выдающемся китайском академике-эпидемиологе Чжун Наньшане – 1. Здесь идёт отсылка к имени академика – оно содержит морфему 山 – «гора», и для народа Китая его авторитет велик и прочен, подобно горе. Сотрудники одной из служб, участвующей в доставке гуманитарной помощи в г. Ухань, исполнили музыкальный сказ на железнодорожной платформе, держа в руках плакат с надписью «Ухань, давай!». Название их выступления раскрывает отношение китайского народа к эпидемиологу и пульмонологу, академику Чжун Наньшаню. Дословный перевод названия музыкального сказа – «Академик Чжун – гора в сердцах простого народа» [Академик …, 2020]. На работе Пэн Дэпина (彭德平) его изображение сопровождает надпись

«глаза, полные слёз» (泪目) и «проводить экспертизу» (甄别) – академик изображён за работой – 2 примера [Пэн, 2020]. На этой же работе присутствуют изображения ещё двух героев борьбы против эпидемии: Чэнь Вэй (陈薇) – специалист по биологической безопасности, удостоена почётного звания «Народный герой Китая» (2020 г.) – 1 и Ли Ланьцзюань (李兰娟) – ведущий инфекционист провинции Чжэцзян – 4 упоминания её имени: 李兰娟 – 1; «Душа Китая» (中国精神); «Уважаемый академик Ли Ланьцзюань» (致敬李兰娟院士) – 1; «Первое лицо, закрывшее город на карантин» (封城第一人) – 1.

Лозунги призывают верить в положительный исход эпидемиологической ситуации – 23 призыва: «Верьте!» (有信心) – 1; «Непременно настанут солнечные дни» (必是晴天) – 1; «Непоколебимая вера» (坚定信心 – 3; 坚定信念– 1) – 4; «Взращивайте веру!» (树信心) – 1; «Я глубоко уверен, что эпидемия (буквально – «венценосный чёрт») непременно будет ликвидирована» (我深信 冠魔必灭) – 1; «Эпидемия закончится, жизнь станет успешной» («疫»翻风顺) – 1; «Выдержать бедствие» (吃祸) – 1. Воодушевлению населения способствуют положительная оценка деятельности и одобрительные лозунги: «Мы, несомненно, молодцы!» (我们一定行) – 1. Вера крепнет от понимания того, что «За спиной (опираясь на) сильная родина и бесстрашный народ» (背靠着强大的祖国 – 1; 背靠着无畏的人民 – 1) – 2. Встречаются и надписи-молитвы Небу: «Молим небо о счастье, благополучии и благоденствии (спокойствии и здоровье) родины» (祈福祖国平顺安康) – 1; «Благоденствия Китаю» (恩泽华夏) – 1; «Небо, благослови Китай!» (天佑中华 – 2; 天佑中国 – 2) – 4; «Небо, благослови Ухань!» (天佑武汉) – 2. Постановка юньнаньской музыкальной драмы (滇剧) 天佑武汉, 天佑神州 (автор текста – Чжан Шэньцзя (张莘嘉), автор музыки – Сунь Линь (孙琳)) в своём названии содержит мольбу и веру в помощь неба для г. Ухань и Китая – буквальный перевод – «Помощь неба для г. Ухань и Китая» – 1; «Спокойный Китай» (平安中国) – 1.

Основным способом борьбы с распространением эпидемии выступает профилактика и контроль (防控) – 34 примера: «Профилактика и контроль эпидемии. Мы в действии!» (疫情防控 我们在行动) – 1; «Противоэпидемическая ситуация» (防疫情) – 2; «Профилактика и контроль коронавируса нового типа» (防控新型冠状病毒) – 1; «Массовая профилактика и контроль» (群防控) – 1; «Научный подход к профилактике и контролю за эпидемией» (科学防控疫情) – 1; «Лечебно-профилактические меры, отвечающие требованиям науки» (科学防治) – 1; «Эпидемия – это приказ, профилактика и контроль – обязанность!» (疫情就是命令 防控就是责任) – 1; «Борьба с эпидемией – обязанность каждого!» (抗击疫情人人有责) – 1; «Обязанность каждого» (人人有责) – 3; «Твой долг и мой – защититься от вируса!» (防御病毒 你我有责) – 1; «Относиться ответственно к себе и другим» (对自己和他人负责) – 1; «Борьба против эпидемии начинается с меня» (抗毒战“疫”，从我做起) – 1; «Профилактика и контроль эпидемии входят в каждый дом» (疫情防控进万家) – 1; Защитите свой дом (保护家园) – 1; «Принимайте строгие противозащитные меры» (严防守) – 1; «Защити себя сам» (自我防护) – 1; «Необходимо быть бдительным» (需)警惕) – 2; «Не стоит недооценивать» (莫轻视) – 1; «Не дайте шанса болезнетворных бактериям» (不让病菌有机可乘！) – 1; «Важнее всего – защита!» (防护为先) – 1; «Цени жизнь (贵生命) – 1. Обращают внимание на «Плакаты, на которых отражены знания о профилактике пневмонии, вызываемой новым типом коронавируса» (预防新冠肺炎宣传画) – 1; призывают изучить «Знания о защите от вируса (病毒防护小知识) – 2; «Элементарные знания о профилактике и контроле пневмонии, вызываемой новым типом коронавируса» (新冠肺炎防控常识 – 1; 预防新型冠状肺炎防控常识 – 1; 抗击疫情常识 – 2) – 4; «Вместе узнать элементарные знания о защите от вируса и начать действовать» (一起了解冠状病毒防御小知识 你我行动起来) – 1. Работа Чжан Пэйхуа (张培华), выполненная в технике вырезания из бумаги, призванная дать детям знания по профилактике коронавирусной инфекции, носит название «Троесловие о борьбе с эпидемией» (抗疫三字经) – 1. Название позаимствовано у классической ки-

тайской книги для детей «Саньцзыцзин» (三字经 «Троесловие»), в которой даются базовые знания о временах года, астрономии, этике, добродетели, истории, философии, человеческих качествах и взаимоотношениях [Чжан, 2020].

Какие конкретные меры рекомендуют применять для профилактики и контроля противоэпидемиологической ситуации? Мы встречаем 90 лозунгов-призывов: «Самоизоляция!» (自我隔离) – 1; «Слушайте официальные сообщения» (听官宣) – 1; «Не верьте сплетням» (不信谣) – 6; «Не распространяйте сплетни» (不传谣 – 9; 不造谣 – 1) – 10; «Следите, что вы говорите» (管住嘴 букв. 'контролируйте свой язык') – 1; «Не паникуйте!» (不恐慌 – 2; 莫恐慌– 1) – 3; «Не причиняйте беспокойство» (不添乱) – 1; «Положительный настрой ведёт к успешной профилактике и контролю» (积极心态防控好) – 1; «Следуйте правилам» (听劝规) – 1; «Доверяйте науке» (信科学) – 1; «Следуйте указаниям врачей» (遵医嘱) – 1; «Соблюдайте гигиену» (讲卫生) – 4; «Обращайте внимание на личную гигиену» (个人卫生要注意！) – 1; «Проводите дезинфекцию» (酒精消毒 – 2; 消消毒– 1) – 3; «Уделяйте внимание дезинфекции (重消毒) – 1; Чаще дезинфицируйте (勤消毒) – 2; «Измеряйте температуру» (测体温 – 1; 量体温 – 1) – 2; «Чаще проветривайте помещение» (勤通风 – 5; 常通风 – 4) – 9; «Чаще мойте руки (勤洗手 – 13; 多洗手 – 1) – 14; «Высыпайтесь» (不熬夜) – 1; «Пейте больше воды» (多喝水) – 1; «Питайтесь сбалансировано» (均饮食) – 1; «Больше двигайтесь» (多运动) – 2; Больше двигайтесь дома, это способствует укреплению здоровья (在家中多运动更健) – 1; Нужно «подзаряжаться» (отдыхать) (要充电) – 1; «Прикрывайте нос и рот, чихая» (打喷嚏，捂口鼻 /打喷嚏，捂住口鼻) – 3; «Если чихнули, осторожно трите глаза» (喷嚏后慎揉眼) – 3; «При появлении симптомов как можно раньше обращайтесь к врачу» (有症状， 早就医) – 2; «Не откладывайте поход к врачу (速就医) – 1»; «Не скрывайте ход болезни» (不隐瞒病情) – 1; «Раньше обнаружить, раньше сообщить, раньше изолировать, раньше поставить диагноз, раньше начать лечение» (早发现， 早报告， 早隔离， 早诊断， 早治疗) – 2; «Ранняя диагностика и лечение» (早诊疗) – 1; «Живите в гармонии с природой. Не контактируйте с дикими животными» (与自然和谐处。野生动物我不碰！) – 1; «Откажитесь от употребления дичи» (拒野味) – 4; «Не ешь дичь и счастье удвоится!» (不吃野味 运气翻倍) – 1.

Кроме рекомендаций, связанных с соблюдением личной гигиены и поведением заболевшего, даются рекомендации по организации социальной активности в период эпидемии – 38 примеров: «Лучше оставайтесь дома» (宅着好) – 1; «Нахождение дома, уборка и дезинфекция, ношение масок» (宅洗戴) – 1; «Реже выходите из дома» (少外出 – 3; 少出门 – 6; 少上街 – 1; 多居家 – 1; 不出门– 1) – 12; «Реже собирайтесь вместе» (少聚会 – 2, 少聚集 – 3) – 5; «Не собирайтесь вместе» (不聚会) – 2; «Не принимайте пищу совместно» (不聚餐) –1; «Не ходите в места скопления людей» (人多的地方不去) – 1; «Откажитесь от визитов» (拒绝来访 – 1; 不串门 – 2) – 3; «Не навещайте родственников» (拒绝走亲戚) – 1; «Не ходите в гости в чрезвычайный период» (非常时期勿串门) – 1; «Вежливо отказывайтесь от приглашения в гости» (谢绝到访) – 1; «Общайтесь по интернету» (亲网友) – 1; «Поздравляйте с Новым годом по интернету» (网络拜年乐大家) – 1; «Поздравление с Новым годом по интернету также выражает ваше искреннее расположение» (网络拜年一样亲！) – 1; «Отложите проведение свадеб» (婚礼喜事推后办) – 1; «Транспорт и прохожие должны строго следовать эпидемической ситуации» (车辆行人严格遵守疫情安检) – 1; «Регистрация при входе и выходе» (出入需登记) – 1; «Не поднимайте цены!» (不抬价) – 1; «Проводите похороны скромно, соблюдайте спокойствие!» (丧事从简保平安) – 1; «Не переживайте, сохраняйте спокойствие – это желание ушедших» (别难过，保平安，也是亡者的心愿！) – 1.

Не только даются рекомендации, как следует действовать, но и объясняется для чего это необходимо – 7 примеров: «Чаще проветривайте помещение, обеспечьте циркуляцию воздуха» (常通风保持空气流通) – 1; «Чаще мойте руки, чтобы лучше дезин-

фицировать» – только так можно отдалиться от вредоносного вируса» (勤洗手来多消毒才能远离坏病毒) – 1; «Чаще мойте руки, смывая вирус (勤洗手冲掉残留病毒) – 1; «Пейте больше воды, повышая иммунитет организма» (多喝水提高身体免疫力) – 1; «Больше двигайтесь дома, это способствует укреплению здоровья» (在家中多运动更健) – 1; «Реже покидайте дом, реже собирайтесь вместе – это возможность сократить распространение инфекции» (少出门少聚会 减少传染的机会；不串门不聚众防传播) – 2.

Одним из обязательных условий соблюдения профилактических мер стало ношение гигиенической маски – 16 примеров: «Носите (гигиеническую) маску (戴口罩) – 9; «Носите маску, не позволяя инфекции передаваться воздушно-капельным путём» (戴口罩阻挡飞沫传播) – 1; «Носите маску – отгородитесь от эпидемии, (создадите) спокойствие для себя и меня, для них (戴口罩 隔疫情 平安你我他) – 1; «Ношение маски – обязанность каждого» (戴口罩人人有责) – 1; «Хорошо запомните правила ношения маски» (摘戴口罩的方法要牢记) – 1; «Надень маску и счастье будет всегда с тобой!» (口罩一戴 福气常在) – 1. Интерес представляет название работы «“罩”顾», выполненной авторским коллективом во главе с Ли Яхуа (李亚华团队) в технике резьбы по камню. В названии работы присутствует «игра иероглифов», создающая «игру смыслов»: вместо первого иероглифа в слове «заботиться» 照顾 zhàogù написан иероглиф 罩 zhào – «маска», выступающий омофоном к нему [Ли и др., 2020]. Мы встречаем 2 таких примера.

Лозунги с призывами соблюдать противоэпидемические меры могут носить невербальный характер. Так на работе Чжао Чжиго (赵志国) (без названия) нет ни одного иероглифа, однако действия, совершаемые людьми, дают чёткие инструкции: проветривать помещения, мыть руки. А курица, клюющая коронавирус, который в панике спасается бегством, ярко демонстрирует положительные последствия данных мер [Чжао, 2020].

Нас заинтересовал лозунг с призывом «Следовать культурным практикам» (文明实践随行) – 1. Проанализировав лозунги на работах в рассматриваемой нами подборке произведений мастеров НКН, мы нашли 14 примеров, которые можно отнести к так называемым культурным практикам и ценностям: «Гуманность[7] сохраняет экологическую среду и гармонию» (有仁爱保生态共和谐) – 1; «Пусть в отношениях людей царят любовь и тепло (用爱温暖人间) – 1. На работах в качестве защитников мы встречаем Чжун Куя – бога даосского пантеона, охраняющего от несчастья: «Чжун Куй» (钟馗) – 3; «Чжун Куй дарует счастье, искореняет эпидемию» (钟馗降福 • 除疫) – 1; «Чжун Куй изгоняет зло» (钟馗驱邪) – 1; «Чжун Куй молит о счастье» (钟馗祈福) – 1; «Чжун Куй изгоняет вирус» (钟馗扫毒) – 1 [Ян, 2020] и других богов-хранителей: «Герои борьбы с эпидемией – боги-хранители дверей» (защищают дом от зла) (抗疫英雄当门神) – 1. Ряд работ содержат изображения феникса, как символа преодоления несчастий: «Искупаться в огне и родиться заново» (образно – преодолеть трудности и начать новую жизнь) (浴火重生) – 1. На работах мы встречаем названия годов по восточному календарю: «Весна года Белой мыши (крысы)» (庚子新春) – 1; «Год гэнцзы (37-й год по циклическому календарю, напр., 1840, 1900, 1960, 2020) (庚子年) – 1.

3. Заключение

Проведённый анализ содержательного наполнения и лексико-грамматической организации лозунгов позволяет заключить, что в Китае противодействие эпидемии позиционируется как борьба, в ходе которой абсолютно необходимо объединение усилий. Это явно не популистские лозунги, поскольку показаны конкретные пути достижения победы над эпидемией и способы поднятия духа народа Китая в данной ситуации. Лозунги на работах мастеров НКН поддерживают активный настрой жителей г. Ухань и борцов с эпидемией по всему Китаю; призывают к вере в положительный исход этой

7 Гуманность (仁) – одна из важных добродетелей в китайской культурно-философской традиции.

борьбы, к ответственному отношению к ситуации, эмоциональной вовлечённости в борьбу, выполнению своего долга; подчёркивают руководящую роль Коммунистической партии в деле борьбы с эпидемией и активную позицию её членов. Работы выражают благодарность населения героям борьбы и содержат слова ободрения больным. Основным способом борьбы с распространением эпидемии выступает профилактика и контроль. Лозунги призывают получить знания о профилактике пневмонии, вызываемой новым типом коронавируса, и строго соблюдать рекомендованные меры. Кроме рекомендаций, связанных с соблюдением личной гигиены и поведением заболевшего, даются рекомендации по организации социальной активности в сложный период.

Самыми частотными оказались лозунги о профилактике и контроле, конкретных мерах личной гигиены и особенностях социальной активности в опасный период. Немногим уступают им лозунги с призывами к объединению усилий в борьбе против эпидемии. Политическая, эмоциональная и ценностно-культурная составляющие в общей массе изученных лозунгов выражаются значительно реже, хотя и не носят единичный характер. Об этих особенностях наглядно свидетельствуют использованные глаголы (чаще всего в форме императива), существительные, прилагательные и словосочетания.

Список литературы

Берков и др., 2000 – Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Около 4000 единиц. М. : Русские словари ; Астрель, АСТ, 2000. 624 с.

Вальтер, 2016 – Вальтер Х. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса // Медиалингвистика. 2016. № 3 (13). С. 33–45.

Вальтер, Мокиенко, 2015 – Вальтер Х., Мокиенко В. М. Язык лозунга: социолингвистическая стратификация // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. № 4 (64), Т. 4. С. 56–61.

Дзюба и др., 2017 – Дзюба Е. В., Дударева З. М., Никулина И. М. Российские и немецкие политические лозунги как объект семантического, лексикографического и лингвопрагматического описания (рецензия на публикацию «Дайте миру шанс! Словарь современных политических лозунгов России и Германии») // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 146–150.

Дубинина, 2021 – Дубинина М. Н. Семантический анализ лозунгов эпохи пандемии в Китае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, Вып. 2. С. 475–483.

Тортунова, 2015 – Тортунова И. А. Жанрово-стилистический портрет современного политического лозунга // Научный диалог. 2015. № 9 (45). С. 100–111.

Шейгал, 2002 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Шейгал Елена Иосифовна ; Волгоград, 2000. С. 353.

Нематериальное…, 2020 – 中国非物质文化遗产网 [Нематериальное культурное наследие Китая] : сайт. URL : http://www.ihchina.cn (дата обращения : 12.08.2020).

Цзян, 2020 – 蒋谌华 《杏林春暖图》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（四）// 中国非物质文化遗产网 [Цзян Чэньхуа. Роща абрикосов, тёплая весна (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 4) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20566 (дата обращения: 18.08.2020).

Ли и др., 2020 – 李亚华团队《“罩”顾》 抗击疫情 非遗人在行动 /作品选登（五）//中国非物质文化遗产网 [Ли Яхуа [и др.]. Позаботься (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 5) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20573 (дата обращения : 18.08.2020).

Лю, 2020 – 刘洪亮 《灭瘟疫 国泰民安》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（六）// 中国非物质文化遗产网 [Лю Хунлян. Уничтожим эпидемию, и государство будет спокойно, а народ – наслаждаться миром (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия

в действии. Подборка работ № 6) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20578 (дата обращения : 18.08.2020).

Мао, 2020 – 毛明月《防控新型冠状病毒》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（四）// 中国非物质文化遗产网 [Мао Минюэ. Профилактика и контроль COVID-19 (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 4) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20566 (дата обращения : 18.08.2020).

Оуян, 2020 – 欧阳敏《中国加油 武汉加油》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（九）// 中国非物质文化遗产网 [Оуян Минь. Китай, давай! Ухань, давай! (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 9) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20597 (дата обращения : 18.08.2020).

Пэн, 2020 – 彭德平 抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（十一）// 中国非物质文化遗产网 [Пэн Дэпин. Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 11 // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20619 (дата обращения : 17.08.2020).

Цянь, 2020 – 钱高潮《致敬钟南山院士狮钮肖像印》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（一）// 中国非物质文化遗产网 [Цянь Гаочао. Печать в форме льва с оттиском портрета уважаемого академика Чжун Наньшаня (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 1) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20560 (дата обращения : 18.08.2020).

Тэн, Хао, 2020 – 滕光宇， 郝如香《众志成城》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（八）// 中国非物质文化遗产网 [Тэн Гуанюй, Хао Жусян. В единстве – сила! (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 8) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20589 (дата обращения : 12.08.2020).

Ян, 2020 – 杨丙军《钟馗》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（一）// 中国非物质文化遗产网 [Ян Бинцзюнь. Чжун Куй (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 1) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20560 (дата обращения : 18.08.2020).

Чжан, 2020 – 张培华《抗疫三字经》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（十三）// 中国非物质文化遗产网 [Чжан Пэйхуа. Троесловие о борьбе с эпидемией (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 13) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20633 (дата обращения : 17.08.2020).

Чжао, 2020 – 赵志国 抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（五）// 中国非物质文化遗产网 [Чжао Чжиго. Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 5 // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20573 (дата обращения : 18.08.2020).

Академик…, 2020 – 《钟院士，百姓心中的一座山》抗击疫情 非遗人在行动 / 作品选登（八）// 中国非物质文化遗产网 [Академик Чжун – гора в сердцах простого народа (Борьба с эпидемией. Мастера нематериального культурного наследия в действии. Подборка работ № 8) // Нематериальное культурное наследие Китая : офиц. сайт]. URL : http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20585 (дата обращения : 18.08.2020).

UDC 811. 58 (39) doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130

Li Xin
Heihe Institute
Heihe, China
ilia9980@mail.ru

Natalya S. Starodubtseva
Amur State University
Blagoveschensk, Russian Federation
nstarodubceva@yandex.ru

Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID-19)

Abstract
This study aims to identify the content and lexical patterns of slogans in the works of intangible cultural heritage masters devoted to one of the most popular topics – "Fighting the epidemic" (COVID-19). Continuous sampling method was used to select 538 slogans containing various appeals. Their analysis was performed using descriptive method, classification and systematization techniques. The study enabled to determine the frequency of the ways to raise people's spirit during the epidemic and the particular means to fight it. Slogans containing calls on people for prevention and control, particular measure of hygiene and mode of social activity turned out the most frequent. They were followed by the appeals to unite efforts in the fight. The least frequent were slogans with political, emotional and value-culture content. All these patterns were manifested by the corresponding verbs (mostly in Imperative), nouns, adjectives and word groups.

Keywords: COVID-19, slogan, appeal, frequency, Imperative, lexical patterns.

© Li Xin, Starodubtseva N. S. 2021

For citation: Li Xin, Starodubtseva, N. S. Lozungi na rabotakh masterov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Kitaya kak sredstvo bor'by s epidemiey koronavirusnoy infektsii (COVID-19) [Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID-19)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 116–130. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130.

References

Berkov, V. P., Mokienko, V. M., Shulezhkova, S. G. (2000). *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [Great dictionary of winged words of the Russian language. About 4,000 units]. Moscow : Russkie slovari Press ; Astrel', AST Press.

Walter, H. (2016). *Lozung kak rechevoy zhanr publitsisticheskogo diskursa* [Slogan as a speech genre in the publicistic discourse]. *Medialingvistika* [Media Linguistics], 3 (13), 33–45.

Walter, H., Mokienko, V. M. (2015). *Yazyk lozunga: sotsiolingvisticheskaya stratifikatsiya* [Language of slogan: Its sociolinguistic stratification]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of Kemerovo State University], 4 (64), 56–61.

Dziuba, E. V., Dudareva, Z. M., Nikulina, I. M. (2017). Rossiyskie i nemetskie politicheskie lozungi kak ob"ekt semanticheskogo, leksikograficheskogo i lingvopragmaticheskogo opisaniya [Russian and German political slogans as object of semantic, lexicographic and linguo-pragmatic description (a review of the paper "Give Peace a Chance! A Dictionary of Contemporary Political Slogans in Russia and Germany")]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 3 (63), 146–150.

Dubinina, M. N. (2021). Semanticheskiy analiz lozungov epokhi pandemii v Kitae [Semantic analysis of slogans during the pandemic in China]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (2), 475–483.

Tortunova, I. A. (2015). Zhanrovo-stilisticheskiy portret sovremennogo politicheskogo lozunga [Genre and stylistic portrait of a modern politic slogan]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 9 (45), 100–111.

Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang [Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 12, 2020 from <http://www.ihchina.cn>.

Jiang Chenhua. (2020).《Xinglin, chun nuan tu》Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (si). *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Apricot grove, warm spring (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works No. 4). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20566>.

Li Yahua et al. (2020).《"Zhao"gu》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (wu). Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang ["Take care" (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 5). *Intangible Cultural Heritage of China*]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20573>.

Liu Hongliang. (2020).《Mie wenyi. Guo tai mi nan》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong // zuopin xuandeng (liu) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [We will destroy the epidemic, and the state will be calm, and the people will enjoy peace (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 6). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20578>.

Mao Mingyue. (2020).《Fangkong xinxing guanzhuangbingdu》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (si) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Prevention and control of COVID-19 (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 4). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from < http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20566 >.

Ouyang Min. (2020).《Zhongguo jiayou, Wuhan jiayou》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (jiu) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [China, come on! Wuhan, come on! (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 9). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from < http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20597 >.

Peng Deping. (2020). Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (shi yi) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 11. Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20619>.

Qian Gaochao. (2020).《Zhijing Zhong Nanshan yuanshi shi niu xiaoxiang yin》Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (yi) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Lion-shaped seal with an impression of the portrait of the respected academician Zhong Nanshan (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 1). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20560>.

Teng Guangyu, Hao Ruxiang. (2020).《Zhong zhi cheng cheng》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (ba) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [There is strength in unity! (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 8). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20589>.

Yang Bingjun. (2020). 《Zhongкui》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (yi) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Zhongкui (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 1). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20560>.

Zhang Peihua. (2020).《Kang yi sanzijing》 Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (shi san) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Trilogy about the fight against the epidemic

(Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 13. Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20633>.

Zhao Zhiguo. (2020). Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (wu) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 5. Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20573>.

《Zhong yuanshi, baixing xinzhongde yi zuo shan》(2020). Kangji yiqing feiyiren zai xingdong / zuopin xuandeng (ba) // *Zhongguo feiwuzhi wenhua yichan wang* [Academician Zhong is a mountain in the hearts of the common people (Fighting the epidemic. Masters of Intangible cultural Heritage in action. Selection of works N 8). Intangible Cultural Heritage of China]. Retrieved August 18, 2020 from <http://www.ihchina.cn/Article/Index/detail?id=20585>.

УДК 81'23, 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139

Ма Липин
Китайско-российский институт Хэйлунцзянского университета
г. Харбин, КНР
494003997@qq.com

Полисемия русских прилагательных в когнитивном аспекте

Аннотация
Семантическая проблема русских многозначных прилагательных является одной из важных тем в изучении лексической семантики русского языка. Её суть заключается в методах усвоения семантического содержания прилагательных и установления внутренних связей между их значениями. Когнитивная метафора как ключевой рабочий механизм может чётко объяснить явление полисемии русских прилагательных. Настоящее исследование рассматривает теоретические основы когнитивной метафоры. Когнитивная метафора содержит множество рабочих механизмов, влияющих на изменение лексической семантики прилагательных, среди которых семантический перенос между когнитивными доменами является одним из самых типичных и активных механизмов. Настоящее исследование основано на двух исходных когнитивных доменах: домене пространства и домене физического восприятия. Под когнитивным действием переноса от исходного домена к другим доменам прилагательные получают разные значения. Объектом для исследования являются русские многозначные пространственные прилагательные и прилагательные физического восприятия. Причина образования, механизм действия семантического деривации и внутренняя связь между различными значениями этих прилагательных выявляются методами контекстного анализа, синтеза и когнитивного анализа конкретных контекстов из Национального корпуса русского языка. Шесть способов семантического переноса продемонстрированы на примере шести прилагательных, выявлена частотность каждого способа. Предложенный когнитивный подход может оказаться полезным для изучения семантической деривации и семантической трансформации прилагательных на уровне ментального образа, а также для более глубокого понимания когнитивного механизма языка и субъективного выражения значения в семантической сфере.

Ключевые слова: когнитивная метафора, когнитивный домен, пространственные прилагательные, прилагательные физического восприятия, полисемия, семантическая деривация.

© Ма Липин 2021

Для цитирования: Ма Липин Полисемия русских прилагательных в когнитивном аспекте // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 131–139. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139.

1. Введение [Introduction]

1.1. Полисемия и семантическая деривация [Polysemy and semantic derivation]

Полисемия – один из важнейших семантических законов языка [Новиков, 1987, с. 41]. Полисемия, или многозначность, настолько важна для функционирования языка и настолько внешне очевидна, что обойти её в лингвистических исследованиях невозможно [Лещёва, 2014, с. 15]. Особый интерес представляет полисемия прилагательных, поскольку она в значительной степени зависит от контекста и от семантической валентности определяемого существительного [Stammers, 2008]. Полисемия, в том числе прилагательных, изучалась на материале разных языков: английского (напр., по шести англо-английским словарям [Stammers, 2008]), китайского (многозначное прилагательное *hao* 'хороший' [Wang, Yuan, 2018]) и, конечно же, русского (напр., ментальная репрезентация полисемии существительных, глаголов

и прилагательных [Lopukhina et al., 2018]; способы семантической деривации русских прилагательных рассмотрела [Сандакова, 2019]).

В русском языке полисемия – распространённое семантическое явление, поэтому исследования по данной тематике по-прежнему востребованы, в том числе в области многозначных прилагательных. Новое значение прилагательного образуется от исходного несколькими способами семантической деривации: метафорический перенос (метафоризация качества, при этом его развитие возможно и у относительных прилагательных, а не только у качественных), метонимический перенос (тоже и для количественных, и для качественных прилагательных, но лишь для организации отдельных участков семантической структуры) и специализация отношения (только для относительных прилагательных) [Сандакова, 2019]. Нас заинтересовал метафорический перенос, поскольку именно на нём может быть основана вся совокупность значений многозначного слова [Сандакова, 2019, с. 122–123]. И этому имеется вполне логичное объяснение.

Всем известно, что с точки зрения когнитивного аспекта в языке отражается концептуальная система, на которой основано мышление и деятельность человека, и суть её метафорична [Lakoff, Johnson, 1980, p. 3], поэтому с помощью теории когнитивной метафоры могут быть обнаружены причины, процессы и конкретные операции семантической деривации. Прилагательные имеют уникальную грамматическую сочетаемость, а их семантическое содержание неразрывно связано с семантическим содержанием компонентов словосочетания. В процессе приобретения прилагательными нового значения происходит обогащение и совершенствование их лексико-семантического состава, а язык приобретает больший выразительный потенциал. Сочетание теории когнитивной метафоры и полисемии способствует более глубокому пониманию особенностей функционирования русских прилагательных, имеющих несколько значений. Очевидно, что когнитивная метафора является допустимым способом изучения и интерпретации семантической деривации многозначных прилагательных русского языка. Настоящее исследование призвано помочь глубже разобраться в когнитивных методах и способах семантических изменений русских прилагательных.

1.2. Когнитивная метафора [Cognitive metaphor]

Когнитивная наука – это новая и знаковая категория исследований, возникшая в XX веке. В рамках этой науки используется когнитивная теория с целью чёткого разъяснения ранее неясных моментов. Язык является когнитивной деятельностью, которая представляет собой результат опыта отдельных людей и целых сообществ в процессе познания объективного мира [Ван Инь, 2011, с. 3]. В середине 70-ых годов XX века когнитивная наука и лингвистика соединились, в результате этого появилась новая наука – когнитивная лингвистика. Когнитивная лингвистика вошла в поле зрения людей как новый предмет, который предоставляет лингвистам неизвестные ранее перспективы и направления для исследований. Метафора – ключевое понятие в когнитивной лингвистике; она является перцептуальным и концептуальным инструментом, с помощью которого люди могут лучше понять окружающий мир [Шу Динфан, 2000, с. 30]. Сама метафора является проявлением и расширением собственного физического опыта на уровне разума и сознания [Пэн Юйхай, 2020, с. 88]. Помимо выполнения риторической функции языка в традиционном смысле, метафора также добавляет новые функции, вызванные когнитивными факторами. Иными словами, в процессе использования метафор люди обращаются к опыту в одной области для наглядного объяснения и понимания опыта в другой сфере. Изучение когнитивной метафоры дало лингвистам не только множество новых идей и направлений для проведения исследований, но и обширную основу для лексико-семантического анализа.

Когнитивная метафора содержит множество рабочих механизмов, среди которых одним из наиболее важных является семантический перенос между концептуальными областями, помогающий выяснить семантическое соответствие значений русских многозначных прилагательных. Концептуальная область, то есть когнитивный домен, представляет собой категориальную классификацию и разделение, которые генерируются в человеческом разуме и мышлении, отражая характеристики когнитивных операций индивида. Перенос между когнитивными доменами является центром таких когнитивных операций, как генерация, передача и обработка значений [Fauconnier, 1997, p. 1], что оказывает значительное влияние на лексическую семантику слова и даёт слову мотив и возможность семантической деривации. Перенос между когнитивными доменами имеет следующую направленность: от исходного домена к целевому [Лю Чжэнгуан, 2007, с. 7]. Междоменный перенос между когнитивными доменами осуществляется на уровне лексики, заставляя её семантическое содержание трансформироваться, таким образом, позволяя реализовать семантическую деривацию лексики.

Прилагательные, выступая синтаксически и семантически определением некоей сущности, образуют лишь адъективно-именные, номинативные по своей сущности сочетания слов, минимальные лексические синтагмы, выражающие всевозможные характеристики предметов, лиц, фактов, состояний, отношений и даже событий [Уфимцева, 1986, с. 198]. Прилагательные русского языка обладают особым семантическим содержанием и характеристиками сочетаемости; кроме того, семантика прилагательных способна меняться. Так, под действием переноса между когнитивными доменами семантика прилагательных легко меняется, разные переносы между разными когнитивными доменами дают новые значения, что приводит к обогащению и расширению лексико-семантической системы русского языка.

2. Когнитивный анализ русских многозначных прилагательных [Cognitive analysis of Russian polysemous adjectives]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для экспериментального исследования проблемы очень важно найти конкретный способ семантического переноса. Поскольку объектами исследования выступили пространственные прилагательные и прилагательные физического восприятия, были описаны шесть таких способов: «домен пространства → домен времени», «домен пространства → домен количества», «домен пространства → домен оценки», «домен физического восприятия → эмоциональный домен», «домен физического восприятия → домен характера» и «домен физического восприятия → домен общественной деятельности». Настоящее исследование полисемии шести таких прилагательных русского языка – *длинный, высокий, большой, лёгкий, холодный* и *острый* – проводилось через призму этих способов. Выбор именно этих прилагательных обусловлен тем, что, по мнению автора настоящего исследования, они представляют собой типичные случаи полисемии, и контексты их употребления наиболее показательны. Материалом для исследования послужили контексты, представляющие собой предложение или несколько предложений (2–3), взятые из Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Контексты отбирались методом сплошной выборки; основанием для отбора служило наличие многозначного прилагательного. Поскольку исходный домен состоит из двух доменов – домена пространства и домена физического восприятия, – в качестве объектов для исследования взяты пространственные прилагательные и прилагательные физического восприятия. Из всех вхождений этих прилагательных (длинный, высокий, большой, лёгкий, холодный и острый) в корпус выбрано по одному типичному на каждый способ переноса в подходящем контексте. Всего было изучено 311 контекстов. Особенности полисемии прилага-

тельных выявлялись с помощью контекстного анализа и синтеза. В статье приведено 6 контекстов в качестве иллюстративных примеров на каждый способ переноса.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Домен пространства→домен времени [Domain of space→domain of time]

Рассматриваемый вид переноса даёт пространственным прилагательным возможность выражать значение времени. Такие прилагательные легко переходят на понятие времени, но не наоборот [Арутюнова, 1991: 361]. Эта особенность отражается в пространственном прилагательном «длинный», словосочетание «длинная ночь» указывает на понятие времени. В Национальном корпусе русского языка найдено 32 контекста со словосочетанием «длинная ночь», например:

(1) *Добравшись до постели, я закрыла глаза.* ***Длинная*** *ночь забрала мои силы* (Елена Чижова. Лавра // «Звезда», 2002) [НКРЯ].

Основное значение слова *длинный* – 'имеющий большую длину, протяжённый'. Данное прилагательное принадлежит к когнитивному домену, который обладает пространственным значением. В данном случае, чем больше расстояние в пространстве, которое обозначает понятие, тем дольше протяжённость времени, которое оно выражает в случае переноса. Иными словами, перенос из домена пространства в домен времени придаёт слову *длинный* новое деривационное значение, указывающее на категорию времени. *Длинная ночь* в представленном выше контексте означает 'ночь, которая длится долгое время'. Существуют и другие примеры подобного переноса, такие как *длинный перерыв*, *длинный разговор*, *длинный день* и так далее.

2.2.2. Домен пространства→домен количества [Domain of space→domain of quantity]

Данный вид доменного переноса даёт пространственным прилагательным возможность выражать значение количества. В словосочетании *высокая температура* пространственное прилагательное *высокий* выражает значение количества. Найдено 246 контекстов со словосочетанием *высокая температура*. Например:

(2) *Всякий раз, когда Тома заболевала и у неё поднималась* ***высокая*** *температура, ей казалось, что лежит она в их семейном логовище* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000) [НКРЯ].

Согласно основному значению, слово *высокий* означает 'имеющий большую протяжённость снизу вверх по вертикальной линии'. Прилагательное *высокий* относится к пространственным прилагательным. В мире физических предметов существует прямая зависимость между высотой и количеством. К примеру, при наливании воды в замкнутый сосуд повышение уровня воды равно увеличению её количества. Также, повышение столбика ртути в градуснике выражает более высокий уровень температуры. Из этого можно сделать вывод, что пространственный когнитивный домен может трансформироваться в количественный. Это даёт прилагательным пространственной ориентации способность выражать количественное значение, а также выводит новую лексическую семантику, которая принадлежит к количественной категории. Примерами являются *высокое давление, высокая прибыль* и так далее.

2.2.3. Домен пространства→домен оценки [Domain of space→domain of evaluation]

Данный перенос даёт пространственным прилагательным возможность выражать значение оценки. В словосочетании *большой учёный* пространственное прилага-

тельное *большой* имеет значение оценки. В Национальном корпусе русского языка всего 20 контекстов со словосочетанием большой учёный. Например:

(3) *Он не только* ***большой*** *учёный, он и просветитель, автор учебников, учебных пособий, словарей, без который немыслимо образование современного человека* (А. А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания (2009)) [НКРЯ].

Основное значение слова *большой* – 'имеющий крупный, значительный размер'. Пространственный домен проецируется на домен оценки, в результате чего прилагательное *большой* приобретает значение 'знаменитый и влиятельный', которое указывает на положительную оценку людей или событий. Общеизвестным фактом является то, что влияние известных людей или важных событий распространяется на большое количество других людей. Это сходство придаёт прилагательному *большой* новую лексическую семантику, которая имеет не только пространственное, но также и оценочное значение. Таким способом, семантическая система прилагательного большой может быть обогащена и расширена.

2.2.4. Домен физического восприятия→эмоциональный домен [Domain of physical perception→emotional domain]

Рассматриваемый перенос даёт прилагательным физического восприятия дополнительные значения, связанные с эмоциями. В словосочетании *лёгкое настроение* прилагательное физического восприятия *лёгкий* выражает значение эмоции. В Национальном корпусе русского языка всего 6 контекстов со словосочетанием лёгкое настроение. Например:

(4) *Несмотря на ненастье, было у меня лёгкое настроение, должно быть, оттого, что завершил своё дело* (Евгений Носов. Во субботу, день ненастный... (1968)) [НКРЯ].

Согласно основному значению, слово *лёгкий* означает 'имеющий незначительную массу, незначительный вес'. Это прилагательное физического восприятия; в основном значении лёгкость измеряется прямым физическим контактом с предметами. Если говорить о переносе значения, то в данном случае, чем приятнее эмоции, тем они легче. Перенос помогает прилагательному «лёгкий» выражать значение эмоционального расслабления и удовольствия, а также трансформировать реальное восприятие физического давления в абстрактную нефизическую эмоциональную сферу посредством установления сходства. Этот когнитивный процесс даёт прилагательному *лёгкий* новую деривационную семантику, выражающую определённую эмоцию.

2.2.5. Домен физического восприятия→домен характера [Domain of physical perception→domain of character]

Анализируемый ниже перенос даёт прилагательным физического восприятия возможность выражать черты характера. В словосочетании *холодный характер* прилагательное физического восприятия *холодный* выражает черты характера. В Национальном корпусе русского языка всего 5 контекстов со словосочетанием *холодный характер*. Например:

(5) *Я вас очень люблю – вашу беспокойную душу, вашу пытливую голову, ваш сильный и* ***холодный*** *характер, ваши неугомонные поиски новизны, знания, истины* (А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)) [НКРЯ].

Основное значение слова *холодный* – 'имеющий низкую температуру' (воздуха, воды и так далее). Прилагательное принадлежит к домену физического восприятия. Чувство, которое оно описывает, выражается через непосредственное восприятие тем-

пературы телом. Что же касается переноса значения слова *холодный* на черты характера, то имеется в виду психологический холод, который человек передаёт другим через свои равнодушие и апатию.

Между тем, нельзя не отметить, что, по данным Корпуса, все пять примеров относятся к периоду 1793–1895 гг. Это свидетельствует о том, что данное словосочетание вышло из употребления. В качестве других примеров можно привести: *холодная натура* (9 вхождений в Корпус, самое позднее – 1998 г.), *холодный человек* (23 вхождения в Корпус, самые поздние – 2001 и 2003 гг.) и т. д.

2.2.6. Домен физического восприятия→домен общественной деятельности [Domain of physical perception→domain of social activity]

Перенос даёт прилагательным физического восприятия возможность выражать значение, связанное с теми или иными видами общественной деятельности. В словосочетании *острая игра* прилагательное физического восприятия *острый* выражает значение общественной деятельности. В Национальном корпусе русского языка зафиксировано всего 2 контекста с данным словосочетанием. Приведём один из них:

(6) *Прости, Андрей, никак не мог вырваться на матч. Говорят, была* ***острая*** *игра? Андрей промолчал* (А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова) / Части 4–6 (1940–1956)) [НКРЯ].

В основном значении слово *острый* – это 'имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край'. Следовательно, прилагательное острый связано с физическим восприятием. Стимулирующее чувство от острого ножа или иглы похоже на волнение от соревнований, дебатов и других видов общественной деятельности, что придаёт прилагательному новую семантику.

3. Заключение [Conclusion]

Полисемия представляет собой распространённое явление в различных языках мира для различных частей речи. Прилагательные могут легко генерировать семантическую деривацию таким образом осуществляя обогащение и расширение их семантической составляющей. Когнитивная метафора представляет собой важный метод выявления связей различных значений прилагательных. Перенос между когнитивными доменами является методом, оказывающим влияние на семантическую деривацию прилагательных. Исследование показало, что такой перенос может раскрывать и интерпретировать семантические связи между различными значениями, а в процессе переноса прилагательные приобретают более экспрессивные способы выражения смысла, а также гибкие когнитивные характеристики. В настоящей статье было проведено семантическое исследование прилагательных с точки зрения семантики и когнитивной науки. Анализ 311 контекстов употребления шести прилагательных из Национального корпуса русского языка, каждое из которых демонстрирует один из шести способов семантического переноса (доменов) – «пространство → время», «пространство → количество», «пространство → оценка», «физическое восприятие → эмоциональный домен», «физическое восприятие → характер» и «физическое восприятие → общественная деятельность» – показал наибольшую частотность первых трёх доменов, особенно второго. Его доля составляет 79% от общего количества изученных контекстов. Такой результат может объясняться тем, что человек прежде всего локализует (оценивает) себя и всю окружающую действительность в координатах пространства и времени, которые измеряются количественно. Полученные результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения полисемии прилагательных русского языка, а также для изучения лексической семантики прилагательных в целом.

Благодарности [Acknowledgments]

Работа выполнена в рамках новаторского научно-исследовательского проекта для магистров и аспирантов Хэйлунцзянского университета 2019 г. «Когнитивное исследование семантической деривации русских прилагательных», номер проекта: YJSCX2019-014HLJU.

Работа выполнена в рамках Фонда философской и социальной науки провинции Хэйлунцзян «Семантический анализ глаголов поступка и поведения в русском языке на основе корпусов», номер проекта: 19YYC147.

Список литературы

Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М. : Языки русской культуры, 1999. 911 с.

Лещёва, 2014 – Лещёва Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки славянской культуры ; Знак, 2014. 256 с.

Новиков, Кедайтене, 1987 – Новиков Л. А., Кедайтене Е. И. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. М. : Русский язык, 1987. 160 с.

Сандакова, 2019 – Сандакова М. В. Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. 2019. № 3. С. 117–131. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-117-131.

Уфимцева, 1986 – Уфимцева А. А. Лексическое значение (Прицип семиологического описания лексики). М. : Наука, 1986. 240 с.

Fauconnier, 1997 – Fauconnier G. Mapping in Thought and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. xi + 205 p.

Lakoff , Johnson, 1980 – Lakoff G, Johnson M Metaphors We Live by Chicago : The University of Chicago Press, 1980. 276 c.

Lopukhina et al., 2018 – The Mental Representation of Polysemy across Word Classes / A. Lopukhina, A. Laurinavichyute, K. Lopukhin, O. Dragoy. Front. Psychol. 2018. Vol. 9 (192). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00192.

Stammers, 2008 – Stammers J. Unbalanced, Idle, Canonical and Particular: Polysemous Adjectives in English Dictionaries // Lexis. 2008. N 1. URL : http://journals.openedition.org/lexis/771. DOI : 10.4000/lexis.771.

Wang, Yuan, 2017 – Wang E., Yuan Y. The Meaning of Polysemous Adjective “Hao(Good)” // Chinese Lexical Semantics. CLSW 2017. Lecture Notes in Computer Science. Vol. 10709 / Ed. by Y. Wu, J. F. Hong, Q. Su. Springer, Cham, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-73573-3_15

Ван Инь, 2011 – 王寅，什么是认知语言学/上海市：上海外语教育出版社, 2011 年, 181 页 [Ван Инь. Что такое когнитивная лингвистика. Шанхай : Шанхайское изд-во обучения иностранным языкам, 2011. 181 с.].

Лю Чжэнгуан, 2007 – 刘正光，隐喻的认知研究—理论与实践/长沙市：湖南人民出版社, 2007 年, 270 页 [Лю Чжэнгуан. Когнитивное исследование метафор – теория и практика. Чан Ша : Хунаньское народное изд-во, 2007. 270 с.].

Пэн Юйхай, 2020 – 彭玉海，俄罗斯民族文化概念分析与解读/北京市：中国社会科学出版社, 2020 年, 472 页[Пэн Юйхай. Анализ и интерпретация концепции русской национальной культуры. Пекин : Китайское изд-во общественных наук, 2020. 472 с.].

Шу Динфан, 2000 – 束定芳，隐喻学研究/上海市：上海外语教育出版社, 2000 年, 267 页 [Шу Динфан. Исследования метафор. Шанхай : Шанхайское изд-во обучения иностранным языкам, 2000. 267 с.].

УДК 81'23, 81'37 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139

Ma Liping
Sino Russian Institute of Heilongjiang University
Harbin, China
494003997@qq.com

Polysemy of Russian adjectives in the cognitive aspect

Abstract
Russian polysemous adjectives is one of the important issues in the study of the lexical semantics of the Russian language. Its essence lies in the methods of understanding the semantic content of adjectives and establishing internal connections between their meanings. Cognitive metaphor as a key working mechanism can clearly explain the phenomenon of Russian adjectives polysemy. This study uses the theory of cognitive metaphor that contains many working mechanisms affecting the change in the lexical semantics of adjectives. Among them, semantic transfer between cognitive domains is one of the most typical and active mechanisms. The present study is based on two original cognitive domains: the domain of space and the domain of physical perception. Under the cognitive effect of transferring from the original domain to other domains, adjectives acquire different meanings. This research focuses upon Russian polysemous spatial adjectives and adjectives of physical perception. Contextual analysis and synthesis as well as cognitive analysis are used to study the adjectives entries in the Russian National Corpus and identify the reason for their formation, the mechanism of semantic derivation and the internal connection between their various meanings. Six patterns of semantic transfer are exemplified by 6 adjectives, the frequency of each pattern is determined. Cognitive approach suggested in the present study might be useful for exploring semantic derivation and semantic transformation of adjectives at the level of mental images, as well as for a deeper understanding of the cognitive mechanism of the language and the subjective expression of meaning in the semantic sphere.

Keywords: cognitive metaphor, cognitive domain, spatial adjectives, adjectives of physical perception, polysemy, semantic derivation.

© Ma Liping 2021

For citation: Ma Liping. Polisemiya russkikh prilagatel'nykh v kognitivnom aspekte [Polysemy of Russian adjectives in the cognitive aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 131–139. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_131_139.

References

Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press.

Leshcheva, L. M. (2014). *Leksicheskaya polisemiya v kognitivnom aspekte* [Lexical polysemy in the cognitive aspect]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Novikov, L. A. (1987). *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoreticheskiy kurs. Leksikologiya* [Modern Russian language. Theoretical course. Lexicology.]. Moscow : Russkiy yazyk Press.

Sandakova, M. V. (2019). Sposoby semanticheskoy derivatsii i tipy sootnosheniy mezhdu znacheniyami v semanticheskoy strukture prilagatel'nogo [Ways of Semantic Derivation and Types of Relations between Meanings in Adjective Semantic Structure]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 3, 117–131. doi : 10.24224/2227-1295-2019-3-117-131.

Ufimtseva, A. A. (1986). *Leksicheskoe znachenie. Pritsip semiologicheskogo opisaniya leksiki* [Lexical meaning. Semiological description principle of lexis]. Moscow : Nauka Press.

Fauconnier, G. (1997). *Mapping in Thought and Language*. Cambridge : Cambridge University Press.

Lakoff, G, Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago. The University of Chicago Press.

Lopukhina, A, Laurinavichyute, A, Lopukhin, K, Dragoy, O (2018). The Mental Representation of Polysemy across Word Classes. *Front. Psychol.*, 9 (192). doi: 10.3389/fpsyg.2018.00192.

Stammers, J. (2008). Unbalanced, Idle, Canonical and Particular: Polysemous Adjectives in English Dictionaries. *Lexis*, 1. Retrieved August 12, 2021 from <http://journals.openedition.org/lexis/771. DOI : 10.4000/lexis.771>.

Wang, E., Yuan, Y. (2018). The Meaning of Polysemous Adjective "Hao(Good)". In: Wu Y., Hong JF., Su Q. (Eds), *Chinese Lexical Semantics. CLSW 2017. Lecture Notes in Computer Science,* (Vol. 10709). Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-319-73573-3_15.

Wáng Yín, shén me shì rèn zhī yǔ yán xué/shàng hǎi shì: shàng hǎi wài yǔ jiào yù chū bǎn shè, 2011 nián, 181 yè [Wang Yin. (2011). *What is cognitive linguistics*. Shanghai Foreign Language Education Press].

Liú Zhèngguāng, yǐn yù de rèn zhī yán jiū — lǐ lùn yǔ shí jiàn/cháng shā shì: hú nán rén mín chū bǎn shè, 2007 nián, 270 yè [Liu Zhengguang. (2007). *The Cognitive Study of Metaphor – Theory and Practice*. Hunan People's Publishing House].

Péng Yùhǎi, é luó sī mín zú wén huà gài niàn fēn xī yǔ jiě dú/běi jīng shì: zhōng guó shè huì kē xué chū bǎn shè, 2020 nián, 472 yè [Peng Yuhai. (2020). *Analysis and Interpretation of the Concept of Russian National Culture.* China Social Sciences Press].

Shù Dìngfāng, yǐn yù xué yán jiū/ shàng hǎi shì: shàng hǎi wài yǔ jiào yù chū bǎn shè, 2000 nián, 267 yè [Shu Dingfang. (2000). *Metaphor Studies.* Shanghai Foreign Language Education Press].

УДК 81.22 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148

Малыгина Елена Валерьевна, Иванова Анна Михайловна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
4cat@mail.ru, conraoi@yandex.ru

Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке

Аннотация
В статье представлен социолингвистический анализ речевых проявлений политкорректности в англоязычном публичном дискурсе в свете его глубокой укоренённости в демократической идеологии. Обзор работ англоязычных и отечественных авторов позволяет отметить ключевые культурные предпосылки феномена языковой политкорректности, а также осветить текущее состояние проблемы. Целью исследования является на ряде примеров из современной академической литературы по теме проиллюстрировать проникновение норм политкорректного речевого поведения во все сферы публичной коммуникации, при этом особое внимание уделяется вопросу о соотношении явлений эвфемии и политкорректности. Опираясь на эмпирические методы исследования, включая целенаправленный сбор теоретической информации по изучаемой проблематике и практического языкового материала, авторы приходят к выводу о неправомерности «перечитывания» канонических или научных текстов через призму норм политкорректности.

Ключевые слова: политкорректность, идеологизация языка, эвфемизмы, идеология вежливости, инклюзивный язык.

© Малыгина Е. В., Иванова А. М. 2021

Для цитирования: Малыгина Е. В., Иванова А. М. Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 140–148. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148.

1. Введение [Introduction]

Возникновение в английском языке обширного пласта политкорректной лексики обусловлено целым рядом социокультурных и идеологических факторов, которые определяют ключевые ценности современной англоязычной картины мира. Важное место в эвфемистической вербализации концептов, связанных с понятиями пола, расы, нации, социального статуса, возраста занимают процессы нивелировки как позитивно-оценочных, так и негативно-оценочных коннотативных компонентов. Так, например, в настоящей момент не только лексемы *poor, ugly* считаются сомнительными с точки зрения политкорректности, но и их антонимы *rich, beautiful.*

Активное распространение в общественных коммуникативных практиках политкорректного словаря является речевым проявлением идеологии политкорректности, под которой вслед за Л. Г. Иониным мы понимаем «идеологию современной массовой демократии, служащую, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой – подавлению инакомыслия и обеспечения идейного и ценностного консенсуса» [Ионин, 2012, с. 53]. В свете этого определения очевидно, что формирование политкорректного языка не сводимо к возникновению отдельных эвфемизмов, замещающих в поле публичной коммуникации лексические единицы, неуместные по этическим или этикетным причинам, а связано со сложными процессами идеологизации языка. Говоря о речевом феномене политкорректности, сле-

дует понимать, что в данном случае мы имеем дело именно с идеологическим языком, сложившимся в определённых социально-исторических, политических и правовых условиях западной демократии. Как отмечает В. Л. Махлин, «политкорректность, какими бы уродливыми карикатурами она ни сопровождалась в условиях завершённой демократии, и какою бы лицемерной она ни казалась иногда нам, – это естественное выражение глубокого инстинкта самосохранения и «здравого смысла именно западного образа жизни (в противоположность нашему инстинкту безоглядности и глубокому тоже инстинкту анархизма) [Махлин, 2009, с. 314]». Действительно, с точки зрения российской ментальности явление языковой политкорректности воспринимается зачастую как иноязычная курьёзность.

О проникновении требования политкорректности во все публичные дискурсы наглядно свидетельствует, например, неожиданные на первый взгляд выражений *politically correct food* (политически корректной считается еда, не содержащая вредных для здоровья веществ и произведённая без ущерба для окружающей среды), *politically correct fashion* (политически корректная мода не должна открыто эксплуатировать женскую сексуальность и насаждать образ болезненно худого тела, как физического идеала), *politically correct medicine* (политически корректная медицина, ориентирована на пересмотр отношения к большому числу пациентов, например, с ментальной инвалидностью (люди с диагнозом шизофрения, болезнь Дауна, аутизм и т. д.) или ожирением, на признание относительной достоверности результатов испытания новых препаратов, протестированных в основном на мужчинах), *politically correct shopping* (предполагает, что индивид воздерживается от покупки товаров, изготовленных из натурального меха или в странах третьего мира с использованием детского труда), *politically correct parenting* (политкорректные родители признают уникальность и независимость своего ребёнка как личности и не препятствуют его попыткам самоопределения, в том числе гендерного), *politically correct bed time story telling* (цензура в отношении детских сказок, направленная, в частности, на минимизацию употребления в них гендерно-специфичных лексем типа *девочка / мальчик*).

В ряде случаев даже самые «невинные» с точки зрения слова могут попадать под цензуру политкорректности из-за своего созвучия с неполиткорректными словами. К. Барридж отмечает, что многие американцы и англичане стараются избегать таких слов как *niggardly, renege*. Несмотря на то, что с табуированным *nigger* эти лексемы не связаны ни семантически, ни этимологически, многие носители языка всё же их не употребляют из-за чисто случайного фонетического созвучия [Burridge, 2014, p. 55]. В мае 2002 года газета *Telegraph* сообщила о том, что британский министр полиции Джон Денем подвергся жёсткой критике за использование в своей речи слова *nitty-gritty*, которое, по мнению руководства, обладает расистским подтекстом, так как якобы отсылает к эпохе работорговли [Steele, 2002]. В современном англоязычном пространстве большое количество слов из семантических полей «гендер», «религия», «национальность», «болезнь» вошло в разряд табуированных.

2. Культурные предпосылки феномена языковой политкорректности [Cultural background of political correctness]

Формирование особого языка политкорректности непосредственно связано с динамикой таких категорий как языковая нормы, табуированность, речевые конвенции. Весьма показательны в этом контексте публичные способы говорения о СПИДе. Если посмотреть, как трансформировался англоязычный популярно-медицинский дискурс о СПИДе, то очевидны две тенденции. Первая связана с детабуизацией физиологизмов. Медийные эвфемизмы, обозначающие физиологические процессы и органы, активно вытесняются прямыми наименованиями: *intimate contact* уступает место *anal*

intercourse, body fluids часто заменяется на *semen, vaginal discharge* [Biddle, 2014, p. 142]. В первую очередь эта детабуизация физиологизмов обусловлена необходимостью максимально точно доносить до читателей информацию о путях заражения. Вторая тенденция, напротив, связана с возникновением новых политкорректных наименований больных. Традиционные *AIDS patients, AIDS sufferers, AIDS victims,* семантика которых включает компонент «пассивность» сейчас всё чаще заменяются более жизнеутверждающими *people with AIDS (PWAs)* и ещё более политкорректным *people living with AIDS (PLWAs)*. Очевидна динамика на актуализацию в дискурсе о СПИДе особого образа пациента, который из пассивного претерпевающего объекта посредством языка трансформируется в активного субъекта, который не страдает, а проживает свою жизнь наравне с другими. Обратим внимание, что в данном случае происходит не только замена существительных с негативным семантическим компонентом (*patient, sufferer, victim*) на обобщающее *people*, в результате чего снимается дискриминирующая оппозиция здоровый-больной, но и сама болезнь начинает позиционироваться не как часть сущности (пусть и биологической) больного, а лишь как атрибут его образа жизни. В наименовании *people living with AIDS* болезнь посредством языка как бы выносится вовне, становясь лишь сопутствующим фактором обычной жизни.

Очевидно, что понятие политической корректности пронизывает все социальные стороны жизни британцев и американцев, порождая особый политкорректный язык. Через язык идеология активно внедряется в повседневную жизнь. На наш взгляд, даже большое число примеров, когда установка на политическую корректность становится объектом комической интерпретации (показателен здесь комедийный поджанр «politically incorrect comedy», в частности, такие популярные шоу и комедийные ситкомы как Politically Incorrect with Bill Maher, South Park, Shameless и др.), свидетельствует о её социально-идеологической значимости.

Однако адекватное понимание этой современной социоязыковой установки предполагает обращение к кругу исторических предпосылок, вне контекста которых трудно понять причины активизации политкорректного лексикона во всех сферах англоязычной публичной коммуникации в XXI столетии. Так, например, анализ связи политкорректности с концептом *politeness* подразумевает обращение к исторической перспективе. О связи норм политкорректного речевого поведения с устоявшимися представлениями о вежливости пишет П. Клотц [Klotz, 1999, p. 156]. Концепция общества, ориентированного на нормы вежливого общения, формируется в Англии в XVII–XVIII веках и во многом обусловлена, с одной стороны, идеологией Просвещения, с другой – формирующимся классом буржуазии.

Характерная для просвещенческой парадигмы идея воспитания, основанного на примате разума над необузданными чувствами, подразумевала новый тип вежливого поведения в отношении всякого человека. Таким образом, социокультурно обусловленная мысль о том, что вежливое отношение должно практиковаться в отношении любого индивида, вне зависимости от его происхождения, заслуг или материального достатка, появляется в европейском культурном сознании задолго до наших дней и восходит к просвещенческому постулату о естественном равенстве всех людей. В XVIII веке развитие промышленности и торговли, повлекшие за собой определённую социальную мобильность, повлекло усложнение социальных интеракций. Вежливость как прагмалингвистическая и этическая установка облегчала общение с незнакомцами и аутсайдерами, которое было неизбежно при росте торговых контактов. Имела она значимость и в сфере политической коммуникации, так как, с одной стороны, позволяла контролировать жаркое противостояние между партиями тори и вигов, не давая ему перерасти в гражданскую войну, с другой стороны, обеспечивала продуктивность увеличившихся интернациональных политических контактов [Fitzpatrick, 2004]. Иными

словами, усложнившаяся к XIX веку система социально-культурных и политических интеракций требовала внедрения новых коммуникативных механизмов регуляции, которые бы обеспечивали относительную стабильность и безопасность в условиях кардинальных экономических и социальных изменений.

Как отмечают П. Браун и С. К. Левинсон, вежливость позволяет осуществить речевое взаимодействие между агрессивно настроенными коммуникантами [Brown, Levinson, 1981]. Подобную же функцию своеобразной стабилизации на вербальном уровне выполняет и языковая политкорректность, ориентированная на сглаживание острых противоречий и различий в мультикультурном пространстве современности и обеспечивающая возможность кооперативного взаимодействия. Очевидно, что чем более гетерогенно, поликонфессионально и мультиэтнично общество, тем заметнее будут проявляться потребности в языковых механизмах, сглаживающих эту многокомпонентность и обеспечивающих возможность кооперации.

Будучи тесно связанной с прагмалингвистической категорией вежливости, языковая политкорректность всё же не сводима к ней. С. Сорлин отмечает, что если возникновение просвещенческой «идеологии вежливости» (*ideology of politeness*) исторически связано с формированием нового класса, то языковая политкорректность не имеет непосредственного отношения к какому-либо конкретному классу общества и связана не с классовой стратификацией, а с концепцией идентичности [Sorlin, 2013, p. 51]. При этом она признаёт, что в определённой мере борьба буржуазии за признание её влиятельным классом может быть сопоставима с борьбой различных меньшинств за признание их идентичности.

3. Политкорректная лексика и установка на эвфемизацию [Ideological language and speech euphemisation]

Говоря о специфике политкорректной лексики как идеологически маркированной, так же следует рассмотреть вопрос о её соотношении с эвфемизмами. Здесь следует отметить, что в целом установка на эвфемизацию – очень характерное именно для английского языка явление, так как в нём на вербальном уровне проявляется типичная для англосаксонской ментальности сдержанность, коммуникативная дистантность и завуалированность коммуникативных интенций. С данной установкой напрямую связано, в частности, требования к эвфемизированному, политкорректному (inclusive) языку в международных журналах, выходящих на английском языке. Так, например, во всех журналах, выходящих в издательстве Elsevier (Великобритания), включая лингвистическое издание Ampersand, в требованиях к публикации указано следующее:

Authors should ensure that writing is free from bias, stereotypes, slang, reference to dominant culture and/or cultural assumptions. We advise to seek gender neutrality by using plural nouns («clinicians, patients/clients») as default/wherever possible to avoid using <…> he / she – 'Авторы должны убедиться, что в материале не содержится какой-либо предвзятости, стереотипов, разговорных словоупотреблений, ссылок на доминирующую культуру или культурно обусловленных предположений. Текст следует сделать максимально гендерно нейтральным за счёт использования существительных во множественном числе («врачи», «пациенты», «клиенты»), а также, везде где возможно, убрать <…> местоимения он / она'.

Само формирование национальной идентичности, «английскости» в XIX столетии протекает в период, когда буржуазия с её особой озабоченностью соблюдением приличий начинает выступать в роли социокультурного основания английского общества. Как отмечает Н. В. Морженкова, английская национальная ментальность во многом складывалась в рамках Викторианской культуры, язык которой «был глубоко

эвфемистичен по своей сути» [Морженкова, 2016, с. 174]. Многие английские выражения, воспринимаемые сегодня как нейтральные, появились в английском языке Викторианского периода именно как эвфемизмы. Так, например, привычное разделение мяса из разных частей тушки животного на *white meat* и *dark meat* образовалось в результате чрезмерной викторианской стыдливости, не позволявшей произносить вслух наименования частей тела типа *leg* и *breast*. Этот пример из прошлого перекликается с предпочтением некоторых современных американцев, тщательно избегающих любого намёка на тему расовых различий, использовать нейтральные фразы *coffee with / without milk вместо white / black coffee.*

В этом контексте возникает вопрос является ли активизация политкорректного словаря в английском языке своеобразным модернизированным продолжением этой имеющей свою историю установки на эвфемизацию, или же, напротив, будет правильнее отграничить политкорректные лексемы от эвфемизмов как чисто идеологическое явление. Данная тема представляется дискуссионной. С одной стороны, словари эвфемизмов [Neaman, Silver, 1993; Ayto, 2000] включают политкорректные выражения в корпус эвфемистической лексики. С другой стороны, в ряде трудов по специфике политкорректного языка выдвигается мысль о том, что эта часть вокабуляра не может включаться в группу эвфемизмов по причине принципиально иной прагматической установки. Если цель использования эвфемизмов заключается в стремлении к иносказательности и завуалированности, то политкорректная лексика, напротив, нацелена на максимально нейтральное, «незамутнённое» оценочностью выражение. Её употребление связано не со стремлением сокрыть и умолчать, а с установкой на непредвзятую объективность [Allan, Burridge, 2006, p. 96]. К. Аллан и К. Барридж в качестве примера приводят слово *chairperson*, утверждая, что в его семантике нет никаких эвфемистических компонентов – здесь мы наблюдаем лишь расширение смыслового объёма, обусловленного внеязыковыми реалиями (расширение социальных полномочий женщин, которые теперь могут выступать в функции председателя) [Allan, Burridge, 2006, p. 96].

В отличие от эвфемизмов, политкорректные слова часто отображают социальные изменения, связанные с обретением социальной идентичности представителями различных ранее маргинализированных групп. Новый социальный статус влечёт за собой проблему наименования; многие политкорректные лексемы представляют собой наименования, направленные на упразднение дискриминации по какому-либо признаку. Так, например, слова *married* и *de facto spouse* (гражданский супруг) означают легализованные отношения, тогда как лексема *partner* шире по значению и позволяет снять дискриминирующее разграничение отношений на более и менее валидные с точки зрения закона. Лексема *partner* нейтральна и с точки зрения гендера и сексуальных преференций.

К. Аллан и К. Барридж полагают, что нежелание многих исследователей видеть в политкорректном языке эвфемистические интенции связано с осторожным и неоднозначным отношением современных западных лингвистов к самому термину «эвфемизм», который зачастую ассоциируется с лицемерной демагогией и «одурманивающим» сокрытием истинного смысла, в результате которых *dying* трансформируется в *terminal living, killing* в *unlawful deprivation of life, potholes* в *pavement deficiencies* [Allan, Burridge, 2006, p. 98]. Таким образом, за эвфемистической речью часто стоит желание говорящего завуалировать истину, что ставит адресата речи в «слабую» и неравную позицию патронируемого, несовместимую с самой природой недискриминирующего языка политкорректности.

В этом контексте интересным представляется мнение К. Аллан и К. Барридж, полагающих, что само стремление противопоставить политкорректную лексику эвфемизмам, или, напротив, рассматривать их как полные синонимы, ведёт к упрощенному пониманию самого речевого явления политкорректности, которое неизбежно в силу

своей связи политико-идеологической природы всегда будет одновременно и эвфемистичным и дисфемистичным [Allan, Burridge, 2006, p. 99]. Так, например, одна из самых первых попыток политкорректно назвать неразвитые страны в постколониальном западном дискурсе связана с появлением эвфемистического выражения *backward countries*. Однако, эвфемистический потенциал этого выражения был столь слаб и неочевиден, что уже в 1950–60-ые годы, когда происходит углубление понимания постколониальной проблематики, оно начинает восприниматься уже скорее, как дисфемизм и постепенно заменяется на *underdeveloped, less developed, lesser developed, developing, emerging, emergent countries*. Очевидно, что в результате внедрения в речевую практику нового политкорректного наименования, предыдущие единицы на фоне этой взрастающей политкорректности начинают восприниматься как содержащие определённый момент дисфемичности.

4. Библия, классики и политкорректный язык [The Bible, classical authors and politically correct language]

В завершении разговора о политкорректности как о ключевой тенденции языковой политики на Западе можно затронуть и ещё один значимый вопрос, связанный с попытками политкорректного прочтения значимых «неполиткорректных» текстов западной культуры. Особенно показательна идея переписать Библию с учётом норм политкорректности и гендерной инклюзивности – в 2005 году издательством Biblica была выпущена новая версия протестантской Библии (The New International Version), вызвавшая волну споров и жарких дискуссий о правомерности подобных адаптаций. Например, с целью сгладить гендерное неравноправие и придать тексту гендерную нейтральность в современных вариантах Библии фраза *sons of God* заменена на *children of God, brethren* – на *brothers and sisters, forefathers* – на *ancestors*, *virgin* – на *young woman, thy brother's eye* – на *your friend's eye* и т.д. Текст The New International Version вызвал не только бурное публичное обсуждение, но и множественные попытки пародирования политкорректной практики переписывания «патриархальных» текстов. Иллюстративна в этой связи «Политкорректная библия» Р. Прайса, пародирующая инклюзивный язык выше обозначенного издания [Price, 2013]. Доведя идею языковой инклюзивности до пародийного абсурдного предела, Р. Прайс создаёт текст, говорящий с читателем на языке политкорректных клише – например, библейский рассказ о сотворении человека он пародийно «выхолащивает» через перечисление, что созданные Богом первые двое разнополых людей вмещали себя все существующие под небом цвета кожи, были гомосексуальными и гетеросексуальными. Тем не менее, несмотря на критику, в текстах современных англо-американских версий Библии всё большее число лексических и фразеологических единиц заменяется политкорректными вариантами [Михайлова, 2019 ; Хухуни, Осипова 2021].

В контексте разговора о влиянии феномена политкорректности на рецепцию современного западного читателя, следует отметить и дискуссию, развернувшуюся вокруг вопроса о том, как следует читать и интерпретировать канонические тексты художественной литературы прошлых литературных эпох, большинство из которых не отвечают современным требованиям политкорректности. В «чёрный» список попали произведения, например, таких авторов, как Р. Киплинг, М. Твен, Дж. Конрад. Показательна в этой связи статья Ч. Ачеб с говорящим названием «Образ Африки: расизм в «Сердце тьмы» Дж. Конрада» [Achebe, 2016]. Автор статьи открыто заявляет, что не считает возможным причислять этот роман, в котором чернокожие именуются *niggers*, к великим произведениям литературы, так как в нём Африка и её обитатели изображаются через призму девальвации и дегуманизации. Он обвиняет классика британской литературы Дж. Конрада в «вульгарных предрассудках» и в попытках подвергнуть сомнению саму человеческую сущность чернокожего населения. Среди литературоведов и преподавателей литературы

подобный редукционистский подход к интерпретации литературы колониального периода часто критикуется за его неисторичность и однобокость, в результате которых вне поля зрения читателя остаётся богатое содержание и художественная специфика текста. Однако показательна сама необходимость подобного оправдания великих классиков, бывших людьми своих временных эпох со всеми их противоречивостями.

5. Выводы [Conclusion]

В свете вышесказанного очевидно, что феномен речевой политкорректности обусловлен развитием сложной системы идеологических ценностей демократического социума, краеугольными основаниями которого являются такие понятия, как равноправие и уважение. Сторонники политической корректности утверждают, что политкорректный язык является основным инструментом предотвращения социальной дискриминации в отношении обездоленных групп лиц, пусть даже за счёт введения цензуры, игнорирования объективной истины и научных фактов [Dzenis, Faria 2020]. В рамках публичной коммуникации установка на политкорректный язык служит снижению конфликтности и гармонизации коммуникативного взаимодействия. Однако попытки перенести нормы речевой политкорректности на тексты, созданные в иные исторические эпохи, а также научную литературу, осложняет (или делает невозможной) коммуникацию между текстом и читателем.

Список литературы

Ионин, 2012 – Ионин Л. Г. Политкорректность: дивный новый мир М. : Ад Маргинем, 2012. 110 с.

Махлин, 2009 – Махлин В. Л. Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М. : Знак, 2009. 632 с.

Михайлова, 2019 – Михайлова Е. М. Политкорректность в англоязычных библейских и коранических текстах // Гуманитарные чтения «Севастопольская гавань» : материалы науч.-практич. конф. Севастополь, 20–21 сентября 2019 г. / под ред. Е. А. Барминой. Севастополь : СГУ, 2019. С. 41–45.

Морженкова, 2016 – Морженкова Н. В., Черепащук П. Д. Эвфемизация образов смерти в викторианском дискурсе // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2016. № 2. С. 174–180.

Хухуни, Осипова, 2021 – Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Гендерная политкорректность в переводах Библии // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. Вып. 3 : Лингвокогнитивные модусы в парадигме общегуманитарного знания. М. : Университетская книга, 2021. С. 33–36.

Achebe, 2016 – Achebe Ch. An Image of Africa: Racism in Conrad's Heart of darkness // The Massachusetts Review. 2016. № 57 (1). P. 14–27.

Allan, Burridge, 2006 – Allan K., Burridge K. Forbidden words: Taboo and the censoring of language. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 314 p.

Ayto, 2000 – Ayto J. A dictionary of euphemisms. London : Bloomsbury Press, 2000. 332 p.

Biddle, 2014 – Biddle N., Conte L., Diamond E. AIDS in the media: Entertainment or infotainment // AIDS: Effective health communication for the 90s. London ; New York : Routledge, 2014. P. 142–150.

Brown, Levinson 1987 – Brown P., Levinson S. C. Politeness: Some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Burridge, 2014 – Burridge K. Weeds in the garden of words: Further observations on the tangled history of the English language. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 208 p.

Dzenis, Faria, 2020 – Dzenis S., Faria F. N. Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism // Philosophia. 2020. N 48. P. 95–114.

Fitzpatrick, 2004 – Fitzpatrick M. The enlightenment world. London ; New York : Routledge, 2004. 714 p.

Klotz, 1999 – Klotz P. Politeness and political correctness: Ideological implications // Pragmatics. 1999. № 9:1. P. 155–161.

Neaman, Silver, 1991 – Neaman J. S., Silver C. G. Kind words: A thesaurus of euphemisms. New York : Avon Books, 1991. 409 p.

Price, 2013 – Price R. The politically correct Bible. eBookIt.com, 2013. 194 p.

Sorlin, 2013 – Sorlin S. The power of impoliteness: A historical perspective // Aspects of linguistic impoliteness. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 46–59.

Steele, 2002 – Steele J. Nitty gritty is not PC minister. URL : http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1394248/Nitty-gritty-is-not-PC-minister.html, (дата обращения : 14.06.2020).

UDC 81.22 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148

Elena V. Malygina, Anna M. Ivanova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
4cat@mail.ru, conraoi@yandex.ru

Sociolinguistic aspects of political correctness in English

Abstract

The paper examines the issue of political correct (PC) language as deeply rooted in a set of values and beliefs of the Anglo-American democratic ideology. The review of foreign and Russian-language literature enables to specify key cultural prerequisites of the PC phenomenon and shed light on the current state of the problem. We aimed to use a number of examples from academic literature to describe the factors contributing to the popularity of politically correct vocabulary in all spheres of public communication with the focus on different approaches to the euphemistic nature of PC expressions. Empirical research methods were used including targeted selection of theoretical information on the studied issue and practical language material to study the controversial issue of interpretation and rereading of canonical texts through the lens of political correctness. The conclusion was made that classical and academic literature should not be subjected to the current PC rhetoric and ideology.

Keywords: political correctness, ideological language, euphemisms, ideology of politeness, inclusive language.

© Malygina E. V., Ivanova A. M. 2021

For citation: Malygina, E. V., Ivanova, A. M. Sotsiolingvisticheskie parametry formirovaniya politicheskoy korrektnosti v angliyskom yazyke [Sociolinguistic aspects of political correctness in English]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 140–148. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_140_148.

References

Ionin, L. G. (2012). *Politkorrektnost': divnyy novyy mir* [Political correctness: The brave new world]. Moscow : Ad Marginem Press.

Makhlin, V. L. (2009). Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoj epistemologii [Second conscience: Steps towards humanitarian epistemology]. Moscow : Znak Press.

Mikhailova, E. M. (2019). Politkorrektnost v angloyazychnykh bibleyskikh i koranicheskikh tekstakh [Political correctness in English-language biblical and quranic texts]. In E. A. Barmina (ed.), *Gumanitarnyye chteniya "Sevastopolskaya gavan"* [Humanitarian readings "Sevastopol Harbor"]: Conf. Proc. Sevastopol, September 20–21, 2019 (pp. 41–45). Sevastopol : Sevastopol State University Press.

Morzhenkova, N. V., Cherepashchuk, P. D. (2016). Evfemizaciya obrazov smerti v viktorianskom diskurse [Euphemization of death in Victorian discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2, 174–180.

Khukhuni, G. T., Osipova A. A. (2021). Gendernaya politkorrektnost v perevodakh Biblii [Gender Political Correctness in Bible Translations]. *Yazyk. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]: Collection of scientific papers (Vol. III : Linguo-cognitive codes in the paradigm of human sciences, pp. 33–36). Moscow : Univesitetskaya Kniga Press.

Achebe, Ch. (2016). An image of Africa: Racism in Conrad's Heart of darkness. *The Massachusetts Review*, 57 (1), 14–27.

Allan, K., Burridge, K. (2006). F*orbidden words: Taboo and the censoring of language*. Cambridge : Cambridge University Press.

Ayto, J. (2000). *A dictionary of euphemisms.* London : Bloomsbury Press.

Biddle, N., Conte, L., Diamond, E. (2014). *AIDS in the media: Entertainment or infotainment. AIDS: Effective health communication for the 90s* (pp. 142–150). London ; New York : Routledge Press.

Brown, P., Levinson, S. C. (1987). *Some universals in language usage.* Cambridge : Cambridge University Press.

Burridge, K. (2014). *Weeds in the garden of words: Further observations on the tangled history of the English language.* Cambridge : Cambridge University Press.

Dzenis, S., Faria, F. N. (2020). Political Correctness: The Twofold Protection of Liberalism. *Philosophia*, 48, 95–114.

Fitzpatrick, M. (2004). *The enlightenment world.* London ; New York : Routledge Press.

Klotz, P. (1999). Politeness and political correctness: Ideological implications. *Pragmatics*, 9 (1), 155–161.

Neaman, J. S., Silver, C. G. (1991). *Kind words: A thesaurus of euphemisms.* New York : Avon Books.

Price, R. (2013). *The Politically Correct Bible.* eBookIt.com.

Sorlin, S. (2013). The power of impoliteness: A historical perspective. *Aspects of linguistic impoliteness* [pp. 46–59]. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing.

Steele, J. (2002). *Nitty gritty is not PC minister.* Retrieved June 14, 2020 from <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1394248/Nitty-gritty-is-not-PC-minister.html>.

УДК 81'37 ; 81'42 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160

Морозова Алевтина Николаевна, Тюрина Ольга Александровна
Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара, Российская Федерация
tyurina@sgspu.ru, morozova@pgsga.ru

Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика

Аннотация
Идея власти играет важнейшую роль в политической коммуникации в целом и в американской политической коммуникации в частности. В статье представлены результаты исследования ключевого для политической коммуникации термина-концепта «power», актуализированного в политическом дискурсе. Экспериментальным материалом послужили публичные выступления двух американских президентов – Барака Обамы и Дональда Трампа – в период с 2004 по 2019 гг. Анализ высказываний политиков по таким параметрам, как реализуемый в речи лексико-семантический вариант слова *власть*, коллигационные (морфосинтаксические) и коллокационные (лексико-фразеологические) условия реализации слова, тактико-стратегическая организация речи, позволил выделить и описать характерные дискурсивные особенности вербализации идеи власти в речах политиков. В результате выявлено, что для дискурса Б. Обамы характерны интеграционная, информационная и агональная стратегии, а для дискурса Д. Трампа свойственны агональная и интеграционная стратегии. Были определены инвариантные и вариативные морфосинтаксические и лексико-фразеологические характеристики концепта «power», реализуемые в трёх номинативно-производных значениях лексемы – 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people'. К инвариантным отнесены использование лексики, репрезентирующей американские ценности, и ряд тропов.

Ключевые слова: политический дискурс, вербализация концепта «власть», тактико-стратегическая организация речи, инвариантные и вариативные характеристики.

© Морозова А. Н., Тюрина О. А. 2021

Для цитирования: Морозова А. Н., Тюрина О. А. Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 149–160. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160.

1. Введение [Introduction]

Одним из основных направлений в исследовании политического дискурса является рассмотрение концептуального мира политики в части языковых средств его репрезентации. Современная лингвистическая литература содержит богатейший материал, касающийся соотношения концептуальной и языковой картин мира в общественно-политической реальности. Концепты, представленные в политическом дискурсе, осмысляются в контексте политической онтологии, идеологии и аксиологии, в аспекте дискурсообразующих единиц, определяющих содержательно-тематическое ядро и жанровую специфику политической коммуникации [Шехтман, 2005, с. 24]. Методологически оправданным для языковедческого анализа можно считать подход, при котором объектом изучения становится не культурный концепт как таковой, а «дискурс как сфера его бытования» [Шейгал, 2002, с. 227]. В этом случае внимание исследователя направляется прежде всего на выявление и описание языковых единиц, выступающих средством реализации концепта.

Исследования, проводимые в данном направлении, ориентируются на имя концепта, которое, в свою очередь, подвергается анализу в плане смысловой структуры слова, парадигматических и синтагматических связей с другими лексическими единицами, контекстуально и социокультурно обусловленных особенностей реализации. По сути, имя концепта – это ключевое слово, наиболее полно отражающее номинируемое понятие и выступающее «лингвистическим аналогом модели предметной области» [Шейгал, 2002, с. 47], которая кодируется в сознании и способствует пониманию сообщения и метасообщения, заключённого в речевом произведении. В политическом дискурсе ключевые слова приобретают особую важность, поскольку речь политика отражает позицию не только говорящего, но и политического института или страны, которую представляет автор сообщения.

Борьба за власть как основа политической коммуникации определяет тот факт, что центральное место в концептуальной области политической онтологии отводится концепту, номинируемому в английском языке как «power». Вопрос о соотношении языка и власти традиционно рассматривается в лингвистической литературе в единстве двух аспектов: с позиции концептуализации власти языком и в плане того, как власть проявляется через язык. Неудивительно, что последний аспект в настоящее время является особенно актуальным. Т. А. ван Дейк говорит о том, что в современном обществе контроль за публичным дискурсом, а также доступ к «власти дискурса», т. е. возможности создавать и изменять дискурс, транслируемый посредством СМИ и других массовых вербальных каналов, является необходимым условием реализации политической власти [van Dijk, 2008, p. 26–28]. Поэтому, большое количество работ лингвистов, как в России, так и за рубежом, посвящено изучению того, как в политическом дискурсе влияние на аудиторию осуществляется посредством языка [Шейгал, 2000, 2002 ; Иванова, 2010 ; Левенкова, 2011 ; van Dijk, 2008 ; Bataineh, 2019 ; Moody, Zohreh, 2020 ; Nisar et al., 2020 ; Salayo, 2020], в том числе с использованием таких тактик, как указания на факты из жизни политика, обещания, многословие и других; таких стилистических приёмов, как повторы, гипербола, метафора, метонимия, сравнения; частотных словообразовательных моделей, например, номинализации (=субстантивации) и так далее.

Алгоритм рассмотрения вопроса реализации власти через язык сформулирован Е. И. Шейгал, указав на необходимость обращения к лексикографической интерпретации имени концепта, его синонимическим связям, образным переосмыслениям, ассоциативным реакциям, сочетаемости, паремиологии [Шейгал, 2000, с. 93, 94].

Семантика термина-концепта «power» получила в лингвистической литературе достаточно полное описание. Показано, что, в отличие от русского языка, в котором лексема *власть* этимологически связывается с обладанием, смысловым инвариантом значений лексемы *power* является компонент *ability* 'способность, возможность' [Левенкова, 2011 с. 78, 79]. Для политической коммуникации значимы: 'власть как господство, полномочия' (*control, authority*); 'власть как возможность, способность' (*ability*); власть как 'сила, мощь' (*strength, might*); власть как 'держава' (*country*) [Левенкова, 2011, с. 79, 80]. Семантические компоненты, выделенные на основе дефиниционного анализа, дополняются списком контекстуально обусловленных значений [Иванова, 2010, с. 10, 11]. Интерпретации семантической структуры слова, предлагаемые разными исследователями, различаются. В частности, отдельные авторы исключают такое значение, как «должностные лица, наделённые властными полномочиями» [Чиронова, 2003, с. 1725, 1726]. Очевидно, что расхождения в составе и содержании выделяемых лексико-семантических вариантов связаны с извечными трудностями, возникающими при описании лексического значения как воплощения сложнейшего соотношения понятия, слова и смысла, понятийной и языковой картины мира, выявления особенностей «жизни» слова, в котором отражено данное понятие [Самадов, 1992, с. 6, 7]. Раскрытие семантики слов, выра-

жающих абстрактные понятия (к числу которых относится слово «power»), сопряжено с большими сложностями по сравнению со словами, у которых есть эквиваленты в неязыковых семиотических системах, и тех, которым соответствуют непосредственно наблюдаемые референты [Шехтман, 2005, с. 45].

Актуальным представляется рассмотрение ключевого для политической коммуникации термина-концепта с учётом специфики его реализации в речевых актах разных политических деятелей. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить особенности реализации ключевого для политической коммуникации термина-концепта «power» в речевых актах двух американских президентов с учётом целевой установки высказывания и избираемых стратегий и тактик.

Нами была сформулирована гипотеза о том, что инвариантные и вариативные характеристики тактико-стратегической организации политических речей двух президентов в значительной степени определяются способами вербализации концепта власти через лексическую единицу *power*, параметрами описания которой целесообразно считать 1) реализуемый тип лексического значения; 2) коллигационные и коллокационные характеристики синтагм; 3) семантические связи слова с лексическими единицами, входящими в текстовый фрагмент; 4) риторические приёмы, обеспечивающие реализацию функции воздействия.

2. Дискурсивные особенности вербализации идеи власти: Б. Обама и Д. Трамп [Verbalizing the idea of power in the discourse: B. Obama and D. Trump]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для анализа послужили публичные речи Барака Обамы и Дональда Трампа, произнесённых в период с 2004 по 2019 гг. Всего было проанализировано 70 стенограмм речей президентов: 36 речей Б. Обамы [American Rhetoric, 2020] и 35 речей Д. Трампа [Factbase, 2020]. Материалом для анализа послужили отобранные методом сплошной выборки 124 текстовых фрагмента, включающих лексическую единицу power. Анализ материала осуществлялся методами лексико-семантического, синтагматического и сопоставительного анализа. В основу анализа положены следующие параметры: 1) реализуемый лексико-семантический вариант слова; 2) коллигационные (морфо-синтаксические) и коллокационные (лексико-фразеологические) условия реализации слова; 3) коммуникативные стратегии и тактики, избираемые политиком в речевом акте.

Обращение к коллигационным и коллокационным характеристикам синтагм как необходимое условие раскрытия семантики слова для рассматриваемого материала приобретает особое значение в связи с тем, что ни в одном из анализируемых речевых произведений не зарегистрировано использование данной лексемы в качестве самостоятельного члена предложения. Считая тактико-стратегический подход плодотворным методом исследования политической коммуникации, мы избираем типологию, согласно которой политический дискурс включает: 1) информационную стратегию, реализующуюся посредством документирующей тактики, тактики авторитетного источника и тактики автоцитации; 2) интерпретационно-ориентационную стратегию (идентифицирующая, проективная, дидактическая тактики и тактика предостережения); 3) агональную стратегию (тактики дистанцирования, критики, обвинения и угроз); 4) интеграционную стратегию (инспиративная, фатическая тактики и тактика сплочения); 5) побудительную стратегию, которая реализуется через призывную и прескриптивную тактики [Левенкова, 2011, с. 264].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Теоретически семантика слова *power* может быть охарактеризована с позиции трёх сфер, выделяемых в понятийной картине мира: 1) то, что непосредственно дано человеку в опыте; 2) то, что входит в опыт человека с развитием общества и общественных отношений; 3) то, что входит в опыт человека с развитием науки и техники [Левенкова, 2009, с. 52]. Однако прагматика и семантика политического дискурса определяют тот факт, что лексико-семантические варианты, репрезентирующие понятийные области, связанные как с данным априори, так и с физическим и научно-техническим опытом человека, в публичных речах политиков не представлены.

Итак, сфера общества и общественных отношений в словарной единице *power* реализуется в таких значениях, как: 1) authority, possession, control; 2) strength, force; 3) state or influential people; 4) ability to do or act. В то же время последнее из значений, которое можно считать, в отличие от других, номинативным (а не номинативно-производным), вряд ли является значимым для реализации концепта. Во-первых, это значение зарегистрировано в составе коллигационно и коллокационно ограниченных, клишированных фраз (*to be in one's power,* 'быть в чей-то власти'; *do everything in one's power to* + V, 'сделать всё возможное'). Во-вторых, оно оказывается тесно связанным со значением «strength»: возможность свершения действия определяется силой, и наоборот.

Коллигационной ограниченностью отличается и реализация значения «country»: оно зафиксировано только в атрибутивных синтагмах с препозитивным прилагательным (Adj + N): *major powers* 'великие державы', *super powers* 'сверхдержавы', *a colonial power* 'колониальная власть', *assertive powers* 'страны-агрессоры', *revisionist power* 'ревизионистское государство', *rival powers* 'страны-соперники' и т. д. В речах Б. Обамы данное значение зафиксировано в составе высказываний, реализующих интеграционную стратегию через инспиративную и фатическую тактики. На языковом уровне это проявляется в использовании разговорной лексики, простых синтаксических структур, слабых форм служебных глаголов:

This is a deal between Iran, the United States of America, and the major ***powers*** *in the world – including some of our closest allies. If Congress kills this deal – not based on expert analysis, and without offering any reasonable alternative – then it's the United States that will be blamed for the failure of diplomacy* (B. O. Statement on Historic Nuclear Agreement with Iran. – April 2, 2015) – 'Это договорённость между Ираном, Соединёнными Штатами и основными мировыми ***державами*** – включая наших ближайших союзников. Если Конгресс разрушит эту договорённость – основываясь не на экспертном анализе, и даже не предлагая разумную альтернативу – тогда именно США окажутся виноватыми в провале дипломатии'[1].

Для высказываний Д. Трампа характерно выстраивание речевого акта в соответствии с агональной стратегией, реализуемой посредством тактики дистанцирования. Достаточно чётко прослеживается оппозиция «свои – чужие», противопоставление Америки с присущими ей качествами (*American influence* 'влияние Америки', *values* 'ценности', *wealth* 'богатства', *independence* 'независимость') противникам, которые угрожают безопасности и процветанию страны (*rogue regimes* 'преступные режимы', *terrorism* 'терроризм', *revisionist powers* 'ревизионистские власти'). Так, в речи о политике национальной безопасности Д. Трамп называет Россию и Китай силами, которые ставят под угрозу американские ценности:

We also face rival ***powers****, Russia and China, that seek to challenge American influence, values, and wealth.* (D. T. Speech on National Security Policy. – December 18, 2017.) – 'Мы также сталкиваемся с нашими ***государствами***-соперниками, Россией и

1 Здесь и далее перевод наш.

Китаем, которые стремятся поставить под сомнение американское влияние, ценности и богатства'.

Противопоставляя Америку другим государствам, которые, по его убеждению, являются противниками политического курса и ценностей Американского государства, политик интенсивно использует лексику с мелиоративной коннотацией, экспрессивность которой усиливается благодаря многочисленным фонетическим, лексическим и синтаксическим повторам[2]. Здесь приведём пример фонетического повтора:

To make the world safer from ***r****ogue* ***r****egimes, te****rr****orism, and* ***r****evisionist* ***power****s, we are asking our friends and allies to invest in their own defenses and to meet their financial obligations* (D. T. Addresses the World Economic Forum. – January 26, 2018) – 'Чтобы уберечь мир от преступных режимов, терроризма и ***власти*** ревизионистов, мы просим наших друзей и союзников вкладывать в оборону своих стран и выполнять свои финансовые обязательства'.

Заметим, что приём противопоставления используется и Б. Обамой. Так, в речах 2012 года найдены следующие примеры: *growth – slow – grow* 'рост – медленный – быстрый', *tyranny – liberty* 'тирания – свобода', *going back – moving forward* 'возвращаться – идти вперёд', *joke – threat* 'шутка – угроза' и ряд других [Kazemian, Hashemi, 2014, p. 1183]. По нашим данным, в отличие от противопоставления в речах Трампа, у Обамы объектами противопоставления выступают не государства, а события, процессы, временные периоды: мирный договор и война, ядерная программа и переговоры, прошлое и настоящее и т. д.

В значении '*strength*' лексическая единица *power* реализуется в субстантивно-предложных словосочетаниях атрибутивного типа: *power* + of (in) + N. Общей особенностью речей двоих президентов является то, что в данном значении *power* употребляется в сочетаниях со словами, имеющими общую семантику американских ценностей: *power of persistence / hope / freedom / democracy / ideals* – 'сила упорства, надежды, свободы, демократии, идеалов'. Очевидно, здесь можно говорить о субстантивной конструкции как типичном способе выражения реляционного аспекта власти [Самадов, 1992, с. 100], когда сила выступает в качестве субъекта по отношению к абстрактным понятиям, состав которых ограничен качествами (в высшей степени положительными), присущими стране в целом или отдельным аспектам американской жизни.

В то же время реализация слова в данном значении гораздо более характерна для Б. Обамы (число примеров более чем в два раза превышает количество реализаций данного значения в речах Д. Трампа). Типичными компонентами синтагм являются такие единицы, как *democracy* 'демократия', *wisdom* 'мудрость', *ideals* 'идеалы', *freedom* 'свобода', *unity* 'единство', *progress* (*persistence*) 'прогресс (упорство)', *hope* 'надежда', *military force* 'военные силы', например:

Enduring power of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope (B. O. President-Elect Victory Speech. – November 4, 2008) – 'Прочная сила наших идеалов: демократии, свободы, возможностей и незыблемой надежды'.

Идея величия американских идеалов – *the great American ideal* – и вера в то, что процветание нации зависит от следования этим идеалам, свидетельствуют о глубокой убеждённости политика в том, что человек сам управляет своей судьбой и именно благодаря этому факту Америка является «страной возможностей»:

---

[2] Эта тактика как характерная для Д. Трампа, отмечена в работе [Nisar et al., 2020] на материале двух речей 2019 года, в которых выявлены многократные повторы отдельных слов (напр., личных местоимений *I, we, they*, слов *patriotism, freedom, loyalty*) и фраз (напр., *I do whatever I want* 'Я делаю, что хочу', *I'm here…* 'Я здесь… ' (указана цель/миссия), *I could win* 'Я мог/смог/смог бы выиграть', Great nation 'великая нация' и др.). Как видно, многие эти единицы содержат значения власти.

We should all take pride in the fact that we once again displayed for the world the ***power*** *of our democracy, and reaffirmed that the great American ideal that this is a nation where anything is possible* (B. O. First President-Elect Weekly Transition Address. – November 8, 2008) – 'Мы все должны гордиться тем фактом, что однажды мы продемонстрировали миру ***силу*** нашей демократии и вновь подтвердили, что великий американский идеал – это нация, где всё возможно'.

Для выражения идеи неограниченных возможностей своей страны Б. Обама избирает информационную стратегию, которая реализуется посредством тактики авторитетного источника, в частности, путём отсылки к мечте отцов-основателей, «американской мечте» о процветающей нации.

If there is anyone out there who still doubts that America is a place where all things are possible; who still wonders if ***the dream of our founders is alive in our time****; who still questions the* ***power*** *of our democracy: Tonight is your answer* (B. O. President-Elect Victory Speech. – November 4, 2008) – 'Есть ли здесь кто-нибудь, кто по-прежнему сомневается, что Америка – это место, где всё возможно; и те, кто всё ещё не уверен, ***жива ли мечта наших отцов-основателей***; и те, кто ставит под сомнение ***силу*** нашей демократии?'

В данном примере словосочетание *the dream of our founders* 'мечта отцов-основателей' является контекстуальным синонимом к слову *democracy*, которое символизирует базовую ценность американского общества. Тем самым подчёркивается важность демократии как основы существования нации, поскольку принципы демократии берут своё начало во временах основания Американского государства. Среди базовых ценностей, которые Б. Обама выделяет как важные элементы ценностной системы американской нации, демократия играет наиболее важную роль и, следовательно, имеет самую высокую частотность номинирования как через лексическую единицу *democracy*, так и через контекстуальные синонимы (*the great American* ***ideal****, destiny is written by us, dream of our fathers* – 'великий американский идеал, предначертанная нам судьба, мечта наших отцов-основателей'). Среди других номинируемых ценностей – *liberty* 'свобода', *opportunity* 'возможность', *unyielding hope* 'незыблемая надежда', *our military and law enforcement* 'наш военный потенциал и законодательство', *persistence (progress)* 'упорство (прогресс)', *unity* 'единство' (*your voices,* ***united*** *in song* – 'голоса сливаются в единую песнь'), *sense of common purpose* 'чувство общей цели' (*millions of voices calling for change* – 'миллионы голосов, требующих перемен').

Отсылка ко временам основания Американского государства у Б. Обамы встречается также в форме цитирования. Так, в речи, произнесённой по случаю Национального съезда Демократической партии, Б. Обама цитирует Декларацию о независимости:

Tonight, we gather to affirm the greatness of our Nation – not because of the height of our skyscrapers, or the ***power*** *of our military, or the size of our economy. Our pride is based on a very simple premise, summed up in a declaration made over two hundred years ago: We hold these truths to be self-evident, that* ***all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain inalienable rights, that among these are Life, Liberty and the pursuit of Happiness*** (B. O. 2004 Democratic National Convention Keynote Address. – July 27, 2004) – 'Сегодня мы собрались, чтобы ещё раз показать величие нашей нации – не высотой небоскрёбов, не ***силой*** нашей армии, не количеством наших ресурсов. Наша гордость основана на очень простом утверждении, сформулированном в декларации, написанной более двухсот лет назад: Мы исходим из той самоочевидной истины, что ***все люди созданы равными и наделены их Творцом определёнными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью***'.

Ориентируя слушателей на следование ценностям, которые были заложены во времена основания Америки, и, интерпретируя современную политическую ситуацию в контексте базовых ценностей американского общества, президент использует идентифицирующую тактику в рамках интерпретационно-ориентационной стратегии.

Интересным представляется пример, в котором *power* встречается в контексте со словами *military* 'вооружённые силы / военный потенциал' и *law enforcement* 'силы закона / правоохранительные органы', выражающими понятия, тематически не связанные с идеалами демократического государства:

To succeed, we must pursue a new strategy that skillfully uses, balances, and integrates all elements of American ***power****: our military and diplomacy; our intelligence and law enforcement; our economy and the* ***power*** *of our moral example* (B. O. Nomination of Key National Security Team Members. – December 1, 2008) – 'Чтобы преуспеть, мы должны выработать новую стратегию, которая использует, сочетает и позволяет применить на практике все составляющие Американской ***мощи***: наш военный потенциал и дипломатию; нашу разведку и правоохранительные органы; нашу экономику и ***силу*** нашего морального примера'.

Тем не менее, контекст показывает, что военная мощь и сила закона тоже связаны с величием американской нации, так как эти аспекты американской жизни обеспечивают основные ценности американского общества – свободу, демократию, труд и т. д. При этом использование в ряду синонимически связанных однородных членов словосочетания *moral example* ставит нормы морали на одну ступень с законами и военной силой, обозначая следование моральным нормам и идеалам как ценность американского общества, обеспечивающую процветание нации.

Во многих текстовых фрагментах важную роль играет идея сплочения – сплочения американской нации, администрации Б. Обамы, служащих на государственных постах во имя процветания Америки. В качестве средства выражения идеи единства президента и нации Б. Обама зачастую использует местоимение *we*. С его помощью первый в истории Америки президент афроамериканского происхождения подчёркивает своё единство с народом, а также общность всей американской нации, для которой характерно смешение людей разных национальностей и рас, а равенство всех граждан, независимо от их этнического происхождения, является одной из базовых ценностей общества. Для реализации этой идеи Б. Обама использует интегративную стратегию, которая реализуется через две тактики: инспиративную и тактику сплочения:

We should all take pride in the fact that we once again displayed for the world the ***power*** *of our democracy, and reaffirmed that the great American ideal that this is a nation where anything is possible* (B. O. First President-Elect Weekly Transition Address. – November 8, 2008) – 'Мы должны гордиться тем фактом, что мы снова показываем миру ***силу*** нашей демократии, и снова доказываем, что великий Американский идеал заключён в том, что Америка – это страна возможностей'.

Особое внимание, которое президент уделяет выражению гордости за величие Америки и силу американских идеалов, находит отражение в избираемых языковых средствах: экспрессивно-эмоционально-оценочной лексике, метафорах, лексических повторах и синтаксическом параллелизме:

And to all those who have wondered if America's beacon still burns as bright: Tonight we've proved once more that the true strength of our nation comes not from the might of our arms or the scale of our wealth, but from the enduring ***power*** *of our ideals: democracy, liberty, opportunity, and unyielding hope* (Там же) – 'И ко всем, кто сомневался, горит ли ещё Американский маяк так же ярко: Сегодня мы снова доказали что настоящая сила нашей нации исходит не из военной мощи или наших богатств, но из прочной ***силы*** наших идеалов: демократии, свободы, возможностей и незыблемой надежды'.

Нетрудно заметить, что общий эмоциональный тон и патетическая риторика фрагментов, реализующих идею силы и мощи государства, контрастируют со стилистикой высказываний, в которых слово *power* у этого оратора выступало в значении 'country'.

В выступлениях Д. Трампа, как уже отмечалось выше, реализация лексической единицы *power* в значении 'strength' имеет меньшую частотность по сравнению с речами Б. Обамы, а единственной используемой стратегией (в отличие от выступлений Б. Обамы, где представлен широкий спектр стратегий и тактик) становится интеграционная стратегия, реализуемая через инспиративную тактику. Отождествляя деятельность республиканской партии (которая изначально создавалась как оппозиционная демократам партия противников рабства) с процветанием Америки, Д. Трамп апеллирует прежде всего к ценности свободы.

And if we stand together and choose ***freedom****, our future will be brighter.* ***Freedom*** *will bring back jobs and raise wages.* ***Freedom*** *will lift people out of dependency to the dignity of work. We can do this. 47 years ago, to this day, America put the very first man on the moon. That was the* ***power of freedom*** (D. T. 2016 Republican National Convention Speech. – July 21, 2016) – 'И если мы объединимся и выберем ***свободу***, наше будущее станет светлее. ***Свобода*** вернёт рабочие места и повысит зарплату. ***Свобода*** сделает любую работу престижной. Мы можем это сделать. 47 лет назад, в этот день, Америка отправила первого человека на луну. И это была ***сила свободы***'.

Суть речи состоит в том, что именно выбрав свободу, которую способна обеспечить только республиканская партия, американская нация гарантированно сохраняет своё могущество и величие.

There is a new opportunity in American politics, if only we have the courage together to seize it. Victory is not winning for our party, victory is winning for our country (D. T. Trump's State of the Union address. – February 5, 2019) – 'Это новая возможность в Американской политике, если только нам хватит смелости использовать её. Победа – это не выигрыш нашей партии, Победа это выигрыш для нашей страны'.

Синтагмы, в которых *power* реализуется в значениях 'authority', 'control', в анализируемом материале наиболее репрезентативны (их число в два раза превышает количество реализаций значения 'strength'), при этом они используются в речах двух президентов с одинаковой частотностью. Реализация этого значения практически не имеет коллигационных ограничений (ср.: *American power and influence* 'американская власть и влияние', *power for the ruling class* 'власть правящего класса', *secure his own power* 'обезопасить собственную власть'). Однако общей тенденцией является сочетание слова с глаголом (*got power in our hands* 'сосредоточить власть в своих руках', *got back into power* 'снова прийти к власти', *transfer power from… to* 'передать власть….', *provide affordable power* 'предоставить определённую свободу власти', *building up our wealth and power* 'укрепить богатство и власть') или отглагольным существительным (*armed seizure of power* 'вооружённый захват власти', *access to power* 'доступ к власти', *protection against unchecked power* 'защита от неконтролируемой власти', *the use of power* 'применение власти'). Как видно из примеров, подобные синтагмы отражают атрибутивно-субстанциональные [Дегтярев, 1996, с. 80] аспекты власти, когда власть осмысляется как объект обладания.

В отношении тактико-стратегической организации речи можно отметить, что оба политика используют интеграционную и агональную стратегии, однако способы реализации стратегий различаются. Приведём в качестве примера использование агональной стратегии через оппозицию «свой – чужой». В речах Б. Обамы референтом «чужого» становятся страна или политическая фигура, представляющие угрозу американской демократии. Так, в речи, посвящённой войне в Ираке, понятие «power» связано с режимом Саддама Хусейна.

I suffer no illusions about Saddam Hussein. He is a brutal man. A ruthless man. A man who butchers his own people ***to secure his own power.*** *He has repeatedly defied UN resolutions, thwarted UN inspection teams, developed chemical and biological weapons, and*

coveted nuclear capacity (B. O. Speech Opposing the War in Iraq at Federal Plaza. – October 2, 2002) – 'Я не страдаю иллюзиями насчёт Саддама Хусейна. Он жестокий человек. Безжалостный человек. Человек, который истребляет свой собственный народ ***для сохранения власти***. Он постоянно презирал резолюции ЕС, срывал работу наблюдателей ЕС, разрабатывал химическое и биологическое оружие, и скрывал ядерный потенциал'.

Саддам Хусейн обозначен как *brutal man, ruthless man* 'жестокий, безжалостный человек'. Ряд однородных глагольных словосочетаний используется для описания действий, противоречащих американскому представлению о либеральных ценностях и демократии (*he has defied UN resolutions* – 'он презирал резолюции ЕС', *thwarted UN inspection teams* – 'срывал работу наблюдателей ЕС', *developed chemical and biological weapons* – 'разрабатывал химическое и биологическое оружие', *coveted nuclear capacity* – 'скрывал ядерный потенциал'). Как и в остальных подобных высказываниях, использование данного слова связано с негативной коннотацией (*unchecked power* 'бесконтрольная власть', *monopoly of power* 'монополия власти', *grab for power* 'захват власти').

В речах Д. Трампа агональная коммуникативная стратегия связана с противниками политического курса президента Америки, а именно с демократической партией США и социализмом:

If the Democrats ever ***got back into power****, they would vote to raise your taxes; release dangerous criminals; open your borders; shut down this great surge of American energy that is tremendous for jobs, tremendous for the economic wellbeing of our country, and, frankly, helping the world* (D. T. Address the National Republican Congressional Committee Dinner. – March 20, 2018) – 'Если демократы ещё когда-нибудь ***придут к власти***, они проголосуют за повышение ваших налогов; за освобождение опасных преступников; за открытие ваших границ; они остановят этот великий всплеск Американской энергии, который имеет огромное значение для работников, огромное значение для экономического благополучия нашей страны и который, откровенно говоря, помогает миру'.

Обращает на себя внимание то, что избираемые президентом языковые средства – оценочные прилагательные и однородные глагольные синтагмы, обладающие негативной коннотацией – аналогичны тем, которые были отмечены в речи его предшественника.

3. Заключение [Conclusion]

Концептуальный мир политики невозможно представить без концепта-термина «power», поскольку весь политический процесс строится вокруг борьбы за власть и обладания властью. Проведённое исследование показало, что в речах американских президентов Б. Обамы и Д. Трампа наблюдаются принципиальные различия реализации семантической доминанты концепта «власть», лексемы *power*, которая реализуется в трёх номинативно-производных значениях: 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people'. Наблюдаемые различия затрагивают как языковые средства реализации лексического значения, так и тактико-стратегическую организацию речи. Для дискурса Б. Обамы типичным является использование интеграционной (с инспиративной и фатической тактиками), информационной (с тактикой отсылки к авторитетному источнику) и агональной (с приёмом противопоставления) стратегий, в то время как для дискурса Д. Трампа характерны агональная (с тактикой дистанцирования и явно выраженной оппозицией «свои – чужие») и интеграционная (с инспиративной тактикой) стратегии. Инвариантными чертами идиодискурсов двоих президентов можно считать отсылку к национальным американским ценностям и использование одних и тех же средств реализации значений рассматриваемой лексемы (противопоставления, сравнения, слова с негативной коннотативной окраской и т. д.). При этом детали могли

варьировать: например, у Трампа объектами противопоставления выступали государства, а у Обамы – события, процессы, временные периоды.

В целом, дискурс Д. Трампа отличается большей категоричностью и враждебностью относительно противников его политического курса, а в высказываниях Б. Обамы идея объединения играет более важную роль, будучи тесно связанной с идеями демократических ценностей и свобод.

Список литературы

Дегтярев, 1996 – Дегтярев А. А. Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // Полис. 1996. № 3. С. 108–120.

Иванова, 2010 – Иванова О. В. Функционально-когнитивные особенности репрезентации ключевых концептов американского политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Иванова Ольга Владимировна ; Белгородский гос. ун-т. Белгород, 2010. 183 с.

Левенкова, 2011 – Левенкова Е. Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ. Самара : ПГСГА, 2011. 308 с.

Левенкова, 2009 – Левенкова Е. Р. Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX–XXI веков // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4. С. 226–231.

Самадов, 1992 – Самадов Б. А. Словарь современного английского языка в действии: от понятия к слову и от слова к смыслу : дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04 / Самадов Баходир Абдуманнанович ; Московский гос. уни-т им. Ломоносова. М., 1992. 413 с.

Чиронова, 2003 – Чиронова И. И. Когнитивная структура концепта «власть» в русскоязычном и англоязычном политических дискурсах // Право и политика. 2003. № 12. С. 1720–1730. doi: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.

Шейгал, 2002 – Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002». Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2002. С. 24–26.

Шейгал, 2000 – Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. – 368 с.

Шехтман, 2005 – Шехтман Н. А. Понимание речевого текста и гипертекст. Оренбург : ОГПУ, 2005. 167 с.

American Rhetoric, 2020 – American Rhetoric. Online Speech Bank : [сайт]. 2001–2021. URL : https://www.americanrhetoric.com/ (дата обращения : 20.01.2020).

Bataineh M. T. Linguistic and pragmatic devices in King Abdullah's speech: A political discourse analysis // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. 2019. Vol. 8, Iss. 2. P. 40–44. doi: 10.7575/aiac.ijalel.v.8n.2p.40.

Factbase, 2020 – Factbase. Donald Trump Speech and Interview Transcripts : [сайт]. FactSquared, Inc., 2020. URL : https://factba.se/ (дата обращения : 20.01.2020).

Kazemian, Hashemi, 2014 – Kazemian B., Hashemi S. Critical discourse analysis of Barack Obama's 2012 speeches: Views from systemic functional linguistics and rhetoric // Theory and Practice in Language Studies. 2014. Vol. 4, N 6. P. 1178–1187.

Moody S., Zohreh R. E. Political discourse, code-switching, and ideology // Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24 (2). P. 325–343. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343.

Nisar et al., 2020 – The Study on Lexical Discourse Analysis of Trump's Political Speeches / M. Nisar, X. Fushou, M. Asif, A. H. Malik // European Academic Research. 2020. Vol. VIII, Iss. 6. P. 3265–3279.

Salayo, 2020 – Salayo J. Women's right, a call for life: A critical discourse analysis of Pres. Donald Trump's speech for the 2020 March for Life // Journal of English Education and Linguistics Studies. 2020. Vol. 7, N 1. P. 115–135.

van Dijk, 2008 – van Dijk T. A. Discourse and power. New York : Macmillan, 2008. 306 p.

UDC 81'37 ; 81'42 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160

Alevtina N. Morozova, Olga A. Tiurina
Samara State University of Social Science and Education, Methodology Department
Samara, Russian Federation
tyurina@sgspu.ru, morozova@pgsga.ru

The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics

Abstract
The idea of power is crucial in political communication in general, and in American political communication, in particular. The article presents the analysis of the «power» concept as the key concept embodied in political discourse. Public speeches of two American presidents – Barack Obama and Donald Trump – over the time period from 2004 to 2019 were chosen as the material for this study. The analysis of the speeches from the viewpoints of lexical-semantic variants of the word *power*, its typical colligational (morpho-syntactic) and collocational (lexico-phraseological) peculiarities against the background of communicative strategies and tactics employed enabled to identify and describe the characteristic patterns of verbalizing the «power» concept. As a result, it was discovered that Obama's discourse was characterized by integrative, informational and agonal strategies while Trump employed agonal and integrative strategies in his speeches. In the three meanings of the lexeme – 'authority, possession of control', 'strength, force', 'country, influential people', – invariant and variable morphological, syntactic, lexical, phraseological patterns were found. Among the invariant patterns, there was the use of the vocabulary representing American values and a number of tropes.

Keywords: political discourse, verbalizing the «power» concept, communicative strategies and tactics, invariant and variable patterns.

© Morozova A. N., Tiurina O. A. 2021

For citation: Morozova A. N., Tiurina O. A. The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics [Termin-kontsept «power» v publichnykh vystupleniyakh amerikanskikh prezidentov: semantika, sintagmatika, pragmatika]. Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 149–160. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_149_160.

References

Degtyarev, A. A. (1988). Politicheskaya vlast' kak regulyativnyy mekhanizm sotsialnogo obshcheniya [Political power as a regulative mechanism of social intercourse]. *Polis*, 3, 108–120.

Ivanova, O. V. (2010). Funktsionalno-kognitivnyye osobennosti reprezentatsii klyuchevykh kontseptov amerikanskogo politicheskogo diskursa [Functional and cognitive aspects of key concepts representation in American political discourse]: PhD in Philological sci. diss. Belgorod : Belgorod State University.

Levenkova, E. R. (2011). Britanskiy i amerikanskiy politicheskiy diskurs: kontrastivnyy analiz [British and American political discourse: Contrastive analysis]. Samara : Volga State Social-Humanitarian Academy Press.

Levenkova, E. R, (2009). Kontseptosfera politicheskogo diskursa Velikobritanii na rubezhe XX–XXI vekov [A conceptual sphere of British political discourse: At the turn of the 20th century]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 11 (4), 226–231.

Samadov, B. A. (1992). Slovar sovremennogo angliyskogo yazyka v deystvii: ot ponyatiya k slovu i ot slova k smyslu [Modern English vocabulary in action: From notion to word and from word to sense]: Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State University.

Chironova, I. I. (2003). Kognitivnaya struktura kontsepta «vlast» v russkoyazychnom i angloyazychnom politicheskikh diskursakh [Cognitive structure of the "power" concept in Russian and English political discourse]. *Pravo i politika* [Law and politics], 12, 1720–1730. doi: 10.7256/1811-9018.2013.12.9542.

Sheygal, E. I. (2002). *Kulturnyye kontsepty politicheskogo diskursa* [Cultural concepts of political discourse]. Kommunikatsiya: teoriya i praktika v razlichnykh sotsialnykh kontekstakh: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Kommunikatsiya-2002» [Communication: Theory and practice in various social contexts: Proc. of International scientific conference "Communication-2002"]. Pyatigorsk : Pyatigorsk State Linguistic University.

Sheygal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse] Volgograd : Peremena Press.

Shekhtman, N. A. (2005). *Ponimaniye rechevogo teksta i gipertekst* [Understanding speech and hypertext]. Orenburg : OSPU Press.

American Rhetoric. Online Speech Bank. 2001–2021. Retrieved January 20, 2020 from <https://www.americanrhetoric.com>.

Bataineh, M. T. (2019). Linguistic and pragmatic devices in King Abdullah's speech: A political discourse analysis. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 8 (2), 40–44. doi: 10.7575/aiac.ijalel.v.8n.2p.40.

Factbase. Donald Trump Speech and Interview Transcripts. Retrieved January 20, 2020 from <https://factba.se/>.

Kazemian, B., Hashemi, S. (2014). Critical discourse analysis of Barack Obama's 2012 speeches: Views from systemic functional linguistics and rhetoric. *Theory and Practice in Language Studies*, 4 (6), 1178–1187.

Moody, S., Zohreh, R. E. (2020). Political discourse, code-switching, and ideology. *Russian Journal of Linguistics,* 24 (2), 325–343. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-325-343.

Nisar, M., Fushou, X., Asif, M., Malik, A. H. (2020). The Study on Lexical Discourse Analysis of Trump's Political Speeches. *European Academic Research*, VIII (6), 3265–3279.

Salayo, J. (2020). Women's right, a call for Life: A critical discourse analysis of Pres. Donald Trump's speech for the 2020 March for Life. *Journal of English Education and Linguistics Studies*, 7 (1), 115–135.

van Dijk, T. A. (2008). Discourse and Power. New York : Macmillan.

УДК 81'33 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_161_174

Самохин Иван Сергеевич, Непомнящих Наталья Максимовна
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Российская Федерация
alcrips85@mail.ru, n.nepomnyashih@yandex.ru

Перефразирование «живое» и «мёртвое»: исследование на материале услуг, предоставляемых современными онлайн-сервисами

Аннотация
В статье рассматриваются сущность и основные приёмы перефразирования (рерайтинга) русскоязычного научного текста. Актуальность исследования обусловлена современными требованиями, предъявляемыми к публикационной активности профессорско-преподавательского состава российских вузов. Научная новизна заключается в оценке уровня услуг, предоставляемых отечественными «синонимайзерами» – сервисами, перефразирующими тексты в режиме онлайн. Синонимайзерам, обнаруженным нами в сети Интернет, было предложено обработать вводный абзац из статьи Е. М. Шастиной и коллег «Литературная педагогика: становление и перспективы». Установлено, что основным приёмом перефразирования, к которому прибегают современные онлайн-службы, является подстановка синонимов. Кроме того, используются такие способы, как подбор гипонимов и гиперонимов, описательный рерайтинг, изменение синтаксической структуры и добавление лексических единиц, не влияющих на содержание высказывания. Полученные результаты позволили прийти к выводу, что в настоящее время синонимайзеры не могут конкурировать с людьми – качество перефразировок, выполненных всеми обнаруженными онлайн-сервисами, признано неудовлетворительным по сравнению с «живым» вариантом, в котором используются те же приёмы, но с совершенно другим результатом. Также в статье представлен разработанный нами «Список популярных слов и выражений, употребляемых в научных текстах (с тождественной и близкой по значению лексикой)».

Ключевые слова: перефразирование, рерайтинг, синонимайзер, уникализатор, научный текст, система «Антиплагиат».

© Самохин И. С., Непомнящих Н. М. 2021

Для цитирования: Самохин И. С., Непомнящих Н. М. Перефразирование «живое» и «мёртвое»: исследование на материале услуг, предоставляемых современными онлайн-сервисами // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, No 3. С. 161–160. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_161_160.

1. Введение [Introduction]

В данной статье мы рассмотрим сущность и основные приёмы перефразирования научного текста в рамках требований, предъявляемых к публикационной активности профессорско-преподавательского состава российских вузов. В толковых словарях глагол «перефразировать» имеет всего одно значение – общелитературное: «Переделать (переделывать) чьи-л. слова, изречение, фразу и т. п., несколько изменяя их применительно к обстоятельствам» [Евгеньева, 1999]; «Передавать что-л., изменяя форму изложения» [Ефремова, 2006]; «Изменять (изменить) некоторым образом чьи-л. слова, изречение, фразу и т. п. при передаче, пересказе» [Бабенко, 2009]; «Передать (давать) чьи-н. слова, изречение, фразу в несколько изменённом виде» [Ожегов, 2010] и т. д.

Отметим, что в научно-педагогической среде упомянутый глагол используется с некоторыми смысловыми нюансами (как и его производные – существительные «перефразирование» и «перефразировка»). Как правило, речь идёт о работе с н а у ч н ы м

текстом. При этом ожидается, что после внесённых изменений он по-прежнему будет отвечать нормам соответствующего стиля. Недопустимо или весьма нежелательно появление в тексте публицистических оборотов, архаизмов, языковой игры, просторечной или жаргонной лексики (разумеется, за исключением сохранённых художественных цитат и других примеров). Данное требование представляется вполне оправданным, так как в большинстве случаев текст переписывается для использования в другом научном труде: статье, реферате, тезисах, диссертации, монографии. Здесь уместно подчеркнуть, что глагол «пер***е***фразировать» не следует путать с глаголом «пер***и***фразировать», то есть излагать *перифразами* – устойчивыми описательными конструкциями («чёрное золото» вместо «нефть», «Страна восходящего солнца» вместо «Япония» и т. п.). При этом в пределах научного стиля обновление формы высказывания может быть весьма существенным (хотя во многих толкованиях глагола «перефразировать» присутствует указание на незначительность изменений). Чем сильнее преобразится текст в лексическом и грамматическом отношениях, тем выше будет процент его оригинальности в системе «Антиплагиат»[1].

Поскольку в качественном научном тексте обычно нет «пустой» или малозначимой информации, особое внимание следует уделять и передаче его содержательной составляющей. Опускать фрагменты и подбирать синонимы нужно с большой осторожностью, особенно при перефразировании чужого исследования. Невнимательность может привести к терминологическим неточностям и смысловым ошибкам. Если работа всё-таки будет опубликована, они могут дискредитировать и автора, и журнал (сборник), и того учёного, на которого ссылается автор. Также есть вероятность, что подобные ошибки перейдут во множество работ и закрепятся в научном дискурсе. Возможно, с данным процессом связано использование некоторых слов, близких по смыслу и / или написанию, в качестве тождественных по значению («компетенция» и «компетентность», «методика» и «методология», «теория» и «концепция», «метод» и «приём»).

Почти любой научный труд, – за исключением некоторых жанров и поджанров, – должен содержать теоретическую часть с обзором литературы по теме исследования. Чужой материал необходимо изложить своими словами, то есть – перефразировать [Чуксина, Яновская, 2008 ; Кулинкович, 2010 ; Chi, Nguyen, 2017 и др.]. Таким образом, перефразирование является стандартным этапом работы над статьёй, монографией или диссертацией и с а м о п о с е б е не вступает в конфликт с исследовательской этикой. На наш взгляд, оно заслуживает негативной реакции лишь в трёх случаях: 1) при недобросовестной обработке исходного фрагмента (см. предыдущий абзац); 2) при отсутствии в новом труде оригинальных отрывков, элемента научной новизны (даже если имеет место очень искусная компиляция); 3) при плагиате, то есть пренебрежении ссылками на использованную литературу.

Всё вышеперечисленное особенно характерно для студенческих текстов – главным образом курсовых работ и рефератов, которые обычно проверяются не так строго, как дипломные работы (однако в 2015 году нашему соавтору «посчастливилось» иметь дело с выпускным проектом, представляющим собой 97 взятых в кавычки абзацев-цитат из 62 источников). К сожалению, дефицит времени или способностей подталкивает к подобным нарушениям и некоторых дипломированных специалистов. Напомним, что многие вузы требуют публикационной активности от всех преподавателей, даже от тех, кто не имеет учёной степени и занимает должность ассистента (которая, как правило, предполагает большую аудиторную нагрузку, не оставляющую сил для каких-либо дополнительных обязанностей). С нашей точки зрения, у последних есть моральное право

[1] Особо подчеркнём, что результаты данного исследования следует воспринимать не как руководство к действию по «обходу» системы «Антиплагиат», а как помощь в качественном аналитическом изложении степени изученности проблемы и результатов собственного исследования.

прибегать к помощи специальных сервисов, перефразирующих тексты в режиме онлайн. В следующем разделе мы оценим продуктивность подобных программ и уровень предоставляемых ими услуг.

2. Перефразирование (рерайтинг) научного текста в режиме онлайн: скорость, качество, приёмы [Rewriting scientific texts online: Speed, quality, techniques]

Для обозначения сервисов, рассматриваемых в данной статье, в Интернете используется несколько существительных. Чаще всего их называют «синонимайзерами», имея в виду основной способ перефразирования – употребление синонимов. Этот неологизм приведён в единственной обнаруженной нами русскоязычной статье, посвящённой электронному рерайтингу [Белый и др., 2015]. Однако уже из названия – «Разработка и реализация приложения для уникализации текстовой информации» – становится ясно, что работа носит не столько лингвистический, сколько технический характер (перечисляются задачи, решаемые программным продуктом, приводятся сведения о его базовом алгоритме и дополнительных характеристиках, констатируются изменения, внесённые в исходный фрагмент). Несмотря на свою неблагозвучность, прижилось и другое слово – «уникализатор». Оно подчёркивает главную задачу, которую ставят перед собой разработчики данных программ: повышение «уникальности» текста, то есть увеличение процентной доли фраз и сверхфразовых единств, воспринимаемых системой «Антиплагиат» в качестве оригинальных. Мы будем пользоваться именно этими обозначениями, поскольку другие существительные, – «переписчик», «перефразировщик» и «рерайтер», – обычно употребляются по отношению к людям[2].

С помощью поисковой системы “Google” нами было обнаружено 14 русскоязычных синонимайзеров, работающих в режиме онлайн. Неоспоримое преимущество всех этих служб – высочайшая скорость предоставления услуги. Работа с текстом, насчитывающим около 600 знаков (примерно 70 слов), обычно занимает меньше секунды. Даже с учётом остальных этапов, – копирования исходного фрагмента, его вставки в сервисное окно, копирования результата и его вставки в текстовый документ, – затраты времени пренебрежимо малы (никак не больше тридцати секунд, при том что на «живое» перефразирование того же абзаца наш соавтор потратил больше пяти минут). Кроме того, данные услуги являются бесплатными и универсально доступными для пользователей сети Интернет. Однако следует отметить, что описанный набор преимуществ далеко не уникален: он характерен для многих типов систем, функционирующих в сетевом формате (служб машинного перевода, программ транслитерации, автокорректоров, «генераторов текста» и т. д.). К тому же все эти достоинства имеют значение лишь при высоком или хотя бы удовлетворительном качестве производимого продукта.

Мы предложили синонимайзерам перефразировать вводный абзац научной статьи Е. М. Шастиной и коллег, опубликованной в журнале «Научный диалог» [Шастина и др., 2018, с. 505]. Приведём сам фрагмент и его перефразированные варианты, рекомендованные тремя уникализаторами (изменения выделены).

И с х о д н ы й т е к с т [Шастина и др., 2018, с. 505]:

«В настоящее время проблема отношения людей к чтению становится одной из самых острых для мирового образовательного пространства. Во всех цивилизованных странах специалисты с обеспокоенностью заявляют о падении уровня читательской культуры населения, что, как известно, ведёт к деградации общества в целом.

[2] В англоязычном Интернете для обозначения подобных сервисов обычно используется словосочетание “paraphrasing tool” («устройство для перефразирования»). Существительные “synonymizer” и “uniqueizer” употребляются достаточно редко.

При этом читательская грамотность рассматривается как предпосылка успешной социализации и индивидуального роста. Важность этого читательского навыка отражена в разработке «Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся» (далее – PISA)».

Вариант № 1 (https://raskruty.ru/tools/synonymizer/):

***Во наше** время **период вопрос взаимоотношения людишек ко** чтению **делается** одной **с наиболее заостренных с целью всемирного просветительного места**. **В абсолютно** всех **культурных государствах эксперты со** обеспокоенностью **утверждают об** падении **степени пользовательской** культуры **жителей**, **то** что, **равно** как **установлено**, **водит ко** деградации сообщества **во полном**. **Присутствие данном пользовательская компетентность** рассматривается **равно** как **условия эффективной** социализации **также персонального увеличения**. **Значимость данного пользовательского умения отображена во исследованию** «Международной **проекты согласно балле просветительных** достижений учащихся» (**затем** – PISA).*

Вариант № 2 (http://online-sinonim.ru):

*В **реальное** время **неувязка дела** людей к чтению **делается** одной из самых острых для **крупного** образовательного **места**. Во всех цивилизованных **государствах знатоки** с обеспокоенностью **говорят** о падении **значения** читательской культуры населения, что, как **ведомо**, ведет к деградации общества в целом. При **данном** читательская грамотность рассматривается как **посыл удачной** социализации и **персонального подъема**. **Значимость сего** читательского **опыта** отражена в разработке «Международной **программки** по оценке образовательных достижений учащихся» (далее – PISA).*

Вариант № 3 (https://sinoni.men):

*В настоящее время проблема отношения людей к чтению становится одной из самых острых для мирового образовательного пространства. Во всех цивилизованных странах **эксперты** с **озабоченностью говорят**, **что культура чтения** населения **упала**, что, как **вы знаете**, **приводит** к деградации общества в целом. **В то же время грамотность чтения** рассматривается как **необходимое условие** успешной социализации и индивидуального роста. Важность **этой способности к чтению** отражена в разработке «Международной программы **оценки результатов школьного обучения студентов**» (ниже – PISA).*

Приводить оставшиеся 11 вариантов не имеет смысла, поскольку каждый из них похож на один из представленных выше. Вероятно, это связано с использованием аналогичных программных алгоритмов и одинаковых словарей. Некоторые синонимайзеры снабжены дополнительными функциями (возможностью поменять базовый словарь, исключить редко используемые синонимы и т. д.), однако мы пришли к выводу, что их активация либо не влияет на качество перефразирования, либо снижает его. Поэтому предпочтение отдавалось настройкам, установленным по умолчанию.

Худшие перефразировки напоминают вариант № 1. Их отличает значительное количество морфологических и синтаксических ошибок («во наше время», «об падении», «для в масштабах», «пользовательского опытности», «рулить оскудения братии в общностном» и т. д.). По-видимому, это обусловлено применением алгоритма, игнорирующего грамматические связи между элементами и нацеленного лишь на подстановку синонимов. Однако и на уровне лексики всё, мягко говоря, не идеально. Неудачный выбор аналогов приводит к смысловым ошибкам или затуманиванию содержания (*уровень читательской культуры* был вытеснен «ярусом читательской цивилизации», *индивидуальный рост* – «личным увеличением», *деградация общества* – «оскудением братии»). В некоторых случаях наблюдается полный стилистический произвол: нейтральные слова заменяются уничижительными формами, просторечием, сленгом, жаргоном («лю-

дишки» вместо *люди*, «сложнячок» вместо *проблема*, «фартовая» вместо *успешная* и т. п.). Как правило, изменений так много, что «уникальность» перефразированного текста достигает 100%. Однако мы не рекомендуем отсылать его редакциям научных журналов, даже не самых требовательных. Уровень продукта, предоставляемого такими сервисами, ещё ниже, чем у печально известного «Корчевателя» – бессмысленной «статьи», порождённой генератором случайных текстов (и опубликованной в научном издании [Научный…, 2008]). Ведь в том тексте хотя бы не было серьёзных проблем с синтаксисом и морфологией… В целом, данные синонимайзеры можно похвалить лишь за обращение к довольно перспективному приёму – добавлению лексических единиц, не влияющих на смысл высказывания («во *абсолютно* всех», «*при всём* при этом» и т. д.). Однако похвала не распространяется на претворение идеи в жизнь: как правило, сервисы совмещают этот способ с привычным для них нарушением языковых норм.

В наш «чёрный список» попали уникализаторы со следующих сайтов: https://raskruty.ru, https://rustxt.ru, https://sinonimov.ru, http://usyn.ru и https://xdan.ru. Результат, который продемонстрировали остальные синонимайзеры, тоже удручает, но в меньшей степени. Пользуясь системой оценивания, принятой в нашем вузе, мы бы поставили им «FX» – «условно неудовлетворительно». Эту оценку получают студенты, показавшие низкий, но всё же небезнадёжный уровень. В перефразировках, похожих на вариант № 2, гораздо меньше грамматических ошибок, а субстандартная лексика и вовсе отсутствует, однако многие синонимы тоже подобраны неудачно. *Образовательное пространство* превратилось в «образовательное место», *индивидуальный рост* – в «персональный подъём», вводная конструкция *при этом* – в уводящее от смысла «при данном» и так далее. Зафиксированы гипероним («опыт» вместо *навык*) и гипоним («студенты» вместо *учащиеся*), использование которых, к сожалению, оказалось неуместным. Иногда предпочтение отдавалось разговорным существительным («неувязка» вместо *проблема*, «спецы» вместо *специалисты*, «программка» вместо *программа*) и архаизмам («сего», «ведомо», «сиречь»). Впрочем, подобная лексика может использоваться в публицистическом и научно-популярном дискурсе, а синонимайзерам не было известно, что нам необходимо сохранить строго научный стиль изложения. Вероятно, в ближайшем будущем разработчики задумаются о введении соответствующих настроек.

Вариант № 3 стоит особняком. Только в нём предпринята попытка, – причём довольно убедительная, – изменить структуру исходного предложения (если не принимать всерьёз творчество уникализатора из первой группы, превратившего *людей* в «натуральные человеческие особи»). Фрагмент с отглагольным существительным «специалисты с обеспокоенностью заявляют о падении уровня читательской культуры населения» передан формулировкой с союзом *что*: «эксперты с озабоченностью говорят, что культура чтения населения упала»). Впечатление немного портят два момента: не очень уместное использование глагола «говорить» и повторение союза «что» в конце предложения, всего через несколько слов («…что, как вы знаете, приводит к деградации общества в целом»). Однако эти шероховатости не вступают в серьёзное противоречие с нормами научного стиля. Ещё один приём, проигнорированный другими сервисами – описательное перефразирование. Уникализатор, предложивший вариант № 3, произвёл вполне корректную замену слова «предпосылка» словосочетанием *необходимое условие*. К сожалению, данные успехи почти обесцениваются непозволительной роскошью, допущенной в первом предложении: отказом от перефразирования (учитывая отсутствие кавычек, речь может зайти о некорректном цитировании или даже о плагиате; к тому же снижается уровень формальной уникальности, фиксируемый системой «Антиплагиат»). Честно говоря, подобная «капитуляция» привела нас в замешательство: изложить начало абзаца другими

словами вполне реально. В оставшемся тексте уникализатор также не заменил синонимами множество слов, у которых они определённо есть: *страны, специалисты, обеспокоенность, общество, успешный, важность, этот*. Однако в са́мом конце фрагмента наблюдается иная крайность. «Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся» (закрепившийся русскоязычный вариант) превратилась в «Международную программу оценки результатов школьного обучения студентов». Исследование действительно связано с общим (школьным) образованием, причём именно с его учебным аспектом, что не вытекает из названия, представленного в исходном отрывке. Здесь мы, по-видимому, имеем дело с удачным совпадением: в целом, понятия «образовательные достижения» и «результаты школьного обучения» не являются тождественными по значению. Этот случайный успех мог бы компенсировать нестандартность формулировки, но закрепить его не удалось: слово *учащиеся* было нелогично заменено существительным «студенты».

Один из авторов данной статьи сравнил рассмотренный синонимайзер с неогранённым алмазом. По мнению другого нашего коллеги, он скорее напоминает «алмазную крошку вперемешку с угольной пылью». Подчеркнём, что мысли о драгоценном камне вызваны отдельными яркими находками, а не общим результатом, который, безусловно, оставляет желать лучшего (как и у других уникализаторов)[3].

3. К вопросу о «живом» перефразировании научного текста [Scientific text paraphrasing performed by a human re-writer]

Живому рерайтеру, в отличие от электронного, присуще понимание контекста – как смыслового, так и стилистического. Именно это позволяет человеку превосходить машину при работе с любыми текстами, используя абсолютно те же приёмы: подбирая синонимы, изменяя фразовую структуру и т. д. Также следует помнить о способах, не освоенных современными уникализаторами. Речь идёт, прежде всего, о перестановке элементов (напр., словосочетаний «успешная социализация» и «индивидуальное развитие» в рассмотренном фрагменте), их опущении (смысл второго предложения не пострадает без существительного «население», а смысл четвёртого – без прилагательного «читательский») и антонимическом перефразировании (напр., «нельзя не подчеркнуть» вместо «необходимо подчеркнуть», «игнорировать» вместо «не учитывать», «без [малейшего] сомнения» вместо «с [полной] уверенностью»). Не стоит забывать и о различных формальных заменах: число можно заменить его вербальным обозначением, сокращение – полной версией, сплошное перечисление – пронумерованным списком, инициалы – именем и отчеством. Однако если в исходном тексте приведён ряд фамилий, намного более уместным представляется метод перестановки. Следует изменить положение инициалов (поставить их не перед фамилией, а после неё) либо расположить исследователей в другом порядке (например, не алфавитном, а хронологическом, то есть по времени их вступления в большую науку). А вот такие хитрости, как дополнительные пробелы и замена русских букв английскими, пользы уже не принесут. Они будут сразу же обнаружены и, скорее всего, отнесены к орфографическим ошибкам. Уровень уникальности при этом тоже не повысится.

При перефразировании текстовых фрагментов, занимающих несколько страниц, мы рекомендуем прибегать к окказиональной аббревиации (термин наш – И. С., Н. Н.). Суть приёма состоит в следующем: устойчивое словосочетание, которое выступает ключевым для данного текста, употребляется в полном виде только один раз, после чего заменяется буквенной аббревиатурой. Например, в статье

[3] Зарубежные авторы [Rogerson, McCarthy, 2017 ; Prentice, Kinden, 2018] приходят к аналогичному выводу относительно англоязычных синонимайзеров.

Е. М. Шастиной и коллег особое внимание уделяется понятию «литературная педагогика». При первом использовании мы выделили его курсивом и сопроводили уточнением «(далее – ЛП)». Обращение к аббревиатуре «ЛП» во всём тексте повысило его уникальность на 4% (согласно результатам проверки, проведённой на сайте https://text.ru/).

Главными приёмами, – наиболее востребованными и эффективными, – являются изменение синтаксической структуры и употребление синонимов. В первом случае речь идёт прежде всего о перестановке синтагм, объединении предложений и использовании стандартных грамматических аналогов (страдательный залог вместо действительного, конструкция со словом «который» вместо причастного оборота, глагол вместо деепричастия или отглагольного существительного и так далее). Данный способ следует осветить более подробно в педагогической статье – в отличие от второго, позволяющего ограничиться систематизацией лексических единиц. Нами был составлен список слов и выражений, активно используемых в трудах различной тематики: лингвистической, педагогической, психологической, социологической и экономической (табл. 1). Каждая из 100 доминант (в таблице – популярное слово или выражение) сопровождается перечнем тождественной и близкой по значению лексики, выбор которой обусловлен контекстом. В окончательный вариант списка вошли слова и выражения общего характера, не вызывающие ассоциаций с определённой научной дисциплиной. Таким образом, результаты проведённой работы не претендуют на полноту и универсальность. В то же время предлагаемый глоссарий может вызвать теоретический интерес у специалистов в области языка и оказаться полезным для авторов без филологического образования. Источниками материала послужили наши профессиональные наблюдения и ряд словарей [Абрамов, 1999 ; Александрова, 2010 ; Бабенко, 2011].

Таблица 1. **Список популярных слов и выражений, употребляемых в научных текстах (с тождественной и близкой по значению лексикой)**
[Table 1. **The list of popular words and expressions from scientific texts (With similar or close meaning)**]

№	Популярное слово или выражение	Тождественная и близкая по значению лексика
1	2	3
1.	**АВТОР**	*О себе*: Мы *Не о себе*: [Фамилия автора с инициалами]; [имя и отчество автора]; исследователь; представитель педагогического [психологического, социологического и т. д.] знания; специалист; теоретик; учёный (или конкретнее: теоретик педагогики, психолог, социолог и т. д.)
2.	**АРГУМЕНТ**	Довод; доказательство; суждение; тезис (см. также «**ИДЕИ**», «**МНЕНИЕ**»)
3.	**АСПЕКТ**	Грань; сторона (см. также «**СОСТАВЛЯЮЩАЯ**»)
4.	**В РАМКАХ**	В контексте; в пределах; в процессе; в условиях (в соответствии с условиями); в ходе
5.	**В ТЕЧЕНИЕ**	Во время; на протяжении
6.	**ВАЖНЫЙ**	Достойный (заслуживающий) внимания; значимый; значительный; существенный
7.	**ВИД** (в общелитературном знач-ии)	Разновидность; род; тип; форма
8.	**ВКЛЮЧАТЬ В СЕБЯ**	Интегрировать; объединять; охватывать; содержать; состоять из

Продолжение таблицы 1

1	2	3
9.	**ВЛИЯНИЕ**	Воздействие; эффект
10.	**ВЛИЯТЬ**	Воздействовать; оказывать влияние (воздействие, эффект) на
11.	**ВОЗМОЖНО**	Вероятно; есть вероятность, что; не исключено, что
12.	**ВЫЗВАННЫЙ**	Инициированный; обусловленный; порождённый; спровоцированный
13.	**ВЫЗЫВАТЬ**	Выливаться в; иметь результатом (следствием); инициировать; обусловливать; порождать; приводить к; провоцировать; являться (становиться) причиной
14.	**ВЫРАЖАТЬСЯ В**	Обнаруживать себя в; проявляться в; репрезентироваться в
15.	**ВЫЯВЛЕНИЕ**	Выделение; вычленение; обнаружение; определение; установление; фиксация; фиксирование
16.	**ВЫЯВЛЯТЬ**	Выделять; вычленять; обнаруживать; определять; устанавливать; фиксировать
17.	**ДАННЫЙ**	(Выше)названный; (выше)обозначенный; (выше)описанный; (выше)приведённый; (выше)указанный; (выше)упомянутый; наш (если речь идёт о научном труде, подходе и пр., относящемся к автору исследования); этот
18.	**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**	Активность; действия; практика; работа; труд; функционирование
19.	**ЗАКЛЮЧАТЬСЯ В**	Сводиться к; состоять в
20.	**ЗАРУБЕЖНЫЙ**	Иностранный; часто более конкретно: европейский, западный (или американский, британский, шведский и т. д.)
21.	**ИДЕИ**	Взгляды; воззрения; положения; постулаты; принципы
22.	**ИЗМЕНЕНИЯ**	Пертурбации; преобразования; сдвиги; трансформации
23.	**ИЗУЧАТЬ**	Анализировать; исследовать; проводить анализ (аналитический обзор); осмысливать; работать (с, над); разбирать (см. также «**РАССМАТРИВАТЬ**»)
24.	**ИЗУЧЕНИЕ**	Анализ; аналитический обзор; исследование; осмысление; работа (с, над);разбор (см. также «**РАССМОТРЕНИЕ**»)
25.	**ИМЕТЬ (БОЛЬШОЕ) ЗНАЧЕНИЕ**	Занимать (важное) место; играть (значительную) роль
26.	**ИМЕТЬ МЕСТО**	Иметься; наблюдаться; наличествовать; присутствовать; происходить; существовать
27.	**ИНФОРМАЦИЯ**	Данные; результаты (опроса, эксперимента и т. д.); сведения
28.	**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ**	Обращение к; применение; реализация; эксплуатация
29.	**ИСПОЛЬЗОВАТЬ**	Задействовать; обращаться к; оперировать; прибегать к; применять; реализовывать
30.	**КАК** (при выражении сравнения с оттенком приравнивания)	В виде; в качестве; в роли; в функции
31.	**КАК ПРАВИЛО**	В большинстве случаев; зачастую; обычно; чаще всего
32.	**КРОМЕ ТОГО**	Более того; помимо этого; также (а также)
33.	**ЛИТЕРАТУРА** (научная)	Исследования; источники теоретического материала; работы; статьи и диссертации; труды
34.	**МНЕНИЕ**	Гипотеза; допущение; позиция; предположение; соображение; суждение; точка зрения (см. также «**АРГУМЕНТ**», «**ИДЕИ**», «**ПО МНЕНИЮ**», «**ПО НАШЕМУ МНЕНИЮ**»)

Продолжение таблицы 1

1	2	3
35.	**МНОЖЕСТВО**	Большинство; большое количество; значительное число; существенная часть; многие
36.	**НАЛИЧИЕ**	Доступность; присутствие; существование
37.	**НАПРАВЛЕННЫЙ НА**	Имеющий целью; нацеленный на; ориентированный на; призванный
38.	**ОБОСНОВАНИЕ**	Аргументация; объяснение целесообразности; приведение аргументов (доводов) в пользу
39.	**ОДНАКО**	И всё же; и всё-таки; но; тем не менее
40.	**ОСНОВАННЫЙ НА**	Базирующийся на; в основе которого лежат…; опирающийся на
41.	**ОСНОВНОЙ**	Базовый; ведущий; главный; достойный (заслуживающий) особого внимания; важнейший; ключевой; основополагающий; первостепенный; приоритетный
42.	**ОСНОВЫ**	Азы; база; базовые принципы; основания; фундамент
43.	**ОСОБЕННОСТИ**	Специфика (см. также «**СВОЙСТВО**»)
44.	**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ**	Выполнение; имплементация; проведение; реализация; решение; претворение в жизнь
45.	**ОСУЩЕСТВЛЯТЬ**	Выполнять; проводить; реализовывать; претворять в жизнь
46.	**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ**	Российский;советский; постсоветский; реализуемый [изданный, распространённый и т. д.] в нашей стране
47.	**ОТМЕЧАТЬ**	Подчёркивать; указывать на
48.	**ПЛАНИРОВАНИЕ**	Обдумывание; предвидение; прогноз; прогнозирование; продумывание
49.	**ПЛАНИРОВАТЬ**	Обдумывать; предвидеть; прогнозировать; продумывать
50.	**ПО МНЕНИЮ**	По наблюдению; с точки зрения; согласно позиции; в соответствии со взглядами; кто-либо полагает (считает, приходит к выводу, склоняется к мысли, утверждает и т. д.), что…
51.	**ПО НАШЕМУ МНЕНИЮ**	В соответствии с нашей позицией; на наш взгляд; с нашей точки зрения; нам представляется, что
52.	**ПОЛАГАТЬ**	Придерживаться мнения (позиции, точки зрения); склоняться к мысли; предполагать; считать
53.	**ПОСРЕДСТВОМ**	Благодаря; при помощи; с помощью; путём; через
54.	**ПОСТЕПЕННЫЙ**	Градуированный; инкрементальный; пошаговый; поэтапный; стадиальный; стадийный
55.	**ПОСТОЯННЫЙ**	Безостановочный; непрерывный; неуклонный; повседневный
56.	**ПРЕДПОЛАГАТЬ**	Иметь своим условием; не представляться возможным (выполнимым, реализуемым, осуществимым) без; подразумевать; предусматривать; требовать
57.	**ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ**	Изложенный; описанный; охарактеризованный; приведённый; указанный
58.	**ПРЕЖДЕ ВСЕГО**	В первую очередь; главным образом
59.	**ПРИЙТИ К ВЫВОДУ**	Заключить; остановиться на позиции; прийти к заключению; решить
60.	**ПРОБЛЕМА**	*В первом значении*: вызов; задача; затруднение; препятствие; сложность; трудность. *Во втором значении*: вопрос; проблематика; тема
61.	**РАЗВИВАТЬ**	Модернизировать; оптимизировать; расширять; рационализировать; реформировать; совершенствовать; углублять; улучшать
62.	**РАЗВИТИЕ**	Вызревание; модернизация; оптимизация; прогресс; прогрессирование; расширение; рационализация; реформирование; рост; совершенствование; углубление; улучшение; эволюция; эволюционирование

Продолжение таблицы 1

1	2	3
63.	**РАССМАТРИВАТЬ**	Описывать; освещать; проводить обзор; раскрывать (см. также «**ИЗУЧАТЬ**»)
64.	**РАССМАТРИВАТЬ КАК**	Воспринимать как; интерпретировать как; находить (что-либо каким-либо); описывать как; позиционировать как; считать; трактовать как; характеризовать как
65.	**РАССМОТРЕНИЕ**	См. «**ИЗУЧЕНИЕ**», «**РАССМАТРИВАТЬ**», «**РАССМАТРИВАТЬ КАК**»
66.	**РЕЗУЛЬТАТЫ**	Выводы; данные, полученные в ходе исследования; итоги исследования
67.	**РОССИЯ**	Наша страна; Российская Федерация; РФ
68.	**С УЧЁТОМ**	Исходя из; принимая во внимание; учитывая
69.	**СЕЙЧАС**	В настоящее время; в наши дни; в современном контексте; в современных условиях; на данном этапе; сегодня
70.	**СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ О**	Говорить о; сигнализировать о; указывать на; являться индикатором (показателем)
71.	**СВОЙСТВО**	Идиосинкразия; качество; особенность; отличие; признак; характеристика; [характерная] черта (см. также «**ОСОБЕННОСТИ**»)
72.	**СВЯЗАННЫЙ С**	Затрагивающий; относящийся к; охватывающий; имеющий отношение к; касающийся; сопряжённый с (трудностями, риском и т. п.)
73.	**СЛЕДУЕТ**	Желательно; необходимо; нужно; требуется; стоит; целесообразно
74.	**СНИЖЕНИЕ**	Деградация; падение; понижение; сглаживание; спад; уменьшение; ухудшение
75.	**СОВОКУПНОСТЬ** (методов, проблем и т. д.)	Комбинация; комплекс; круг; набор; ряд; система; соединение; сочетание; спектр
76.	**СООТВЕТСТВОВАТЬ**	Не вступать в противоречие с; не противоречить; не расходиться с; отвечать; согласоваться с (как правило, в 3-м лице настоящего времени); адекватно отражать содержание
77.	**СОСТАВЛЯЮЩАЯ**	Компонент; (составная) часть; элемент (см. также «**АСПЕКТ**»)
78.	**СПОСОБ**	Метод; механизм; подход; приём; путь; стратегия; сценарий; тактика
79.	**СПОСОБСТВОВАТЬ**	Благоприятствовать; помогать; содействовать; располагать к; создавать условия для; стимулировать; являться одним из факторов, способствующих…
80.	**СТАНОВИТЬСЯ**	Начинать представлять собой; превращаться в; преобразовываться в; трансформироваться в
81.	**СУЩНОСТЬ**	Основное содержание; суть
82.	**СФЕРА**	Область; отрасль; сектор
83.	**ТАК КАК**	Благодаря тому, что; в связи с тем, что; из-за того, что; по причине того, что; поскольку; потому что
84.	**ТАКИМ ОБРАЗОМ**	[А] значит; следовательно; из этого следует, что; итак
85.	**ТАКОЙ**	Аналогичный; подобный; похожий; сходный; схожий
86.	**УВЕЛИЧЕНИЕ**	Возрастание; интенсификация; нарастание; повышение; рост; усиление
87.	**УДЕЛИТЬ ВНИМАНИЕ**	Обратиться к; остановиться на; рассмотреть; сосредоточиться на рассмотрении (анализе, разборе и т. д.)
88.	**УДЕЛЯТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ**	делать акцент на; концентрироваться на; отводить особое место; ставить во главу угла; фокусироваться на
89.	**УРОВЕНЬ**	Градус; степень; ступень
90.	**УСЛОВИЕ**	Обстоятельство; предпосылка; фактор, способствующий…
91.	**ФОРМИРОВАНИЕ**	Возникновение; вырабатывание; выстраивание; зарождение; образование; построение; появление; проектирование; разработка; создание; составление; становление; учреждение

Окончание таблицы 1

1	2	3
92.	**ФОРМИРОВАТЬ**	Вырабатывать; выстраивать; образовывать; проектировать; разрабатывать; создавать; составлять; учреждать
93.	**ФОРМИРОВАТЬСЯ**	Возникать; вырабатываться; выстраиваться; зарождаться; образовываться; появляться; проектироваться; разрабатываться; создаваться; составляться; учреждаться
94.	**ХАРАКТЕРНЫЙ ДЛЯ**	обычно наблюдаемый (отмечаемый) в (у); присущий; свойственный; типичный для
95.	**ЧЕЛОВЕК, ЛЮДИ**	*Человек*: гражданин; индивид; лицо; личность; представитель вида Homo sapiens; член общества (социума) *Люди*: граждане; жители (планеты, страны и т. д.); население (планеты, страны и т. д.); общество; представители вида Homo sapiens; социум; члены (представители) человеческого общества; человечество
96.	**ЭКСПЕРИМЕНТ**	Исследование; опыт; практическая часть исследования; экспериментальное исследование; эмпирическое исследование
97.	**ЭТАП**	Период; стадия; ступень; фаза
98.	**ЭФФЕКТИВНЫЙ** (в общелитературном значении)	Действенный; плодотворный; продуктивный; результативный; успешный
99.	**ЯВЛЕНИЕ**	Реалия; событие; факт; феномен
100.	**ЯВЛЯТЬСЯ**	Быть; выступать в качестве (в роли) чего-л.; представать в качестве; представлять собой; служить [примером, доказательством и т. д.]; являть собой

Перед заключительным разделом нам представляется логичным познакомить читателей с «живой», авторской перефразировкой абзаца, приведённого в начале статьи. Наш соавтор стремилась не только передать содержание и стилистику исходного текста, но и задействовать как можно больше упомянутых нами приёмов:

В ***последнее*** *время* ***вопросы, связанные*** *с отношением людей к чтению,* ***приобретают особую актуальность в контексте международного*** *образовательного пространства. Во всех* ***развитых государствах эксперты выражают озабоченность значительным снижением*** *уровня читательской культуры,* ***которое****, как известно,* ***способствует общей*** *деградации* ***социума****. При этом* ***следует отметить, что*** *читательская грамотность* ***позиционируется*** *как* ***одно из предварительных условий эффективного личностного развития и социализации. Значимость данного*** *навыка* ***нашла отражение в создании PISA*** *– «Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся».*

4. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что основным приёмом перефразирования, к которому прибегают современные русскоязычные онлайн-службы, является подстановка синонимов. Кроме того, используются такие способы, как подбор гипонимов и гиперонимов, добавление лексических единиц, не влияющих на содержание высказывания, описательное перефразирование и изменение синтаксической структуры. Случаев перестановки элементов и их опущения обнаружено не было, как и случаев антонимического перефразирования. По-видимому, эти приёмы не предусмотрены сервисными алгоритмами.

Суммировав свои профессиональные наблюдения и данные словарей, мы разработали список популярных слов и выражений общенаучной тематики, включающий 100 доминант, сопровождаемых перечнем тождественных и / или близких по значению

лексических единиц. Данный список может оказаться полезным для корректирования настроек синонимайзеров, работающих с русским научным текстом.

А пока качество услуг, предоставляемых отечественными синонимайзерами в 2020 году, представляется весьма низким, неудовлетворительным. Нет ощущения, что они когда-нибудь смогут конкурировать с живыми рерайтерами, имеющими богатый редакторский опыт и / или высшее филологическое образование. Но даже если это произойдёт, люди, как нам кажется, не должны сдаваться «на милость победителя». В отличие, например, от навыков межъязыкового перевода или стилистической обработки текста, навыки перефразирования (изложения своими словами) нужны каждому взрослому человеку, вне зависимости от выбранной им профессии. Они развивают вербальные способности или, по крайней мере, удерживают их от деградации, а также приносят бóльшую косвенную пользу познавательным процессам – вниманию, памяти и мышлению. Отказ от формулирования не менее рискован, чем отказ от запоминания фактической информации – тот грех перед мыслью, к которому склоняет неокрепшие умы «змей-искуситель» Интернет.

Список литературы

Абрамов, 1999 – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. 431 с.

Александрова, 2010 – Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М. : Дрофа, 2010. 564 с.

Бабенко, 2009 – Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М. : АСТ-Пресс Книга, 2009. 576 с.

Бабенко, 2011 – Бабенко Л. Г. Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: ок. 30000 слов-синонимов. М. : Астрель, Lingua, АСТ, 2011. 829 с.

Белый и др., 2015 – Белый А. М., Головина Д. А., Милованов М. М. Разработка и программная реализация приложения для уникализации текстовой информации // Теплотехника и информатика в образовании, науке и производстве (ТИМ'2015) : сб. докладов IV Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных с международным участием, посвящённой 95-летию основания кафедры и университета (г. Екатеринбург, 26–27 марта 2015 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 199–203.

Евгеньева, 1999 – Евгеньева А. П. Словарь русского языка : в 4-х т. 4-е изд., стер. Т. 3. П–Р. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. 750 с.

Ефремова, 2006 – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3-х т. Т. 2. М–П. М. : АСТ, Астрель, Харвест, Lingua, 2006. 1168 с.

Кулинкович, 2010 – Кулинкович Т. О. Основы научного цитирования. Минск : БГУ, 2010. 58 с.

Научный …, 2008 – Научный журнал напечатал бессмысленную статью, написанную компьютером РИА Новости. 01.10.2008. URL : https://ria.ru/20081001/151750233.html#ixzz2XzNFuKEN.

Ожегов, 2010 – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М. : ОНИКС, Мир и образование, 2010. 736 с.

Чуксина, Яновская, 2008 – Чуксина О. В., Яновская Г. С. Развитие умений реферирования и аннотирования на основе текстов по специальности // Труды МАИ. 2008. № 31. URL : https://readera.org/razvitie-umenij-referirovanija-i-annotirovanija-na-osnove-tekstov-po-specialnosti-14326103.

Шастина и др., 2018 – Литературная педагогика: становление и перспективы / Е. М. Шастина, О. В. Шатунова, А. М. Борисов, Г. Н. Божкова // Научный диалог. 2018. № 12. С. 504–518.

Chi, Nguyen, 2017 – Chi D. N., Nguyen X. N. C. M. Paraphrasing in Academic Writing: a Case Study of Vietnamese Learners of English Language // Education in Asia. 2017. Vol. 8, N 1. P. 9–25. URL : http://www.leia.org/LeiA/LeiA%20VOLUMES/Download/LeiA_V8_I1_2017/LeiA_V8I1A02_Na_Mai.pdf.

Prentice, Kinden, 2018 – Prentice F. M., Kinden C. E. Paraphrasing tools, language translation tools and plagiarism: An Exploratory Study // International Journal for Educational Integrity. 2018. Vol. 14. N 11. URL : https://edintegrity.biomedcentral.com/articles/10.1007/s40979-018-0036-7.

Rogerson, McCarthy, 2017 – Rogerson A. M., McCarthy G. Using internet based paraphrasing tools: Original work, patchwriting or facilitated plagiarism? // International Journal for Educational Integrity. 2017. Vol. 13. N 2. URL : https://edintegrity.biomedcentral.com/articles/10.1007/s40979-016-0013-y.

UDC 81'33 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_161_174

Ivan S. Samokhin, Natalya M. Nepomnyashchikh
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation
alcrips85@mail.ru, n.nepomnyashih@yandex.ru

"Live" and "dead" paraphrasing: A research based on the services provided by modern online programmes

Abstract
The article explores the essence and basic techniques of paraphrasing (rewriting) of a Russian-language scientific text. The motivation for the study were modern requirements for the publication activity of teaching and research staff of Russian universities. The attempts of assessing the level of services provided by "synonymizers" – online paraphrasing tools – for Russian scientific text samples have not been discussed in linguistic literature. The synonymizers available on the Internet were given a task to process the introductory paragraph from the article "Literary Pedagogy: Formation and Prospects" by E. M. Shastina and colleagues. It was found that the main method of paraphrasing that modern online services apply is the use of synonyms, along with such methods as selecting hyponyms and hypernyms, descriptive rewriting, changing the syntactic structure and adding lexical units that do not affect the content of the utterance. We conclude that at the present, synonymizers cannot compete with people – the quality of paraphrasing performed by all tested online services turned out unsatisfactory compared to the human-made version that involves the same techniques but with a completely different result. Besides, the article presents "The list of popular words and phrases used in scientific texts (with identical and similar vocabulary)" developed by the authors.

Keywords: paraphrasing, rewriting, synonymizer, uniqueizer, scientific text, Antiplagiat (Anti-plagiarism) system.

© Samokhin I. S., Nepomnyashchikh N. M. 2021

For citation: Samokhin, I. S., Nepomnyashchikh, N. M. Perefrazirovanie «zhivoe» i «mertvoe»: issledovanie na materiale uslug, predostavlyaemykh sovremennymi onlayn-servisami ["Live" and "dead" paraphrasing: A research based on the services provided by modern online programmes]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 161–174. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_161_174.

References

Abramov, N. (1999). *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of Russian synonyms and similar expressions]. Moscow : Russkiye slovari Press.

Aleksandrova, Z. Ye. (2010). *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. Moscow : Drofa Press.

Babenko, L. G. (2009). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov* [Big explanatory dictionary of Russian verbs]. Moscow : AST-Press Kniga.

Babenko, L. G. (2011). *Sovremennyy slovar' russkogo yazyka. Sinonimy: boleye 5000 sinonimicheskikh trudov : ok. 30000 slov-sinonimov* [Modern dictionary of the Russian language. Synonyms: Over 5,000 synonymous lines: Approximately 30,000 synonymic words]. Moscow : Astrel', Lingua, AST.

Belyy, A. M., Golovina, D. A., Milovanov, M. M. (2015). Razrabotka i programmnaya realizatsiya prilozheniya dlya unikalizatsii tekstovoy informatsii [Development and programme implementation of an application for the uniqualization of text information]. *Teplotekhnika i informatika v obrazovanii, nauke i proizvodstve (TIM'2015)* [Heat engineering and informatics in education, science and production]: Proc. of the Fourth All-Russian scientific-practical conference of students, PhD students and young scientists dedicated to the 95th anniversary of the founding of the department and the University, with international participation (Yekaterinburg, March 26–27, 2015) (pp. 199–203). Yekaterinburg : Ural Federal University Press.

Yevgen'yeva, A. P. (Ed.). (1999). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]: In 4 volumes. 4th edition. Vol. 3. Moscow : Russkiy yazyk Press ; Poligrafresursy Press.

Yefremova, T. F. (2006). *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. In 3 volumes. Vol. 2. Moscow : AST, Astrel', Kharvest, Lingua.

Kulinkovich, T. O. (2010). *Osnovy nauchnogo tsitirovaniya* [Fundamentals of scientific citation]. Minsk : Belarusian State University Press.

Nauchnyy zhurnal napechatal bessmyslennuyu stat'yu, napisannuyu komp'yuterom [A scientific journal published a meaningless article written by a computer]. (2008). Retrieved from <https://ria.ru/20081001/151750233.html#ixzz2XzNFuKEN>.

Ozhegov, S. I. (2010). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by L. I. Skvortsova. 26th edition. Moscow : ONIKS, Mir i obrazovaniye Press.

Chuksina, O. V., Yanovskaya, G. S. (2008). Razvitiye umeniy referirovaniya i annotirovaniya na osnove tekstov po spetsial'nosti [Development of abstraction and annotation skills based on texts in the specialty]. *Trudy MAI* [Proceedings of Moscow Aviation Institute], 31. Retrieved from <https://readera.org/razvitie-umenij-referirovanija-i-annotirovanija-na-osnove-tekstov-po-specialnosti-14326103>.

Shastina, Ye. M., Shatunova, O. V., Borisov, A. M., Bozhkova, G. N. (2018). Literaturnaya pedagogika: stanovleniye i perspektivy [Literary pedagogy: Formation and prospects]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 12, 504–518.

Chi, D. N., Nguyen, X. N. C. M. (2017). Paraphrasing in academic writing: A case study of Vietnamese learners of English language. *Education in Asia*, 8 (1), 9–25. Retrieved from <http://www.leia.org/LeiA/LeiA%20VOLUMES/Download/LeiA_V8_I1_2017/LeiA_V8I1A02_Na_Mai.pdf>.

Prentice, F. M., Kinden, C. E. (2018). Paraphrasing Tools, Language Translation Tools and Plagiarism: An Exploratory Study. *International Journal for Educational Integrity*, 14 (11). Retrieved from <https://edintegrity.biomedcentral.com/articles/10.1007/s40979-018-0036-7>.

Rogerson, A. M., McCarthy, G. (2017). Using Internet Based Paraphrasing Tools: Original Work, Patchwriting or Facilitated Plagiarism? *International Journal for Educational Integrity*, 13 (2). Retrieved from <https://edintegrity.biomedcentral.com/articles/10.1007/s40979-016-0013-y>.

УДК 81'373.6 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_175_182

Сафаров Ринат Тагирович, Сафина Эльвира Ирфатовна
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
г. Казань, Российская Федерация
safar.rinat@yandex.ru, 7idillia@mail.ru

Систематизация некоторых названий птиц в татарском языке (на примере семейства рябковых)

Аннотация
Авторами исследования была поставлена цель в рамках статьи унифицировать орнитонимы конкретно взятого семейства, которые по-разному представлены в различных лексикографических источниках. Для достижения указанной цели был проведен обзор интересующих словарей, сопоставлены и проанализированы их данные, предложена новая терминология, соответствующая наиболее поздней классификации таксонов. Согласно разработанной авторами системе, названия родов птиц семейства рябковых сводятся к двум лексемам – *сажа* и *болдырык*. Для обозначения отдельных видов указанные названия конкретизируются словами с определенным признаком каждого конкретного вида. Кроме того, в статье рассмотрена этимология терминов, ареал их распространения и значения в различных языках. В том числе указаны и ошибочные этимологии. Результаты исследования могут быть полезными при составлении новых словарей татарского языка, а также учебников биологии на татарском языке.

Ключевые слова: татарский язык, терминология, зоонимическая лексика, орнитоним, этимология.

© Сафаров Р. Т., Сафина Э. И. 2021

Для цитирования: Сафаров Р. Т., Сафина Э. И. Систематизация некоторых названий птиц в татарском языке (на примере семейства рябковых) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 175–182. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_175_182.

1. Введение [Introduction]

Работа над терминами отдельно взятого языка осуществляется непрерывно, т. к. данная отрасль знания находится в постоянном развитии: с одной стороны, новые понятия и явления требуют поиска новых терминов, с другой, – уже устоявшаяся терминология нуждается в определённой конкретизации. Без предварительного лингвистического исследования работа над терминосистемой может оказаться неэффективной. Необходимо заметить, что зоонимическая терминология, в частности орнитонимы, давно вызывали интерес у лингвистов. Материала в виде статей и монографий по интересующему вопросу бесконечно много. Среди этого множества остановимся на наиболее обобщающих работах, близких к нашей проблематике.

В области славянских языков заслугами Л. Булаховского и др. многочисленных учёных, работавших по вопросам славянской этимологии, собран и освещён большой материал, относящийся к названиям птиц [Булаховский, 1948, с. 153–154]. Теоретические аспекты исследования русских орнитонимов с позиции лингвистики описаны Е. В. Никулиной [Никулина, 2017]. В тюркологии наиболее полно изучены названия птиц в узбекском [Базарова, 1978], чувашском [Петров, 1995], башкирском [Ишбирҙин, 1986] языках. В татарском языкознании зоонимическая лексика также не была обделена вниманием. В генетическом плане зоонимы исследованы в трудах Р. Г. Ахметьянова, наиболее системно – в его этимологическом словаре [Әхмәтьянов, 2015]. Диалектные названия животных

и птиц изучены З. Р. Садыковой [Садыкова, 1994]. На современном этапе зоонимической лексикой в составе общей терминосистемы занимается О. Н. Галимова, ряд статей которой касаются проблематики нашего анализа (см., напр., [Галимова, 2013]). Орнитонимы как самостоятельный предмет изучения исследованы в монографии Э. И. Сафиной [Сафина, 2006]. Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках была проанализирована К. А. Сахибуллиной [Сахибуллина, 2019].

Несмотря на большое количество трудов, в изучении названий птиц в татарском языке остаются лакуны. В частности, в настоящее время некоторые термины, представленные в отраслевых словарях, зафиксированы неодинаково и нуждаются в пересмотре и систематизации. В нашем случае это связано с биологической систематикой, одной из целей которой является наименование и описание таксонов, что непосредственно связано с терминотворчеством. Объектом исследования послужили названия птиц семейства рябковых в татарском языке, в обозначении видов которой наблюдается некоторое разночтение.

Теоретической базой послужили труды А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, Н. В. Васильевой [Суперанская и др., 2012], а также Ф. С. Фасеева [Фасеев, 1969], Р. Г. Ахметьянова [Әхмәтьянов, 2003] и др., касающиеся терминообразования и эволюции терминологии в общем и татарском языкознании.

Для анализа и упорядочения исследуемой терминологии необходимо решить следующие задачи: во-первых, выявить понятия, которые в разных лексикографических источниках обозначены разными, не совпадающими семантически, терминами; во-вторых, изучив соответствующую терминологию родственных и неродственных языков, предложить новые термины, соответствующие наиболее поздней биологической классификации; в-третьих, дать сведения о происхождении предложенных терминов. Решение поставленных задач позволит избежать разночтения в понимании названий птиц одного семейства и позволит установить родо-видовые разграничения между орнитонимами, которые относятся к разным семействам.

В современном татарском языке образование новых терминов тесно связано с русской терминологией. Главной причиной этого, на наш взгляд, является отсутствие употребления татарского в качестве рабочего языка в научной деятельности. Абсолютное большинство литературы по естественным наукам переводится с русского языка, в том числе и учебники. Наиболее поздние изменения, к примеру, в биологической систематике в русском языке через перевод отражаются и в татарском языке.

Опыт работы над составлением словарей татарского языка различных типов, в том числе терминологических, показал, что более поздние изменения в классификации таксонов требуют упорядочения, в том числе и разработку новых терминов, ибо «они специально создаются как искусственные единицы для номинации дефинируемых понятий, т. е. как средство выражения и отражения их сущности, как величины вспомогательные, производные от сущности понятий. Классификация терминов – дело лексиколога» [Суперанская и др., 2012, с. 138]. В данной статье мы попытались систематизировать зоологические термины в пределах одного семейства согласно наиболее поздней классификации, а также выявить происхождение предложенных терминов.

2. Систематизация названий птиц семейства рябковых [Developing a system of names for the birds of the Sandgrouse family]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для анализа послужили татарские названия птиц, имеющие отношение к семейству рябковых, а также такие орнитонимы, которые в определённых

источниках приписаны к указанному семейству. Количественно анализируемые лексемы составили порядка 20 единиц. Они были собраны вручную из словарей татарского языка общего и отраслевого типа [Березгин, 1914 ; Русча-татарча…, 1972 ; Биологический…, 1998 ; Халидов, Гаранин, 2001 ; Татар теленең..., 2015 ; Сафина, 2018]. Надо заметить, что были исследованы и такие лексикографические источники, где потенциально была вероятность обнаружить интересующие термины, однако таковых зафиксировано не было.

В работе применён комплексный подход с использованием таких методов исследования, как описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический. Интересующая лексика была собрана из источников методом сплошной выборки.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ словарей, в которых были зафиксированы названия птиц семейства рябковых, выявил следующее. В биологических словарях разных лет орнитониму *рябок* предложен эквивалент *дала күгәрчене* [Биологический..., 1998, с. 505 ; Халидов, Гаранин, 2001, с. 41], *семейству рябковые* (или *рябки*) – *дала күгәрченнәре*, букв. 'степные голуби' [Халидов, Гаранин, 2001, с. 41]. В словаре 1998 года эти птицы отнесены к *отряду голубинообразных* (*күгәрченсыманнар отряды*) [Биологический..., 1998, с. 505]. В более поздней систематике рябки были выделены в самостоятельный отряд с соответствующим названием *рябкообразные*. Однако эти изменения в словарях татарского языка не отражены.

По внешнему сходству *рябков* иногда называют *степными голубями*. По всей вероятности, в татарском языке именно последний вариант стал основой для калькирования, поэтому появилось название *дала күгәрчене*, букв. 'степной голубь'. В то же время в русскоязычной научной литературе предпочтение отдаётся одиночному термину *рябок*, соответствия которому в татарском нами не обнаружены. Проблема в понимании и определении птиц возникает при указании на их виды: *белобрюхий рябок* (тат. *ак корсаклы дала күгәрчене*), *желтогорлый рябок* (тат. *сары муенлы дала күгәрчене*) и др. Затруднение здесь вызывает слово *күгәрчен* (букв. *голубь*), поскольку данная лексема используется в татарском языке для передачи орнитонимов из семейства *голубиных*. Ассоциативно под *рябком* понимается один из видов голубей, что не совсем верно, т. к. происходит смешение родо-видовых отношений: *күк күгәрчен (сизый голубь)*, *кыр күгәрчене (вяхирь)* и т. д. – виды голубей, *дала күгәрчене* (*рябок*) – род птиц из *семейства рябковых*. Виды из данного семейства будут образованы с использованием родового понятия. При этом особенно смысл теряет в татарском языке перевод таких названий как *пустынный рябок*, который будет звучать букв. *пустынный степной голубь* (тат. *чүл дала күгәрчене*).

Название другой птицы из семейства рябковых – *саджи* – в словарях татарского языка также не совсем доработано. В русско-татарском биологическом словаре *саджа* (то же, что и *копытка*) переведена как *дала күгәрчене, саджа, болдырык* [Биологический..., 1998, с. 105]. Несмотря на то, что *саджа* обитает на территории современного Татарстана, мы не обнаружили в лексикографических источниках какой бы то ни было лексемы, обозначающей эту птицу. Словарный материал не вносит чёткого разграничения между *рябком* и *саджой*. И тот, и другой переведены одним сочетанием, для выделения второго также предложено русское заимствование.

Изучив письменные источники и материалы тюркских языков, мы пришли к выводу, что наиболее оптимальным и научно обоснованным для татарского языка будет использование терминов *болдырык* и *сажа*, на основе которых будут образованы производные от них термины.

Согласно современной классификации, для обозначения исследуемых нами птиц, используются следующие термины: *рябкообразные* (отряд), *рябковые* (семейство), *саджи и рябки* (роды). Далее роды подразделены на виды. Соответственно в татарском языке отряд будет *болдырыксыманнар*, семейство – *болдырык кошлар* или *болдырыкчалар*, роды – *сажҗалар* и *болдырыклар*, виды – *гади сажҗа, Тибет сажҗасы, ак корсаклы болдырык, Мадагаскар болдырыгы* и т. д.

К вопросу о вариативном использовании названия семейства есть два подхода. Составитель «Татарско-русско-латинского словаря орнитонимов» Э. И. Сафина последовательно использует модель *название вида + кошлар* 'птицы': *соколиные – лачын кошлар* (букв. сокол + птицы), *удодовые – һөдһөд кошлар* (букв. удод + птицы) и др. Эта же форма передачи названий семейств применена в «Биологическом русско-татарском толковом словаре». Модель *название вида + -чалар*, как правило, применяется в систематике названий растений: *норичниковые – сыражҗчалар, амарантовые – алабутачалар* и др. По принципу единообразия однотипных терминов, некоторые источники названия семейств птиц фиксируют согласно последней модели: *соколиные – лачынчалар* и др.

Рассмотрим исследуемые нами термины *сажҗа* и *болдырык* с генетического ракурса. В татарский язык слово *сажҗа* заимствовано из русского языка. Впервые зафиксировано в «Русско-татарском толковом словаре биологических терминов» 1998 г. [Биологический..., 1998, с. 508]. Посредством русского языка слово заимствовано и в другие языки. Ср. в белорус., укр. *саджа*, словен. *sadža*, словак. *саджа*, литв. *sadža*, серб. *саџе*, хорв. *sadže* [Аникин, 2000, с. 472]. Языком-источником лексемы является китайский, в котором 沙鸡 shājī < 沙[的] *shā[de]* 'песочный' и 鸡 jī 'курица', т. е. 'курица песочного цвета' [Этимологический словарь китайского…, 1984]. Что касается казахского *сажы* 'копытка' [Бектаев, 1995, с. 393], то оно может быть как прямым заимствованием из китайского языка, так и заимствованием из русского, адаптированного под казахский язык, поскольку фонетически более близко к языку-источнику. Попытку А. Е. Аникина связать рус. *саджá* с писм.-монг. *sayaǯiγai* 'сорока' [Аникин, 2000, с. 472] следует считать ошибочной, т. к. последнее слово является гомогенным современному татарскому *саескан* 'сорока', которое восходит к общетюркскому *сақсаған* 'сорока', имеет параллели в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [Этимологический словарь тюркских…, 2003, с. 177–181]. Следует отметить, что орфографическое оформление слова в татарском языке в виде *сажҗа* (не *саджа*), на наш взгляд, более целесообразно.

Лексема *болдырык* в письменных источниках татарского языка впервые зафиксирована в работе И. Березгина «Словарь татарского языка с начертанием слов русскими буквами, с повторением их по-татарски и с переводом на русский язык» в форме *булдурук* بولدوروق 'степной рябок' [Березгин, 1914, с. 39]. Данный словарь в татарской лексикологии проанализирован недостаточно. Предварительный обзор показал, что под татарским составитель понимал некую тюркскую общность, по этой причине в данное издание включены как татарские, так и казахские, киргизские лексические единицы, что чётко отражено в их фонетическом оформлении. Вероятнее всего, анализируемое слово было зафиксировано именно в тюркских языках Средней Азии и Кавказа, в современных словарях которых оно последовательно представлено. Ср.: к.-калп. *булдырық*, каз. *бұлдырық*, кырг. *булдурук*, үзб. *булдуруқ*, аз. *büldürük* со значением различных птиц, как правило, 'рябок, саджа' или 'рябчик'.

Конкретно в татарских источниках слово *болдырык* зафиксировано в «Русско-татарском биологическом словаре» 1972 г. в качестве перевода орнитонима *саджа* [Русско-татарский…, 1972, с. 105]. В дальнейшем прослеживается включение данного термина в отраслевые словари [Сафина, 2018, с. 24–25], и толковые словари татарского языка [Татар теленең аңлатмалы..., 2015, с. 562].

Любопытно, что различные варианты данного слова бытовали в говорах русского языка, преимущественно в южнорусской зоне. В диалектные и этимологические словари включены *билдерюк* [СРНГ, 1966, с. 291], *больдурук* [Шипова, 1976, с. 86], *булдюрюк* [Аникин, 2000, с. 140], которые авторами возводятся к тюркским языкам.

Этимология слова была предложена киргизским исследователем К. Сейдакматовым, который предположил, что кирг. *булдурук* могло быть образовано путём присоединения словообразовательного аффикса *-ук* к корню *булдур* со значением 'пёстрый, рябой', сохранившемуся в качестве компонента парного слова [Сейдакматов, 1988, с. 67]. Мы склонны согласиться с таким мнением. Номинация птиц по признаку цвета широко распространённое явление. Предложенную этимологию подкрепляет татарская диалектная лексема *болдыр-у* в значении 'рябить (о воде)' [ЗДС, 2009, с. 128]. Таким образом, общая семантика корня исследуемого слова может означать понятие 'рябой', что, в свою очередь, перекликается и с названием птицы на русском языке – *рябок*.

3. Заключение [Conclusion]

Таким образом, обзор лексикографических источников татарского языка показал, что при предоставлении определённой информации в них могут быть разночтения и противоречия. В статье нами были выявлены подобные разночтения, предложена новая система для названия птиц из семейства рябковых в татарском языке. Историко-этимологический анализ лексем, взятых за основу данной системы, показал, что они зафиксированы в различных языках, в том числе в татарском и русском, обозначают различные названия птиц, как правило, имеющих рябое оперение. Некоторыми исследователями была предложена ложная этимология рассматриваемых единиц, которая нами была опровергнута. Это касается происхождения лексемы *саджá* в русском языке, которая, по мнению А. Е. Аникина, восходит к письм.-монг. первоисточнику. Однако указанное слово имеет параллели в современных тюркских и тунгусо-маньчжурских языках, означает, как правило, 'сороку', ни фонетически, ни семантически не может быть этимоном для русского *саджа*. Этимология слова связана с китайским орнитонимом.

Анализ и систематизация данных в настоящей работы имеют важное практическое значение, которое заключается в том, что достигнутые результаты могут быть использованы при конкретизации и упорядочивании татарской зоонимической терминологии. Кроме того, материалы исследования могут быть полезными при составлении переводных, толковых и др. словарей татарского языка, при создании учебников по биологии и т. д.

Список литературы

Аникин, 2000 – Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Новосибирск, 2000. 772 с.

Әхмәтьянов, 2015 – Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том (А–Л). Казан : Мәгариф – Вакыт, 2015. 543 б. II том (М–Я). Казан : Мәгариф – Вакыт, 2015. 567 б.

Әхмәтьянов, 2003 – Әхмәтьянов Р. Г. Татар терминологиясенең тарихи чыганаклары. Казан : Татар. кит. нәшр., 2003. 174 б.

Базарова, 1978 – Базарова Д. Х. История формирования и развития зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан, 1978. 224 с.

Бектаев, 1995 – Бектаев К. Большой казахско-руский, русско-казахский словарь. Алматы, 1995. 703 с.

Березгин, 1914 – Березгин И. П. Словарь татарского языка с начертанием слов русскими буквами, с повторением их по татарски и с переводом на русский язык. Уральск : Уральская обл. тип., 1914. 253 с.

Биологический..., 1998 – Биологический русско-татарский толковый словарь: ок. 10000 слов / под ред. Ф. Г. Ситдикова, Р. К. Закиева. Казань : Магариф, 1998. 656 с.

Булаховский, 1948 – Булаховский Л. А. Общеславянские названия птиц // Изв. Акад. наук СССР. Отд-ие литер. и яз. 1948. Т. VII. Вып. 2. С. 97–125.

Галимова, 2013 – Галимова О. Н. Зоонимы с половой характеристикой как единицы терминосистемы (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5. Ч. 2. С. 43–46.

ЗДС, 2009 – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. 839 б.

Ишбирҙин, 1986 – Ишбирзин Э. Ф. Башҡортостан ҡоштары (белешмә китап). Өфе : Башҡорт. кит. Нәшр., 1986. 168 б.

Никулина, 2017 – Никулина Е. В. Русские орнитонимы как объект лингвистических исследований // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы II Международной научно-практической конференции памяти профессора кафедры английской филологии Ф. А. Литвина. Орёл : Орловский гос. ун-тет им. И. С. Тургенева, 2017. С. 328–331.

Петров, 1995 – Петров Л. П. Чувашская орнитонимия и история ее формирования : дис. … канд. филол. наук : 10.02.06 / Петров Леонид Порфирьевич. Чебоксары, 1995. 147 с.

Русча-татарча…, 1972 – Русча-татарча биология терминнары сүзлеге / Төз. О. Ж. Курмаев җитәкчелегендәге коллектив. Казан : Татар. кит. нәшр., 1972. 168 б.

Садыкова, 1994 – Садыкова З. Р. Зоонимическая лексика татарского языка. Казань, 1994. 128 с.

Сафина, 2006 – Сафина Э. И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань : Дом печати, 2006. 160 с.

Сафина Э. И. Татарча-русча-латинча кош атамалары сүзлеге. Казан : ТӘhСИ, 2018. 184 б.

Сахибуллина, 2019 – Сахибуллина К. А. Лексико-семантическая группа «орнитонимы» в английском и татарском языках : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Сахибуллина Кадрия Азатовна ; Казанский (Приволжский) фед. ун-т. Казань, 2019. 177 с.

Сейдакматов, 1988 – Сейдакматов К. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. Фрунзе : Илим, 1988. 334 б.

СРНГ, 1966 – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Ба – Блазниться. М. ; Л. : Наука, 1966. 316 с.

Суперанская и др., 2012 – Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. 6-е изд. М. : Либроком, 2012. 248 с.

Татар теленең аңлатмалы..., 2015 – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: I том: А–В. Казан : ТӘhСИ, 2015. 712 б.

Фасеев, 1969 – Фасеев Ф. С. Татар телендә терминология нигезләре. Казан : Татар. кит. нәшр., 1969. 200 б.

Халидов, Гаранин, 2001. – Русско-татарский, татарско-русский словарь биологических терминов / сост. А. Б. Халидов, В. И. Гаранин. Казань : Магариф, 2001. 95 с.

Шипова, 1976 – Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976. 392 с.

Этимологический словарь китайского…, 1984 – Этимологический словарь китайского языка. В 4-х т. Гонконг : Изд-во Шаньу Иньшугуань, 1984. URL : http://www.sibagu.com/china/pteroclididae.html.

Этимологический словарь тюркских…, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М. : Восточная литература, 2003. 446 с.

UDC 81'373.6 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_175_182

Rinat T. Safarov, Elvira I. Safina
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
safar.rinat@yandex.ru, 7idillia@mail.ru

Systematization of some names of birds in the Tatar language (On the example of the Sandgrouse family)

Abstract
The current article aims at unifying ornithonyms of a particular family presented in different ways in various lexicographic sources. To achieve this goal, a review of the dictionaries of interest was carried out, their data were compared and analyzed, and a new terminology was proposed, corresponding to the most recent classification of taxa. According to the system we developed, the names of the genera of birds of the Sandgrouse family are reduced to two lexemes – *сажа (saja)* and *болдырык (boldyryk)*. To designate certain types, names were specified with words denoting a relevant feature of a particular type. In addition, the article discusses the etiology of terms, their distribution and meanings in various languages. Erroneous etymologies are also indicated. The research results might be useful in compiling new dictionaries of the Tatar language, as well as biology coursebooks in the Tatar language.

Keywords: Tatar language, terminology, zoonymic vocabulary, ornithonym, etymology.

© Safarov R. T., Safina E. I. 2021

For citation: Safarov, R. T., Safina, E. I. Sistematizatsiya nekotorykh nazvaniy ptits v tatarskom yazyke (na primere semeystva ryabkovykh) [Systematization of some names of birds in the Tatar language (On the example of the Sandgrouse family)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 175–182. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_175_182.

References

Anikin, A. E. (2000). *Etimologicheskiy slovar' russkikh dialektov Sibiri* [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk.

Akhmetyanov, R. G. (2015). *Tatar teleneng etimologik suzlege* [Etymological dictionary of the Tatar language]. Vol. 1 : (A–L). Kazan. Vol. 2 : (M–YA). Kazan : Məgarif – Vakyt.

Akhmetyanov R. G. (2003). *Tatar terminologiyaseneng tarikhi chyganaklary* [Historical sources of Tatar terminology]. Kazan : Tatar. kit. nəshr. Press.

Bazarova, D. Kh. (1978). *Istoriya formirovaniya i razvitiya zoologicheskoy terminologii uzbekskogo yazyka* [The history of the formation and development of zoological terminology of the Uzbek language]. Tashkent : Fan Press.

Bektaev, K. (1995). *Bol'shoy kazakhsko-ruskiy, russko-kazakhskiy slovar'* [Comprehensive Kazakh-Russian, Russian-Kazakh dictionary]. Almaty.

Berezgin I. P. (1914). *Slovar' tatarskogo yazyka s nachertaniem slov russkimi bukvami, s povtoreniem ikh po tatarski i s perevodom na russkiy yazyk* [Dictionary of the Tatar language with the outline of words in Russian letters, with their repetition in Tatar and with translation into Russian]. Uralsk : Uralskaya obl. Press.

Sitdikov, F. G., Zakiev, R. K. (Eds). (1998). *Biologicheskiy russko-tatarskiy tolkovyy slovar'* [Biological Russian-Tatar Explanatory Dictionary]. Kazan: Magarif Press.

Bulakhovskiy, L. A. (1948). Obshcheslavyanskie nazvaniya ptits [Common Slavic names of birds]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd-ie liter. i yaz.* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in literature and Language], VII (2), 97–125.

Galimova, O. N. (2013). Zoonimy s polovoy kharakteristikoy kak edinitsy terminosistemy (na materiale tatarskogo yazyka) [Zoonyms with sexual characteristic as term-system units (By the material of the Tatar language)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 5 (2), 43–46.

Bayazitova, F. S. Ramazanova, D. B., Sadyykova, Z. R., Khəyretdinova, T. Kh. (Eds).(2009). *Tatar teleneng zur dialektologik suzlege (ZDS)* [Comprehensive dialect dictionary of the Tatar language]. Kazan : Tatarstan book Press.

Ishbirzin, E. F. (1986). *Bashqortostan qoshtary (beleshmə kitap)* [Birds of Bashkortostan (index)]. Ufa : Bashqort. kit. nashr. Press.

Nikulina, E. V. (2017). *Russkie ornitonimy kak obyekt lingvisticheskikh issledovaniy* [Russian ornithonyms as an object of linguistic research]. Orel : Orel State University Press.

Petrov, L. P. (1995). *Chuvashskaya ornitonimiya i istoriya ee formirovaniya* [Chuvash ornithonymy and the history of its formation] : PhD in Philological sci. diss. Cheboksary.

Kurmaev, O. Zh. (Ed.). (1972). *Ruscha-tatarcha biologiya terminnary suzlege* [Russian-Tatar dictionary of biological terms]. Kazan : Tatarstan book Press.

Sadykova, Z. R. (1994). *Zoonimicheskaya leksika tatarskogo yazyka* [Zoonymic vocabulary of the Tatar language]. Kazan.

Safina, E. I. (2006). *Nazvaniya ptits v tatarskom yazyke i ikh leksikografirovanie* [Bird names in the Tatar language and their lexicography]. Kazan : Dom pechati Press.

Safina E. I. (2018). *Tatarcha-ruscha-latincha kosh atamalary suzlege* [Tatar-Russian dictionary of ornithonyms]. Kazan : Institute of Language, Literature and Arts Press.

Sakhibullina, K. A. (2019). *Leksiko-semanticheskaya gruppa «ornitonimy» v angliyskom i tatarskom yazykakh* [Lexico-semantic group "ornithonyms" in English and Tatar languages] : PhD in Philological sci. diss. Kazan : Kazan Federal University.

Seydakmatov K. (1988). *Kyrgyz tilinin kyskacha etimologiyalyk sozdigi* [Brief etymological dictionary of the Kyrgyz language]. Frunze : Ilim Press.

SRNG (1966). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects] (Issue 2. Ba – Blaznit'sya). Moscow ; Leningrad : Nauka Press.

Superanskaya A. V., Podol'skaya N. V., Vasil'eva N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Theoretical issues]. Moscow : Librokom Press.

Tatar teleneng anglatmaly suzlege [Explanatory dictionary of the Tatar language]. (2015). Vol. 1 : A–V. Kazan : Institute of Language, Literature and Arts Press.

Faseev F. S. (1969). *Tatar telenda terminologiya nigezlare* [Basics of terminology in the Tatar language]. Kazan : Tatarstan Book Press.

Khalidov, A. B. , Garanin, V. I. (2001). *Russko-tatarskiy, tatarsko-russkiy slovar' biologicheskikh terminov* [Russian-Tatar, Tatar-Russian dictionary of biological terms]. Kazan : Magarif Press.

Shipova E. N. (1976). Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke [Dictionary of Turkisms in Russian]. Alma-Ata.

Etimologicheskiy slovar' kitayskogo yazyka. (1984). [Etymological Dictionary of the Chinese Language]. Honkong. Retrieved from <http://www.sibagu.com/china/pteroclididae.html>.

Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy «L», «M», «N», «P», «S» [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic bases for the letters "L", "M", "N", "P", "S"]. (2003). Moscow : Vostochnaya literatura Press.

УДК 81 (=512.212) doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191

Ушницкая Наталья Юрьевна
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (ИГИиПМНС СО РАН)
г. Якутск, Российская федерация
maltak84@mail.ru

Концепт «*Бэюмэкит* / охота» в языковой картине мира эвенков

Аннотация
Сохранение концептосферы эвенков является одной из важнейших задач современных лингвистов-эвенковедов. Настоящее исследование вносит вклад в решение указанной задачи. В статье рассматривается лингвокультурный концепт «*Бэюмэкит*» 'охота' в языковой картине мира эвенков. Материалом для исследования послужили двуязычные словари, сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков, а также тексты, записанные от современных носителей эвенкийского языка. Было проанализировано более 200 лексических единиц, эксплицирующих концепт, которые были распределены по шести группам: 1) охотник, 2) пушные звери; 3) копытные звери, 4) место охоты, 5) собака (помощник охотника), 6) глаголы, обозначающие процесс охоты. При этом самыми частотными оказались Группа 2 и Группа 3. Результаты исследования показали, что исследуемый концепт является базовым концептом в сознании эвенков, отражающим их мировосприятие. Судя по разнообразию лексических единиц и их групп, охота воспринимается одним из важных традиционных видов деятельности, а концепт «Бэюмэкит / охота» играет ведущую роль в языковой картине мира эвенков, равно как и носителей других тунгусо-маньчжурских языков.

Ключевые слова: языковая картина мира, эвенкийский язык, концепт, бэюмэкит 'охота'.

© Ушницкая Н. Ю. 2021

Для цитирования: Ушницкая Н. Ю. Концепт «Бэюмэкит / охота» в языковой картине мира эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 183–191. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191.

1. Введение [Introduction]

Впервые в отечественной науке термин «концепт» был употреблен С. А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Одним из основных выводов в его статье является определение существенной функции концепта – функции заместительства: «Концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода… Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость» [Аскольдов, 1997, с. 269–270]. К определению данного понятия учёные подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. Но прежде всего концепт является базовой категорией лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Ю. Е. Прохоров выделяет следующие подходы к пониманию концепта [Прохоров, 2008, с. 25–27]:

– концепт как лингвокультурный феномен (В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, С. Г. Воркачев);

– концепт как лингвокогнитивное явление (Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин);

– концепт как психолингвистическое явление (В. Я. Мыркин, А. А. Залевская);

– концепт как культурное явление (Ю. С. Степанов);

– концепт как лингвистическое явление (Л. О. Чернейко, М. В. Пименова).

Принципы комплексного моделирования лингвокультурных концептов и метаконцептов разработал Г. Г. Слышкин [Слышкин, 2004] на богатейшем материале словарей, текстовых корпусов, фильмов, публицистических текстов и интернет-текстов.

Ю. С. Степанов понимает концепт, как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 2001, с. 43]. З. Д. Попова и И.А. Стернин, на наш взгляд, справедливо утверждают, что «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует сегодня в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин, 2007, с. 29–30].

Исследования концептов проводились на материале многих языков: русского, английского, немецкого, французского, и т. д. Так, например, С. Г. Воркачев исследовал русско-английские параллели телеономных концептов «Любовь» и «Счастье» [Воркачев, 2003], Г. Г. Слышкин работал на материале трёх языков – русского, английского и немецкого [Слышкин, 2004]. Е. С. Абаева изучала лингвокультурологический аспект концепта «судьба» на материале английского, русского и французского языков [Абаева, 2007]. Также концепты исследовались на материале эвенкийского языка: концепты «Человек», «Природа», «Цвет») [Мерекина, 2008], сопоставительные работы на материале русского, английского и эвенкийского языков (концепты «Душа» / «Дух», «Судьба», «Счастье») [Черникова, 2005 ; Ушницкая, 2020].

Концепты, взаимодействуя друг с другом, образуют сложную систему связей между собой и формируют таким образом концептосферу или картину мира. Само понятие «концептофера языка» ввёл в лингвистику Д. С. Лихачев. Он понимает под концептосферой национальный потенциал, открываемый в словарном запасе отдельного человека и всего языка в целом [Лихачев, 1993, с. 5]. Как считает А. Зализняк и соавторы, «Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость*» [Зализняк и др., 2005, с. 10]. В языковой картине мира эвенков, живущих бок о бок с русскими и другими народами на территории РФ, ключевые концепты заключены в таких словах как *буга* 'небо, родина, природа', *орон* 'олень', *нулги* 'кочевка', *сиӈкэн* 'охотничья удача, дух охоты', *куту* 'счастье', *бэюмэкит* 'охота' [Ушницкая, 2018, с. 123–125]. При этом, как мы видим, лишь один концепт «Счастье» из этих списков является общим.

Ц е л ь ю данной статьи стало исследование концепта «Бэюмэкит / охота» в языковой картине мира эвенков». В целом, концепт «Охота» не является новым. Часть работ, посвящённых концепту «Охота», носит литературоведческий характер и выполнены на материале произведений С. Т. Аксакова, А. П. Чехова [Жилякова, Хохлова, 2013 ; Хохлова, 2015], другие имеют лингвокультурологический характер (см., напр., работу на материале специализированных охотничьих журналов [Ерофеева, Бочарников, 2018]). На материале немецкого языка (словари, охотничьи сайты, книга, посвящённая охоте, данные корпуса – периодические издания) произведена подробная лексико-семантическая классификация охотничьей лексики [Целыхова, 2009].

Между тем, в настоящее время не имеется работ, посвящённых концепту «Охота» в языковой картине мира эвенков, которые бы отражали лингвокультурологический подход к исследованию концепта. Этим объясняется новизна настоящего исследования.

Для эвенков, как и для всех тунгусо-маньчжурских народов, охота всегда была главной отраслью хозяйства. Для многих эвенков, ведущих традиционный образ жизни, она также остаётся важным видом деятельности. Охота как необходимый вид деятельности для проживания в лесу сформировал у эвенков особую культуру и языковую картину мира. Г. М. Василевич отмечает, что «терминология, относящаяся к некоторым животным и мелким парнокопытным, общая для всех тунгусо-маньчжурских языков, говорит об исконности охоты» [Василевич, 1969, с. 53].

Охота на сегодняшний день для некоторой части эвенков, которые сохранили традиционный образ жизни, остаётся важным видом деятельности. Кроме того, процент владения родным языком среди них выше. Концепт «Охота / бэюмэкит» охватывает большую часть лингвокультуры эвенков. Поэтому исследование данного концепта необходимо для охранения эвенкийского языка в целом. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

Богатство эвенкийского языка лексикой, обозначающей охоту, даёт возможность выдвинуть следующую г и п о т е з у: концепт «Бэюмэкит / охота» является базовым исконным концептом в лингвокультуре эвенков.

2. Структура лингвокультурного концепта «*Бэюмэкит* / охота» [The structure of linguocultural concept «Beyumekit / Hunt»]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Для исследования концепта «Охота / бэюмэкит» были рассмотрены материалы сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских народов, эвенкийско-русского словаря А. Н. Мыреевой, русско-эвенкийского словаря Г. М. Василевич. Лексические единицы для корпуса исследования были получены методом сплошной выборки: из словарей было отобрано более 200 лексических единиц, с которыми далее был проведён анализ словарных дефиниций.

Для исследования ценностной и образной составляющих концепта были изучены работы Г. М. Василевич, А. Ф. Анисимова, а также полевые записи аутентичных текстов, записанных от информантов, хорошо знающих эвенкийский и русский языки: А. Л. Колесова (1992 г. р., с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)), Е. А. Колесова (1994 г. р., с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)), С. В. Васильева (1984 г. р., с. Иенгра, Нерюнгринский район, Республика Саха (Якутия)), Г. В. Попов (1957 г. р., с. Хамакар, Катангский район Иркутская область), Ю. Ю. Мальчакитов (1960 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край), М. Г Мальчакитова (1958 г. р., с. Кюсть-Кемда, Каларский район, Забайкальский край). Все вышеперечисленные информанты в настоящее время занимаются традиционными видами деятельности: охотой, оленеводством, что свидетельствует о достоверности полученной информации. От информантов было записано 10 текстов, которые были расшифрованы, переведены на русский язык; далее был проведён лингвокультурологический анализ этих текстов.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Лексические единицы были распределены по шести тематическим группам: 1) охотник, 2) пушные звери; 3) копытные звери, 4) место охоты, 5) собака (помощник охотника), 6) глаголы, обозначающие процесс охоты. Группа 2 «Пушные звери» оказалась самой многочисленной. В данную группу мы включили медведя и волка, которые являются почитаемыми, согласно мировоззрению эвенков. Некоторые из названий этих животных являются эвфемизмами. Так, медведя называют *ӈэлэму бэйӈэ* 'страшный зверь', *оһиктачи бэйӈэ* 'зверь с когтями', *коӈнорин* 'чёрный', терминами

родства: *амикан* 'дедушка', *этырку* 'старик', *эбэкэ* 'бабушка' и т. д. Также имеются половозрастные наименования медведя: *баркана* 'медведица с прошлогодним медвежонком', *бирин* 'медведица, не имеющая медвежат', *баркачан* 'медвежонок до года', *сатымар* 'медведь-самец' и другие.

Довольно многочисленной оказалась Группа 3 «Копытные звери». Имеются сезонные и половозрастные наименования копытных зверей: *мэӈэту* 'дикий олень, бык', *неӈчэн* 'самец дикого оленя' (зимнее и весеннее название), *курайка* – весенне-летнее название самца дикого оленя; *лукучон* 'лось-самец четырёх-пяти лет', *лукучоткон* 'самец (телёнок) лося', *анам* 'лось перед гоном' (осенью) и другие. Очевидно, что большинство лексических единиц представлено существительными (кроме группы 6).

Обратимся к сравнительному словарю тунгусо-маньчжурских народов [ССТМЯ, 1977, Т. I, с. 120–122]: «Эвенк. *Бэјӈэ*: 1) зверь; 2) пушной зверь, пушнина; 3) охотиться на пушного зверя; *бэјӈэлэн* 'хороший охотник' ('мастер охоты на пушного зверя'). Эвен. *бэјлэк* 'рыбалка'; *бэјнэ* 'идти на охоту'; *бэјӈэт/ч* 'охотиться'; *бэјчилэн* 'хороший охотник'. Нег. *бэјигдэ* 'охотничья собака'; *бэјинмукдэ* 'охотничья нарта'; *бэјиннэ* ~ *бэјинӈэ*: 1) охотиться; 2) ловить рыбу; *бэјиӈэ* 'пушной зверь, пушнина'. Орок. *бэјиӈэ~бэјӈэ~бэјэӈэ*: 1) зверь; 2) добыча; *бэјсэ*: 1) охотничья собака; 2) щенок; *бэјчи-*; 1) охотиться; 2) промышлять самострелом; *бэјчу*: 1) охота 2) место промысла (зверя или рыбы); *бэјчуку* 'место охоты'. Нан. *бэјӈэ* 'зверь'; *бэјчи* 'подкрадываться'.

Эвенк. *бэју* 'охотиться на копытного зверя'; *бэјуктэмни*, *бэјумимни*, *бэјумимӈу* 'охотник на копытного зверя'; *бэјулэн* 'мастер-охотник (на копытного зверя)'; *бэјун* 'копытный зверь'. Эвен. *бују* 'идти на охоту, на промысел'; *бујуми* 'охотиться (на дикого оленя)'; *бујун*: 1) дикий олень; 2) зверь (вообще); *бујусэлэн* 'хороший, удачливый охотник'; *бујусэк* 'охота, промысел'. Нег. *бэју* 'идти на охоту (на лося)'; *бэјуксэ* 'шкура лося; *бэјуми* 'охотиться (на лося)'; *бэјумэн*: 1) собака (на лося), 2) хороший охотник (на лося); *бэјун* 'лось'. Нан. *бују* ~ *бэју*: 1) зверь (мясной); 2) лось, изюбрь; *бэјумэси* 'охотиться (на лося, изюбря и т. д.)'.

Исходя из вышесказанного следует вывод: лексика, относящаяся к охоте на крупного копытного зверя, во всех тунгусо-маньчжурских языках обозначается почти одинаково: *бујун~бэјун~бојун*; обозначение удачливого мастера-охотника на крупного копытного зверя: *бујусэлэн~бэјулэн~бэјумэн*. Лексика, касающаяся охоты на пушного зверя, также в тунгусо-маньчжурских языках почти одинакова: *бэјӈэ~бэјиӈэ* 'зверь, пушнина'; *бэјӈэлэн~бэјчилэн* 'охотник (мастер охоты на пушного зверя)' [ССТМЯ, 1977, Т. I, с. 120–122]. Таким образом, данные словаря свидетельствуют об исконности охоты, как основного традиционного вида деятельности и об исконности исследуемого концепта в культуре тунгусо-маньчжурских народов.

В русско-эвенкийском словаре Г. М. Василевич зафиксировано три слова, обозначающих охоту / промысел: *бэюмэкит, бэйӈэкит, булта* [Василевич, 2005, с. 62]. В эвенкийском языке различаются наименования охоты на пушного зверя и охоты на крупного копытного зверя. Так, *бэюмэкит* 'охота на крупного копытного зверя' происходит от *бэюн* 'дикий олень, крупный копытный зверь'; *бэйӈэкит* 'охота на пушного зверя' образована от *бэйӈэ* 'зверь (исключая парнокопытных)'. Слово *булта* имеет два значения: 1) охота; 2) добыча охотника (як. булт) [Мыреева, 2004, с. 106].

Охотник в языковой картине мира именуется в зависимости от объекта охоты. Так, охотник на крупного копытного зверя именуется *бэюктэмни* от *бэюн* (объект) 'крупный копытный зверь', *бэюлэн* 'мастер-охотник на крупных копытных зверей', *бэйӈэлэн* 'хороший охотник на пушного зверя' (от *бэйӈэ* 'зверь кроме парнокопытных'), *улумимни* 'охотник на белку', *улумилэн* 'хороший стрелок на белку' (от *улуки* 'белка'). Суффикс *-мни* образует имена существительные со значением деятеля, суффикс *-лан / -лэн / -лон* обозначает имена существительные со значением мастера, знатока своего дела.

Немаловажную роль играет собака в процессе охоты, поэтому она также входит в структуру исследуемого концепта. Собака выступает как помощник охотника и имеет свои названия в зависимости от объекта охоты: *улукимэн* 'собака, которая хорошо охотится на белку', *бэюмэн* 'собака для охоты (на лося, оленя)', *токиман* 'собака, хорошо охотящаяся на лося', *hорокиман* 'собака для охоты на глухаря', *hомотыман* 'собака (для охоты на медведя)', *некэмэн* 'собака, хорошо охотящаяся на соболя'. Суффикс *-ман / -мэн / -мон*, присоединяясь к названиям промысловых зверей и птиц, образует названия собак (реже людей), имеющих склонность к охоте на этих зверей.

В структуре концепта отражено также место или сам процесс охоты на того или иного зверя: *улумикит*: 1) охота на белку, 2) место, где охотятся на белку; *бэйҥэкит* 'место охоты (на пушного зверя)'; *бэюмикит*: 1) промысел (на лося, оленя), 2) место охоты; *амакамикит* 'место охоты на медведя'. Суффикс *-кит* обозначает место, где постоянно производится действие.

Важно отметить также глаголы, входящие в лексико-семантическую систему «Охота», обозначающие «пойти охотиться на того или иного зверя». Например, *бэюмэми* 'пойти на охоту на копытного зверя' (от *бэюн* 'крупный копытный зверь'); *некэмэми* 'отправиться на охоту за соболями' (от *некэ* 'соболь'); *эйгэмэми* 'отправиться на охоту за тарбаганами' (от *эйгэ* 'тарбаган'); *улумэми* 'пойти, уехать на охоту на белку' (от *улуки* 'белка'); *амакамами* 'идти на охоту на медведя' (от *амака* 'медведь'). Суффиксы *-ма / -мэ / -мо* имеют значение 'пойти на охоту, за добычей'.

В качестве иллюстрации приведём записи из наших полевых исследований.

Мальчакитова М. Г. (15 июля, 2020):

(1) *Омолгиhар, тэгэльтэнэ бэюмэдэвэр тар амнуннала солоки* – 'Юноши, завтра сходите на охоту на дикого оленя, туда на устье реки' (здесь и далее перевод наш – Н.У.).

(2) *Омолгиhар, эйгэмэдэвэр, эделин тыгдэллэ* – 'Юноши сходите на охоту на тарбагана, пока дождь не пошёл'.

(3) *Эр болониду эйгэе бултадави нэкэдем* – 'Этой осенью я хочу идти охотиться на тарбагана'.

(4) *Илаллали би эйгэмэдэви нэкэдем* – 'На три дня я хочу отправиться охотиться на тарбагана'.

(5) *Бэюкэл, омолги, си олускоhун биhинни* – 'Охоться на дикого оленя, ты быстрый'.

(6) *Эр яҥдула эйгэмэкэл, таду эйгэ бидегэн* – 'В эти горы иди охотиться на тарбагана, там они обитают'.

(7) *Тэгэльтэнэ бэюмэдэ солококи* – 'Завтра нужно сходить на охоту вверх по речке'.

(8) *Тыминин бэюмэдегэт Торава солококи* – 'Утром пойдём на охоту (на копытных зверей) вверх по речке Тора'.

(9) *Эйгэмэдэ Сакуканнырлатэгэльтэнэ* – 'Завтра нужно сходить на охоту (на тарбагана) на Сакуканныр'.

(10) *Эр омолги бульчуткакун, андагимагин нуҥан* – 'Этот юноша хороший охотник, пусть идёт охотиться на соболя'.

В структуре исследуемого лингвокультурного концепта «*Бэюмэкит*» важное место занимают охотничьи обряды и обычаи, самые главные из них: *сиҥкэлэвун* 'обряд добывания охотничьей удачи', *нимат* 'обычай дележа и дарения добычи', *имты* 'обряд кормления огня', *икэнипкэ* 'обряд погони за воображаемым оленем, убивания его и приобщения к мясу', медвежий праздник и другие.

Судьба эвенка полностью зависит от воли природы. Так, согласно мифологическим верованиям эвенков, верховное божество *Маин*, держит в руках нити жизни людей, животных и растений и посылает *сиҥкэн* 'охотничье счастье или охотничья удача'. Лексема *сиҥкэн* в эвенкийско-русском словаре имеет следующие значения: *сиҥкэн*:

1) удача на охоте; 2) дух-хозяин охоты ничьей территории; 3) насекомое, по поверьям, приносящее удачу на охоте:

(11) *Сиӈкэнмэ дявакса, тогоду буӈэтыс, тэли бэйӈэвэ вадиӈас* – 'Поймав насекомое-сиӈкэн, должен предать огню, тогда зверя добудешь'.

Этимология слова *сиӈкэн* объясняется в сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков. Согласно данному лексикографическому источнику, слово является общим тунгусо-маньчжурским, распространено во всех говорах эвенкийского языка и имеет значения: 1) удача, счастье (на охоте); 2) успешная, удачная охота; 3) дух-покровитель охоты и диких зверей [ССТМЯ, 1977, Т. II, с. 91]. Поэтому удачливого охотника называют *сиӈкэчи бэе* (дословно 'человек, имеющий охотничье счастье, удачу'), где суффикс -*чи* обозначает обладателя чего-либо.

3. Заключение [Conclusion]

Лингвокультурный концепт «*Бэюмэкит* / *охота*» в языковой картине мира эвенков является ментальным фрагментом, который даёт ключ к пониманию мировоззренческих установок этноса. Эвенки, занимаясь охотой, рыболовством и кочуя, как и в древние времена, остаются жить в природном окружении. Их мировоззренческие установки остались теми же: бережное отношение к природе как живой сфере, населенной животворными сущностями. До настоящего времени у эвенков соблюдаются все запреты по отношению к диким животным. С. А. Токарев справедливо утверждает, что «именно охотничьи запреты, приметы, поверья оказались исторически необычайно устойчивы; даже в наши дни охотники – самые суеверные люди. Причины этого в том, что в охотничьем и рыболовном промысле всегда велика роль риска, охотничьего «счастья», «удачи», нередко налицо и прямая опасность для самого охотника: человек здесь больше, чем в любой другой отрасли хозяйства, чувствует себя во власти стихийных сил, а порой прямо сознаёт свою беспомощность» [Токарев, 1990, с. 230–231].

Результаты анализа словарей и текстов, произведённых носителями эвенкийского языка, полностью подтвердили гипотезу исследования о базовом, исконном характере концепта «охота» в концептосфере эвенков, который был сформирован, в первую очередь, под влиянием охотничьего и кочевого образов жизни в сочетании с анимистическими воззрениями на природу. Об этом свидетельствует многообразие лексических единиц и их тематических групп, репрезентирующих данный концепт. Кроме того, исследование по данным словарей показало значительное сходство охотничьей лексики в разных тунгусо-манчьжурских языках. Лексема *бэюмэкит*, репрезентирующая исследуемый концепт в лингвокультуре эвенков, встречается практически во всех тунгусо-маньчжурских языках, что также свидетельствует об исконности данного концепта.

Список литературы

Абаева, 2007 – Абаева Е. С. Лингвокультурный аспект концепта «Судьба» в английском, русском и французском языках: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.20 / Абаева Евгения Сергеевна ; Моск. гос. обл. ун-т. М., 2007. 183 с.

Анисимов, 1949 – Анисимов А. Ф. Представления эвенков о шингкэнах и проблема происхождения первобытной религии // Сб. МАЭ. М. ; Л., 1949. Т. 12. С. 160–194.

Аскольдов, 1997 – Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 1997. С. 267–279.

Василевич, 1969 – Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII–XX вв.). Л. : Наука, 1969. 305 с.

Василевич, 2005 – Василевич Г. М. Словарь русско-эвенкийский: в 2 ч. СПб : Просвещение, 2005. 238 с.

Воркачев, 2003 – Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «Любовь» и «Счастье» (русско-английские параллели). Волгоград : Перемена, 2003. 163 с.

Ерофеева, Бочарников, 2018 – Ерофеева И. В., Бочарников В. Н. Концепт охота в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов // National cultures in social space and time: Materials of the V international scientific conference. Прага : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o., 2018. С. 13–17.

Жилякова, Хохлова, 2013 – Жилякова Э. М., Хохлова Н. А. Концепт охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2013. № 3 (23). С. 52–62.

Зализняк и др., 2005 – Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

Лихачев, 1993 – Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1993. № 1. С. 3–9.

Мерекина, 2008 – Мерекина Е. В. Культурные концепты как ядерная часть языкового сознания малочисленного народа (этнолингвокультурологическое исследование языка эвенков) : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.19 / Мерекина Екатерина Васильевна ; Благовещенский гос. пед. ун-т. Барнаул, 2008. 21 с.

Мыреева, 2004 – Мыреева А. Н. Эвенкийско-русский словарь = Эвэды лучадыттурэрук. Новосибирск : Наука, 2004. 798 с.

Слышкин, 2004 – Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : автореф. дисс. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Слышкин Геннадий Геннадьевич ; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 44 с.

ССТМЯ, 1975, 1977 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимол. Словарю : в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 1. 1975 ; Т. 2. 1977.

Степанов, 1997 – Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа; Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Токарев, 1990 – Токарев С. А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.

Попова, Стернин, 2007 – Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. 314 с.

Прохоров, 2008 – Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М. : Флинта : Наука, 2008. 176 с.

Ушницкая, 2018 – Ушницкая Н. Ю. Ключевые идеи языковой картины мира эвенков // Теоретические и методические аспекты преподавания эвенкийского языка и культуры в условиях модернизации образования : материалы Всероссийской науч.-практич. конф. «Современное состояние и перспективы преподавания эвенкийского и сойотского языков в условиях модернизациообразования» / науч. ред. Е. Ф. Афанасьева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2018. С. 121–125.

Ушницкая, 2020 – Ушницкая Н. Ю. Базовые лингвокультурные концепты в языковой картине мира эвенков и русских. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2020. 128 с.

Хохлова, 2015 – Хохлова Н. А. Об особенностях концепта охоты в рассказах А. П. Чехова первой половины 1880-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 400. С. 11–19. DOI: 10.17223/15617793/400/2.

Целыхова, 2009 – Целыхова Е. К. Отражение языковой картины мира в охотничьей лексике современного немецкого языка : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Целыхова Елизавета Константиновна; Моск. гос. пед. ун-т. М., 2009. 247 с.

Черникова, 2005 – Черникова Е. В. Концепты душа и дух в русском, английском и эвенкийском языках : автореф. дисс. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Черникова Елена Васильевна ; МГЛУ. М., 2005. 23 с.

УДК 81 (=512.212) doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191

Natalya Yu.Ushnitskaya
Institute for Humanitarian Research and North Indigenous People Problems of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IHRNIPP SB RAS)
Yakutsk, Russian Federation
maltak84@mail.ru

The concept «*Бэюмэкит* / Hunt» in the Evenki linguistic picture of the world

Abstract
Preserving the Evenki concept sphere is one of the most important tasks of modern Evenki studies. The current study is a contribution to the task. This article considers the linguocultural concept of *Beyumekit* 'Hunt' in the linguistic picture of the Evenki world. Material for analysis was selected from bilingual dictionaries, a comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages, as well as from texts written from modern Evenki speakers. More than 200 lexical units representing the concept were analyzed and distributed into 6 groups: 1) hunter, 2) fur animals; 3) hoofed animals, 4) hunting place, 5) dog (hunter assistant), 6) verbs denoting hunting process. Groups 2 and 3 turned out the most frequent. The results showed that the concept is basic in the consciousness of the Evenki, reflecting their worldview. It is concluded that hunting is perceived as one of the most important traditional activity, and the concept of *Beyumekit* 'hunt' is the basic one in the linguistic picture of the Evenki world as well as in the speakers of other Manchu-Tungus languages.

Keywords: linguistic picture of the world, the Evenki language, concept, *beyumekit* 'hunt'.

© Ushnitskaya N. Yu. 2021

For citation: Ushnitskaya, N. Yu. (2021). Kontsept «*Bjejumjekit* / ohota» v yjazykovoy kartine mira evenkov [The concept «*Бэюмэкит* / Hunt» in the Evenki linguistic picture of the world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 183–191. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_183_191.

References

Abayeva, E. S. (2007). Lingvokulturny aspect concepta «Sudba» v angliyskom, russkom i francuzskom yazykah [The linguistic and cultural aspects of the «Fate» concept in English, Russian and French] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Region State University.

Anisimov, A. F. (1949). Predstavleniya evenkov o shingkenakh i problema proiskhozhdeniya pervobytnoy religii [Evenki ideas about the Singken and the issue of primaeval religions origin]. Sb. MAE [MAE collection] (Vol. 12, pp. 160–194). Moscow ; Leningrad.

Askol'dov, S. A. (1997). Kontsept i slovo [Concept and word]. In V. P. Neroznak (Ed.), *Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian language. From language theory to text structure] (pp. 267–279). Mocow : Academia Press.

Vasilevich, G. M. (1969). *Evenki: Istoriko-etnograficheskie ocherki* (XVII–XX vv.) [Evenki: Essays on history and ethnography (XVII–XX centuries)]. Leningrad : Nauka Press.

Vasilevich, G. M. (2005). Slovar' russko-evenkiyskiy [Rrussian-Evenki dictionary]: In 2 parts. St-Petersburg : Prosveshchenie Press.

Vorkachev, S. G. (2003). Sopostavitel'naya etnosemantika teleonomnykh kontseptov «Lyubov'» i «Schast'e» (russko-angliyskie paralleli) [Comparative ethnosemantics of teleonomic concepts «Love» and «Happiness»]. Volgograd : Peremena Press.

Erofeeva, I. V., Bocharnikov, V. N. (2018). Kontsept okhota v lingvokul'turologicheskoy paradigme sovremennykh spetsializirovannykh zhurnalov [The concept of hunting in linguo-cultural paradigm of hunting journals]. *National cultures in social space and time: Materials of the V*

international scientific conference (pp. 13–17). Prague : Vedecko vydavatelske centrum Sociosfera-CZ s.r.o.

Zhilyakova, E. M., Khokhlova, N. A. (2013). Kontsept okhoty v «Zapiskakh ruzheynogo okhotnika Orenburgskoy gubernii» S.T. Aksakova [Concept of hunting in the Notes of Rifle Hunter of Orenburg Province by S. T. Aksakov]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 3 (23), 52–62.

Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]: A collection of articles. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.

Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka [Russian language sphere of concepts]. *Izv. AN SSSR. Ser. Literatury i yazyka* [Bulletin of the Soviet Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1, 3–9.

Merekina, E. V. (2008). Kul'turnye kontsepty kak yadernaya chast' yazykovogo soznaniya malochislennogo naroda (etnolingvokul'turologicheskoe issledovanie yazyka evenkov) [Cultural concepts as the nucleus of minority people consciousness] (ethnological, linguistic and cultural research of the Evenki language) : PhD in Philological sci. diss. ; Blagoveshchensk State Pedagogical University. Barnaul.

Myreeva, A. N. (2004). *Evenkiysko-russkiy slovar'* (= Evedy luchadyttureruk) [Evenki-Russian dictionary]. Novosibirsk : Nauka Press.

Slyshkin, G. G. (2004). Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts] : Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Volgograd : Volgograd State Pedagogical University.

Tsintsius, V. I. (Ed.) (1975). Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov : materialy k etimol. Slovaryu (SSTMYa) [Comparative dictionary of the Manchu-Tungus languages: Materials to the etymological dictionary]: In 2 volumes. Leningrad : Nauka Press.

Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Russian culture dictionary. Research experience]. Moscow : Shkola Press ; Yazyki russkoy kul'tury Press.

Tokarev, S. A. (1990). *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow : Politizdat Press.

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow : AST : Vostok–Zapad Press.

Prokhorov, Yu. E. (2008). *V poiskakh kontsepta* [Searching for concept]. Moscow : Flinta Press : Nauka Press.

Ushnitskaya, N. Yu. (2018). Klyuchevye idei yazykovoy kartiny mira evenkov [Key Ideas of the Evenki's Language Picture]. In E. F. Afanas'eva (Ed.), *Teoreticheskie i metodicheskie aspekty prepodavaniya evenkiyskogo yazyka i kul'tury v usloviyakh modernizatsii obrazovaniya* [Theoretical and methodical aspects of teaching the Evenki language and culture in the context of modernization of education]: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «The Current State and Perspectives of Teaching the Evenki and Soyot Languages in the context of Modernization of Education» (pp. 121–125). Ulan-Ude : Buryat State University Press.

Ushnitskaya, N. Yu. (2020). *Bazovye lingvokul'turnye kontsepty v yazykovoy kartine mira evenkov i russkikh* [Basic linguistic and cultural concepts in the Evenki and Russian pictures of the world]. Ulan-Ude : Buryat State University Press.

Khokhlova, N. A. (2015). Ob osobennostyakh kontsepta okhoty v rasskazakh A. P. Chekhova pervoy poloviny 1880-kh gg. [The hunting concept identity in works by A. P. Chekhov of early 1880S]. *Vestnik Tomskogo gos. Un-ta* [Tomsk State University Journal], 400, 11–19. doi : 10.17223/15617793/400/2.

Tselykhova, E. K. (2009). *Otrazhenie yazykovoy kartiny mira v okhotnich'ey leksike sovremennogo nemetskogo yazyka* [Reflecting language picture of the world in hunting vocabulary in German] : PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow Pedagogical State University.

Chernikova, E. V. (2005). Kontsepty dusha i dukh v russkom, angliyskom i evenkiyskom yazykakh [The concepts of soul and spirit in Russian, English nd Evenki] : Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Moscow State Linguistic University.

УДК 811.512.212, 81'33 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203

Хань Юфэн
Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям
г. Харбин, КНР

Мэн Шусянь
Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР
mahayer_111@sina.com

Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна,
Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
Санкт-Петербург, Российская Федерация
bulatovany@gmail.com

Сопоставительные характеристики имени числительного в орочонском и эвенкийском языках

Аннотация
В настоящей статье представлены результаты анализа разрядов имени числительного орочонского языка и способов их образования; проведён сопоставительный анализ полученных данных со сведениями научной литературы о морфологических формах числительных в языке эвенков. Исследование показало наличие восьми разрядов числительных в каждом языке, шесть из которых совпадают. Основными способами образования форм, входящих в грамматическую категорию имени числительного, в изучаемых языках являются словосложение и аффиксация. Для образования количественных, приблизительных числительных и дробей наиболее продуктивной моделью можно считать словосложение, в то время как порядковые, счётные, распределительные, ограничительные числительные и собирательные числительные для счёта животных образуются посредством суффиксации. Генетическое родство сравниваемых языков выражено в одинаковых или схожих формах основ числительных и суффиксов, использующихся при образовании их различных разрядов.

Ключевые слова: орочонский язык, эвенкийский язык, количественные числительные, порядковые числительные, счётные числительные, распределительные числительные, собирательные числительные для счёта животных, приблизительные числительные, ограничительные числительные, дроби.

© Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. 2021

Для цитирования: Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я. Сопоставительные характеристики имени числительного в орочонском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 192–203. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203.

1. Введение [Introduction]

Данное исследование является частью научной работы коллектива авторов, занимающихся изучением парадигматики и синтагматики орочонского языка. На предыдущих этапах были получены данные об образовании следующих грамматических категорий: число, склонение, притяжательность имени существительного; лексико-грамматические разряды местоимений; вид, залог, наклонение глагола в орочонском языке. Результаты лингвистического анализа были сопоставлены с имеющимися в научной литературе сведениями о формах и способах образования имён существительных, местоимений и глаголов в эвенкийском языке [Морозова и др., 2019 ; Хань Юфен и др., 2020 а, 2020 б, 2021]. В настоящее время продолжается работа по описанию и сопоставлению морфологических показателей знаменательных частей речи в орочонском и эвенкийском языках. В данной статье представлены результаты контрастивного анализа видов имени числительного. Ц е л ь ю предпринятого исследования было выявление морфологических характеристик имени числительного в орочонском языке. Актуальность проведения анализа грамматического строя орочонского языка заключается во фрагментарности имеющихся на сегодняшний день данных и необходимости их упорядочивания и классификации. Полученные результаты сопоставляются с имеющимися в научной литературе сведениями о значениях и способах образования видов числительного в эвенкийском языке, что определяет новизну предпринятого исследования.

М а т е р и а л о м для анализа послужили звукозаписи спонтанной речи (монологической и диалогической) семи носителей орочонского языка старше 55 лет (3 мужчин и 4 женщин), проживающих в столице Орочонского автономного хошуна г. Алихэ Внутренней Монголии и в городах Хэйхэ и Баин провинции Хэйлунцзян, КНР. Запись осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований Амурского государственного университета (2015–2018 гг.) и в ходе лингвистических экспедиций в г. Алихэ (2014–2018 гг.). Также задействовались экспедиционные материалы Н. Я. Булатовой, полученные в 2014 году от 5 женщин того же возраста – носителей языка из г. Хэйхэ и Баина. Кроме того, были использованы данные хрестоматии [1993], основанные на экспедиционных материалах к орочонам северо-востока КНР.

2. Имя числительное [Numeral]

Числительное – это часть речи, характеризующееся категориальным значением определённого числа, порядка и кратности (выраженного в обозначениях количества предметов и порядка по счёту), а также особенностями функционирования и особыми моделями формо- и словообразования [Ахманова, 2007, с. 514]. В о р о ч о н с к о м языке выделяют количественные, порядковые, счётные, приблизительные, ограничительные, распределительные числительные, а также дроби и счётные слова для животных. Согласно классификации Н. Я. Булатовой, в э в е н к и й с к о м языке к разрядам имени числительного относят количественные, порядковые, собирательные, повторительные, распределительные и множительные [Булатова, 2002, с. 37]. Б. В. Болдырев и О. В. Константинова разделяют эвенкийские числительные на два типа – числительные-прилагательные (порядковые) и числительные-существительные (количественные) [Болдырев, 2007, с. 286, 407 ; Константинова, 1964, с. 125]. Рассмотрим подробнее разряды имени числительного в орочонском языке, способы их образования и сравним полученные данные со сведениями научной литературы об аналогичной части речи в эвенкийском языке.

2.1. Количественные числительные [Cardinal numeral]

Количественное числительное – подгруппа числительных, обозначающих количество, представленное в виде определённого числа предметов, или же отвлечённое от

конкретных предметов счётное понятие [Ахманова, 2007, с. 514]. В орочонском и в эвенкийском языках количественные числительные являются основой для образования других разрядов числительных. Выделяют простые и сложные количественные числительные. К простым количественным числительным относятся слова, обозначающие количество от одного до десяти. Орочонские и эвенкийские простые количественные числительные представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1. **Простые количественные числительные орочонского и эвенкийского языков***
[T a b l e 1. **Simple cardinal numerals in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
один	эмун	умун, умукэ̄н
два	дю̄р	дю̄р
три	илан	илан
четыре	дыйин	дыгин
пять	туӈӈа	туӈна
шесть	нюӈун	нюӈун
семь	надан	надан
восемь	дяпкун	дяпкун
девять	йэйин	егин
десять	дя̄н	дя̄н

*Орочонский язык не имеет письменности. В настоящей работе применяется упрощённая транскрипция на кириллице с целью более наглядного сопоставления морфологии орочонского и эвенкийского языков.

Анализ таблицы выявил полное совпадение в морфологическом и фонетическом плане большинства орочонских и эвенкийских простых числительных (например, числительные *три, пять, шесть, семь, восемь, десять*). Эвенкийское односложное числительное *два* обладает долготой гласного, не отмеченной в аналогичном слове специалистами орочонского языка. По нашим полевым материалам, собранным у различных групп орочонов КНР, числительное *два* произносится в речи всех наших информантов с долгим гласным, поэтому мы в числительном *дю̄р* в таблице отметили долгий гласный. В остальных случаях выявляется частичное несоответствие звукового облика анализируемого материала. Так, в числительных *четыре* и *девять* орочонского языка отмечается интервокальная реализация среднеязычного /j/ в аналогичной фонетической позиции на месте /g/ в тех же эвенкийских числительных.

К сложным числительным относят фразеологическое (раздельнооформленное) обозначение чисел [Ахманова, 2007, с. 515]. Первая группа сложных числительных – второго десятка орочонского и эвенкийского языков представлена в Таблице 2. В обоих языках числительные второго десятка образуются путём сложения слова *дя̄н* 'десять' и простого числительного – наименования из числительных первого десятка. Необходимо отметить, что составные элементы числительных второго десятка располагаются по убывающему ряду. Числительные второго десятка в разных говорах эвенкийского языка образуются разными способами (в табл. 2 представлены формы литературного эвенкийского языка). О. А. Константинова в своей работе отмечала, что названия числительных второго десятка могут образовываться «… путём сочетания числительного *дя̄н* в форме отложительного падежа с соответствующим числительным первого десятка (*дя̄ндук*

умукэ̄н 'одиннадцать', *дя̄ндук дю̄р* 'двенадцать' и т. д.) в говорах илимпийском, тимптонском, чульманско-гилюйских» [Константинова, 1964, с. 119]. Отмечены также и синтетические формы числительных второго десятка. Сымские же эвенки образуют эти названия при помощи слов *хулэкэ* или ещё отмеченное в словарях *делэкэ* и названий числительных первого десятка в творительном падеже: *умунди хулэкэ* 'одиннадцать', буквальный перевод 'одним лишний'; *дю̄рди хулэкэ*, буквальный перевод 'двумя лишний'; *иланди хулэкэ* буквальный перевод 'тремя лишний' и т. д. Таким образом, отмечается следующая парадигма: *умукṓнди хулэкэ* (лит. дя̄н умун) 'одиннадцать', *букв.* 'одним лишний'; *дю̄рди хулэкэ* (лит. дя̄н дю̄р) 'двенадцать'; *иланди хулэкэ* (лит. дя̄н илан) 'тринадцать'; *дыгинди хулэкэ* (лит. дя̄н дыгин) 'четырнадцать'; *тунӈат хулэкэ* (лит. дя̄н тунӈа) 'пятнадцать'; *нюӈунди хулэкэ* (лит. дя̄н нюӈун) 'шестнадцать'; *наданди хулэкэ* (лит. дя̄н надан) 'семнадцать'; *дяпкунди хулэкэ* (лит. дя̄н дяпкун) 'восемнадцать'; *егинди хулэкэ* (лит. дя̄н егин) 'девятнадцать'. Г. М. Василевич отметила ещё одну интересную форму образования числительных при счёте: *дю̄р-дя̄кин дю̄р* 'к двадцати два', *дю̄р-дя̄кин илан* 'к двадцати три' [Василевич, 1948, с. 122]. Ниже сопоставлены количественные числительные, представляющие круглые десятки в языках орочонов и эвенков (см. табл. 3).

Т а б л и ц а 2. **Сложные количественные числительные (второй десяток) орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 2. **Compound cardinal numerals (twenties) in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
одиннадцать	дя̄н эмун	дя̄н умун
двенадцать	дя̄н дю̄р	дя̄н дю̄р
тринадцать	дя̄н илан	дя̄н илан
четырнадцать	дя̄н дыйин	дя̄н дыгин
пятнадцать	дя̄н туӈӈа	дя̄н туӈна
шестнадцать	дя̄н нюӈун	дя̄н нюӈун
семнадцать	дя̄н надан	дя̄н надан
восемнадцать	дя̄н дяпкун	дя̄н дяпкун
девятнадцать	дя̄н йэйин	дя̄н егин

Т а б л и ц а 3. **Количественные числительные (десятки) орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 3. **Cardinal numerals (tens) in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
десять	дя̄н	умундя̄р
двадцать	урӣн	дю̄рдя̄р
тридцать	гуты̄н	иландя̄р
сорок	дэхӣ	дыгиндя̄р
пятьдесят	туӈӈанни / туӈӈанӈи	тунӈадя̄р
шестьдесят	нюӈунни / нюӈунӈи	нюӈундя̄р
семьдесят	наданни / наданӈи	надандя̄р
восемьдесят	дяпкунни / дяпкунӈи	дяпкундя̄р
девяносто	йэйинни / йэйинӈи	егиндя̄р

В эвенкийском языке числительные круглых десятков представляют собой сочетание простых числительных с числительным *дя̄н* 'десять' в форме множественного числа -*дя̄р*. В случае с десятками слово *дя̄р* выступает в форме множественного числа с аффиксом -*р*, имея значение 'десяток'. Именно поэтому оно следует не перед простыми числительными, а после них [Константинова, 1964, с. 119]. Круглые десятки в орочонском языке образуются безаффиксальным либо аффиксальным способом. Регулярным способом, присоединением к основе аффикса -*ӈи* образуются числительные от *пятидесяти* до *девяноста*. В полевых записях Н. Я. Булатовой суффиксу -*ӈи* соответствует -*ни*. Названия десятков от *двадцати* до *сорока* образуются без участия аффиксов, при этом данные числительные не находят фонетического соответствия с простыми числительными *два, три, четыре*. Числительные *двадцать, тридцать, сорок* являются заимствованиями из монгольского языка. В таблице 4 представлены названия круглых сотен и тысяч орочонского и эвенкийского языков.

Т а б л и ц а 4. **Сложные количественные числительные (сотни и тысячи) орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 4. **Compound cardinal numerals (hundreds and thousands) in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
сто	нямāди	умун нямāди (нямā)
двести	дю̄р нямāди	дю̄р нямāди (нямā)
пятьсот	туӈӈа нямāди	тунӈа нямāди (нямā)
семьсот	надан нямāди	надан нямāди (нямā)
восемьсот	дяпкун нямāди	дяпкун нямāди (нямā)
тысяча	миӈга(н)	умун тысинча (тыхинча)
две тысячи	дю̄р миӈга(н)	дю̄р тысинча (тыхинча)
пять тысяч	туӈӈа миӈга(н)	тунӈа тысинча (тыхинча)
девять тысяч	йэйин миӈга(н)	егин тысинча (тыхинча)

Способ образования *сотен* в обоих языках одинаков – к простому числительному первого десятка присоединяется числительное в единственном числе *нимāди / нямāди*, имеющее значение *сто*. В эвенкийском языке возможно использование сокращённой формы – *нямā*. Слово *тысяча* в сопоставляемых языках является иноязычным заимствованием. В орочонском языке это слово *миӈга*, которое имеет монгольские языковые корни (ср. *myanga* – монг. яз.).

В эвенкийский язык слово *тысинча / тыхинча* заимствовано из русского языка. Аналогично сотням, названия тысяч в языках орочонов и эвенков образуются путём постановки числительного *тысяча* после наименований чисел первого десятка. Обращает на себя внимание отсутствие простого числительного перед словами *сотня* и *тысяча* в числительных *сто* и *тысяча*.

Сложные составные количественные числительные в орочонском и эвенкийском языках образуются путём объединения простых числительных, обозначая новое число. В таких числительных числа располагаются от более крупных разрядов к более мелким:

83 – *дяпкуӈӈи илан* (ороч. яз.);
140 – *нямāди дэхи* (ороч. яз.);
212 –*дю̄р нямāди дя̄ндю̄р* (ороч. яз.);

6140 –*нюҥун миҥга эмун нимāди дэхи* (ороч. яз.);
514 – *тунҥа нямā дя̄н дыгин* (эвенк. яз.);
2375 –*дю̄р тысинча илан нямāди надандя̄р тунҥа* (эвенк. яз.).

2.2. Порядковые числительные [Ordinal numbers]

Порядковое числительное (порядковое прилагательное) – разряд числительных, характеризующийся значением порядка следования предметов при счёте [Ахманова, 2007, с. 515]. Таблица 5 демонстрирует способы образования порядковых числительных орочонского и эвенкийского языков.

Т а б л и ц а 5. **Порядковые числительные орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 5. **Ordinal numbers in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
первый	эмунхи	элэкэсиптӣ, нёгӯ
второй	дю̄рхи	гē
третий	иланхи	илӣ
четвёртый	дыйинхи	дыгӣ
пятый	туҥҥахи	тунҥӣ
шестой	нюҥунхи	нюҥӣ
седьмой	наданхи	надӣ
восьмой	дяпкунхи	дяпкӣ
девятый	йэйинхи	егӣ
десятый	дя̄нхи	дя̄гӣ

В орочонском языке порядковые числительные образуются путём присоединения к основе количественного числительного суффикса -*хи*. В эвенкийском языке аффиксом, образующим такие числительные, является -*гӣ*, сходный с орочонским суффиксом -*хи* по месту образования согласного. У порядковых числительных от трёх до девяти морфема -*ги* сокращается до -*ӣ*. Кроме этого, эвенкийские порядковые числительные *первый* и *второй* образуются безаффиксальным способом и не соотносятся по своим основам с количественными числительными [Константинова, 1964, с. 123]. В наших экспедиционных материалах в орочонском языке зафиксировано образование порядковых числительных при помощи суффикса -*хӣ* с долгим гласным.

2.3. Счётные / повторительные числительные [Measuring numerals]

Функцией счётных числительных является обозначение количества повторений совершаемых действий. В орочонском и эвенкийском языках данные числительные образуются путём присоединения к основе количественного числительного суффиксов -*рā*, -*рэ̄*. В эвенкийском языке этот суффикс для образования повторительных числительных, оканчивающихся в корне на -*н* ассимилируется и приобретает форму -*нэ̄*, при этом корневой -*н*- выпадает. В орочонском же языке этот суффикс не ассимилируется и корневой -*н*- сохраняется. Примеры счётных числительных сравниваемых языков приведены в Таблице 6.

Т а б л и ц а 6. **Счётные / повторительные числительные орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 6. **Measuring numerals in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
три раза	иланра	иларā
восемь раз	дяпкунра	дяпкурā
одиннадцать раз	дя̄н эмунрэ	дя̄н умурэ
сорок два раза	дэхи дю̄рэ	дыгиндя̄р дю̄рэ

2.4. Распределительные числительные [Distributive numerals]

Распределительное числительное – это форма числительного со значением 'приходящийся из группы или ряда лиц или предметов' [Ахманова, 2007, с. 515]. В обоих языках данные числительные образуются с помощью присоединения к основе количественного числительного суффиксов *-тал*, *-тэл*. Отметим, что в речи орочонов у данных числительных ауслаутные согласные корня сохраняются, тогда как в речи эвенков, как и в случае повторительных числительных, они утрачены. Примеры распределительных числительных продемонстрированы в Таблице 7.

Т а б л и ц а 7. **Распределительные числительные орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 7. **Distributive numerals in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
по два	дю̄ртэл	дю̄тэл
по три	илантал	илатал
по одиннадцать	дя̄н эмунтэл	дя̄н умутэл
по сто	нямā̄дитал	нямā̄дитал

2.5. Собирательные числительные для счёта животных [Collective numerals to count animals]

Собирательные числительные для счёта животных используются только при подсчёте диких животных и скота (табл. 8).

Т а б л и ц а 8. **Собирательные числительные для счёта животных орочонского и эвенкийского языков**
[T a b l e 8. **Collective numerals to count animals in Orochon and Evenki**]

Русский язык	Орочонский язык	Эвенкийский язык
три	илаӈна	илагда
четыре	дыйиӈнэ	дыгигдэ
пять	туӈӈаӈна	тунӈагда
шесть	нюӈуӈнэ	нюӈугдэ
десять	дя̄ӈна	дя̄гда

Например в орочонском:
ила(н)ӈна гивчэ̄н – 'три косули';

дыйи(н)ӈнэ бэйӯн – 'четыре оленя';
нюӈу(н)ӈнэ ухур – 'шесть коров';
дя̄(н)ӈна нюӈняхӣ – 'десять диких гусей'.

В орочонском языке слова для счёта животных образуются с помощью присоединения к основе количественного числительного суффикса *-ӈна, -ӈнэ*. В эвенкийском языке собирательные числительные образованы с помощью суффиксов *-гда, -гдэ* (ср. примеры в табл. 8).

2.6. Приблизительные числительные [Approximate numerals]

В орочонском языке выделяют приблизительные числительные, обозначающие примерное количество лиц или предметов. Они образуются путём постановки двух последовательных количественных числительных или с помощью присоединения к количественному числительному слова *ади* 'сколько', 'несколько'. Например:

4~5 – *дыйин тунӈа*;
7~8 – *надан дяпкун*;
10 с небольшим – *дя̄н адӣ*;
50 с небольшим – *тунӈаӈи адӣ*.

В научной литературе по эвенкийскому языку данный разряд числительных специально не выделен. Тем не менее, в речи эвенков можно обнаружить некоторые синтаксические конструкции для выражения приблизительного числа предметов или людей при помощи слова *хулэкэ* 'лишний', сравнительного суффикса *-гачӣн*, *-ӈачӣн* глагольной формы от *би-мӣ* 'быть' в изъявительном наклонении будущего времени, который в речи иногда передаёт значение слов 'наверно', 'может быть' и др. Например, *дя̄ндук хулэкэ* 'больше десяти', *иланӈачӣн* 'как будто три или трое', *тунӈадя̄р биденӯ̄н* 'пятьдесят, наверно, будет', *наданма эхин иста* 'до семи не достаёт' и др.

2.7. Ограничительные числительные [Limitative numerals]

Ограничительные числительные орочонского языка обозначают ограниченное количество лиц или предметов, образуются с помощью присоединения к основе количественного числительного аффиксов *-ха̄н ~ -хэ̄н*. Например:

только один – *эму(н)хэ̄н*;
только три – *ила(н)ха̄н*;
только пятнадцать – *дя̄н тунӈаха̄н*;
только двадцать – *дя̄ндӯрха̄н*.

В научной литературе по эвенкийскому языку данный разряд числительных не выделяется, но подобные формы употребительны и в речи эвенков России. Они образуются посредством суффикса *-ка̄н, -кэ̄н, -ко̄н*, который имеет значение уменьшительности, ласкательности, ограничительности. Этот суффикс может оформлять как именные, так и, в некоторых случаях, глагольные основы [Булатова, 2015, с. 60–75].

2.8. Дроби [Fractions]

Дроби обозначают часть от целого и образуются с помощью комбинирования чисел. В орочонском языке при образовании дроби знаменатель ставят на первое место, к нему присоединяют слово *убу*, обозначающее 'доля, часть', за которым следует числитель:

1/3 – *илан убуӈи эмунин*;
2/5 – *тунӈа убуӈи дӯрин*.

В эвенкийском языке дробные числительные образуются иначе – посредством прибавления к количественному числительному порядкового [Константинова, 1964, с. 122]. Например:

1/3 – *умукэ̄н илӣтын*;
2/3 – *дю̄р илӣтын*.

3. Заключение [Conclusion]

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Современные классификации числительных орочонского и эвенкийского языков насчитывают по восемь разрядов, шесть из которых находят соответствие в этих языках. Два разряда числительных орочонского языка не описаны в языке эвенков – приблизительные и ограничительные. В эвенкийском языке, в свою очередь, выделяют собирательные числительные для счёта людей и множительные числительные, отсутствующие в орочонском языке.

2. Количественные числительные первого десятка в орочонском и эвенкийском языках обнаруживают совпадение в большинстве случаев. Исключение составляют числительные *четыре* и *девять*, в которых отмечается чередование согласных в корне.

3. Основным способом образования количественных числительных второго десятка и выше в эвенкийском языке является словосложение, то есть, новое числительное создается путём сложения двух или нескольких числительных без изменения их формы. В орочонском языке отмечаются два способа образования количественных числительных. Основным способом, как и в эвенкийском языке, является словосложение. Однако при образовании числительных второго десятка от пятидесяти до девяноста используется аффиксальный способ.

4. В сложных количественных числительных сравниваемых языков числа располагаются от большего разряда к меньшему.

5. Порядковые числительные в обоих языках образуются преимущественно суффиксальным способом. Используемые суффиксы имеют сходную форму, отличаясь лишь местом образования согласных. Безаффиксальный способ образования отмечен для двух числительных эвенкийского языка – *первый* и *второй*.

6. Счётные числительные, использующиеся для обозначения количества повторений, образуются присоединением суффиксов *-ра, -рэ* к основе количественного числительного в обоих языках.

7. Для образования распределительных числительных сравниваемых языков к основе добавляются суффиксы *-тал, -тэл*.

8. Способ образования собирательных числительных для счёта животных совпадает в двух языках, однако суффиксы, образующие их, не являются тождественными (ср. *-ӈна, -ӈнэ* – ороч. яз., *-гда, -гдэ* – эвенк. яз.).

9. Приблизительные числительные орочонского языка не имеют соответствия в эвенкийском. Они образуются посредством словосложения: числительное + числительное или числительное + *ади* 'несколько'.

10. Ограничительные числительные в языке орочонов представляют собой сочетание количественного числительного с суффиксом *ха̄н* ~ *-хэ̄н*.

11. Способ образования дробей в сопоставляемых языках отличается. В орочонском языке такое числительное имеет структуру: простое количественное числительное (знаменатель) + *убуӈи* 'доля' + числительное с суффиксом *-ин* (числитель). В языке эвенков отмечается иная структура, выраженная в прибавлении порядкового числительного к количественному.

Настоящая работа представляет собой пятый этап комплексного исследования грамматической системы орочонского языка. В перспективе планируется продолжить описание знаменательных и служебных частей речи орочонского языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка русских эвенков.

Список литературы

Ахманова, 2007 – Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., стёр. М. : Ком-Книга, 2007. 576 с.

Болдырев, 2007 – Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Новосибирск : Наука, 2007. 932 с.

Булатова, 2002 – Булатова Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах. СПб. : Дрофа, 2002. 64 с.

Булатова, 2015 – Булатова Н. Я. Эмоционально-оценочные суффиксы именных и глагольных форм в эвенкийском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2015. Т. XI. Ч. 2. С. 60–75.

Василевич, 1948 – Василевич Г. М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка // Л. : Учпедгиз, 1948. 352 с.

Константинова, 1964 – Константинова О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.–Л. : Наука, 1964. 274 с.

Морозова и др., 2019 – Сопоставительные характеристики категории имени существительного в орочонском и эвенкийском языках / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 4, № 5. С. 171–181.

Мэн Шусянь, 2017 – Мэн Шусянь. Общее описание орочонского языка в Китае // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 1. С. 67–86.

Хань Юфэн и др., 2021 – Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в орочонском и эвенкийском языках / Хань Юфэн, Мэн Шусянь, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 71–79. doi: 10.22250/24107190_2021_7_2_71_79.

Хань Юфэн и др., 2020 а – Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в орочонском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 136–145.

Хань Юфэн и др., 2020 б – Сопоставительные характеристики местоимений в орочонском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 1. С. 161–171.

Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/ 北京. 中央民族学院出版社出版. 1993 年. 385 页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Сопоставительная хрестоматия орочонского и китайского языков. Пекин : Центральное изд-во Ин-та национальных меньшинств, 1993. 385 с.].

Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2013 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤,简明鄂伦春语读本/哈尔滨市：黑龙江教育出版社，2013 年，185 页 [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Краткая хрестоматия орочонского языка. Харбин : Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, 2013. 185 с.].

Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2014 – 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤,中国鄂伦春语方言研究/大阪市：国立民族学博物館の人間文化研究機構，2014 年，113 页. [Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Исследование диалектов орочонского языка. Осака : Издательский отдел Национального музея этнологии, 2014. 113 с.].

Ху Цзэньи, 1986 – 胡增益，鄂伦春语简志/北京：民族出版社，1986 年，209 页. [Ху Цзэньи. Краткое описание орочонского языка. Пекин : Народное изд-во, 1986. 209 с.].

Ху Цзэньи, 2001 – 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社 2001 年 [Ху Цзэни. Исследование орочонского языка. Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.]

Материалы…, 2014 – 鄂伦春语材料/黑河市：黑河市民族宗教事务局，2014 年，111 页. [Материалы по орочонскому языку (сборник). Хэйхэ : Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.].

Са Сижун, 1981 – 萨希荣. 简明汉语鄂伦春语对照读本. 民族出版社, 1981 年, 71 页 [Са Сижун. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия. Пекин : Изд-во национальностей, 1981. 71 с.].

UDC 811.512.212, 81'33 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_192_203

Han Youfeng
Research Institute for Interethnic Relations
Harbin, China

Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China
mahayer_111@sina.com

Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova_s@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
bulatovany@gmail.com

Comparing numerals in Orochon and Evenki

Abstract
The current article focuses upon the results of the numerals analysis and the ways of their forming in the Orochon language. The obtained data are compared with the existing data from previous studies on the numeral paradigm in the Evenki language. The study enabled to identify 8 subcategories of numerals in each language with 6 of them being similar. The main patterns to derive numerals are compounding and affixation. Compounding is the most productive pattern for cardinal and approximate numerals and fractions while ordinal numerals, measuring, distributive and limitative numerals, collective numerals to count animals are formed by adding suffixes. Genetic affinity of the Orochon and Evenki languages is expressed by the same or similar numeral stems and suffixes forming various numeral subcategories.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, cardinal numeral, ordinal numbers, measuring numerals, distributive numerals, collective numerals to count animals, approximate numerals, limitative numerals, fractions.

© Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. 2021

For citation: Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2021). Sopostavitel'nye kharakteristiki imeni chislitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing numerals in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 192–203. doi: 10.22250/24107190_2021_7_3_192_203.

References

Akhmanova, O. S. (2007). Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M : KomKniga Press.

Boldyrev, B. V. (2007). Morfologiya evenkiyskogo yazyka [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk : Nauka Press.

Bulatova, N. Ya. (2002). Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh [The Evenki language in tables]. St Petersburg : Drofa Press.

Bulatova, N. Ya. (2015). Emotsional'no-otsenochnye suffiksy imennykh i glagol'nykh form v evenkiyskom yazyke [Emotional-evaluative suffixes of nouns and verbs in Evenki]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], 11 (2), 60–75.

Vasilevich, G. M. (1948). Ocherki dialektov evenkiyskogo (tunngusskogo) yazyka [Essays on dialects of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad : Gosuchpedgiz Press.

Konstantinova, O. A. (1964). Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.

Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Han Youfeng, Meng Shuxian. (2019). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imeni sushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative analysis of the noun in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181.

Meng Shuxian. (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochonian language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86.

Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 a). Sopostavitel'nyye kharakteristiki mestoimeniy v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing pronouns in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (1), 161–171.

Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya. (2020 b). Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategoriy zaloga i vida glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing voice and aspect categories in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 6 (4). 136–145.

Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya. (2021). Sopostavitel'nye kharakteristiki kategorii nakloneniya glagola v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparing mood category in Orochon and Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (2), 71–79. doi: 10.22250/24107190_2021_7_2_71_79.

Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, è lún chūn yǔ hàn yǔ duì zhào dú běn / běi jīng. zhōng yāng mín zú xué yuàn chū bǎn shè chū bǎn. 1993 nián. 385 yè [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). Comparative reader of the Orochon and Chinese. Central publishing house of the Institute for National Minorities].

Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, jiǎn míng è lún chūn yǔ dú běn / hā ěr bīn shì: hēi lóng jiāng jiào yù chū bǎn shè , 2013 nián , 185 yè [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). Brief reader of the Orochon language. Heilongjiang Province Education Publishing House].

Hán Yǒufēng (qiǎ jī ěr), Mèng Shūxián, zhōng guó è lún chūn yǔ fāng yán yán jiū / dà bǎn shì: guó lì mín zú xué bó wù guǎn ㋡ rén jiān wén huà yán jiū jī gòu, 2014 nián, 113 yè [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). The study of the dialects of the Orochon language. Publishing Department of the National Museum of Ethnology, Osaka].

Hú Zēngyì , è lún chūn yǔ jiǎn zhì / běi jīng: mín zú chū bǎn shè, 1986 nián, 209 yè [Hu Zengyi. (1986). Short description of the Orochon Language. Beijing].

Hú Zēngyì, è lún chūn yǔ yán jiū mín zú chū bǎn shè 2001 nián [Hu Zengyi. (2001). Studies in the Orochon Language. Minzu Press].

È lún chūn yǔ cái liào / Hēi hé shì: hēi hé shì mín zú zōng jiào shì wù jú, 2014 nián, 111 yè [Materials on the Orochon language (collection). (2014). Department of Nationalities and Religions of Heihe government].

Sà Xīróng. Jiǎn míng hàn yǔ è lún chūn yǔ duì zhào dú běn. Mín zú chū bǎn shè, 1981 nián , 71 yè [Sa, Sizhun. (1981). [Sino-Orochonian Comparative Reading. Beijing.].

УДК 81'276.3 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219

Чэнь Яо, Ерофеева Елена Валентиновна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
chen.yao@yandex.ru, elenerofee@gmail.com

Авто- и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин

Аннотация
В настоящей статье представлены результаты социолингвистического эксперимента, целью которого было выявление особенностей выражения гендерных авто- и гетеростереотипов о внешности. Данные были получены в ходе анкетирования 60 информантов (30 мужчин и 30 женщин). Для анализа реакций применялись методы семантического и количественного анализа. Полученные реакции были объединены в группы по общности выраженных в них семантических признаков, в результате чего были построены полевые модели структуры стереотипов, включающие ядро, среднюю зону и периферию. Исследование продемонстрировало значительное сходство общего количества семантических признаков ядерных зон у мужчин и женщин. Средние (общие признаки «стройность», «рост», «поведение») и периферийные (нет общих признаков) зоны в большей степени демонстрировали различия нежели сходства, что свидетельствует о неполной стереотипизации соответствующих признаков. Как и ожидалось, в автостереотипах оказалось меньше отрицательных оценок, чем в гетеростереотипах.

Ключевые слова: автостереотип, гетеростереотип, внешность, семантический признак, реакции, ядро, средняя зона, периферийная зона.

© Чэнь Яо, Ерофеева Е. В. 2021

Для цитирования: Чэнь Яо, Ерофеева Е. В. Авто- и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 204–219. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219.

1. Введение [Introduction]

1.1. Теория У. Липпмана о стереотипе [Walter Lippmann's theory of stereotypes]

Термин «стереотип» впервые был введён американским политологом, журналистом, социологом У. Липпманом в 1922 г. По мнению У. Липпмана, «стереотипы – это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой "картины мира" в голове человека, упрощённое представление о явлениях и предметах действительности» [Липпман, 2004, с. 110]. Стереотипное представление возникает не из собственного опыта человека, а из воспринятого им заранее сформированного мнения социума: реальный внешний мир слишком велик и объёмен, вследствие чего человеку трудно воспринять его непосредственно, однако у человека в голове существуют заранее сформированные системы восприятия явлений и предметов действительности, которые становятся когнитивными моделями, используемыми в процессе принятия и обработки информации [Там же]. Стереотипы являются именно такими когнитивными моделями. Они позволяют человеку быстрее обрабатывать полученную информацию и экономить внимание и усилия в процессе восприятия. Иными словами, стереотипизация выполняет функцию экономии или минимизации когнитивных усилий.

В книге «Общественное мнение» У. Липпманом были выделены четыре аспекта стереотипов [Липпман, 2004, с. 95–115]. Во-первых, стереотипы всегда проще реальности; они отражают далеко не все свойства и черты действительности, но в картине мира стереотипов почти всё удовлетворяет потребности человека и соответствует его ценно-

стям. Во-вторых, человек получает стереотипы в готовом виде через масс-медиа, других людей и т. д., а не формулирует их по собственному опыту. В-третьих, стереотипы в большей или меньшей степени ложны, они всегда приписывают конкретному человеку черты, которыми он обязан обладать лишь из-за своей принадлежности к определённой группе [Там же]. Примером этого аспекта стереотипов может являться представление иностранцев о том, что все китайцы хорошо разбираются в математике. В-четвёртых, стереотипы характеризуются устойчивостью. Даже если человек узнает, что его стереотипы к конкретной социальной группе далеко не соответствуют действительности, он все-таки не отказываются от этих стереотипов, считая, что существует исключение.

Социальные стереотипы часто используются как эталон оценки и восприятия, однако они не являются адекватными представлениями, так как социальные стереотипы категоричны и в немалой степени субъективны. По утверждению У. Липпмана [Там же], стереотипы разделяют всё окружение человека на две части – «знакомое» (значит априори «хорошее») и «незнакомое» (соответственно, что-то «плохое»). Кроме того, «стереотип предполагает эмоционально окрашенную оценку окружающей действительности, он в высшей степени заряжен чувствами» [Питерова, Тетерина, 2016]. Социальные стереотипы всегда отражают индивидуальные ценности и чувства, соотносятся с системой ценностей и поведения социальных групп. Такого рода объяснение социальных стереотипов широко распространено, что показывает важную функцию стереотипов в обществе. Можно сказать, что теория У. Липпмана о стереотипах заложила основу для исследований стереотипизации, которые продолжаются и сегодня.

1.2. Виды стереотипов [Classification of stereotypes]

Изучение социальных стереотипов позволило выделить множество их разновидностей на основе различных критериев классификации.

По субъекту процесса стереотипизации, т. е. по носителям стереотипа, выделяют общественные и индивидуальные стереотипы. Первые в американской социальной науке определяются как «культурные стереотипы» [Нельсон, 2003]; российские исследователи употребляют термин «социальные стереотипы» [Семендяева, 1986 ; Стефаненко, 1999]. С учётом социальных групп, подвергающихся стереотипизации, выделяют следующие часто встречающиеся социальные стереотипы: гендерные, национальные (этнические), возрастные, профессиональные, расовые, религиозные, региональные, политические, классовые и т. д. Под индивидуальными стереотипами понимается набор качеств, приписываемых представителям группы конкретным человеком. Индивидуальные стереотипы могут совпадать с общественными стереотипами, или противоречить им, поскольку формирование индивидуальных стереотипов находится под влиянием личностно-психологических особенностей, функционирующих в индивидуальном сознании. В связи с этим, индивидуальные стереотипы также называют социально-психологическими стереотипами [Семендяева 1986].

Классификация стереотипов, основанная на эмоционально-оценочных компонентах содержания стереотипов, позволяет подразделить стереотипы на позитивные и негативные. Термины, используемые разными авторами, могут варьировать. Так, У. Квастхофф по данному параметру предлагает классифицировать стереотипы как отрицающие (агрессивное содержание) либо утверждающие (безобидное содержание) [цит. по : Демьянков, 1996, с. 177]. Стоит подчеркнуть, что стереотипы с разным эмоционально-оценочным содержанием могут обладать одинаковыми когнитивными компонентами и предполагать одно и то же качество, придаваемое какой-либо группе. Иначе говоря, когнитивные компоненты стереотипов совпадают, а эмоционально-оценочные – отличаются друг от друга.

По степени адекватности отражения действительности стереотипы разделяют на и с т и н н ы е и л о ж н ы е. Американский социолог и психолог К. Юнг утверждает, что стереотип является «ложной классификационной концепцией» [цит. по : Бабаева, 2000], в связи с чем социальные стереотипы долгое время рассматривались как ложные и предвзятые суждения. Однако в 1950 году канадский психолог О. Клайнберг выдвигает известную гипотезу о «зерне истины» в стереотипе. По мнению Клайнберга, в стереотипе объём истинных знаний превышает объём ложных знаний [Klineberg, 1950]. С этой гипотезой соглашаются многие исследователи, в том числе российский психолог Т. Г. Стефаненко. Она считает, что «социальные стереотипы вовсе не сводятся к совокупности мифических представлений. Большинство современных исследователей определяют социальный стереотип как образ социального объекта, а не просто как мнение об этом объекте, никак не обусловленное объективными характеристиками последнего и всецело зависящее от воспринимающего (стереотипизирующего) субъекта» [Стефаненко, 1999, с. 245]. Т. Г. Стефаненко ещё ссылается на высказывание А. Н. Леонтьева: «Образ может быть более или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда «вычерпываем» его из реальности» [Леонтьев, 1983, с. 255].

По отношению «свой»/«чужой» стереотипы разделяются на а в т о с т е р е о т и п ы и г е т е р о с т е р е т и п ы. Автостереотип является представлением какой-то социальной группы о самой себе, а гетеростереотип определяет оценочные взгляды данной группы о других социальных группах. Разные учёные предлагают разные термины внутри этой классификации: используются термины «эндостереотипы» и «экзостереотипы» [Леонтович 2005], «in-group» 'внутригрупповой' и «out-group» 'внегрупповой' стереотипы [Castano et al., 2002].

В данной статье будут рассматриваться именно авто- и гетеростереотипы гендерных групп, поэтому остановимся на них подробнее. Взаимообусловленость автостереотпипов и гетеростереотипов связана с явлением «ингруппового фаворитизма». «Ингрупповой фаворитизм подразумевает формирование более позитивного образа собственной культуры по сравнению с другими» [Садохин, 2005, с. 236], иначе говоря, человек сознательно или несознательно предпочитает свою группу другим. Большинство учённых отмечают такую более положительную окраску автостереотипа, чем гетеростереотипа, при этом «автостереотипы… монотонно позитивны, а гетеростереотипы имеют гораздо более широкий эмоциональный диапазон» [Солдатова, 1998, с. 74]. Однако важно понять, что авто- и гетеростереотипы не обязательно показывают противоположные образы. По результатам исследования, назначенного для изучения образов «типичного американца и советского человека», проведённого в 1987 г., Т. Г. Стефаненко считает, что образы своей и чужой групп часто дополняют друг друга [Стефаненко, 1999, с. 247].

1.3. Гендерные стереотипы [Gender stereotypes]

Поскольку мы будем изучать авто- и гетеростереотипы о внешности китайских женщин и мужчин, в данном разделе отдельно рассмотрим гендерные стереотипы. В науке термин «гендер» был введён впервые американским психологом Р. Столлером в его работе «Пол и гендер: к развитию маскулинности и фемининности», вышедшей в свет в 1968 г. Хотя пол и гендер часто считаются синонимами и неразрывно связаны в повседневной жизни, согласно У. Столлеру, «гендер – это понятие, которое базируется на психологических и культурных пояснениях, достаточно независимых от тех, которые толкуют биологический пол» [Stoller, 1968, p. 80]. У. Столлер полагает, что пол представляет собой биологический, а гендер – социальный, культурный феномен. Отличаясь от пола, понимаемого как совокупность биологических и анатомических характеристик, понятие «гендер» в дальнейшем используется для определения психологических, социальных и культурных характеристик мужчины и женщины. В соответствии с этим в

современной науке гендерные стереотипы понимаются как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [Кириллина, 1999, с. 98−99].

Гендерные стереотипы являются одним из подвидов социальных стереотипов. Гендерные стереотипы возникают на биологически-социальной основе, отражают целый ряд биологических признаков, социальных ролей, поведенческих и психологических характеристик, принадлежащих представителям разных полов. Гендерные стереотипы имеют тесную связь с социальными ролями мужчин и женщин [Eagly, 1987].

На гендерные исследования в лингвистике российские учёные обратили внимание несколько позже, чем западные. Согласно О. Н. Колосовой, в российской лингвистике существует три основных подхода к гендерным исследованиям: первый заключается в интерпретации социальной природы языков мужчин и женщин и выявлении языковых различий между ними; второй представляет собой социолингвистическое рассмотрение гендерных стереотипов, т. е. научное редуцирование «мужского» и «женского» языков до особенностей языкового поведения полов; в третьем подходе акцент делается на когнитивном аспекте различий в языковом поведении мужчин и женщин [Колосова, 1996]. Исследователи, работающие в последнем направлении, «не только определяют частотность различий в языковом поведении полов и пользуются её показателями, но и создают целостные лингвистические модели когнитивных оснований языковых категорий» [Там же, с. 27].

Российский лингвист А. В. Кирилина считает, что «гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на поведение, в том числе и речевое, на личность и на процессы её языковой социализации» [Кирилина, 1999, с. 9]. В соответствии с данным утверждением гендерные стереотипы понимаются как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Там же, с. 98−99]. Таким образом, А. В. Кирилина отмечает, что гендерные стереотипы могут быть «вычислены» по данным языка. При этом, стереотипы характеризуются не только стабильностью, но и определённой изменчивостью, которая чаще всего проявляется в оценочно-эмоциональном компоненте гендерных стереотипов [Там же].

В Китае гендерные исследования начались в конце 70-х –начале 80-х гг. прошлого века [史耕山 (Ши Гэншань), 张尚莲 (Чжан Шанлянь) 2006 ; 赵学德 (Чжао Сюедэ) 2008 ; 姚春林 (Яо Чуньлинь) 2009 ; 周民权 (Чжоу Миньчуань) 2010, 2011 ; 黄千 (Хуан Цянь) 2011]. В своём изучении гендера китайские учёные опирались на работы европейских и американских исследователей. В целом внимание китайских лингвистов сосредоточено на речевых и языковых различиях разных уровней в речи мужчин и женщин, а также стратегиях речевого поведения представителей разных гендерных групп в Китае; изучается, кроме того, гендерная асимметрия и дискриминация в аспектах словообразования, порядка слов и обращений в китайском языке [Ван Минь, 2016, с. 49]. Китайские учёные проводят и сопоставительные исследования гендерных различий в китайском и других языках, например, английском, японском и русском и т. д.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методы исследования [Material and methods]

Напомним, что предметом исследования в данной статье являются авто- и гетеростереотипы о внешности китайских женщин и мужчин.

Для получения языкового материала о стереотипных представлениях китайских женщин и мужчин об их внешности был проведён социолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 60 китайских студентов (30 женщин и 30 мужчин). Всех информантов попросили выполнить следующее задание: «Напишите 5 слов о внешности

китайских женщин и мужчин». В результате анкетирования было получено 300 реакций о внешности китайских женщин и 290 реакций о внешности китайских мужчин. В процессе обработки данных применялись сравнительно-сопоставительный, семантический и количественный виды анализа. Все реакции информантов были сгруппированы в зависимости от представленности в них определённых семантических признаков. Приведём пример: реакции美丽 ‘красивые’, 秀气 ‘прелестные’, 温柔 ‘нежные’, 出水芙蓉 ‘прекрасные’, 可爱 ‘симпатичные’ были объединены в группу на основе семантического признака «красота». При обобщении данных эксперимента количественный метод позволил рассмотреть представленность (объём) тех или иных семантических признаков в структуре стереотипа. Сравнительно-сопоставительный метод использовался для сопоставления авто- и гетеростреотипов китайских женщин и мужчин об их внешности.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Все полученные от информантов реакции были распределены по семантическим признакам, составляющим основу стереотипного восприятия людей разного пола. Признаки и их частоты для разных гендерных групп информантов представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Частота актуализации семантических признаков в гендерных авто- и гетеростереотипах о внешности (абс. ед.)**
[Table 1. **The frequency of activating semantic features of gender auto- and heterostereotypes about appearance (absolute values)**]

Признаки	**Женщины о**		**Мужчины о**	
	женщинах	**мужчинах**	**женщинах**	**мужчинах**
Красота	78	50	84	45
Стройность	17	15	12	13
Поведение	12	20	15	23
Глаза	9	6	4	6
Рост	8	16	6	11
Зубы	5	0	3	0
Лицо	4	4	5	12
Волосы	3	4	2	2
Кожа	3	4	9	6
Опрятность	3	5	0	4
Особенности	3	8	5	10
Характер	2	8	2	10
Ум	1	0	0	2
Ноги	1	0	0	0
Губы	0	1	3	0
Пальцы	0	0	1	0
Нос	0	0	0	2
Брови	0	2	0	1
Всего	**149**	**143**	**151**	**147**

Интересно, что при задании, направленном на описание внешности, информанты тем не менее считали необходимым описать не только собственно черты облика, но включали в свои реакции также оценку поведения, характера и ума (см. табл. 1). Очевидно, эти черты, не являясь по сути чертами внешности, оказывают существенное влияние на её оценку с точки зрения информантов, формируя целостный образ человека, при этом наиболее значимой оказывается оценка поведения, характер менее значим и появляется в основном при оценке мужчин, а ум отмечается только в единичных случаях.

Для каждого стереотипа на основе анализа частотного распределения признаков выделялись ядро, средняя зона и периферия.

2.2.1. Автостереотип о внешности китайских женщин [Chinese female appearance autostereotype]

Как видно из таблицы 1, китайские женщины в представлении женщин прежде всего характеризуются через признак «красота». Из 148 реакций больше половины (78) – это реакции, описывающие с разных сторон красоту женщин: 美丽 ‘красивые’ (24), 秀气 ‘прелестные’ (8), 温柔 ‘нежные’ (8), 出水芙蓉 ‘прекрасные’ (6), 可爱 ‘симпатичные’ (6), 闭月羞花 ‘затмить луну и посрамить цветы’ – устойчивое выражение, применяющееся для обозначения высшей степени красоты (5), 一笑千金 ‘очаровательные’ (4) 婀娜多姿 ‘грациозные’ (3), 古色古香 ‘античные’ (1), 一表非凡 ‘незаурядные’ (1), 妖娆 ‘обворожительные’ (1), 稚齿婑媠 ‘молодые и женственные’ (1), 秀外慧中 ‘хороши собой и умны’ (1), 成熟 ‘зрелые’(1), 小家碧玉 ‘яшма в бедной семье’ (1) – фразеологизм, обозначавший красивых и молодых женщин из бедной семьи, в современном китайском языке описывающий только красоту женщин. Только одна реакция этой группы (с частотой 2) говорит об обычности внешности женщин – это реакция 朴实无华 ‘простые и нероскошные’. В целом признак «красота» составляет ядро автостереотипа о внешности китайских женщин.

Значительно уступает по частоте, но все же является важным для формирования стереотипного представления китайских женщин о самих себе такой признак, как «стройность» (17). Информанты-женщины отмечают, что китайские женщины имеют стройную фигуру: 亭亭玉立 ‘стройные’ (7), 瘦 ‘худые’ (6), 娇小 ‘тонкая фигура’ (3), 骨架小 ‘некрупное телосложение’ (1).

Следующим по значимости в структуре стереотипа выступает признак «поведение». Женщины считают, что они, с одной стороны, 冰清玉洁 ‘порядочные’ (3), 得体 ‘пристойные’ (3), 端庄 ‘благопристройные’ (2), но с другой –大方 ‘раскованные’ (3) и 成熟 ‘зрелые’ (1).

Признаки «глаза» и «рост» имеют почти одинаковую частоту (9 и 8 соответственно). Китайские женщины считают, что у них 明眸皓齿 ‘ясные глаза и белые зубы’ (5), 黑眼 'чёрные глаза’ (2), 眼似银杏 ‘большие круглые глаза’ (1) и 双眼皮 ‘двойное веко’ (1). При этом некоторые женщины считают, что китайские женщины 高 ‘высокие’ (3), но большинство все же придерживается мнения о их невысоком росте: 个子稍矮 ‘немного низкого роста’ (2), 身高一米六居多 ‘большинство около 160 см’ (1), 骨架小 ‘некрупного телосложения’ (1), 不高 ‘невысокие’ (1).

Признаки «стройность», «поведение», «глаза» и «рост» составляют среднюю зону автостереотипа китайских женщин о внешности.

Оставшиеся признаки, представленные в таблице, формируют периферию автостереотипа и встречаются в корпусе реакций от 5 до 1 раза. Перечислим их с примерами:

– «зубы» – 明眸皓齿 ‘ясные глаза и белые зубы’ (5);

– «лицо» – 眉清目秀 ‘имеют тонкие черты лица’ (1), 面若桃花 ‘милое лицо’ (1), 面部扁平 ‘плоское лицо’ (1), 五官端正 ‘правильные черты лица’ (1);

– «волосы» – 黑头发 ‘чёрные волосы’ (2), 长发飘飘 ‘длинные волосы’ (1);

– «кожа» – 白 ‘белокожие’ (1), 肤如凝脂 ‘хорошая кожа’ (1), 黄皮肤 ‘желтокожие’ (1);

– «опрятность» – 清纯 ‘чистые’ (2), 整洁 ‘опрятные’ (1);

– «особенности» – 各不相同 ‘разные’ (2), 无线条 ‘неспортивные’ (1);

– «характер» – 汉子 ‘мужественные’ (1), 柔和 ‘мягкие’ (1);

– «ум» – 秀外慧中 ‘хороши собой и умны’ (1);

– «ноги» – 腿长 ‘длинные ноги’ (1).

Таким образом, основу автостереотипа о внешности китайских женщин составляет признак «красота» (китайские женщины красивы), который дополняют в первую очередь признаки «стройность» (китайские женщины стройные) и «поведение» (китайские женщины благовоспитанны).

2.2.2. Гетеростереотип о внешности китайских женщин [Chinese female appearance heterostereotype]

По данным таблицы 1 признак «красота» также является самым важным в представлении китайских мужчин о китайских женщинах. Из 143 реакций больше половины реакций (84) – это реакции, изображающие прекрасную внешность китайских женщин: 美丽漂亮 ‘красивые’ (35), 闭月羞花 ‘затмить луну и посрамить цветы’ (8), 精致优雅 ‘элегантные’ (5), 温柔‘нежные’ (4), 可爱 ‘симпатичные’ (4), 清秀 ‘прелестные’ (3), 绰约多姿 ‘грациозные’ (3), 愁眉啼妆 ‘обворожительные’ (2), 时尚 ‘модные’ (2), 俏丽 ‘миловидные’ (2), 温柔大方 ‘нежные и непринужденные’ (1), 容貌耐看 ‘ненадоедающая внешность’ (1), 秀丽‘очаровательные’ (1), 出水芙蓉 ‘прекрасные’ (1), 小家碧玉 ‘яшма в бедной семье’ (1), 浓妆艳抹 ‘разряженные’ (1), 性感 ‘сексуальные’ (1), 感性 ‘чувственные’ (1), 喜欢染发 ‘любят красить волосы’ (1), 爱美 ‘любят наряжаться’ (1). Отмечены две реакции, описывающих непривлекательные стороны внешности китайских женщин – это реакции 朴素 ‘простые и скромные’ (3), 憔悴沧桑 ‘выглядят усталыми’ (3). Очевидно, признак «красота» представляет собой ядро гетеростереотипа китайских мужчин о китайских женщинах.

Следующий признак «поведение» не является чертой внешности, но он очень важен в формировании образа. Данный признак представлен гораздо меньшим объёмом реакций, чем признак «красота» (15 реакций). Информанты-мужчины считают, что китайские женщины 端庄优雅 ‘благопристойные’ (7), 矜持 ‘сдержанные’ (2), 文静 ‘уравновешенные’ (2), 冰清玉洁 ‘порядочные’ (1), 端正 ‘приличные’ (1), 仪态万千 ‘приличные манеры’ (1). Два информанта отмечают, что китайские женщины 在小处显摆 ‘любят рисоваться’ (2).

По частоте признак «стройность» занимает третье место в стереотипе мужчин о женщинах (12 реакций). По мнению информантов-мужчин, у китайских женщин стройная фигура: 亭亭玉立 ‘стройные’ (3), 身材中等 ‘среднего телосложения’ (3), 瘦弱 ‘худые’ (2), 娇小玲珑 ‘изящные’ (2), 娇小 ‘тонкая фигура’ (1). Только один информант отмечает, что китайские женщины имеют 身材一般 ‘обычную фигуру’ (1).

Следующим по частоте реакций информантов выступает признак «кожа» (9). Китайские мужчины указывают, что китайские женщины 白皙 ‘белокожие’ (6), 皮肤偏黄 ‘желтокожие’ (1), имеют 皮肤细嫩 ‘нежную кожу’ (1) и 肤色较浅 ‘светлую кожу’ (1).

Признаки «поведение», «стройность» и «кожа» составляют среднюю зону стереотипного образа китайских женщин в глазах информантов-мужчин.

Остальные признаки с реакциями, указанными информантами-мужчинами в анкетах, составляют периферийную зону гетеростереотипа мужчин о женщинах. Количество реакций под этими признаками небольшое, от 6 до 1 раза. Рассмотрим эти реакции:

– «рост» – 身材中等 ‘среднего телосложения’ (3), 娇小玲珑 ‘изящные’ (2),身高中等 ‘среднего роста’ (1);

– «особенности» – 清纯 ‘невинные’ (3), 别致 ‘необычные’ (1), 平凡‘обыкновенные’ (1);

– «лицо» – 眉清目秀 ‘имеют тонкие черты лица’ (3), 脸大 ‘большое лицо’ (1), 扁平五官 ‘плоское лицо’ (1);

– «глаза» – 明眸皓齿 ‘ясные глаза и белые зубы’ (2), 黑眼睛 ‘черные глаза’ (1), 双瞳剪水 ‘чистые глаза’ (1);

– «зубы» – 明眸皓齿 ‘ясные глаза и белые зубы’ (2), 朱唇皓齿 ‘красные губы и белые зубы’ (1);

– «губы» –樱桃小嘴 ‘губы в форме вишенки’ (1), 嘴唇细薄 ‘тонкие губы’ (1), 朱唇皓齿 ‘красные губы и белые зубы’ (1);

– «волосы» – 长发飘飘 ‘длинные волосы’ (1), 头发乌黑 ‘черные волосы’ (1);

– «характер» – 保守 ‘закрытые, консервативные’ (1), 自信 ‘уверенные’ (1);

– «пальцы» – 手指纤细 ‘тонкие пальцы’ (1).

Итак, сделаем вывод, что ядром гетеростереотипа китайских мужчин о внешности китайских женщин является признак «красота» (китайские женщины красивы). Следуя за признаком «красота», признаки «поведение» (китайские женщины благопристройны), «стройность» (китайские женщины стройны) и «кожа» (китайские женщины белокожие) входят в среднюю зону стереотипного образа китайских женщин.

2.2.3. Сопоставление автостереотипа и гетеростереотипа о внешности китайских женщин [Comparing Chinese female appearance auto- and heterostereotypes]

Сходства и различия между авто- и гетеростереотипами о внешности китайских женщин, наглядно представлены на рисунке 1.

Р и с у н о к 1. **Авто- и гетеростереотипы о внешности китайских женщин**
[F i g u r e 1. **Chinese female appearance auto- and heterostereotypes**]

Сначала выделим сходства между стереотипными представлениями о внешности китайских женщин. Во-первых, количество семантических признаков в авто- и гетеростереотипах почти одинаково – 15 и 13 соответственно. Во-вторых, и в автостереотипе, и в гетеростереотипе ядерную зону занимает признак «красота» (78 и 84 соответственно). В целом информанты-женщины и информанты-мужчины в анкетах с разных сто-

рон описывают красоту китайских женщин, при этом только 2 женщины и 4 мужчин отмечают, что китайские женщины 朴素 ‘простые и нероскошные’. Однако стоить обратить внимание на то, что три информанта-мужчины отмечают усталую внешность женщин: 憔悴沧桑 ‘выглядят усталыми’.

В-третьих, признаки «поведение» и «стройность» попадают в среднюю зону авто- и гетеростереотипов о внешности китайских женщин. Почти все информанты хвалят поведение китайских женщин, используя такие прилагательные, как 端庄 ‘благопристойные’, 冰清玉洁 ‘порядочные’, 大方 ‘раскованные’ и т. д. Только один информант-мужчина отмечает, что китайские женщины 在小处显摆 ‘любят рисоваться’. Говоря о «стройности», все информанты приходят к согласию, что китайские женщины 亭亭玉立 ‘стройные’ и 瘦弱 ‘худые’.

В-четвёртых, в периферийную зону авто- и гетеростереотипов попадают такие признаки, как «зубы», «лицо», «волосы», «характер», «особенности» и др. В основном информанты считают, что у китайских женщин 明眸皓齿 ‘белые зубы’, 长发飘飘 ‘длинные волосы’, 头发乌黑 ‘черные волосы’, они 眉清目秀 ‘имеют тонкие черты лица’ и 扁平五官 ‘плоское лицо’. В-пятых, несмотря на разницу в количестве реакций под признаками «глаза» и «кожа», информанты-женщины и информанты-мужчины придерживаются единого мнения, что у китайских женщин 明眸皓齿 ‘ясные глаза’ и 黑眼睛 ‘черные глаза’, 白 ‘белая кожа’ и 肤如凝脂 ‘хорошая нежная кожа’.

Рассмотрев сходства между авто- и гетеростереотипами о внешности китайских женщин, приступим к анализу их различий. В среднюю зону автостереотипа женщин входят признаки «глаза» и «рост», которые принадлежат периферии гетеростереотипа мужчин о внешности женщин. И наоборот, признак «кожа», включённый в периферию автостереотипа женщин, попадает в среднюю зону представления мужчин о женщинах (см. рис. 1).

Следует указать, что у мужчин и женщин разные мнения о росте женщин. Информанты-женщины считают, что они 个子稍矮 ‘немного низкого роста’ и 骨架小‘маленького телосложения’. А информанты-мужчины думают, что китайские женщины 身高中等 ‘среднего роста’ и 身材中等 ‘среднего телосложения’.

В анкетах женщины пишут о 各不相同 ‘разнообразии’ их «особенностей», а мужчины отмечают 清纯 ‘невинность’ женщин. Кроме этого, две женщины считают себя 汉子 ‘мужественными’ и одновременно 柔和 ‘мягкими’, а два мужчины отмечают, что у китайских женщин 保守 ‘закрытый, консервативный’, зато и 自信 ‘уверенный’ характер.

Важно отметить, что китайские женщины подчёркивают в своём образе ещё и признаки «опрятность», «возраст», «ум» и «ноги», о которых вообще не упоминают информанты-мужчины. Соответственно, мужчины описывают «губы» и «пальцы» женщин, о чём сами женщины не упоминают.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что в целом авто- и гетеростереотипы о внешности китайских женщин очень похожи, ядро стереотипов формируется одними и теми же признаками, однако в средней зоне и особенно в наборе признаков периферии наблюдаются расхождения между стереотипами, сформированными в сознании китайских женщин и мужчин.

2.2.4. Автостереотип о внешности китайских мужчин [Chinese male appearance autostereotype]

Данные таблицы 1 показывают, что «красота» представляет собой самый значимый признак в структуре автостереотипа китайских мужчин. Из 147 реакций больше трети реакций характеризуют красивую внешность китайских мужчин: 帅气 ‘красивые’ (9), 英俊 ‘красивые и энергичные’ (7)，气宇不凡 ‘незаурядные’ (5)，相貌堂堂 ‘видные’ (5)，温柔 ‘нежные’ (3)，秀气 ‘прелестные’ (3)，儒雅 ‘изысканные’ (3)，可爱 ‘симпатичные’

(2)，玉树临风 ‘юноши с выдающейся внешностью’ (2)，阳刚 ‘мужественные’ (2)，秀丽 ‘очаровательные’ (1)，时髦 ‘модные’ (1)，衣冠楚楚 ‘изящно одетые’ (1). Стоит отметить, что по мнению одного информанта китайские мужчины朴实 ‘простые, нероскошные’ (1). По количеству реакций и видно, что признак «красота» составляет ядро в автостереотипе китайских мужчин.

Уступая признаку «красота» по частоте, признак «поведение» является вторым по важности в представлении китайских мужчин о самих себе (23 реакции). Информанты-мужчины отмечают, что они 风度翩翩 ‘имеют изящные манеры’ (3) и 气宇轩昂 ‘величественные манеры’ (2); они считают себя 潇洒 ‘раскованными’ (3), 风流倜傥 ‘свободными от условностей’ (3), 温文尔雅 ‘благовоспитанными’ (2), 貌似端庄 ‘благопристойными’ (2), 文质彬彬 ‘приличными’ (2), 恬静寡欲 ‘безмятежными и сдержанными’ (1), 神采奕奕 ‘бодрыми’ (1), 精干 ‘деловыми’ (1) и 文静 ‘уравновешенными’ (1). Некоторые информанты дают отрицательные оценки своему поведению, считая себя 粗旷 ‘дерзкими’ (1) и 普遍俗气 ‘вульгарными’ (1).

Третье место по количеству реакций занимает признак «стройность» (13). Говоря о стройности, китайские мужчины придерживаются разных мнений. Некоторые считают, что у них 身材中等 ‘среднее телосложение’ (2) и 身材一般 ‘обычная фигура’ (1), они 板正 ‘стройные’ (1) и 偏瘦 ‘худые’ (1), 身材平均 ‘разница в телосложении людей мала’ (1); некоторые думают, что они 五大三粗 ‘здоровенные’ (1), 昂藏七尺 ‘рослые’ (1), 身体健硕 ‘крепкие’ (1) и 英姿 ‘внушительные’ (1); третьи считают, что они 油腻 ‘жирные’ (1), имеют 啤酒肚 ‘пивной живот’ (1) и что 中年人偏胖 ‘люди средних лет немного толстые’ (1).

Признаки «лицо», «рост», «характер» и «особенности» в автостереотипе мужчин о внешности имеют почти одинаковую частоту (12, 11, 10 и 10 соответственно). Информанты считают, что у них 眉清目秀 ‘тонкие черты лица’ (4), 慈眉善目‘доброе выражение лица’ (3), 面部圆润 ‘круглое лицо’ (1), 端正 ‘правильные черты лица’ (1). Некоторые информанты отмечают, что у них 五官扁平 ‘плоское лицо’ (2) и 五官一般 ‘обычное лицо’ (1). Что касается роста китайских мужчин, то существуют разные мнения: кто-то из информантов считает, что они 身高中等 ‘среднего роста’ (2), 身材中等 ‘среднего телосложения’ (2), 身高一般 ‘обычного роста’ (1); кто-то считает себя 高大 ‘высоким’ (1), 五大三粗 ‘здоровенным’ (1), 昂藏七尺 ‘рослым’ (1) и 英姿 ‘внушительным’ (1); с этим не соглашаются другие информанты, думая, что китайские мужчины 短小精悍 ‘невысокие, но энергичные’ (1) и 身材平均 ‘разница в телосложении мала’ (1). Китайские мужчины отмечают, что они обладают следующими чертами характера: 阳光 ‘жизнерадостный’ (3),温厚‘добродушный’ (1), 勤奋 ‘прилежный’ (1), 憨厚 ‘простодушный’ (1), 威严 ‘серьёзный’ (1), 谦虚 ‘скромный’ (1), 自信 ‘уверенный’ (1), 爽朗清举 ‘чистосердечный’ (1). Информанты выделяют такие «особенности» китайских мужчин, как 平凡大众化 ‘обыкновенные’ (6), 一表人才 ‘необыкновенные’ (3), 小清新 ‘необычные’ (1).

Таким образом, признаки «поведение», «стройность», «лицо», «рост», «характер» и «особенности» включены в среднюю зону автостереотипа китайских мужчин. Оставшиеся признаки составляют периферию автостереотипа; их частота реакций варьирует от 1 до 6:

– «кожа» –皮肤偏黄 ‘желтокожие’ (5), 白 ‘белокожие’ (1);

– «глаза» – 剑眉星眸 ‘светлые глаза’ (2), 眼睛小 ‘маленькие глаза’ (1), 黑眼睛 ‘черные глаза’ (1), 浓眉大眼 ‘густые брови и большие глаза’ (1), 黑发黑眼 ‘черные волосы и глаза’ (1);

– «опрятность» – 干净 ‘чистые’ (3), 邋遢 ‘грязные’ (1);

– «нос» – 鼻梁低 ‘низкая переносица’ (1), 鼻子偏矮 ‘плоский нос’ (1);

– «волосы» – 黑发 ‘черные волосы’ (1), 黑发黑眼 ‘черные волосы и глаза’ (1);

– «ум» – 呆 ‘тупые’ (1), 聪明 ‘умные’ (1);

– «брови» – 浓眉大眼 ‘густые брови и большие глаза’ (1).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что признак «красота» (китайские мужчины красивые) выступает ядром автостереотипа о внешности китайских мужчин, затем следуют признак «поведение» (китайские мужчины раскованные и свободные от условностей, но при этом имеют изящные манеры), признак «особенности» (китайские мужчины обыкновенные). Важно подчеркнуть, что признаки «стройность» и «рост» важны для описания внешности мужчин, а признак «характер» важен как дополнение образа мужчин, однако эти признаки не стереотипизированы в полной мере: мнения информантов как о стройности и росте, так и о характере расходятся.

2.2.5. Гетеростереотип о внешности китайских мужчин [Chinese male appearance heterostereotype]

По данным таблицы 1 видно, что китайские мужчины в представлении китайских женщин также характеризуются в первую очередь через признак «красота» – количество реакций, актуализирующих этот признак, превышает треть от всех реакций (50). Среди этих 50 реакций большинство описывают положительные стороны внешности китайских мужчин: 帅气 ‘красивые’ (15), 英俊 ‘красивые и живые’ (8), 玉树临风 ‘юноши с выдающейся внешностью’ (5), 气宇不凡 ‘незаурядные’ (3), 相貌堂堂 ‘видные’ (3), 衣冠楚楚 ‘изящно одеты’ (2), 看起来比较舒服 ‘выглядят приятными’ (1), 时尚 ‘модные’ (1), 阳刚 ‘мужественные’ (1), 个别很帅 ‘некоторые красивые’ (1), 优秀 ‘отличные’ (1), 俊朗 ‘прелестные’ (1). Но некоторые информанты-женщины отмечают, что китайские мужчины имеют 中规中矩 ‘обычную внешность’ (2), они 不修边幅 ‘небрежно одеты’ (1), 其貌不扬 ‘неказистые’ (1), 一般丑 ‘некрасивые’ (1), 简朴 ‘простые и нероскошные’ (1), даже 丑 ‘уродливые’ (1) и 有的长相女性化 ‘некоторые очень женственно выглядят’ (1). Очевидно, признак «красота» представляет собой основу гетеростереотипа китайских женщин о внешности китайских мужчин, однако наполнение его может варьировать.

Стоит уделить особое внимание признаку «поведение» (20 реакций). Для информантов-женщин китайские мужчины себя ведут как 翩翩君子 ‘джентльмены’ (2): они имеют 风度翩翩 ‘изящные манеры’ (4) и 气宇轩昂 ‘величественные манеры’ (3), они 貌似端庄 ‘благопристойные’ (1), 文质彬彬 ‘приличные’ (1), 得体 ‘пристойные’ (1); кроме этого мужчины 风流倜傥 ‘свободны от условностей’ (3), 潇洒洒脱 ‘непринуждённые’ (3), 神采奕奕 ‘бодрые’ (1) и 老实 ‘добродушные’ (1).

Признаки «рост» и «стройность» с почти одинаковой частотой (16 и 15 соответственно) оказываются на третьем и четвёртом местах по количеству реакций. Информанты-женщины придерживаются разных мнений о росте мужчин: Некоторые считают, что китайские мужчины 高 ‘высокие’ (8) и 英姿 ‘внушительные’ (1); другие считают, что китайские мужчины 身高中等 ‘среднего роста’ (2) и 身材中等 ‘среднего телосложения’ (1); третьи отмечают, что китайские мужчины 不高 ‘невысокие’ (2), даже 矮 ‘низкого роста’ (2). При этом некоторые информанты-женщины указывают, что китайские мужчины 瘦小 ‘худые’ (6) и 修长 ‘стройные’ (3); другие, наоборот, считают, что китайские мужчины 壮 ‘здоровые’ (3), 魁梧 ‘рослые’ (1) и даже 胖 ‘толстые’ (1); ещё одна женщина отмечает, что у китайских мужчин 中等身材 ‘среднее телосложение’ (1).

Итак, признаки «поведение», «рост» и «стройность» оказываются в средней зоне представления китайских женщин о внешности китайских мужчин.

Рассмотрим периферийные признаки в структуре гетеростереотипа о внешности китайских мужчин:

– «особенности» – 一表人才 ‘необыкновенные’ (4), 各有特色 ‘разные’ (2), 刚强 ‘сильные’ (2);

– «характер» – 阳光 ‘жизнерадостные’ (3), 责任 ‘ответственные’ (2), 温和 ‘кроткие’ (1), 正气 ‘правильные’ (1), 怂 ‘трусливые’ (1);

– «глаза» – 黑眼睛 ‘чёрные глаза’ (3), 眼睛大小不一 ‘бывают большие и маленькие глаза’ (1), 小眼 ‘маленькие глаза’ (1), 浓眉大眼 ‘густые брови и большие глаза’ (1);

– «опрятность» – 干净 ‘чистые’ (3), 外表整洁 ‘опрятные’ (2);

– «лицо» – 五官端正 ‘правильные черты лица’ (2), 眉清目秀 ‘имеют тонкие черты лица’ (2);

– «кожа» – 黄皮肤 ‘желтокожие’ (3), 皮肤白 ‘белокожие’ (1);

– «волосы» – 黑发 ‘чёрные волосы’ (4);

– «брови» – 浓眉 ‘густобровые’ (1), 浓眉大眼 ‘густые брови и большие глаза’ (1);

– «губы» – 唇厚 ‘пухлые губы’ (1).

Итак, подведём итоги: признак «красота» (китайские мужчины красивые) выступает важнейшим признаком в системе гетеростереотипа китайских женщин о внешности китайских мужчин. Затем идёт признак «поведение» (китайские мужчины свободны от условностей, имеют изящные и величественные манеры). Как и в случае с автостереотипом, информанты дают разные оценки росту и стройности китайских мужчин, следовательно, представления о росте и стройности китайских мужчин стереотипизированы неустойчиво.

2.2.6. Сопоставление автостереотипа с гетеростереотипом китайских мужчин [Comparing Chinese male appearance auto and hetero stereotypes]

Графически частоты семантических признаков в авто- и гетеростереотипах о внешности китайских мужчин показаны на рисунке 2.

Р и с у н о к 2. **Авто- и гетеростереотипы о внешности китайских мужчин**
[F i g u r e 2. **Chinese male appearance auto- and heterostereotypes**]

Сходства между двумя видами стереотипов состоят в следующем.

1. Количество семантических признаков в авто- и гетеростереотипах почти одинаково – 14 и 13 признаков соответственно.

2. Ядром в стереотипе мужчин о самих себе и в стереотипе женщин о мужчинах является признак «красота» (с частотой 45 и 50 соответственно). В основном мужчины

и женщины дают высокие оценки внешности китайских мужчин. Однако 7 из 50 информантов-женщин отмечают, что китайские мужчины不修边幅 ‘небрежно одеты’, 其貌不扬 ‘неказистые’, 一般丑 ‘некрасивые’, 简朴 ‘простые и нероскошные’, даже 丑 ‘уродливые’ и 有的长相女性化 ‘некоторые очень женственно выглядят’.

3. Уступая признаку «красота», признаки «поведение», «стройность» и «рост» являются частью средней зоны авто- и гетеростереотипов о внешности мужчин. Почти все информанты-мужчины и информанты-женщины придерживаются единого мнения о хорошем поведении китайских мужчин, отмечая, что они 风度翩翩 ‘имеют изящные манеры’ и 风流倜傥 ‘свободны от условностей’. Однако двое мужчин считают, что китайские мужчины нехорошо себя ведут, они очень 粗旷 ‘дерзкие’ и 普遍俗气 ‘вульгарные’. Мнения и женщин, и мужчин по поводу стройности и роста китайских мужчин расходятся.

4. Признаки «кожа», «глаза», «опрятность», «волосы» и «брови» оказываются в периферийной зоне авто- и гетеростереотипов о внешности китайских мужчин. По большому счёту информанты считают, что китайские мужчины 黄皮肤 ‘желтокожие’ и 干净 ‘чистые’, имеют 黑发黑眼 ‘чёрные волосы и глаза’ и 浓眉 ‘густые брови’.

5. Несмотря на то что признак «лицо» находится в разных зонах стереотипных представлений, информанты-мужчины и женщины единодушно считают, что у китайских мужчин 眉清目秀五官端正 ‘тонкие и правильные черты лица’.

Рассмотрев сходства, приступим к анализу различий между авто- и гетеростереотипами о внешности китайских мужчин.

1. Информанты-мужчины чаще описывают свою внешность с точки зрения «особенностей», чем информанты-женщины. Поэтому признак «особенности» включается в среднюю зону автостереотипа и периферийную зону гетеростереотипа. Об «особенностях» китайских мужчин также существуют разные мнения. Большинство информантов-мужчин считают себя 平凡大众化 ‘обыкновенными’, но информанты-женщины, напротив, оценивают их как 一表人才 ‘необыкновенных’.

2. Существуют два признака («нос» и «ум») в периферийной зоне автостереотипа, о которых ни разу не упомянули информанты-женщины в описании внешности мужчин. В периферийной зоне гетеростереотипа встретился признак «губы», который не отмечается в автостереотипе. Таким образом, в периферии стереотипа актуализируются представления об отдельных чертах лица, но разных для различных полов.

В целом авто- и гетеростереотипы о внешности китайских мужчин очень похожи. Признак «красота» выступает ядром в структуре стереотипов, в средней и особенно периферийной зонах наблюдаются большие расхождения в стереотипном образе китайских мужчин.

3. Выводы [Conclusion]

Проведённый анализ авто- и гетеростереотипов о внешности китайских женщин и мужчин позволил сформулировать следующие выводы.

1. Объёмы словников информантов-мужчин и информантов-женщин, фиксирующих внешний образ китайских женщин почти равны. При оценке красоты, поведения и лица женщин большинство информантов используют устойчивые выражения и фразеологизмы, которые часто встречаются в обыденной жизни китайцев; так же дело обстоит и с представлениями о внешнем образе китайских мужчин.

2. В целом автостереотипы и гетеростереотипы о внешности китайских женщин и мужчин очень похожи. Признак «красота» формирует ядро обоих стереотипов. Для подавляющего большинства информантов китайские женщины и мужчины выглядят красивыми. В средней и периферийной зонах существуют расхождения между стереотипными представлениями о внешнем образе. Это подтверждает мнение А.В. Кирилиной об одновременной стабильности и вариативности стереотипов.

3. Не являясь чертой внешности, признак «поведение» тем не менее представляет собой важный элемент внешнего образа китайских женщин и мужчин: данный признак оказывается в средней зоне и автостереотипа, и гетеростереотипа. Большинство информантов отмечают, что китайские женщины благопристойные, а китайские мужчины свободны от условностей, но имеют «приличные манеры».

4. Признаки «стройность» и «рост» являются значимой чертой внешности человека. Автостереотип и гетеростереотип о стройности китайских женщин совпадают: китайские женщины стройные и худые. А вот мнения мужчин и женщин о росте китайских женщин расходятся: сами женщины высказывают разные точки зрения о своём росте, а мужчины считают, что китайские женщины среднего роста и телосложения. Представления о стройности и росте китайских мужчин стереотипизированы не в полной мере, поэтому информанты дают разные оценки стройности и росту мужчин.

5. Периферийные зоны авто- и гетеростереотипов женщин и мужчин представлены разными семантическими признаками и, соответственно, разными индивидуальными реакциями.

6. В гетеростереотипах китайских женщин и мужчин больше отрицательных оценок, чем в автостереотипах, что подтверждает «ингрупповой фаворитизм»: автостереотип имеет более положительную окраску, чем гетеростереотип.

Список литературы

Бабаева, 2000 – Бабаева А. В. Мужское и женское поведение в истории культуры: (Пособие по спецкурсу). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000, 90 с.

Ван Минь, 2016 – Ван Минь. Гендерные исследования в китайской лингвистике // Вестник Пермского ун-та: Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4 (36). С. 49–57.

Демьянков, 1996 – Демьянков В. З. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С.Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 177–179.

Кирилина, 1999 – Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.

Колосова, 1996 – Колосова О. Н. Когнитивные основания языковых категорий : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Колосова Ольга Николаевна ; МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1996. 325 с.

Леонтович, 2005 – Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М. : Гнозис, 2005. 352 с.

Леонтьев, 1983 – Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.

Липпман, 2004 – Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М. : Общественное мнение, 2004. 384 с.

Питерова, Тетерина, 2016 – Питерова А. Ю., Тетерина Е. А. Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 1 (13). URL : https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/piterova_ayu_ teterina_ea_16_1_14.pdf (дата обращения : 25.11.2019).

Садохин, 2005 – Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М. : Высшая школа, 2005. 310 с.

Семендяева, 1986 – Семендяева О. Ю. Стереотип как социальный и социально-психологический феномен : дис. ... канд. философ. наук : 09.00.00 / Семендяева Ольга Юрьевна ; Ин-т социологических исследований АН СССР. М., 1986. 195 с.

Солдатова, 1998 – Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 389 с.

Стефаненко, 1999 – Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Академ. проект, 1999. 320 с.

Castano E., Paladino M.-P., Coull A. Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members // The British journal of social psychology. 2002. Vol. 41 (3). P. 365–386.

Eagly A. Sex differences in social behavior: a social-role interpretation. Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1987. 190 p.

Klineberg O. Tensions Affecting International Understanding. A Survey of Research. Social Science Research Council, 1950. 227 p.

Stoller R. Sex and gender: on the development of masculinity and femininity. New York City : Science House, 1968. 383 p.

黄千．性别语言学三十年研究成果综述．现代 语文 [Хуан Цянь. О результате тридцатилетнего исследования гендерной лингвистики в Китае // Современный китайский язык. 2011. № 3. С. 4–8].

赵学德．汉语的 性别差异研究综述．妇女研究论丛 [Чжао Сюедэ. Общее о гендерном различии в китайском языке // Коллекция исследований о женщинах. 2008. № 6. С. 77–81].

周民权．当代俄罗斯社 会性别语言学研究论略．中国俄语教学 [Чжоу Миньчуань. Об исследовании гендерной лингвистики в России // Русский язык в Китае. 2010. № 3. С. 12–16].

周民权．国内俄语学界社会性别语言学研究略论．中国俄 语教学 [Чжоу Миньчуань. Об исследовании гендерной лингвистики китайских русистов // Русский язык в Китае. 2011. № 2. С. 24–28].

史耕山，张尚莲．国内语言性别差异 研究概述．外语教学 [Ши Гэншань, Чжан Шанлянь. Исследование гендерной асимметрии в китайской лингвистике // Обучение иностранным языкам. 2006. № 3. С. 24–27].

姚春林．国内有关语言与性别研究述评．新疆师范大学学报 [Яо Чуньлинь. Об исследовании языка и гендера в Китае // Вестник Синьцзянского педагогического университета. Социология. 2009. № 3. С. 110–117].

UDC 81'276.3 doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219

Chen Yao, Elena V. Erofeeva
Perm State University
Perm, Russian Federation
chen.yao@yandex.ru, elenerofee@gmail.com

Auto- and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance

Abstract
The current paper reports the results of sociolinguistic experiment that aimed to determine the language patterns of expressing gender auto- and heterostereotypes about female and male appearance. The data were obtained from questionnaires performed by 60 subjects (30 males and 30 females). Semantic and statistic analyses were used to process the subjects' reactions. The obtained reactions were grouped in accordance with common semantic features, and it resulted in developing the field models of stereotypes structure with the core, middle zone and periphery. The study showed a considerable similarity of the total number of semantic features in the core zones for men and women. The middle zone (with the common features of "slim", "height" and "behavior") and the periphery (with no common features found) demonstrated rather differences than similarity that indicated incomplete stereotypization of the features. As expected, autostereotypes contained less negative features than heterostereotypes.

Keywords: autostereotype, heterostereotype, appearance, semantic feature, reactions, core, middle zone, peripheral zone.

© Chen Yao, Erofeeva E. V. 2021

For citation: Chen Yao, Erofeeva, E. V. Avto- i geterostereotipy kitayskikh muzhchin i zhenshhin [Auto- and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 204–219. doi: 10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219.

References

Babaeva, A. V. (2000). *Muzhskoe i zhenskoe povedenie v istorii kul`tury* [Male and female behavior in the history of culture] : A coursebook. Voronezh : Voronezh State University Press.

Wang Min. (2016). Gendernye issledovaniya v kitayskoy lingvistike [Gender studies in Chinese linguistics]. *Vestnik Permskogo Universiteta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 4 (36), 49–57.

Demyankov, V. Z. (1996). Stereotip [Stereotype]. In E. S. Kubryakova (Ed.), *Kratkiy slovar` kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms] (pp. 177–179). Moscow : Lomonosov Moscow State University (Faculty of Philology) Press.

Kirilina, A.V. (1999). *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic aspects]. Moscow : Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Kolosova, O. N. (1996). *Kognitivnye osnovaniya yazykovykh kategoriy* [Cognitive basis for language categories] : Doctoral in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University.

Leontovich, O. A. (2005). *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul`turnogo obshheniya* [Russians and Americans: Paradoxes of interpersonal communication]. Moscow : Gnozis Press.

Leontyev, A. N. (1983). Obraz mira [The image of the world]. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected studies in Psychology] : In 2 volumes (Vol. 2, pp. 251–261). Moscow : Pedagogika Press.

Lippman, W. (2004). *Obshhestvennoe mnenie* [Public opinion] / Translated from English into Russian by T. V. Barchunov. Moscow : Obshhestvennoe mnenie Press.

Piterova, A. Yu., Teterina, E. A. (2016). Social`nye stereotipy: osobennosti formirovaniya i izucheniya [Social stereotypes: The characteristics of the formation and study]. *Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State], 4, (13). Retrieved November 25, 2019 from <https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/piterova_ayu_ teterina_ea_16_1_14.pdf>.

Sadoxin, A. P. (2005). *Vvedenie v teoriyu mezhkul`turnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of cross-cultural communication]. Moscow : Vysshaya shkola Press.

Semendyaeva, O. Yu. (1986). *Stereotip kak social'nyy i social'no-psixologicheskiy fenomen* [Stereotype as social and psychological phenomenon] : PhD in Philosophy. Moscow : nstitute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Soldatova, G. U. (1998). *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [The psychology of inter-ethnic tenion]. Moscow : Smysl Press.

Stefanenko, T. G. (1999). *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow : Akadem. Proekt Press.

Castano, E., Paladino, M.-P., Coull, A. (2002). Protecting the ingroup stereotype: Ingroup identification and the management of deviant ingroup members. *The British Journal of Social Psychology,* 41 (3), 365–386.

Eagly, A. (1987). *Sex differences in social behavior: A social-role interpretation.* Hillsdale, NJ : Erlbaum Press.

Klineberg, O. (1950). *Tensions affecting international understanding. A survey of research.* Social Science Research Council.

Stoller, R. (1968). *Sex and gender: on the development of masculinity and femininity.* New York City : Science House.

Huang Qian. (2011). Xing bie yu yan xue san shi nian yan jiu cheng guo zong shu. Xian dai yu wen [A summary of the research results of gender linguistics in the past thirty years. *Modern Chinese,* 3, 4–8].

Zhao Xuede. (2008). Han yu de xing bie cha yi yan jiu zong shu. Funvyanjiuluncong [A review of research on gender differences in Chinese. *Women's Studies*, 6, 77–81].

Zhou Minquan. (2010). Dang dai e luo si she hui xing bie yu yan xue yan jiu lun lue. Zhong guo e yu jiao xue [A brief review of contemporary gender linguistics in Russia. *Teaching Russian in China,* 3, 12–16].

Zhou Minquan. (2011). Guo nei e yu xue jie she hui xing bie yu yan xue yan jiu lue lun. Zhongguoeyujiaoxue [A brief discussion on Russian studies of Chinese researchers in the field of gender linguistics. *Teaching Russian in China*, 2, 24–28].

Shi Gengshan, Zhang Shanglian. (2006). Guo nei yu yan xing bie cha yi yan jiu gai shu. Wai yu jiao xue [An overview of gender asymmetry studies in Chinese linguistics. *Foreign language teaching*, 3, 24–27].

Yao Chunlin. (2009). Guo nei you guan yu yan yu xing bie yan jiu shu ping. Xin jiang shi fan da xue xue bao [A review of language and gender studies in China. *Journal of Xinjiang Normal University*, 3, 110–117].

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Бойчук Игорь Васильевич, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: boichuk@bsu.edu.ru

Боранкулова Бакитгуль Ержигитовна, докторант Евразийского нац. ун-та им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан, email: b_bakit@mail.ru

Борисенко Татьяна Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкозания Челябинского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: tatiana-tv11@yandex.ru

Борисова Ольга Геннадиевна, канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Кубанского гос. ун-та, г. Краснодар, Росийская Федерация, email: leliastom@mail.ru

Бубырева Жанна Анатольевна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: bubyreva@bsu.edu.ru

Булатова Надежда Яковлевна, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингв. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексеевич, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Ин-та лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: albury@mail.ru

Гунько Людмила Андреевна, старший преподаватель кафедры Германской филологии и межкультурной коммуникации Череповецкого гос. ун-та, г. Череповец, Российская Федерация, email: gunkolyuda@mail.ru

Ерофеева Елена Валентиновна, д-р. филол. наук, проф., зав. кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: elenerofee@gmail.com

Ещенко Ирина Олеговна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: eshchenko@bsu.edu.ru

Иванашко Юлия Петровна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru

Иванова Анна Михайловна, канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: conraoi@yandex.ru

Ищенко Ирина Геннадьевна, канд. филол. наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: iirinagen@mail.ru

Калинин Олег Игоревич, канд. филол. наук доцент, доцент кафедры восточных языков Ин-та иностранных языков Военного ун-та Министерства обороны, г. Москва, Российская Федерация, email: Okalinin.lingua@gmail.com

Карачева Ольга Борисовна, старший преподаватель, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: okaracheva@rambler.ru

Конопацкая Елена Вячеславовна, магистрант Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: lena312312312@gmail.com

Костина Людмила Юрьевна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры современного русского языка Кубанского гос. ун-та, г. Краснодар, Росийская Федерация, email: patriot30@mail.ru

Ли Синь, канд. филос. наук, проф. Центра исследования России Ин-та иностранных языков Хэйхэского ун-та, г. Хэйхэ, КНР, email: ilia9980@mail.ru

Лукьянова Елена Викторовна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: lukyanova@bsu.edu.ru

Ма Липин, старший преподаватель кафедры русского языка Китайско-российского ин-та, аспирант факультета русского языка Хэйлунцзянского ун-та, г. Харбин, КНР, email: 494003997@qq.com

Малыгина Елена Валерьевна, старший преподаватель кафедры языкознания и переводоведения Московского гор. пед. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: 4cat@mail.ru

Морозова Алевтина Николаевна, д-р. филол. наук, проф., зав. кафедрой анлийского языка и методики преподавания иностранных языков Самарского гос. соц.-пед. ун-та, г. Самара, Российская Федерация, email: morozova@pgsga.ru

Морозова Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Мэн Шусянь, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлунцзян, КНР

Непомнящих Наталья Максимовна, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры Теории и практики иностранных языков Российского ун-та дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, email: n.nepomnyashih@yandex.ru

Питина Светлана Анатольевна, д-р. филол. наук, проф. кафедры теоретического и прикладного языкозания Челябинского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: sap.pitina@rambler.ru

Процукович Елена Александровна, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru

Прошина Зоя Григорьевна, д-р. филол. наук, проф. факультета иностранных языков и регионоведения, МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, email: proshinazoya@yandex.ru

Самохин Иван Сергеевич, канд. филол. наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Ин-та иностранных языков, Российского ун-та дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, email: alcrips85@mail.ru

Сафаров Ринат Тагирович, канд. филол. наук, зав. отделом лексикографии Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, email: safar.rinat@yandex.ru

Сафина Эльвира Ирфатовна, канд. филол. наук, старший науч. сотрудник отдела лексикографии Ин-та языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, email: 7idillia@mail.ru

Стародубцева Наталья Сергеена, кандидат пед. наук, доцент кафедры китаеведения Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nstarodubceva@yandex.ru

Тёрнер Ян Патрик, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Белгородского гос. нац. исслед. ун-та, г. Белгород, Российская Федерация, email: turner@bsu.edu.ru

Тюрина Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры анлийского языка и методики преподавания иностранных языков Самарского гос. соц.-пед. ун-та, г. Самара, Российская Федерация, email: tyurina@sgspu.ru

Ушницкая Наталья Юрьевна, канд. филол. наук, науч. сотрудник отдела Северной филологии Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: maltak84@mail.ru

Хань Юфэн, Научно-исследовательский ин-т по межнациональным отношениям, г. Харбин, КНР

Чэнь Яо, аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: chen.yao@yandex.ru

Шарина Сардана Ивановна, канд. филол. наук, зав. отделом Северной филологии Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, email: sarshar@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Igor V. Boichuk, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: boichuk@bsu.edu.ru

Bakitgul E. Borankulova, PhD student of L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, email: b_bakit@mail.ru

Tatiana V. Borisenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: email: tatiana-tv11@yandex.ru

Olga G. Borisova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Modern Russian Landuage, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, email: leliastom@mail.ru

Zhanna A. Bubyreva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: bubyreva@bsu.edu.ru

Nadezhda Ya. Bulatova, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: albury@mail.ru

Lyudmila A. Gunko, Assistant Professor, Department of Germanic Philology and Intercultural Communication, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia Federation, email : gunkolyuda@mail.ru

Elena V. Erofeeva, Doctor of Philology, Professor, Head of Theoretical and Applied Linguistics Department, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: elenerofee@gmail.com

Irina O. Eshchenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: eshchenko@bsu.edu.ru

Yulia P. Ivanashko, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru

Anna M. Ivanova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: conraoi@yandex.ru

Irina G. Ishchenko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Translation and Cross-Cultural Communication, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: iirinagen@mail.ru

Oleg I. Kalinin, PhD in Philology, Associate Professor, Oriental Languages Department, Istitute for Foregn Languages, Military University of the Ministry of Defense, Moscow, Russian Federation, email: Okalinin.lingua@gmail.com

Olga B. Karacheva, senior lecturer, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: okaracheva@rambler.ru

Elena V. Konopatskaya, MA, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: lena312312312@gmail.com

Lyudmila Yu. Kostina, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Modern Russian Landuage, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, email: email: patriot30@mail.ru

Li Xin, PhD in Philosophy, Professor, Center of Russian Studies, Institute for Foreign Languages, Heihe University, Heihe, China, e-mail: ilia9980@mail.ru

Elena V. Lukyanova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Professional Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: lukyanova@bsu.edu.ru

Ma Liping, senior teacher at Russian Language Teaching and Research Department of Sino Russian Institute, PhD student at Russian Language Teaching and Research Faculty, Heilongjiang University, Harbin, China, email: 494003997@qq.com

Elena V. Malygina, PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Linguistics and Translation, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: 4cat@mail.ru

Alevtina N. Morozova, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the English Language and Foreign Languages Teaching Methods, Samara State University of Social Science and Education, Samara, Russia, email: morozova@pgsga.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Meng Shuxian, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China

Natalya M. Nepomnyashchikh, PhD in Philology, senior lecturer of the Foreign Languages Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, email: n.nepomnyashih@yandex.ru

Svetlana A. Pitina, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: sap.pitina@rambler.ru

Elena A. Protsukovich, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru

Zoya G. Proshina, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, M. V. Lomonosov Moscow State University, email: proshinazoya@yandex.ru

Ivan S. Samokhin, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation, email: alcrips85@mail.ru

Rinat T. Safarov, PhD in Philology, Head of Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Kazan, Russian Federation, email: safar.rinat@yandex.ru

Elvira I. Safina, PhD in Philology, senior researcher, Department of Lexicography, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Kazan, Russian Federation, email: 7idillia@mail.ru

Natalya S. Starodubtseva, PhD in Philology, Chinese Studies Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nstarodubceva@yandex.ru

Ian P. Turner, MA, Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation, email: turner@bsu.edu.ru

Olga A. Tiurina, senior lecturer, Department of the English Language and Foreign Languages Teaching Methods, Samara State University of Social Science and Education, Samara, Russia, email: tyurina@sgspu.ru

Natalya Yu. Ushnitskaya, PhD in Philology, researcher, Nothern Philology Depatment, Institute for Hunanities Reseach and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: maltak84@mail.ru

Han Youfeng, Research Institute for Interethnic Relations, Harbin, China

Chen Yao, PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: chen.yao@yandex.ru

Sardana I. Sharina, PhD in Philology, Head of the Nothern Philology Depatment, Institute for Hunanities Reseach and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russian Federation, email: sarshar@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Бойчук И. В., Ещенко И. О., Лукьянова Е. В., Бубырева Ж. А., Тёрнер Я. П.	К вопросу о рационализации преподавания идиом, фразовых глаголов и коллокаций английского языка студентам неязыковых направлений подготовки	5
Боранкулова Б. Е., Прошина З. Г.	Новая лексика, относящаяся к коронавирусу: её потенциал в казахском языке и проблема перевода	18
Борисенко Т. В., Питина С. А.	Некоторые особенности организации концептуальной категории (на материале русского языка)	26
Борисова О. Г., Костина Л. Ю.	Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в диалектной картине мира жителей Кубани: Механизмы когниции	35
Бурыкин А. А., Шарина С. И.	Словообразование имен числительных в тунгусо-маньчжурских языках	52
Гунько Л. А.	Структурно-прагматические особенности переключений кодов в речи персонажей произведения «Марсельская авантюра» Питера Мейла	69
Ищенко И. Г., Конопацкая Е. В.	Эксплицитные и имплицитные средства репрезентации оценки в публикациях сайта cnn.com о проблемах миграции	79
Калинин О. И.	Речевое воздействие и содержание метафоры: к вопросу об индексе функциональной типологии	90
Карачева О. Б.	Восприятие интонации вопросительности vs незавершенности в интерферированной русской речи эвенков	103
Ли Синь, Стародубцева Н. С.	Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID19)	116
Ма Липин	Полисемия русских прилагательных в когнитивном аспекте	131
Малыгина Е. В., Иванова А. М.	Социолингвистические параметры формирования политической корректности в английском языке	140
Морозова А. Н., Тюрина О. А.	Термин-концепт «power» в публичных выступлениях американских президентов: семантика, синтагматика, прагматика	149
Самохин И. С., Непомнящих Н. М.	Перефразирование «живое» и «мёртвое»: исследование на материале услуг, предоставляемых современными онлайн-сервисами	161
Сафаров Р. Т., Сафина Э. И.	Систематизация некоторых названий птиц в татарском языке (на примере семейства рябковых)	175
Ушницкая Н. Ю.	Концепт «Бэюмэкит / охота» в языковой картине мира эвенков	183
Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.	Сопоставительные характеристики имени числительного в орочонском и эвенкийском языках	191
Чэнь Яо, Ерофеева Е. В.	Авто и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин	204
Наши авторы		220

CONTENTS

Original Papers

Boichuk I. V., Eshchenko I. O., Lukyanova E. V., Bubyreva Zh. A., Turner I. P.	Concerning the rationalisation of English idioms, phrasal verbs and collocations teaching to students of nonlinguistic departments	5
Borankulova B. E., Proshina Z. G.	New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation.	18
Borisenko T. V., Pitina S. A.	Some specific features of conceptual category organization (Based on Russian)	26
Borisova O. G., Kostina L. Yu.	Phraseological units with zoonym component in dialect world view of Kuban region inhabitants: Cognition mechanisms	35
Burykin A. A., Sharina S. I.	Word building patterns of numerals in Tungus-Manchu languages	52
Gunko A. L.	The structural and pragmatic features of codeswitches in the dialogues of the novel “The Marseille Caper” by Peter Mayle	69
Ishchenko I. G., Konopatskaya E. V.	Explicit and implicit means of representing evaluation in cnn.com publications about migration issues	79
Kalinin O. I.	Metaphor power and source domain content: Metaphor functional typology index	90
Karacheva O. B.	Perception of the intonation of interrogativeness vs incompleteness in the interfered Russian speech of the Evenks	103
Li Xin, Starodubtseva N. S.	Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID 19)	116
Ma Liping	Polysemy of Russian adjectives in the cognitive aspect	131
Malygina E. V., Ivanova A. M.	Sociolinguistic aspects of political correctness in English	140
Morozova A. N., Tiurina O. A.	The «power» concept in public speeches of American presidents: Semantics, syntagmatics and pragmatics	149
Samokhin I. S., Nepomnyashchikh N. M.	“Live” and “dead” paraphrasing: A research based on the services provided by modern online programmes	161
Safarov R. T., Safina E. I.	Systematization of some names of birds in the Tatar language (On the example of the Sandgrouse family)	175
Ushnitskaya N. Yu.	The concept «Бэюмэкит / Hunt» in the Evenki linguistic picture of the world	183
Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya.	Comparing numerals in Orochon and Evenki	191
Chen Yao, Erofeeva E. V.	Auto and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance	204
Our authors		220

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 7, No 3, 2021.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: Е45085

Сдано в набор 04.09.2021. Подписано к печати 02.09.21. Дата выхода в свет 30.09.2021.
Редактор – С. В. Андросова.
Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 1000. Заказ 189. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.
Издатель: Амурский государственный университет.
Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.
Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.
Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.